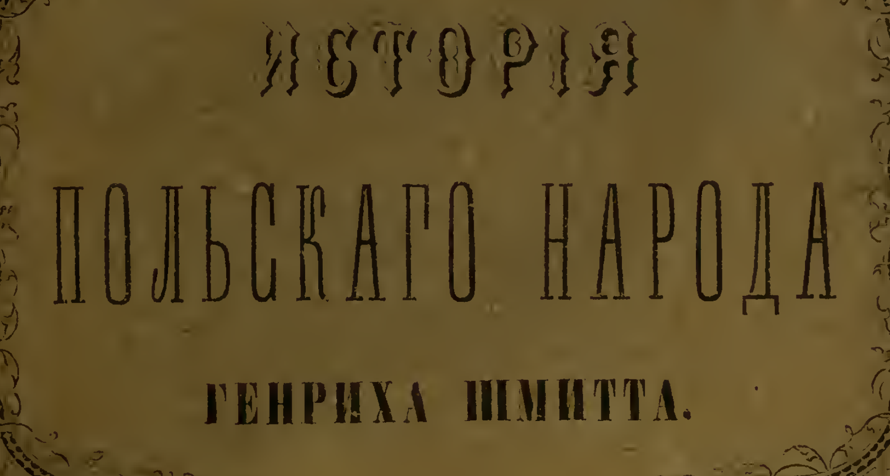
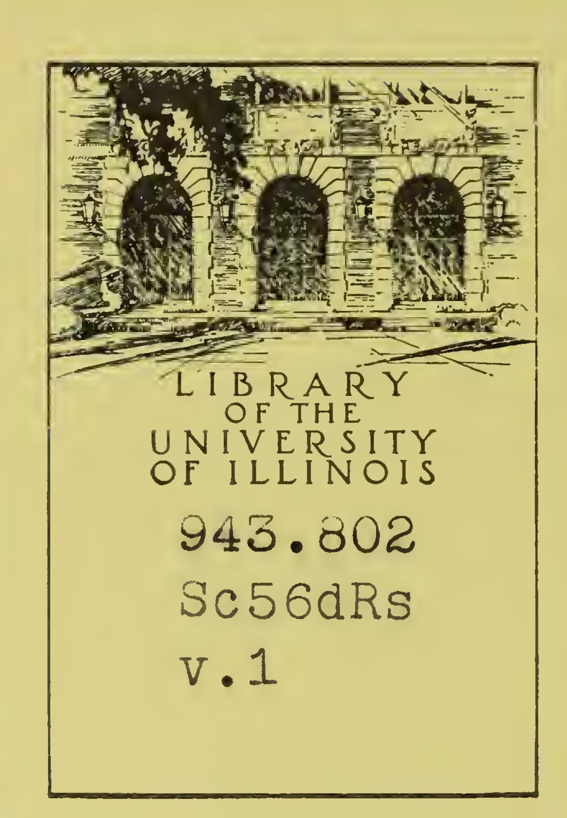


ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА

ГЕНРИХА ШМИТТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.


LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
943.802
Sc56dRs
v.1

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА.

ИСТОРІЯ

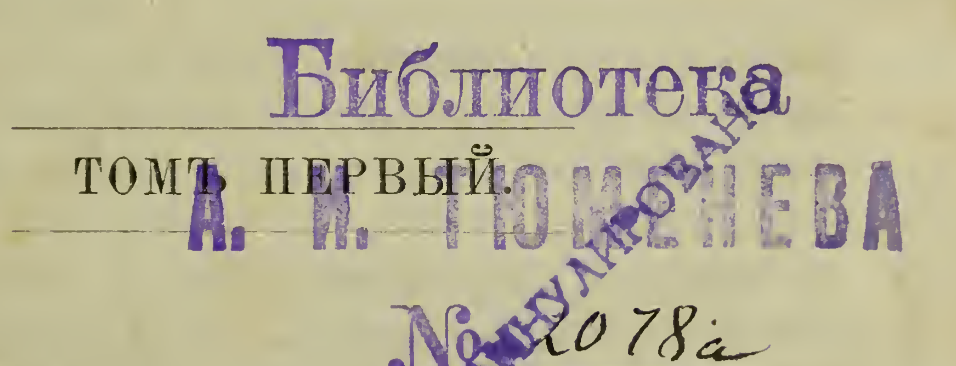
ПОЛЬСКАГО НАРОДА

ГЕНРИХА ШМИТТА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОЛЬСКАГО И ДОПОЛНИЛЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Ю. ШРЕЙЕРЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



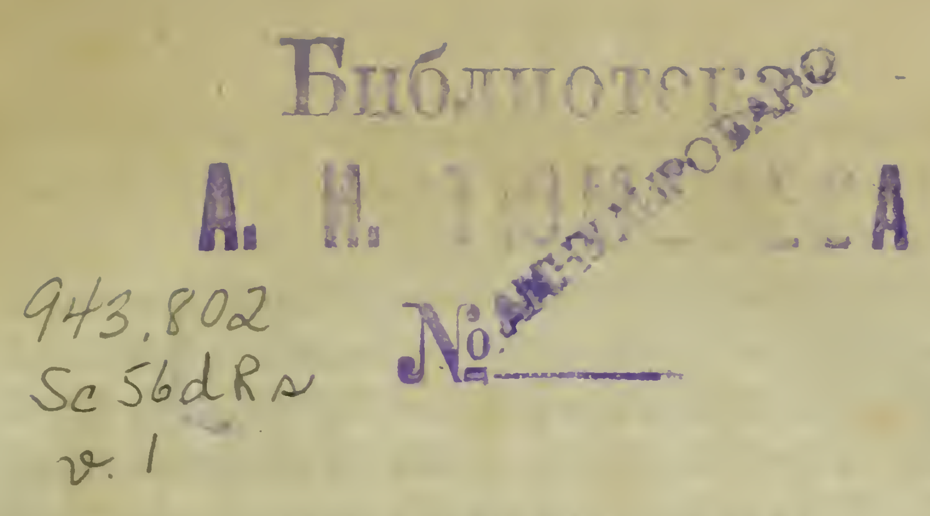
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ В. А. РОГАЛЬСКАГО.

1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Мая 1864 года.

Въ типографіи Рогальскаго и К°.



ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Современныя событія въ Польшѣ совершенно поглотили общественное вниманіе. Русская публика съ жадностью слѣдитъ за ходомъ кровавой драмы, которая не перестаетъ разыгрываться передъ ея глазами. Наша періодическая пресса можетъ служить лучшимъ мѣриломъ того интереса, который возбужденъ въ публикѣ ходомъ польскихъ дѣлъ: съ самаго начала возстанія столбцы ежедневныхъ газетъ почти постоянно наполняются свѣдѣніями о польскихъ дѣлахъ.

Для полнаго уразумѣнія вообще настоящаго, необходимо знакомство съ прошедшимъ.

Для ознакомленія съ этимъ прошедшимъ, мы предприняли трудъ, который и представляемъ благосклонному вниманію публики. Мы рѣшились перевести съ польскаго языка, новѣйшее историческое сочиненіе, принадлежащее перу молодаго польскаго ученаго *Генриха Шмитта*.[1]) Прежде нежели указать на главный поводъ, побудившій насъ избрать для перевода именно это сочиненіе, мы позволяемъ себѣ сдѣлать краткій очеркъ польской исторической литературы.

Въ эпоху Пястовъ литература эта олицетворялась въ хроникѣ,

---

[1]) *Генриха Шмитта* не слѣдуетъ смѣшивать со *Смитомъ*, нѣмецкое сочиненіе котораго о польской революціи 1830 и 31 г., появилось недавно въ русскомъ переводѣ.

проникнутой точкою зрѣнія чисто церковною, полной эрудиціи и витійства. *Галлій*, *Матвѣй Холева*, *Богуфалъ*, *Міортъ* или *Мерзва* стояли на этой исключительно церковной почвѣ. Уже *Викентій Кадлубекъ* и гнѣзненскій архидіаконъ *Янъ* открываютъ новую эпоху: имъ доступна уже идея о народности, идея о безпристрастномъ сужденіи. Но, собственно, первымъ историкомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ сказать, отцомъ польской исторической литературы, считается, по справедливости, *Длугошъ*. Болѣе или менѣе удачными его подражателями во времена Сигизмунда являются, на латинскомъ языкѣ: *Меховитъ*, *Децій*, *Мартинъ Кромеръ*, а на польскомъ—*Мартинъ* и *Іоахимъ Бѣльскіе*. Въ тоже время историческая литература нашла тружениковъ частью въ ученыхъ по призванію, каковы *Гурницкій* и *Оржеховскій*, частью же въ лицѣ высшихъ духовныхъ сановниковъ, каковы: *Димитрій Суликовскій*, *Пясецкій*, *Лубенскій*. Къ этому же времени относится появленіе первыхъ шляхетскихъ мемуаровъ, какъ напр. Дневника *Святослава Оржельскаго*. Но вотъ что замѣчательно. Съ началомъ историческаго хаоса въ жизни польскаго народа, именно съ 1572 г. и самая историческая литература теряетъ свое серьозное значеніе. Или за историческія изслѣдованія принимаются иностранцы, незнакомые съ духомъ польской національности, или же историческія сочиненія превращаются въ оффиціальное и пристрастное повѣствованіе. Пржемыскій епископъ *Пясецкій*, былъ можно сказать, послѣднимъ добросовѣстнымъ лѣтописцемъ; съ *Лубенскимъ* начинается рядъ пристрастныхъ, услужливыхъ, придворныхъ повѣствователей.

Реформаторскія идеи во второй половинѣ XVIII столѣтія произвели громадную перемѣну въ польской исторической литературѣ. Первый признакъ этой новой эпохи есть „Исторія Польскаго народа“ *Адама Нарушевича*, написанная по приказанію Станислава-Августа и открывающая собою рядъ критическихъ сочиненій. Классическій трудъ Нарушевича отразился благотворно на дѣятельности тогдашнихъ польскихъ ученыхъ. Явились—*Альбертранди*, *Чацкій*, *Янъ-Урсынъ Нѣмцевичъ* и многіе другіе. Влія-

ніе иностранной исторической критики и соединеннаго съ нею радикальнаго взгляда на вещи, создали историческую школу, полную заслугъ, но слишкомъ склонную къ мелочному анализу, школу, представителемъ которой считается необыкновенно трудолюбивый и ученый *Іоахимъ Лелевель*. Онъ возвысилъ польскую историческую науку почти до уровня съ современною ему западною наукою, образовалъ позднѣйшихъ изслѣдователей, никогда не теряя изъ вида общей картины дѣяній въ ихъ связи съ данною минутою. Безъ Лелевеля не было бы *Андрея Морачевскаго*, который въ девятитомномъ сочиненіи довелъ исторію Польши до отреченія Яна - Казиміра. Другіе, по примѣру Лелевеля, съ особенной любовію предались изслѣдованію отдаленнѣйшихъ историческихъ эпохъ. На ряду съ критическимъ направленіемъ Лелевеля возникло другое, стремящееся къ возсозданію историческаго прошедшаго помощію памятниковъ, помощію угадыванія, такъ сказать, смысла прошедшей жизни, направленіе, главнымъ представителемъ котораго слѣдуетъ считать *Мицкевича* въ его курсахъ о славянской литературѣ. Особенное свойство этого направленія — отсутствіе всякой мертвенности, видимо отразилось на всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Такимъ отсутствіемъ мертвенности отличаются прежде всего историческіе этюды *Кароля Шайнохи*— современной знаменитости въ польскомъ ученомъ мірѣ. Упомянувъ имя Шайнохи, нельзя не поставить съ нимъ рядомъ имя другаго извѣстнаго знатока польской исторіи и ученаго — *Николая Малиновскаго*.

Генрихъ Шмиттъ, молодой польскій ученый, исключительно занимается разработкою польскихъ историческихъ памятниковъ. Онъ написалъ между прочимъ и множество историческихъ монографій. Его послѣднее сочиненіе: „Исторія польскаго народа,“ предлагаемое нами публикѣ въ русскомъ переводѣ, обнимаетъ дѣянія Польши съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Авторъ вовсе не заботился о риторическихъ украшеніяхъ, а потому ему удалось сгруппировать бездну историческихъ фактовъ, что при растянутомъ изложеніи едва ли было бы возможно. Это послѣднее обстояетльство а главное полнота, при относительно меньшемъ объемѣ, нежели всѣ

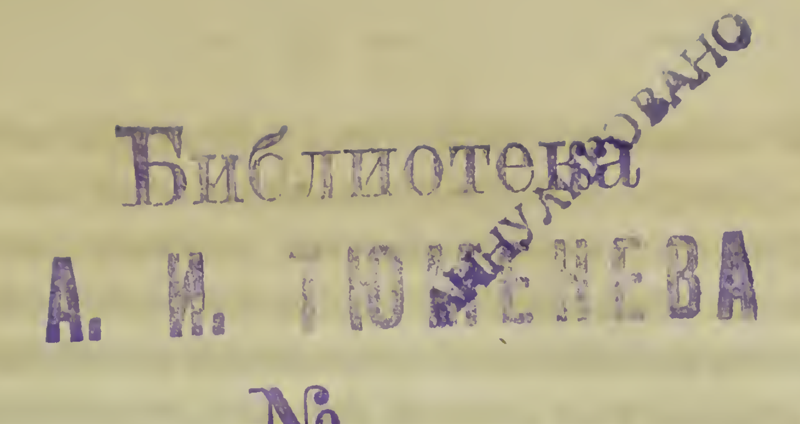
прочіе капитальные труды по польской исторіи, побудили насъ избрать для русскаго перевода именно это сочиненіе.

Нѣкоторыя мѣста, требовавшія, по нашему разумѣнію, для русскихъ читателей поясненій, мы дополнили примѣчаніями, прибѣгая для этого къ извѣстнымъ историческимъ источникамъ, на которые большею частію мы и дѣлали ссылки.

Выпуская въ свѣтъ это первое, сколько нибудь, полное сочиненіе о польской исторіи на русскомъ языкѣ, мы предвидимъ возможность упрековъ въ недосмотрахъ, недомолвкахъ и проч. Намъ остается лишь чистосердечно заявить, что всякое справедливое замѣчаніе будетъ нами принято съ благодарностью.

Юлій Шрейеръ.

С.-Петербургъ, 26 августа 1863 г.



ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Дохристіанская Польша (по 965 г.)

На обширной равнинѣ между Эльбою и Днѣпромъ, жили съ незапамятныхъ временъ славяне, въ сосѣдствѣ съ прусско-литовскими народами, которые, начиная съ устьевъ Вислы по направленію къ востоку, заняли широкимъ поясомъ побережье балтійскаго моря. Древніе греки называли всѣ народы, поселившіеся къ сѣверу отъ нижняго Дуная и чернаго моря, общимъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ, исчисляя, впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ въ особенности. Въ южной части Дуная, то есть въ нынѣшнихъ сѣверныхъ провинціяхъ Турціи, жили ѳракійцы, распадавшіеся на мизовъ, готовъ и много другихъ племенъ. Въ числѣ множества наименованій разныхъ народовъ, которыми древніе писатели населяютъ Ѳракію и Скиѳію, встрѣчаемъ не мало, до того чисто славянскаго произношенія, что невозможно было бы уяснить ихъ существованіе другимъ языкомъ. Отсюда ученые лѣтописцы пришли къ заключенію, что славяне, раздѣленные на многія отдѣльныя отрасли, жили съ незапамятныхъ временъ частію изолированные, частію же смѣшавшись съ позднѣйшими пришельцами, на всемъ пространствѣ, которое занимали — древняя Ѳракія, Скиѳія и Сарматія. Къ корню славянскихъ народовъ принадлежитъ также и польскій народъ. Славяне, по природѣ мягкаго нрава и страстно привязанные къ семейству своему, не могли въ древности прослыть своими военными подвигами, ибо они не чувствовали склонности ни къ походамъ, ни къ переселенію; они пред-

почитали всегда независимость и сельскія занятія. Дробясь на безчисленныя общины, они по очереди, подчинялись готамъ, гуннамъ и аварамъ.

Склонные преимущественно къ сельской жизни, славяне предавались главнѣйшимъ образомъ земледѣльческимъ занятіямъ, изъ чего однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ имъ были незнакомы другія отрасли человѣческихъ промысловъ. Напротивъ, отказавшись, несравненно раньше нежели германцы отъ кочевой жизни, они отличались гораздо высшимъ образованіемъ. Уже самыя потребности земледѣлія и осѣдлой жизни навели ихъ на усвоеніе тѣхъ изобрѣтеній, безъ которыхъ положительно нельзя обойтись въ подобныхъ обстоятельствахъ. Можно указать на несомнѣнные слѣды, что славяне ткали полотно, приготовляли медъ, варили пиво, добывали и топили минералы, выдѣлывали звѣриныя кожи, понимали толкъ въ скульптурѣ и строительномъ искусствѣ. Все это на ряду съ земледѣліемъ и огородничествомъ свидѣтельствуетъ о ихъ успѣхахъ въ промышленности. Обработавъ весьма рано свою рѣчь, они изобрѣли, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, даже особенную руническую азбуку....

Кротость и гостепріимство были главными чертами ихъ національнаго характера, какъ ясно говорятъ объ этомъ древнія преданія. Гнушаясь всякою личною неволею, они дозволяли даже военноплѣннымъ, не хотѣвшимъ или не бывшимъ въ состояніи заплатить выкупа, пользоваться такою свободою, которая была немыслима у другихъ народовъ. Каждый вновь прибывшій или гость былъ подъ покровительствомъ закона, а хозяинъ, по обязанности, заботился о его безопасности и отвѣчалъ передъ старшиною и всею общиною за всякое оскорбленіе нанесенное гостю.

При всей мягкости характера, славяне необыкновенно любили личную свободу и предпочитали ее безопасности общины. Вотъ поводъ, почему у славянъ вообще не было большихъ общественныхъ организацій или государствъ, и только серьозная внѣшняя опасность или притѣсненія могли ихъ заставить сосредоточиться въ болѣе многочисленныя общественныя массы. Иго аваръ, которые поселились въ нынѣшней Венгріи на среднемъ Дунаѣ и угнетали самымъ

жестокимъ образомъ сосѣднія славянскія общины, вызвало сперва упорное сопротивленіе со стороны покоренныхъ, а затѣмъ диктатуру Самона, продолжавшуюся болѣе тридцати лѣтъ въ первой половинѣ VII вѣка по Р. Х. Спустя два столѣтія, походъ открытый противъ славянъ государями изъ дома франкскихъ каролинговъ, вызвалъ отпоръ государства великой Моравіи, которая пріобрѣтя при Ростиславѣ большое значеніе,—послѣ смерти Святополка, въ началѣ X вѣка, распалась на нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ. Въ тоже время германцы и, только что прибывшіе съ востока, мадьяры и венгры, вторглись въ Моравію съ громадными полчищами. Болѣе отдаленныхъ слѣдовъ существованія въ западномъ славянскомъ мірѣ государства, которое имѣло бы болѣе значительные размѣры, не находимъ въ сохранившихся историческихъ преданіяхъ.

Подобно прочимъ славянскимъ народамъ, въ полной независимости, жили и поляки въ странахъ, охваченныхъ системою рѣкъ Одера и Вислы. Раздѣленные на многія общины, независимыя другъ отъ друга, они не имѣли общаго наименованія, хотя и были общаго происхожденія, употребляли однообразную рѣчь и даже не разнились ни въ обычаяхъ, ни въ общественныхъ понятіяхъ, религіи и обрядахъ. Занятая мѣстность настолько оказала на нихъ вліянія, что со временемъ возникли не только новыя наименованія, но и выработались нѣкоторые извѣстные оттѣнки. Впослѣдствіи, когда сосѣднія общины, подъ натискомъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сложились въ болѣе значительное общественное тѣло или государство, появляется общее наименованіе полянъ или поляковъ, вслѣдствіе чего и возникло названіе Польши. Съ этимъ названіемъ встрѣчаемся въ самыхъ старинныхъ германскихъ преданіяхъ.

Первобытныя дѣянія каждаго народа основаны на невѣрныхъ и даже баснословныхъ преданіяхъ, ибо событія не записывались въ глубокой древности и слѣдовательно должны были изгладиться изъ памяти; между тѣмъ въ устные разсказы вошло множество басень, несогласныхъ съ истиною. Изъ всего, дошедшаго до насъ изъ тогдашней эпохи о прошломъ Польши, вѣрно только то, что тогдашніе поляки, подобно прочимъ славянамъ, пользовались общин-

ными учрежденіями. Ихъ общины, расположенныя между Одеромъ и Вислою отличались совершенною свободою. Пространство земли, занятое одною родовою общиною, называлось *ополемъ*. Каждый ополь составлялъ извѣстное цѣлое, заключавшее въ себѣ отдѣльное общество, раздѣленное отъ сосѣднихъ или большими въ то время, трудно проходимыми лѣсами или озерами, или другими естественными границами. Обитатели этихъ ополей жили между собою въ согласіи, и избирали изъ своей среды старѣйшину, не придавая впрочемъ, его достоинству правъ наслѣдственности. Все пространство земли, занятое общиною, составляло общую собственность всѣхъ ея членовъ, и хотя ее отдавали частями во владѣніе, однакожъ выгоды отъ остальной общей собственности дѣлили по ровну, ибо каждый былъ одинаково обязанъ нести общія тягости. Земледѣліе, скотоводство, а также охота и рыболовство доставляли имъ средства къ умѣренной и простой жизни, а личная свобода возвышала достоинство ихъ скромнаго, но независимаго положенія. Изъ родовой совокупности общины проистекала солидарная отвѣтственность за каждаго изъ членовъ, а равно обязанность смыть оскорбленіе, нанесенное кому либо изъ ея среды. Старѣйшина завѣдывалъ дѣлами ополя съ согласія и рѣшенія общаго собранія членовъ общины, но для такого рѣшенія требовалось полнаго единогласія. Сопротивленіе одного останавливало рѣшеніе, однакожъ въ болѣе важныхъ случаяхъ сопротивляющагося принуждали силою и даже тѣлесными истязаніями согласиться съ рѣшеніемъ остальныхъ. Всякяго дѣйствующаго на перекоръ единогласному рѣшенію, оскорбившаго ввѣреннаго ему гостя или дозволившаго другимъ оскорбить его, наказывали сожженіемъ усадьбы. Къ обязанности всего ополя относилось преслѣдованіе и поимка мошенниковъ, сооруженіе и исправленіе мостовъ и греблей, вооруженныя отраженія непріятелей и тому подобныя общественныя повинности.

Обряды и обычаи тогдашнихъ поляковъ отличаются необыкновенною мягкостью и привязанностію къ свободѣ. Нынѣ не осталось и малѣйшаго слѣда, который свидѣтельствовалъ бы о существованіи сильно организованнаго жреческаго сословія, изъ чего однакожъ не

слѣдуетъ, чтобы имъ были чужды требованія религіи. Сколько можемъ судить теперь, всѣ ихъ обряды носили характеръ непринужденной веселости. Народныя божества не требовали человѣческой крови, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто у другихъ народовъ, а показаніе Дитмара о сожиганіи вдовъ на кострѣ вмѣстѣ съ тѣлами убитыхъ мужей, не составляетъ еще противорѣчія сказанному, ибо на это показаніе нельзя положиться безусловно. Многоженство опредѣлительно не было запрещено, но какъ явленіе, противное общимъ семейнымъ обычаямъ, случалось весьма рѣдко. Постриженіе дѣтей мужескаго пола происходило на седьмомъ году жизни. Во время этого торжественнаго обряда отецъ, въ присутствіи жреца и кого либо изъ старшинъ, признавалъ мальчика своимъ ребенкомъ и передавалъ ему свои собственныя права.

Трудно опредѣлить, какъ долго сохранилась подобная отдѣльность общинъ; вѣрно только то, что натискъ внѣшнихъ обстоятельствъ, принуждалъ, во имя общей защиты, приходить въ взаимное соприкосновеніе. Сосѣдніе ополи соединялись другъ съ другомъ, а ихъ старѣйшины собирались на національныя совѣщанія въ мѣста *огороженныя* или *города*. Въ совѣщаніяхъ этихъ, называвшихся *вѣчами*, обдумывались средства защиты, разрѣшались споры между отдѣльными общинами, заключались союзы, обсуждались походы, выбирали предводителей или воеводъ, награждали за заслуги, наказывали виновныхъ и т. п. На этихъ вѣчахъ рѣшали всѣ дѣла, относящіяся къ цѣлому союзу, между тѣмъ какъ каждая изъ общинъ исключительно занималась своими интересами. И на вѣчѣ для каждаго рѣшенія требовалось единогласіе, что неоднократно заставляло прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, которыми достигали единогласія въ ополяхъ.

Походы вооруженныхъ готовъ и гунновъ подвергали мирные ополи чувствительнымъ убыткамъ и даже, временной утратѣ ихъ независимости. Но кратковременное иго изгладилось изъ преданій, а за то лучше сохранилось воспоминаніе о столкновеніяхъ съ аварами. Прибытіе этихъ варваровъ въ окрестности средняго Дуная, гдѣ они основали свою укрѣпленную позицію, вызвало большія пе-

ремѣны въ общественной организаціи сосѣднихъ славянъ. Въ то время когда болѣе близкіе изъ нихъ стонали подъ ужаснѣйшимъ ярмомъ, не были безопаспы и болѣе удаленные. Опасность заставляла придумывать средства къ защитѣ въ то время, когда притязанія кагановъ, то есть аварскихъ предводителей, не знали предѣловъ. Къ этому времени относятся также народныя преданія, гласящія о предводителяхъ, которые отличались въ разныхъ пунктахъ и пытались удержать на всегда однажды пріобрѣтенную власть. Преданія эти не относятся исключительно къ одной мѣстности, хотя впослѣдствіи они слились между собою въ описаніяхъ лѣтописцевъ и даже подверглись многимъ измѣненіямъ.

Почти одновременно съ монархіею Самона прославился въ прежней Хробатіи, а позднѣйшей Малопольшѣ—*Кракъ* или *Крокъ*, человѣкъ съ большимъ умомъ. Возвратившись изъ какой то удачной экспедиціи, въ которой, по волѣ союзныхъ общинъ онъ былъ навѣрное вождемъ, Кракъ объявилъ собравшимся въ совѣтъ дружинамъ, что желая защитить себя отъ чужаго ига, необходимо ввѣрить кому либо постоянную власть и надзоръ за общею безопасностью. Судьба сильно угнетенныхъ сосѣднихъ славянъ весьма краснорѣчиво говорила о дѣйствительно-громадной опасности, угрожавшей всѣмъ остальнымъ, а потому старшины, собравшіеся на вѣчѣ, согласились принять предложеніе Крака. Дѣло состояло только въ томъ, кому поручить такую важную власть? Кракъ потребовалъ для себя этой власти, онъ объявилъ, что будетъ скорѣе отцемъ, нежели княземъ, и что не позволитъ болѣе сильнымъ притѣснять слабыхъ, а чужеземныхъ наѣздниковъ будетъ отражать съ возможною энергіею. Старшины тѣмъ охотнѣе повѣрили обѣщаніямъ Крака, что онъ слылъ вообще человѣкомъ умнымъ, справедливымъ и мужественнымъ, словомъ, онъ владѣлъ всѣми качествами хорошаго правителя. А потому безъ колебанія ему ввѣрили высшую или княжескую власть надъ всею массою союзныхъ общинъ. Кракъ совершенно оправдалъ выборъ старшинъ, ибо выполнилъ всѣ данныя обѣщанія. Отражая удачно непріятельскія нашествія, онъ съ равнымъ успѣхомъ вторгался самъ въ ихъ земли. Распространяя свою

дѣятельность и на внутреннее управленіе края, онъ издавалъ мудрые уставы, заботился о правосудіи, основывалъ деревни и города, и въ числѣ прочихъ *Краковъ*. Когда же, засѣвшій въ пещерѣ горы Вавеля, какой то хищный звѣрь (котораго преданіе обратило въ чудовище), началъ наносить много вреда окрестнымъ поселенцамъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ проглотилъ, Кракъ приказалъ своимъ обоимъ сыновьямъ уничтожить этого звѣря. Охотничья экспедиція удалась великолѣпно, и звѣрь, благодаря хитрости, былъ убитъ. Но за то между братьями возникъ споръ, окончившійся братоубійствомъ: младшій братъ завидуя старшему его будущей власти, умертвилъ его, а возвратившись домой, донесъ отцу, что братъ съѣденъ звѣремъ. Кракъ принялъ близко къ сердцу потерю старшаго сына и не пережилъ его долго. Послѣ его смерти собрались старшины на вѣче для выбора наслѣдника. Заслуги Крака обезпечивали за его потомками наслѣдство и старшины уже хотѣли ввѣрить правленіе оставшемуся сыну, какъ вдругъ его преступленіе открылось. Собравшіеся постановили наказать его смертью, но слезы и мольбы сестры виновнаго—Ванды, измѣнили смертный приговоръ на вѣчное изгнаніе изъ края. Бразды же правленія были вручены Вандѣ, которая, говорятъ, отличалась и умомъ и красотою. Кто то изъ сосѣднихъ князей, обольщенный ошибочною надеждою, что во время женскаго правленія, можно будетъ безъ труда захватить весь край, произвелъ нападеніе съ многочисленнымъ войскомъ. Тогда Ванда, собравъ свое воинство, выступила на его челѣ противъ враговъ, которые до того перепугались, что не взирая на просьбы своего князя, бѣжали съ позоромъ. Стыдъ привелъ князя въ отчаяніе и онъ самъ лишилъ себя жизни, проклиная и Ванду, и свое трусливое воинство. Ванда была всегда противъ брачнаго союза, а потому скончалась, не оставивъ послѣ себя потомковъ. Позднѣйшія преданія приписали Вандѣ и ея отцу существующія и по нынѣ подъ Краковымъ двѣ могилы, которыми, будто-бы, благодарный народъ хотѣлъ почтить ихъ память [1]).

---

[1]) Легенда о Вандѣ разсказывается польскими историками весьма различно

После смерти Ванды возобновилось прежнее общинное управленіе и высшая власть не сосредоточивалась болѣе ни въ чьихъ рукахъ. Трудно опредѣлить какъ долго продолжалось такое положеніе, ибо преданія умалчиваютъ объ этомъ. Прибытіе пословъ отъ одного изъ сосѣднихъ владѣтелей, вѣроятно отъ хагана аваровъ, побудило старшинъ сосѣднихъ общинъ собраться для совѣщаній. Пословъ ввели въ совѣщательный кругъ и освѣдомились о цѣли прибытія и когда послѣдніе объявили, что прибыли за данью, послѣдовало рѣшеніе принять ихъ прилично, какъ пословъ чужаго государства, но въ то же время наказать примѣрно, какъ смѣльчаковъ, являющихся въ качествѣ сборщиковъ за данью къ свободному народу. Вотъ почему предварительно имъ была дана вели-

---

Впервые вспоминаетъ о ней Кадлубекъ, затѣмъ, жившій почти въ ту же эпоху, епископъ Богуфалъ. Болѣе подробное описаніе о Вандѣ встрѣчаемъ у Длугоша. Онъ то ставитъ Ванду во главѣ польскихъ войскъ, принимаетъ отъ ея имени посольство отъ какого то германскаго короля Рытыгера, отвѣчаетъ за нее посламъ, выигрываетъ битву, наконецъ топитъ королеву въ Вислѣ, принося въ жертву, посвященную издавна богамъ, дѣвственную чистоту и насыпаетъ ей могилу. Другіе польскіе историки повторяютъ эту легенду съ разными варіантами. Казалось-бы, что вся эта повѣсть, по видимому, построенная на вымыслѣ, введенная первыми польскими историками въ ихъ сочиненія, нашла вѣру у потомства. Нарушевичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ историковъ, почерпаетъ изъ хроникъ такое предположеніе. Князь Кракусъ, говоритъ онъ, въ одно время господствовалъ въ Польшѣ и Чехіи. Онъ оставилъ наслѣдницею престола свою дочь Либуссу, которая проживя нѣкоторое время въ состояніи дѣвичества, наконецъ пріискала себѣ мужа въ лицѣ какого то крестьянина, по имени Пржемыславъ. Въ царствованіе этой Либуссы и Пржемыслава возобновился въ Чехіи, а быть можетъ, во имя сосѣдства и однообразнаго правленія, и въ обоихъ народахъ—древній родъ скиѳійскихъ амазонокъ. Подъ знаменемъ какой то Власты-дѣвицы, собиралось множество женщинъ, которыхъ вооружило желаніе освободиться изъ подъ господства мужчинъ. Если эта Власта не была польскою Вандою или если Ванда, не желавшая, по показанію польскихъ лѣтописцевъ, заключать брачнаго союза, не была одною изъ ея подругъ-амазонокъ, во всякомъ случаѣ, въ исторіи обоихъ народовъ—польскаго и чешскаго, встрѣчаемъ почти одни и тѣже обстоятельства: царствованіе Крака, наслѣдованіе его дочери Либуссы-дѣвицы, союзъ женщинъ противъ господства мужчинъ, далѣе—царствованіе Пржемыслава, слѣдующее тотчасъ же послѣ Ванды. Все это показываетъ, что исторія о Вандѣ или построена на польскихъ басняхъ, или же, на сильно искаженномъ дѣйствительномъ фактѣ.

Примѣч. переводч.

колѣпная трапеза, послѣ которой ихъ умертвили безъ жалости: съ нихъ содрали кожу, и набивъ ее падалью отослали къ королю. Задѣтый за живое этимъ оскорбленiемъ, король отправилъ свои войска для наказанiя этой дерзости. Но экспедицiя не удалась его вождямъ: разбитые, они вынуждены были бѣжать съ поля сраженiя. Раздраженный этимъ еще болѣе, король двинулся самъ, во главѣ многочисленныхъ полчищъ, съ намѣренiемъ обратить весь край въ пустыню. Паническiй страхъ предшествовалъ его знаменамъ. Никто не дерзалъ сопротивляться. Непрiятель уничтожилъ значительную часть страны, разрушая деревни и города, развалины которыхъ повелѣвалъ засыпать солью. Такую судьбу предстояло испытать и Кракову.

Въ виду такой крайности нашелся отважный человѣкъ, знакомый съ мастерствомъ золотыхъ дѣлъ, по имени *Прежемыславъ* или *Лешекъ* [1]), который, не сомнѣваясь въ возможности спасти край, собралъ горсть храбрыхъ и выжидалъ удобнаго случая для отмщенiя за обиды, нанесенныя родной землѣ. Не имѣя достаточно силъ чтобы завязать бой въ открытомъ полѣ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Именно когда непрiятельское войско расположилось лагеремъ у подошвы горы, Лешекъ установилъ ночью на горѣ жерди, съ насаженными шлемами и разукрашенными щитами, что издали могло быть принято за рыцарей, размѣщенныхъ въ боевомъ порядкѣ. Непрiятель, обманутый этою хитростью, выслалъ вооруженный отрядъ противъ мнимыхъ рыцарей. Какъ скоро было замѣчено движенiе, Лешекъ снялъ жерди, и устроивъ засаду, кинулся на возвращавшихся въ безпорядкѣ непрiятелей, которые во время этого преслѣдованiя всѣ до одного погибли. Не теряя времени, онъ велѣлъ своимъ воинамъ облечься въ вооруженiе и доспѣхи убитыхъ, и впущенный безъ сопротивленiя въ непрiятельскiй лагерь, внезапно бросился на противниковъ. Король увѣдомленный о боѣ, возбужденномъ въ лагерѣ, полагалъ что это простая

---

[1]) Пржемыслава прозвали Лешкомъ, ибо преобладающимъ его качествомъ была хитрость. Слово Лешекъ происходитъ отъ лисицы. *Примѣч. перев.*

драка изъ за добычи между возвращающимися изъ удачной экспедиціи и остававшимися въ лагерѣ, а потому, во главѣ своей стражи, поспѣшилъ на помощь отряду Лешка. Онъ замѣтилъ слишкомъ поздно свою ошибку, и потерявъ большую часть войска, долженъ былъ съ остатками искать спасенія къ бѣгствѣ. Благородный народъ призналъ остроумнаго *Лешка* княземъ, награждая его, такимъ образомъ, за освобожденіе отечества. Преданіе не сохранило намъ другихъ подробностей объ этомъ Лешкѣ.

Власть князей еще не установилась. Прежде нежели утвердилась эта власть на прочныхъ основаніяхъ, старшины избирали всегда вождя или воеводу, значеніе котораго въ то время было несравненно шире, нежели впослѣдствіи. Иногда рѣшалъ жребій, какъ напримѣръ, во время выбора втораго Лешка. Именно, когда соискателей на власть являлось множество, а предпочтеніемъ одного не хотѣли раздразнить остальныхъ, община рѣшала выйти изъ затрудненія, такимъ образомъ. Званіе вождя получалъ тотъ, кто во время конныхъ скачекъ первый достигалъ барьера, затѣмъ назначали время и мѣсто и всѣ соперники должны были прибыть верхомъ на пѣгихъ лошадяхъ. Одинъ изъ нихъ, желая впередъ обезпечить за собою побѣду, разбросалъ по дорогѣ кольчатые желѣзные четыреугольники, единственно въ надеждѣ, что въ то время, когда у всѣхъ прочихъ израненныя лошади начнутъ хромать, онъ, на своемъ подкованномъ конѣ, первый примчится къ цѣли. Но еще до начала скачекъ двое пастуховъ, вздумавши узнать кто изъ нихъ скорѣе бѣжитъ, нашли самымъ приличнымъ мѣстомъ для подобныхъ бѣговъ, дорогу, предназначенную для публичныхъ скачекъ. Изранивъ свои ноги, они замѣтили хитрость и рѣшились извлечь пользу изъ этого открытія. Одинъ изъ нихъ, прозванный впослѣдствіи *Лешкомъ*, снялъ съ дороги кольца такимъ образомъ, что составилась извилистая тропинка, извѣстная ему одному и въ день скачекъ явился вмѣстѣ съ прочими на пѣгой лошади. Когда, по данному знаку, всѣ тронулись съ мѣста, изобрѣтатель подлога высунулся впередъ на подкованномъ конѣ и опередилъ остальныхъ, захромавшія лошади которыхъ далеко остались назади. Вслѣдъ за нимъ, среди смѣха зрителей подви-

гался по извилистой тропинкѣ Лешекъ и вторымъ добѣжалъ до цѣли. Перваго провозгласили было уже княземъ, но замѣтя подковку лошади и кольца по дорогѣ, приговорили за обманъ къ разтерзанію лошадьми, и званіе князя досталось Лешку [1]). Преданіе увѣряетъ, что Лешекъ отличался мужествомъ и предпріимчивостью и что расширяя границы вновь возникающаго государства, онъ одерживалъ побѣды надъ сосѣдними завоевателями и принуждалъ ихъ къ покорности, между тѣмъ какъ другіе ополи подчинялись ему добровольно. Щедрый и великодушный, какъ скоро того требовало достоинство государства, онъ въ тоже время былъ скроменъ въ отношеніи къ собственнымъ нуждамъ и помня всегда свое прежнее состояніе, сохранялъ тщательно свою убогую пастушескую одежду, въ которую даже неразъ облекался. Расширивъ предѣлы государства, онъ оставилъ по наслѣдству власть своему сыну *Лешку*. Подражая своему отцу, новый князь завоевалъ такое множество новыхъ странъ, что умирая, могъ надѣлить ими свое многочисленное потомство. Каждому изъ сыновей, число которыхъ говорятъ, было 21, достался довольно обширный удѣлъ, но главою всѣхъ онъ назначилъ Попеля [2]). Объ этомъ послѣднемъ знаемъ изъ преданій только то, что умирая, онъ оставилъ также малолѣтняго сына Попеля, котораго поручилъ опекѣ дядей, взявъ съ нихъ торжественное обѣщаніе, передать ему верховную власть, по достиженіи имъ совершеннолѣтія.

---

[1]) Совершено одинаково разсказываетъ эту легенду о скачкахъ и ея послѣдствіяхъ Нарушевичъ (Historya narodu Polskiego przez Adama Naruszewicza, T. III. str. 123): но въ тоже время полагаетъ, что она попала въ польскую исторію, подобно персидской традиціи. *Примѣч. переводч.*

[2]) О раздѣлѣ государства между сыновьями Лешка III сообщаетъ Кромеръ слѣдующія подробности: Болеславу, Богдалю и Борниму досталась *Померанія*, Казиміру и Владиславу—*Кашубы*, Яксу и Симеону—*Сербія* или *Сорабія*, Вратиславу—Ранія или Ругія, прозванная поляками отъ мышей *Мисніею* (быть можетъ это теперешній островъ Рюгенъ), Пржибыславъ и Одда—получили *Дытывонію*, теперешнюю *Лузацію*, Пржимыславъ, Земовитъ и Земомыслъ *Згоржелицкую землю*, теперешнюю Брандебургію; остальные же получили мѣстности вблизи Саксоніи и устья Эльбы. Нарушевичъ, весьма основательно, считаетъ это рѣшительнымъ вымысломъ: невозможно допустить, говоритъ онъ, чтобы всѣ помянутыя земли были составными частями одного государства, если онѣ даже въ отдѣльности не имѣли той связи, которая должна отличать сыновъ одного народа. *Примѣч. переводч.*

Подобно тому какъ преданіе о Кракѣ, Вандѣ и первомъ Лешкѣ относится къ Малопольшѣ или Хробатіи,—преданія о слѣдующихъ Лешкахъ и Попеляхъ относятся къ Великопольшѣ, а въ особенности къ мѣстности близь озера Гопло. Дворъ Попеля былъ въ Гнѣзнѣ, а дяди, вѣрные своему обѣщанію, добросовѣстно занялись воспитаніемъ племянника. Но Попель II имѣлъ самыя дурныя наклонности. Предаваясь праздной и развратной жизни, онъ гонялся только за удовольствіями и гнушался каждою работою, каждымъ, болѣе серьознымъ занятіемъ. Онъ проводилъ дни и ночи среди неприличныхъ развлеченій, въ обществѣ развратной молодежи и не обращалъ вниманія на предостереженія и совѣты дядей. Будучи самъ трусомъ и убѣгая обыкновенно первымъ съ поля сраженія, онъ былъ строгъ и жестокъ въ отношеніи къ болѣе слабымъ. Когда, по достиженіи совершеннолѣтія дяди вручили ему правленіе, *Попель II* вступилъ въ бракъ съ самою коварною женщиною, которая владычествовала его именемъ. Полагаясь на ея мнѣнія, онъ ни вочто не ставилъ доводы дядей, которые увѣщевали его не только частнымъ образомъ, но, даже, и публично, измѣнить свой образъ жизни. Попель былъ неисправимъ, а жена его опасаясь, чтобы дяди не присвоили себѣ власти, уговорила мужа извести ихъ коварнымъ образомъ. Слѣдуя ея наущеніямъ, Попель притворился сильно больнымъ, и пригласилъ къ себѣ дядей. Когда послѣдніе съѣхались, онъ всыпалъ имъ яду въ прощальные кубки, а тѣла отравленныхъ велѣлъ выбросить въ озеро Гопло. Такой низкій поступокъ вызвалъ всеобщее негодованіе, и Попель, не видя возможности изгладить дурное впечатлѣніе, бѣжалъ изъ края. Это бѣгство подало поводъ къ баснѣ, будто-бы, онъ вмѣстѣ съ сыновьями съѣденъ мышами, вышедшими изъ тѣлъ отравленныхъ дядей.

Еще во время владычества Попеля, къ его двору прибыло двое путешественниковъ именно въ ту минуту, когда онъ совершалъ надъ обоими своими сыновьями торжественное постриженіе. Попель велѣлъ ихъ выгнать изъ города, что заставило ихъ искать убѣжище въ предмѣстьи, и здѣсь, въ убогой хатѣ княжескаго крестьянина Пяста сына Хошишки и жены его Ржепицы, они нашли гостепріимный

пріемъ. Пястъ, имѣя единственнаго сына, и не будучи зажиточнымъ, хотѣлъ именно совершить постриженіе одновременно съ исполненіемъ этого обряда въ княжескомъ домѣ. Добродушный крестьянинъ угостилъ путешественниковъ приготовленною по случаю постриженія трапезою, то есть поставилъ передъ ними боченокъ пива и жаренаго поросенка. Чудесное размноженіе снадобьевъ и напитковъ, о которомъ вспоминаетъ преданіе, склонило Пяста пригласить Попеля и его гостей на трапезу по случаю постриженія. Князь не отказалъ, а молодой Пястовичъ, прозванный *Земовитомъ*, вступилъ впослѣдствіи въ ряды воиновъ. Было-ли это вслѣдствіе выбора, или дѣломъ похищенія, но по изгнаніи Попеля, *Земовитъ* достигнулъ верховной власти (около 860). Ему приписываютъ утвержденіе новаго порядка вещей. Управляя самодержавно, онъ установилъ разные чины, которые, вмѣсто прежнихъ общинныхъ старшинъ, должны были исполнять его приказы. Расширивъ границы государства присоединеніемъ многихъ сосѣднихъ общинъ, онъ оставилъ его своему сыну *Лешку* (892), который будучи не менѣе замѣчательнымъ воиномъ, передалъ, въ свою очередь гусударство (913) своему потомку *Земомыслу*. Послѣдній, подобно отцу и дѣду, заботился о приращеніи государства, въ которомъ мало по малу изглаживались постепенно прежнія мѣстныя особенности. Права, принадлежавшія нѣкогда общинамъ перешли въ цѣлости на князя, который потому именно и считалъ себя владѣтелемъ всей земли, охваченной предѣлами государства, и нигдѣ и ни отъ кого не встрѣчалъ ограниченій своей власти. Земомыслъ скончался въ старческомъ возрастѣ (960), а бразды правленія послѣ его смерти достались *Мечиславу I*, о которомъ преданіе гласитъ, что будучи слѣпымъ отъ рожденія, онъ прозрѣлъ внезапно во время постриженія. Это подало поводъ къ предсказанію, что и народъ прозрѣетъ въ его царствованіе.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Польша расширяющая свои границы подъ управленіемъ почти неограниченныхъ князей (965—1147).

Когда Польша при Мечиславѣ I выступила на арену, какъ государство частью уже организованное, ея границы не были еще слишкомъ обширны, ибо едва обнимали собственную Великопольшу, часть Силезіи, Мазовію, и, быть можетъ, сѣверную часть сандомирскаго и краковскаго воеводствъ. Соединеніе этихъ земель положило основаніе будущему могуществу, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было необыкновенно важно. Именно германское государство, въ царствованіе потомковъ саксонскаго дома, сильно притѣсняло общины славянъ, жившихъ отъ Эльбы къ востоку и угрожало ихъ самостоятельности. Первый императоръ изъ этого дома—Генрихъ, прозванный птицеловомъ, послѣ побѣды надъ венгерцами, образовалъ вдоль восточной границы Германіи, такъ называемыхъ, маркграфовъ, которые должны были не только защищать германскія земли отъ нашествій сосѣднихъ славянъ, но сверхъ того подъ предлогомъ введенія христіанской вѣры покорять также менѣе и болѣе удаленныя общины. Подъ предлогомъ распространенія христіанства творились ужасныя насилія, а вмѣстѣ съ крещеніемъ, побѣжденныхъ обращали въ рабство. Самымъ страшнымъ маркграфомъ для всѣхъ славянъ, жившихъ между Эльбою и Одеромъ и, даже, по ту сторону послѣдняго, былъ маркграфъ Геронъ, человѣкъ мужественный, но свирѣпый и неразбиравшій средствъ. Однажды онъ пригласилъ на обѣдъ начальниковъ славянскихъ общинъ, и велѣлъ всѣхъ ихъ убить, для предотвращенія какого то мнимаго возстанія. Хотя славяне защищали упорно и энергически свою независимость, но должны были однакожъ покориться, ибо не соединялись вмѣстѣ для общей защиты. Вотъ почему они не могли устоять противъ превосходнаго непріятеля, который притѣснялъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не поколебалъ ихъ сопротивленія, или же не уничтожилъ ихъ совершенно.

Среди такой борьбы сѣверозападныхъ славянъ съ германцами, могущество Польши развивалось все болѣе и болѣе. Сосѣднія общины, угрожаемыя со стороны германскихъ маркграфовъ потерею своей независимости и, даже совершеннымъ уничтоженіемъ, должны были соединяться съ существовавшимъ уже польскимъ государствомъ, что облегчило Мечиславу распространеніе его границъ до самаго Одера. Здѣсь онъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ германцами, а именно съ Герономъ. Вскорѣ дѣло дошло до боя, окончившагося неблагопріятно для Мечислава, ибо претерпѣвъ пораженіе, онъ долженъ былъ признать власть германскаго императора Оттона I. Почти въ то же время подобная неудача постигла Мечислава въ войнѣ съ саксонскимъ княземъ Вигманомъ, который, вторгнувшись съ поморянами въ его владѣнія, два раза побѣдилъ польскія войска и умертвилъ одного изъ княжескихъ братьевъ.

Эти неудачи вынуждали Мечислава заключать союзы и коалиціи съ сосѣдними славянскими государствами, изъ которыхъ самымъ могущественнымъ въ то время была Чехія, гдѣ царствовалъ Болеславъ ужасный, прозванный такъ потому, что онъ убилъ роднаго брата святаго Венцеслава. Общая опасность облегчила поддержаніе дружественныхъ сношеній, а бракъ Мечислава съ Домбровкою, дочерью чешскаго князя, долженъ былъ сдѣлать эти сношенія болѣе прочными. Обстоятельство, что польскій князь былъ еще язычникомъ, а Домбровка—христіанкою, нисколько не препятствовало этому соглашенію. Бракъ совершился около 964 года. Вмѣстѣ съ княжною прибыли въ Польшу христіанскіе священники и, два года спустя, уступая просьбамъ жены, Мечиславъ принялъ христіанскую вѣру, которая съ этого времени начала быстро распространяться въ Польшѣ. Вскорѣ число послѣдователей христіанства возрасло до такой степени, что можно было основать для нихъ епархію въ Познани (968). Первымъ польскимъ епископомъ былъ нѣмецъ Горданъ, подчиненный германскому архіепископу въ Магдебургѣ, духовная власть котораго простиралась на всю сѣверозападную часть славянскаго міра.

Признаніемъ господства императора и принятіемъ христіан-

ской вѣры, Мечиславъ обезпечилъ свое государство въ томъ отношеніи, что германскіе маркграфы не могли болѣе нападать на земли подъ предлогомъ распространенія въ нихъ христіанства. Но дружескія сношенія съ германцами оттолкнули отъ него сердца западныхъ и сѣверныхъ славянъ. При дружномъ содѣйствіи послѣднихъ ему слѣдовало-бы воспротивиться германскому натиску. Онъ же напротивъ, въ союзѣ съ германцами, сражался противъ родственныхъ племенъ, которыя вооружились противъ него до того, что всегда были готовы помогать его противникамъ. Вотъ почему, бѣжавшій изъ Германіи Вигманъ (967) склонилъ безъ особеннаго труда поморянъ, произвести нашеетвіе на Польшу. Мечиславъ, подкрѣпленный чехами и германцами, одержалъ побѣду, а Вигманъ палъ въ бою. Столь же удачно отразилъ Мечиславъ нападеніе маркграфа Удона и саксонскихъ графовъ, которые потерпѣли совершенное пораженіе въ дѣлѣ подъ Цыдынею (972), гдѣ предводительствовалъ братъ Мечислава — Цыдебуръ. Пораженіе германцевъ было вѣроятно весьма значительно, такъ какъ увѣдомленный о немъ императоръ Оттонъ I, гостившій въ то время въ Италіи, сильно опечалился и повелѣлъ сражавшимся сторонамъ пріостановить споръ до его возвращенія.

Со смертію Оттона I (973) въ Германіи возникла междоусобная война. Нѣкоторые германскіе вельможи, не желая признать его сына Оттона II, соединились съ его двоюроднымъ братомъ Генрихомъ баварскимъ, который явился искателемъ императорской короны. Сторону Генриха принялъ также Мечиславъ съ своимъ тестемъ Болеславомъ, и Мествиномъ, княземъ оботритскихъ славянъ. Война продолжалась нѣсколько лѣтъ, и наконецъ Генрихъ долженъ былъ признать Оттона II императоромъ (977), послѣ чего съ нимъ примирился и самъ Мечиславъ, овдовѣвшій именно въ эту пору. Въ то самое время когда Мечиславъ вмѣшался въ германскія дѣла, великій князь кіевскій Владиміръ завоевалъ вновь червонорусскія земли до самаго Сана.

Спустя шесть лѣтъ послѣ смерти Домбровки, Мечиславу вздумалось жениться на нѣмкѣ. Его выборъ палъ на монахиню Оду,

дочь сѣвернаго маркграфа Тыдерика. Насильное похищеніе ее изъ монастыря вызвало всеобщее негодованіе германскаго духовенства, что однакожъ не имѣло вредныхъ послѣдствій для Польши. Частыя возстанія славянъ заставляли германцевъ жить въ согласіи съ Мечиславомъ, который могъ бы сдѣлаться опаснымъ для императора, если бы соединился съ другими славянскими народами. Но польскій князь предпочиталъ поддержать германцевъ, чѣмъ и вооружилъ противъ себя всѣхъ сосѣднихъ славянъ.

Послѣ смерти Оттона II (983) Генрихъ баварскій снова домогался престола. Захвативъ силою опеку надъ трехлѣтнимъ Оттономъ III, сыномъ умершаго императора, онъ привлекъ на свою сторону болѣе богатыхъ магнатовъ. Мечиславъ также призналъ его императоромъ и обѣщалъ ему помощь. Опять возгорѣлась война. Побѣжденный Генрихъ явился съ повинною къ Оттону III, которому и Мечиславъ (985), во время принесенія дани покорности, присягнулъ на вѣрность и дружбу. Когда же вскорѣ, возстаніе лютикскихъ славянъ заставило германское правительство предпринять противъ нихъ походъ, Мечиславъ принялъ въ немъ личное участіе (986), а малолѣтнему императору подарилъ верблюда. Многолѣтняя дружба и согласіе съ чехами прекратились, вслѣдствіе спора за какой то клочекъ земли на Одерѣ. Споръ этотъ привелъ къ войнѣ (989). Болеславу II помогали лютики, а Мечиславъ получилъ подкрѣпленіе отъ императрицы Ѳеофаніи, управлявшей Германіею за малолѣтствомъ своего сына Оттона. Германцами предводительствовали магдебургскій архіепископъ Гюнтеръ и нѣсколько саксонскихъ графовъ. Но помощь эта не принесла пользы Мечиславу, ибо германскіе предводители, застигнутые въ походѣ чехами (990), должны были распустить свое войско. Заманивъ ихъ въ свой лагерь, какъ посредниковъ, Болеславъ внезапно подошелъ къ Одеру и велѣлъ объявить польскому князю, расположенному здѣсь бивуакомъ, что лишитъ жизни его союзниковъ, если Мечиславъ не возвратитъ ему отнятыхъ у него земель. Когда послѣдній отвѣтилъ довольно холодно, что отнюдь не думаетъ изъ за какихъ то соображеній терпѣть ущербъ, Болеславъ выпустилъ

германскихъ вельможъ и, опустошивъ часть земель на Одерѣ, окончилъ этимъ войну. Желая отблагодарить германцевъ за доставленную помощь, Мечиславъ привелъ имъ значительныя вспомогательныя силы къ Бранибору (991), гдѣ славяне защищались упорно. Это былъ послѣдній походъ Мечислава, ибо заболѣвъ лихорадкою во время похода, онъ возвратился на родину, осенью, совершенно больнымъ и по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ умеръ (25 мая 992 г.). Мечиславъ оставилъ отъ первой жены Домбровки двухъ сыновей—Болеслава и Владибоя и дочь Кунильду, выданную за мужъ за датскаго короля Свенона. Ода родила ему трехъ сыновей —Мечислава, Святополка и Богуслава. По существовавшему тогда у славянъ обычаю, польскія земли были раздѣлены, послѣ смерти Мечислава, между пятью его сыновьями. Удѣлами своихъ малолѣтнихъ сыновей управляла Ода, между тѣмъ какъ ея пасынки управляли лично своими участками. Эти отношенія сохранились въ такомъ положеніи на нѣкоторое время, то есть до тѣхъ поръ, пока старшій изъ сыновей Мечислава—*Болеславъ*, прозванный впослѣдствіи храбрымъ, не изгналъ изъ края (993) мачиху и единокровныхъ братьевъ и не наказалъ ихъ сторонниковъ. Этимъ онъ возстановилъ вновь единство власти и правленія, столь необходимое въ то время, единство, отъ котораго, при раздѣленіи государства на части, на долго пришлось бы отказаться.

Въ началѣ царствованія Болеславъ поддерживалъ заведенныя отцемъ сношенія съ германцами и даже два раза помогалъ имъ противъ славянъ, которые упорно защищали свою независимость. Обезпеченный съ этой стороны, онъ заключилъ миръ съ Владиміромъ великимъ княземъ кіевскимъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе упрочить свою власть внутри государства. Но расширяя одновременно границы государства, онъ включилъ въ свои владѣнія восточное Поморье[1]) съ Данцигомъ, а сосѣднихъ поморянъ и пруссовъ принудилъ къ нѣкотораго рода зависимости. Среди такихъ заботъ объ усиленіи государства, онъ не упустилъ изъ виду и религіи, которая въ то время

[1]) Нынѣшняя Померанія.

не была еще достаточно распространена въ краѣ. Для этого онъ вызвалъ къ своему двору прагскаго епископа св. Войцѣха изъ рода чешскихъ Славниковъ, который будучи раздраженъ противъ собственныхъ соотечественниковъ, рѣшился распространить слово Божіе между языческимъ народомъ. Болеславъ принялъ его въ Гнѣзнѣ съ самыми большими почестями и не имѣя возможности удержать у себя усерднаго проповѣдника, предложилъ ему заняться просвѣщеніемъ сосѣднихъ пруссовъ. Сначала дѣла его шли довольно удачно, но вскорѣ велѣно было ему оставить край. Когда же на обратномъ пути, по невѣдѣнію, онъ вошелъ въ рощу, посвященную народнымъ идоламъ, и переночевавъ тамъ, отслужилъ святую литургію, — раздраженные пруссы убили его (23 апр. 997 г.) Болеславъ выкупилъ впослѣдствіи у пруссовъ его тѣло, и похоронилъ сперва въ Тржемешнѣ, а потомъ въ Гнѣзнѣ.

Когда въ Чехіи умеръ Болеславъ II (999), а сынъ его Болеславъ III рыжій изгналъ своихъ братьевъ Яромира и Удальрика, что не могло обойтись безъ потрясеній, Болеславъ воспользовался этими чешскими замѣшательствами и овладѣлъ вмѣстѣ съ Краковомъ прежнею хробатскою землею и частію Силезіи. Такимъ образомъ онъ придвинулъ границы своего государства къ судетамъ и татрамъ. Управляя такою обширною страною, Болеславъ сталъ домогаться королевскаго достоинства, и по этому поводу принялъ соотвѣтственныя мѣры въ Римѣ. Громкая слава Болеслава и дѣянія св. Войцѣха, привлекли въ Польшу юнаго императора Оттона III (въ началѣ 1000 г.). Болеславъ встрѣтилъ гостя въ Ильвѣ, на границѣ своего государства, и принимая его и весь дворъ съ огромною роскошью, привелъ въ изумленіе германскихъ вельможъ, которые сознавались, что никогда не видали такихъ богатствъ. Въ Гнѣзнѣ императоръ заключилъ съ Болеславомъ союзъ, призналъ за нимъ титулъ короля, освободилъ отъ всякой зависимости отъ Германіи и утвердилъ установленное имъ гнѣзненское архіепископство, которому должны были подчиниться епископы—краковскій, бреславльскій и колобржескій. Кромѣ того Оттонъ III отказался отъ всѣхъ правъ господства надъ славянскими землями уже завое-

ванными Болеславомъ, а также землями, которыя впослѣдствіи онъ могъ включить въ свои владѣнія. Это не было великодушіемъ со стороны императора, но необходимостію, которой онъ долженъ былъ подчиниться.

Одинаково счастливо велъ Болеславъ борьбу съ Венгріею. Здѣсь побѣдоносныя знамена его достигли Дуная. Когда же смерть бездѣтнаго Оттона III (24 января 1002 г.) вызвала въ Германіи безпорядки, среди которыхъ погибъ маркграфъ Мисніи—Эккардъ, Болеславъ захватилъ, почти безъ всякаго сопротивленія, лужицкую и миснинскую земли. На германскій престолъ былъ избранъ баварскій князь Генрихъ, прозванный хромымъ. По совершеніи коронаціи въ Майнцѣ, онъ созвалъ на сеймъ въ Мерзебургъ германскихъ вельможъ (25 іюля 1002). На этотъ съѣздъ прибылъ и Болеславъ съ требованіемъ, чтобы Генрихъ утвердилъ за нимъ владѣніе Мисніею и Лужицами. Но императоръ оставилъ ему только Лужицы и мильзенскую землю, а Миснію отдалъ его брату Гунцелину. Уже одно это обстоятельство раздражило Болеслава, а нападеніе дворцовой стражи на его свиту, при выѣздѣ изъ замка, озлобило его еще болѣе. Оставивъ съ гнѣвомъ Мерзебургъ, онъ сжегъ на дорогѣ Стрелю, вывелъ оттуда множество плѣнныхъ и со многими германскими магнатами вошелъ въ тайныя соглашенія противъ Генриха.

Болеславъ рыжій до такой степени раздражилъ своими свирѣпыми дѣйствіями чеховъ, что они вызвали секретно брата польскаго князя Владибоя и вручили ему власть надъ собою. Болеславъ, возненавидѣнный всѣми, убѣжалъ къ швейнфуртскому маркграфу Генриху, который заключилъ его въ тюрьму, а впослѣдствіи позволилъ уѣхать въ Польшу. Владибой, по принесеніи присяги, получилъ подтвержденіе императора, но вслѣдствіе невоздержной жизни умеръ въ началѣ 1003 года. Чехи вызвали, тотчасъ же, скитавшагося по Германіи, Яромира, брата Болеслава и провозгласили его княземъ. Но польскій князь рѣшился помочь Болеславу. Для этого онъ выступилъ въ Чехію, во главѣ многочисленнаго войска, прогналъ Яромира и его семейство въ Германію, а правленіе передалъ

Болеславу, который, по его настояніямъ, примирился съ народомъ и торжественно присягнулъ, совершенно забыть прежнія оскорбленія. Едва Болеславъ возвратился съ войскомъ въ Польшу, оставивъ только въ нѣкоторыхъ замкахъ свои гарнизоны, Рыжій позволилъ себѣ новое свирѣпство: пригласивъ на пиршество чешскихъ вельможъ, онъ велѣлъ многихъ изъ нихъ умертвить. Чехи снарядили немедленно посольство къ Болеславу съ жалобою. Послѣдній, подъ предлогомъ важнаго совѣщанія, пригласилъ коварнаго правителя въ какой то пограничный замокъ, приказалъ его заключить въ тюрьму и тамъ ослѣпить, а самъ поспѣшилъ въ Чехію, которою овладѣлъ почти безъ всякаго затрудненія. Намѣреніе создать великое славянское государство, могло теперь осуществиться, и столицею его должна была быть Прага. Генрихъ, имѣя у себя Яромира и Удальрика, потребовалъ отъ Болеслава присяги за Чехію, въ противномъ случаѣ угрожалъ ему войною. Но Болеславъ не устрашился угрозы, и разсчитывая на свои связи съ германскими вельможами, которые, дѣйствительно, взялись за оружіе, послалъ отказъ чрезъ императорскихъ пословъ. И такъ возгорѣлась война, въ которой лютики помогали германцамъ. Разсчитывая на своихъ союзниковъ въ Германіи, Болеславъ открылъ непріятельскія дѣйствія опустошеніемъ гломацкой земли, но вскорѣ долженъ былъ на своихъ плечахъ вынести всю тяжесть войны, ибо императоръ успѣлъ помириться съ возставшими противъ него вельможами. Однакожъ первый походъ (въ февр. 1004) не удался Генриху, что заставило его предпринять новый (лѣтомъ того же года), въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Условившись въ совѣтѣ, составленномъ изъ самыхъ довѣренныхъ вельможъ, на счетъ всего плана войны, императоръ приказалъ нарочно все приготовить такимъ образомъ, какъ будто имѣлъ въ виду произвести нападеніе на Польшу. Обманутый этимъ маневромъ, Болеславъ поспѣшилъ на защиту земель, которыя, по его мнѣнію, были наиболѣе угрожаемы, но императоръ, совмѣстно съ братьями Рыжаго—Яромиромъ и Удальрикомъ, неожиданно направился къ Чехіи и силою овладѣлъ ведущими къ ней укрѣпленіями. Множество чеховъ явилось въ лагерь Генриха, что облегчило возмож-

ность побѣды. Саденъ покорился добровольно, и сами граждане уничтожили часть польскаго гарнизона. Болеславъ во время извѣщенный о настоящей цѣли похода, поспѣшилъ въ Прагу, но не успѣлъ защитить ее, ибо жители, войдя въ тайное соглашеніе съ Удальрикомъ, выступили съ оружіемъ именно въ ту минуту, когда онъ, во главѣ своего отряда, ударилъ на мостъ. Польскій князь долженъ былъ уступить, и съ трудомъ успѣлъ вывести свой гарнизонъ изъ замковъ и укрѣпленій. Генрихъ же, оставивъ въ Чехіи Яромира, двинулся съ цѣлымъ чешско-германскимъ войскомъ въ Лужицы, гдѣ приступилъ къ осадѣ Будзишина. Польскій гарнизонъ сдалъ городъ послѣ долгой и упорной обороны, выговоривъ себѣ свободное возвращеніе въ отечество. Императоръ же, потерявъ много храбрыхъ рыцарей во время осады Будзишина, долженъ былъ ограничить свой походъ взятіемъ этого города.

Желая привести Болеслава къ покорности, императоръ предпринялъ (въ августѣ 1005 г.) новый походъ, во главѣ еще болѣе многочисленнаго войска. Перейдя Одеръ близь Кросна, онъ преслѣдовалъ Болеслава, отступившаго къ Познани. Германско-чешское войско, отмѣчая свои переходы огнемъ и мечемъ, понесло не мало потерь въ ежедневныхъ стычкахъ съ поляками. Наконецъ дѣло дошло до того, что императоръ желая обезпечить себѣ отступленіе, отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Познань и заключилъ невыгодный миръ, по которому въ замѣнъ лужицкой земли, уступленной Болеславомъ, послѣдній получилъ Моравію. Войска Генриха возвратились изъ этого неудачнаго похода съ чувствительною потерею и въ весьма жалкомъ видѣ. Познанскій миръ былъ непродолжителенъ. Болеславъ началъ вступать въ сношенія съ окрестными славянами, чтобы въ соединеніи съ ними, ударить съ превосходными силами на германцевъ. Но лютики и Яромиръ чешскій донесли о его намѣреніяхъ Генриху, который, на этомъ основаніи, объявилъ (1007) крайне необдуманно, что если Болеславъ не дастъ удовлетворенія за разныя обиды, то его принудятъ къ тому силою.

Не ожидая открытія непріязненныхъ дѣйствій со стороны германцевъ, Болеславъ, имѣя подъ рукою готовое войско, вторгнулся

во владѣнія Генриха и опустошилъ значительную часть страны до самаго Магдебурга. Онъ овладѣлъ затѣмъ (1009) Лужицами, Соравіею и наконецъ осадилъ Будзишинъ, который, послѣ отчаяннаго сопротивленія, долженъ былъ сдаться. Генрихъ, занятый усмиреніемъ внутреннихъ волненій, не могъ воспрепятствовать этому, хотя самъ объявилъ войну. Только на слѣдующій годъ онъ перешелъ съ значительнымъ войскомъ черезъ Эльбу, но по случаю болѣзни, долженъ былъ возвратиться, а чешско-германскіе полки, подъ начальствомъ Яромира и нѣсколькихъ германскихъ вельможъ, вступили въ Силезію, и произвели въ ней сильное опустошеніе. Вскорѣ потомъ заключенъ былъ (въ январѣ 1011 г.) пятилѣтній миръ въ Мерзебургѣ, по которому Лужицы оставлены за Болеславомъ.

Этотъ миръ не былъ, въ сущности, миромъ: Болеславъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ нерасположенными къ императору германскими вельможами. Генрихъ объявилъ (въ іюлѣ 1011 г.) ему войну, которая однакожъ ни чѣмъ не кончилась, ибо рыцарство не имѣло желанія воевать съ поляками. Пользуясь за то отсутствіемъ императора, занятаго успокоеніемъ западныхъ мѣстностей Германіи, Болеславъ взялъ Лубушъ на Эльбѣ (1012 г.) Взаимная потребность мира, побуждала обѣ стороны къ соглашенію. Болеславъ, разузнавъ чрезъ пословъ о настроеніи императора, отправилъ въ Магдебургъ своего сына Мечислава (1013 г.) Генрихъ принялъ Мечислава необыкновенно радушно, посвятилъ его въ рыцари и приглашалъ быть болѣе частымъ гостемъ при его дворѣ. По возвращеніи сына, самъ Болеславъ собрался въ духовъ день въ Мерзебургъ, взявъ предварительно заложниковъ. Тамъ послѣдовало примиреніе и подобно тому какъ недавно сынъ былъ посвященъ въ рыцарское званіе, теперь императоръ возвелъ въ него отца. Согласно заключенному миру, оба обязались поддерживать другъ друга вооруженною силою, а императоръ при этомъ утвердилъ за Болеславомъ владѣніе Лужицами и другими завоеваніями по ту сторону Одера, не требуя отъ не-

го присяги на вѣрность, на что, впрочемъ, и не согласился бы польскій князь.

Заключая миръ съ Болеславомъ, Генрихъ хотѣлъ совершить походъ въ Италію, гдѣ полагалъ короноваться римскимъ императоромъ. Но и Болеслава отвлекали русскія дѣла. Въ Кіевѣ, какъ извѣстно, княжилъ св. Владиміръ, принявшій крещеніе по обряду греческой церкви. Имѣя отъ разныхъ женъ многочисленное потомство, онъ еще при жизни выдѣлилъ своимъ сыновьямъ земли, оставляя за собою верховную власть. Самому старшему своему сыну Святополку, онъ отдалъ княжество туровское и женилъ его на дочери Болеслава. Вмѣстѣ съ княжною прибыли въ Русь священники латинскаго исповѣданія и въ ихъ числѣ колобржескій епископъ Райнбернъ, усердный пропагандистъ. При содѣйствіи княгини, онъ убѣдилъ Святополка и весь его дворъ принять латинскую вѣру. Эта перемѣна исповѣданія и неповиновеніе до того разсердили Владиміра, что онъ велѣлъ посадить въ тюрьму своего сына, его жену и епископа Райнберна. Сторону узниковъ принялъ Болеславъ, и когда ходатайство ни къ чему не повело, онъ двинулся съ войскомъ противъ Руси. Въ этомъ походѣ участвовали германскія вспомогательныя войска и наемные полки печенѣговъ. Русины не могли сражаться въ открытомъ полѣ, а потому значительныя пространства въ ихъ странѣ подверглись опустошенію. Отсутствіе дисциплины у печенѣговъ заставило Болеслава прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Окруживъ ихъ полки, онъ велѣлъ ихъ уничтожить, а по полученіи удовлетворенія, возвратился изъ экспедиціи.

Между тѣмъ Генрихъ, успокоивъ Германію, собрался въ итальянскій походъ. Согласно договору, онъ потребовалъ обѣщанныхъ подкрѣпленій; но Болеславъ не только не исполнилъ требованія, но даже пожаловался на него папѣ и послалъ, вслѣдъ за нимъ шпіоновъ, которые должны были вредить ему на каждомъ шагу. Не смотря на эти интриги, Генрихъ короновался въ Римѣ (14 февр. 1014), а по возвращеніи, вызвалъ рѣшеніе германскихъ владѣтелей, по которому велѣно было Болеславу или оправдаться въ взведенныхъ обвиненіяхъ, или же, въ случаѣ виновности,

дать полное удовлетвореніе. Болеславъ на требованіе императора возвратить занятыя земли отвѣтилъ надменно, что не только съумѣетъ удержать за собою, все доставшееся въ его руки, но и съумѣетъ завоевать и опустошить земли своихъ враговъ. Генрихъ желая и теперь еще покончить дѣло мирно, отправилъ къ Болеславу (1015) своего зятя, мисненскаго маркграфа Германа, который успѣлъ склонить его выслать къ императору своего посла Стойгнѣва. Но оскорбительный отвѣтъ, отъ котораго императоръ отказался впослѣдствіи, вызвалъ прекращеніе переговоровъ.

Болеславъ началъ готовиться къ войнѣ. Желая выступить съ превосходными силами, онъ отправилъ посольство ко всѣмъ сосѣднимъ славянскимъ народамъ, приглашая ихъ къ совмѣстной борьбѣ съ германцами. Къ Удальриху, управлявшему Чехіею, послѣ изгнанія брата Яромира, онъ послалъ своего роднаго сына Мечислава. Удальрихъ посадилъ королевича въ тюрьму, а главнѣйшихъ лицъ его свиты велѣлъ лишить жизни. Какъ скоро вѣсть объ этомъ разошлась по Германіи, вельможи, расположенные къ Болеславу, склонили императора приказать Удальриху немедленно доставить къ императорскому двору заключеннаго Мечислава. Чешскій князь сначала отказался, но, наконецъ, удовлетворилъ требованіе Генриха. Болеславъ просилъ императора, чрезъ пословъ, выдать ему сына. Генрихъ откладывая все это дѣло до съѣзда въ Мерзебургѣ, обѣщалъ возвратить сына, если Болеславъ лично прибудетъ на этотъ съѣздъ. На такое условіе не могъ согласиться Болеславъ храбрый, а потому употребилъ въ дѣло всѣ средства, чтобы освободить сына инымъ способомъ. Его уполномоченные до того искусно увлекли нѣкоторыхъ вельможъ, что на съѣздѣ въ Мерзебургѣ Генрихъ уступилъ доводамъ многихъ изъ своихъ совѣтниковъ, передалъ имъ Мечислава для доставленія отцу, за что послѣдній наградилъ ихъ весьма щедро.

Но и возвращеніе сына не могло склонить Болеслава явиться къ императору, который подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія, рѣшился употребить все свое могущество для подавленія Польши. Многочисленное рыцарство двинулось по тремъ дорогамъ къ владѣ-

ніямъ Болеслава. Съ запада, на челѣ главнаго отряда, выступилъ самъ Генрихъ, съ сѣвера — саксонскій князь Бернардъ съ саксонцами и лютиками, съ юга двигался Удальрихъ съ чехами и баварцами, и всѣ эти войска должны были соединиться по ту сторону Одера. Болеславъ такъ отлично расположилъ свои силы, что заставивъ Бернарда и Удальриха отступить, воспрепятствовалъ этому соединенію. Окружая затѣмъ со всѣхъ сторонъ главный отрядъ, онъ довелъ его до той крайности, что Генрихъ вынужденъ былъ отступать какъ можно поспѣшнѣе, лишь бы не подвергнуть своего рыцарства вѣрной гибели. Самъ императоръ, впрочемъ, успѣлъ скрыться съ частію войска, но за то всѣ остальные, попавъ въ засаду, потерпѣли совершенное пораженіе, такъ что уцѣлѣло едва нѣсколько человѣкъ.

Неудача этого похода и безпорядки въ западной части государства, отвлекли Генриха, на этотъ разъ, отъ дальнѣйшаго веденія войны съ Польшею. Болеславъ также не могъ помышлять о вторженіи въ германскія земли, ибо русскія дѣла казались ему болѣе серьезными. Въ Кіевѣ умеръ великій князь Владиміръ. Изъ сыновей его находился въ столицѣ только зять Болеслава—Святополкъ. Захвативъ отцовскую казну, онъ подкупилъ княжескую дружину, присвоилъ себѣ верховную власть въ Кіевѣ, а двухъ младшихъ своихъ братьевъ — Глѣба и Бориса, умертвилъ коварнымъ образомъ. Новгородскій князь Ярославъ, одинъ изъ сыновей Владиміра, узнавъ объ этомъ происшествіи, выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ противу Святополка, преградившаго ему дорогу у Днѣпра. Оба войска, раздѣленныя рѣкою, три мѣсяца смотрѣли другъ на друга; но ни одна изъ сторонъ не рѣшалась первая переправиться черезъ рѣку. Наконецъ Ярославъ подкупилъ одного изъ бояръ Святополка и съ его содѣйствіемъ, переправивъ войско ночью, внезапно атаковалъ лагерь противниковъ. Послѣ отчаянной битвы войско Святополка разбѣжалось и онъ самъ долженъ былъ скрыться въ Польшу (1016). Ярославъ овладѣлъ теперь Кіевомъ. Спокойный на нѣкоторое время со стороны Германіи, Болеславъ рѣшился поддержать Святополка. Разгромивъ полчища Ярослава, онъ от-

тѣснилъ ихъ подъ самый Кіевъ, какъ вдругъ, отъ Мечислава, уполномоченнаго охранять западныя границы, явился гонецъ съ извѣстіемъ, что Генрихъ, усмиривъ волненіе, готовится къ новому походу въ Польшу. Это побудило Болеслава къ поспѣшному возвращенію. И дѣйствительно — въ Германіи уже состоялось рѣшеніе на счетъ похода, но императоръ, во вниманіе къ поздней осенней порѣ, отложилъ его, однакожъ, до болѣе благопріятнаго времени. Между тѣмъ начались переговоры о мирѣ. Послы отправленные съ обѣихъ сторонъ, заключили временное перемиріе, въ продолженіе котораго должно было послѣдовать ближайшее соглашеніе. Германскіе уполномоченные, ставъ лагеремъ на Мульдѣ, хотѣли чтобы Болеславъ, гостившій въ то время въ Сциціанахъ, прибылъ къ нимъ лично. Ихъ посланные принесли отвѣтъ, что король не только не выйдетъ на встрѣчу на мостъ, но напротивъ требуетъ, чтобы уполномоченные явились къ нему. Такимъ образомъ переговоры не состоялись. Императоръ назначилъ затѣмъ всеобщее ополченіе отъ всей Германіи, а также заключилъ союзъ съ Ярославомъ, который долженъ былъ одновременно атаковать Польшу съ востока. Болеславъ, съ своей стороны, приготовился на всѣхъ пунктахъ къ могущественной оборонѣ. Въ началѣ іюля (1017) германскія войска переправились чрезъ Эльбу, и не смотря на ихъ многочисленность, императоръ хотѣлъ еще разъ попытаться, не удастся ли путемъ переговоровъ покончить все дѣло. Когда Болеславъ отвергнулъ предложенныя условія, рѣшеніе дѣла должно было быть предоставлено оружію. Все германское войско двинулось впередъ и достигло Глогова, гдѣ Болеславъ занялъ весьма укрѣпленную позицію. Генрихъ не рѣшался атаковать ее, но за то пытался взять Нѣмчу[1]). И здѣсь однакожъ его постигла неудача. Потерявъ не мало людей, онъ долженъ былъ послѣ нѣсколько недѣльной осады предпринять отступленіе чрезъ Чехію, ибо всѣ дру-

---

[1]) Нѣмча — небольшой городокъ въ Силезіи, при рѣчкѣ Логе, между Рейхенбахомъ и Стреленомъ. Это едва ли не самый старинный городъ въ Селезіи. Въ описываемую эпоху, именно въ началѣ одинадцатаго столѣтія, Нѣмча слыла весьма укрѣпленнымъ пунктомъ. *Прим. переводч.*

гія дороги Болеславъ занялъ своими войсками. Подобную неудачу испыталъ и Ярославъ, ибо полки его, приведенные въ смятеніе вождями Болеслава, должны были отступить со стыдомъ.

Генрихъ мечталъ, правда, о новомъ походѣ, но германскіе владѣтели испытали уже такъ много потерь въ войнахъ съ Болеславомъ, что старались всѣми силами отклонить императора отъ подобнаго намѣренія. Начались вновь переговоры и не смотря на то что нѣсколько разъ прерывались, разрѣшились окончательно (30 янв. 1018) миромъ въ Будзишинѣ. Болеславъ сохранилъ за собою всѣ завоеванія и подобно тому какъ обѣщалъ императору, въ случаѣ надобности, вооруженную помощь, получилъ также завѣреніе, въ случаѣ войны, имѣть къ своимъ услугамъ германскія вспомогательныя силы. Сверхъ того онъ уговорилъ Генриха обѣщать ему руку Оды, дочери убитаго, 16 лѣтъ тому назадъ, маркграфа Мисніи — Эккарда.

Теперь Болеславъ могъ направить всѣ силы своего государства противъ Ярослава. Располагая германскими подкрѣпленіями и и сверхъ того венгерскими и печенѣгскими волонтерными отрядами, онъ двинулся (въ іюлѣ 1018) въ Русь, разбилъ при Бугѣ многочисленное войско Ярослава и пошелъ прямо на Кіевъ. Ярославъ, не выжидая его прибытія, бѣжалъ въ Новгородъ. Городъ сдался побѣдителю, который отъ своего имени посадилъ на княжество Святополка, а для упроченія своей власти, пробылъ на Руси довольно продолжительное время. Неудовольствіе жителей, возбуждаемое тайно самимъ Святополкомъ, заставило Болеслава отступить. Захвативъ казну и множество заложниковъ, Болеславъ выступилъ домой и на обратномъ пути разбилъ ярославово войско, желавшее отрѣзать ему отступленіе.

Это былъ послѣдній военный походъ великаго короля. Благодаря своему мужеству, онъ заставилъ всѣхъ сосѣдей уважать границы государства и, такимъ образомъ, могъ въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни, предаться спасительному отдыху. Заботясь о внѣшней безопасности и достоинствѣ отечества, онъ не менѣе того хлопоталъ и о внутреннемъ благосостояніи страны. Онъ основалъ множество деревень и городовъ, строилъ замки, слѣдилъ

за правосудіемъ и предотвращалъ, съ замѣчательною энергіею, всякія насилія и злоупотребленія со стороны чиновниковъ. Объѣзжая часто разныя мѣстности своего обширнаго государства, онъ строго всматривался въ мѣстную администрацію и всегда, доступный и гуманный, засѣдалъ съ выборными въ судахъ, отъ которыхъ каждый обиженный, хотя бы самый бѣдный, могъ ожидать справедливаго приговора. Во время этихъ путешествій, Болеславъ обыкновенно останавливался въ замкахъ, желая устранить всякое притѣсненіе поселянъ, обязанныхъ кормить его дворъ. Онъ вполнѣ заслужилъ наименованіе отца народа, ибо, подобно отцу, заботился о благоденствіи всѣхъ и освободилъ страну отъ всякой внѣшней зависимости.

Пока жилъ Генрихъ II, съ Германіею новыхъ недоразумѣній не возникало. Но когда умеръ этотъ императоръ (13 іюля 1094), наслѣдникъ его — Конрадъ II (коронованный 7 сентября) выступилъ вновь съ притязаніемъ какого то господства надъ Польшею. Это вызвало со стороны Болеслава рѣшительныя дѣйствія. Созвавъ всѣхъ своихъ епископовъ, онъ велѣлъ короновать себя (въ концѣ 1024 или въ началѣ 1025) торжественно въ Гнѣзнѣ; но вскорѣ послѣ этого торжества скончался, именно 17 іюня 1025 года. Весь народъ, оплакивая потерю великаго короля, облекся въ трауръ на цѣлый годъ. Уже этотъ одинъ фактъ обнаруживаетъ, чѣмъ было для Польши его правленіе....[1]).

Болеславъ былъ женатъ четыре раза. Первою женою, которую онъ вскорѣ бросилъ, была Рисдага, дочь мисненскаго маркграфа. Со второю — Юдиѳіею, сестрою венгерскаго короля св. Стефана, которая родила ему сына Оттона, называвшагося также Беспремъ и Безбраимомъ, онъ развелся въ 989 году. Третья жена — дочь славянскаго господаря Добремира, была матерью Мечислава, Добремира и трехъ дочерей; на одной изъ нихъ женился мисненскій

---

[1]) *Болеславъ храбрый*—личность, по истинѣ, колоссальная. Это фундаментъ, на которомъ впослѣдствіи развился государственный и общественный строй Польши. Въ Болеславѣ, по словамъ Шайнохи, отражается весь польскій народъ. Весьма справедливо сопоставляетъ Шуйскій, въ своемъ недавно вышедшемъ со-

маркграфъ Германъ, на другой Святополкъ, а третья сдѣлалась настоятельницею какого то монастыря. Четвертою женою Болеслава была Ода—дочь Эккарда.

Мечиславъ II по смерти отца принялъ бразды правленія надъ всѣмъ государствомъ, а прочіе братья должны были ему подчиниться. Слѣдуя примѣру отца, онъ велѣлъ своимъ епископамъ короновать себя, а Конраду II, заявившему, тотчасъ же, свои воображаемыя права на господство въ Польшѣ, послалъ отвѣтъ, вполнѣ достойный короля. Оскорбленный императоръ заключилъ противъ Польши съ королемъ Даніи и Англіи союзъ, окупленный уступкою Силезіи (1026). Не смотря на это Мечиславъ, не одаренный такими блестящими способностями какъ Болеславъ, не умѣлъ сохранить въ цѣлости того, что создалъ отцовскій трудъ. Въ отношеніи его были несправедливы, давъ ему прозваніе гнуснаго и безпечнаго: напротивъ, о немъ можно бы сказать, что онъ скорѣе былъ несчастнымъ, нежели дурнымъ королемъ.

Столкновенія въ царствующей династіи навлекли на Польшу волненія и потери. Когда Оттонъ или Безбраимъ, вскорѣ послѣ смерти отца, потребовалъ цѣлаго государства, или же отдѣльнаго удѣла, Мечиславъ II изгналъ его изъ края. Изгнанникъ бѣжалъ въ Венгрію и склонилъ своего дядю — Стефана, произвести

чиненіи (Dzieje Polski, spisane przez Józefa Szujskiego) Болеслава храбраго съ Карломъ великимъ во Франціи, Альфредомъ великимъ въ Англіи, Канутомъ великимъ въ Скандинавіи, Оттономъ великимъ въ Германіи, Владиміромъ великимъ на Руси. Шуйскій такими словами заключаетъ свою характеристику Болеслава: «Личность Болеслава храбраго, говоритъ онъ, на сколько можно судить по источникамъ, дѣлаетъ его истиннымъ типомъ польскаго короля-богатыря. Этотъ, согласно польскимъ хроникамъ, строгій и въ тоже время милостивый отецъ, справедливый судья, защитникъ сельскаго люда, основатель церквей, монастырей и епископствъ, воинъ неслыханнаго мужества, этотъ, согласно Дитмару, рычащій левъ, охотникъ до шумныхъ удовольствій и страстныхъ развлеченій, этотъ рыцарь, охотно мѣняющій женъ,—представляетъ собою типъ размашистости польской натуры. Это, такъ сказать, энциклопедія всѣхъ достоинствъ и недостатковъ, которые встрѣчаемъ разсѣянными въ позднѣйшихъ національныхъ личностяхъ: въ Казимірѣ великомъ, Сигизмундахъ, Стефанѣ Баторіи, Янѣ Собѣсскомъ, возрождаются отдѣльныя черты этой колоссальной статуи, этого популярнѣйшаго короля въ польскомъ народѣ.

Примѣч. перев.

нападеніе на Польскія земли. Стефанъ захватилъ часть Хробатіи по ту сторону Татровъ, и восточную Моравію, и довольствуясь этими завоеваніями, не поддерживалъ болѣе притязаній своего племянника, который призвалъ теперь на помощь Удальриха и Конрада II. Пользуясь этимъ, сынъ Удальриха, Бретиславъ, вступилъ въ Моравію и захватилъ ее сразу, а въ тоже время съ другой стороны германскіе ленники въ лужицкой и мильзненской земляхъ, хотѣли оторвать этотъ край отъ короля. Мечиславъ заключилъ съ чехами миръ, по которому уступилъ имъ Моравію, намѣреваясь за это тѣмъ строже наказать возмутителей по ту сторону Одера. Напавъ съ войскомъ (1028) на Лужице, онъ велѣлъ безъ милосердія уничтожать всѣ германскія поселенія, рыцарство и помѣщиковъ, не щадя при этомъ, ни старцевъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Тѣ изъ лужицкихъ германцевъ, которые успѣли избѣжать его мести, обратились къ императору съ жалобою. Послѣдній не отказалъ имъ въ помощи и собравъ сильное войско, вошелъ въ польскія владѣнія (1029). Войско это имѣя дурныхъ проводниковъ, послѣ утомительнаго похода по болотамъ и безпутицамъ, приступило къ осадѣ Будзишина, но энергическая оборона этого города принудила императора вскорѣ отступить.

Желая отмстить Конраду за его походъ, Мечиславъ вступилъ вмѣстѣ съ лютиками въ земли за Эльбою, опустошилъ ихъ огнемъ и мечемъ, и, сверхъ множества добычи, захватилъ 9000 плѣнныхъ. Не смотря на эти подвиги польскаго оружія, Мечиславу II угрожали новыя бури со всѣхъ сторонъ. Именно когда великій князь кіевскій Ярославъ, предпринялъ удачный походъ въ червонорусскія земли, Конрадъ II и Оттонъ, по взаимному соглашенію, напали на Польшу (осенью 1031 г.), первый съ западной, а второй съ южной стороны. Мечиславъ сопротивлялся довольно энергически, но аттакованный одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ, а быть можетъ, тревожимый и внутренними безпорядками, заключилъ съ императоромъ весьма невыгодный миръ. Онъ долженъ былъ возвратить добычу и даже уступить часть западныхъ владѣній.

Не много выигралъ отъ этого Мечиславъ, ибо Оттонъ, поль-

зуясь неудачами брата, тѣснилъ его всѣми силами. Несчастіе постоянно сопутствовало оружію Мечислава и спустя мѣсяцъ послѣ заключеннаго съ императоромъ мира, онъ долженъ былъ бѣжать изъ края. Одолѣваемый германцами, русинами и полчищами Оттона, и, къ тому же, покинутый всѣми, онъ вынужденъ былъ искать убѣжища у своего прежняго врага Удальриха, который именно тогда былъ въ дурныхъ отношеніяхъ къ императору. Оттонъ присвоилъ себѣ верховную власть въ Польшѣ, а желая получить подтвержденіе Конрада II, призналъ его своимъ и всей страны повелителемъ и отправилъ къ нему всевозможные знаки королевскаго достоинства. Его правленіе было не продолжительно, ибо своимъ варварствомъ онъ вооружилъ противъ себя собственныхъ воиновъ, которые его и умертвили (1032).

Мечиславъ II встрѣтилъ въ Чехіи вмѣсто пріюта—тюрьму, и Удальрихъ хотѣлъ его даже выдать императору, который, будтобы, отвѣтилъ, что не думаетъ принять непріятеля изъ рукъ врага. Есть даже указанія, что Удальрихъ велѣлъ изуродовать ужаснѣйшимъ образомъ своего плѣнника. Какимъ способомъ Мечиславъ получилъ свободу неизвѣстно, но вѣрно только-то, что какъ скоро ранеслась вѣсть о смерти Оттона, онъ явился въ Польшѣ и вступилъ вновь въ управленіе страною. Когда императоръ не медля, началъ готовиться къ походу въ Польшу, и даже уже выступилъ съ значительнымъ войскомъ, Мечиславъ успѣлъ его остановить, обѣщавъ чрезъ пословъ явиться къ назначенному времени и мѣсту, чтобъ лично оправдаться предъ нимъ. Онъ прибылъ дѣйствительно (7 іюля 1032 г.) на съѣздъ въ Мерзебургъ, гдѣ при посредничествѣ императрицы примирился съ Конрадомъ, но долженъ былъ уступить мѣстности по ту сторону Одера въ пользу какихъ то двоюродныхъ братьевъ. Такимъ образомъ границы государства, очерченныя оружіемъ Болеслава храбраго, стѣснились со всѣхъ сторонъ.

Внѣшнія неудачи порождали движеніе въ самомъ краѣ, чему не мало содѣйствовала жена Мечислава, раздраженная противъ него изъ за какой то наложницы. Поморяне хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ и сбросить съ себя польское господство. Отказавшись отъ

взноса обыкновенныхъ податей и взявшись за оружіе, они избрали себѣ начальника. Мечиславъ выступилъ противъ нихъ съ многочисленнымъ войскомъ, и послѣ упорнаго боя, въ которомъ погибъ вождь инсургентовъ, одержалъ рѣшительную побѣду. Въ этой войнѣ отличился венгерскій королевичъ Бела, сопровождавшій Мечислава съ своими тремя братьями, за что вмѣстѣ съ рукою его дочери, получилъ на содержаніе своего двора дань платимую поморянами. Вскорѣ потомъ умеръ (15 марта 1034 г.) Мечиславъ II, оставивъ государство въ большомъ замѣшательствѣ. Именемъ его малолѣтняго сына *Казиміра* управляла Рикса, удалявшаяся отъ двора при жизни мужа. Какъ племянница Оттона III, она была въ тоже время родственницею Конрада II и хотя о ней говорятъ, что какъ женщина она управляла довольно хорошо, но все таки не могла сладить съ обстоятельствами. Покровительствуя болѣе германцамъ, нежели мѣстному населенію, она возбудила противъ себя всеобщее неудовольствіе. Поляки роптали на ея гордость, на произволъ германскихъ фаворитовъ и несправедливость при раздачѣ должностей, которыя не доставались заслуженнымъ людямъ, а льстецамъ. Неудовольствіе возрастало съ каждымъ днемъ, и наконецъ, обратилось въ открытое возстаніе. Рикса, устрашенная грозящею опасностію, выслала секретно въ Германію королевскія драгоцѣнности и казну, а потомъ втихомолку сама выѣхала изъ Польши (1036 г.) и поселилась въ брюнвиллерскомъ венедиктинскомъ монастырѣ, основанномъ ея родителями.

Послѣ выѣзда матери, правленіе досталось Казиміру, но и онъ не имѣлъ продолжительнаго успѣха. Спустя годъ, онъ долженъ былъ оставить край, въ которомъ разстройство всѣхъ общественныхъ отношеній достигло высшей степени. Казиміръ обратился къ венгерскому королю Стефану, въ надеждѣ получить отъ него вооруженную помощь для подавленія безпорядковъ, или, по крайней мѣрѣ, средства къ безпрепятственному совершенію дальнѣйшаго путешествія по Германіи. Но надежды обманули его, ибо Стефанъ задержалъ его по требованію чешскаго князя Бретислава. Только послѣ смерти Стефана (18 августа 1038 г.) на

слѣдникъ его Петръ, позволилъ Казиміру ѣхать куда угодно, подъ прикрытіемъ 100 рыцарей, данныхъ для защиты. Казиміръ поспѣшилъ въ Германію, гдѣ ожидалъ получить помощь нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ.

Между тѣмъ въ Польшѣ кипѣла самая ужасная междоусобная война. Магнаты, желая по примѣру запада, создавать для себя удѣльныя княжества, захватывали другъ у друга волости. Насиліе и наѣзды, на которые рѣшались магнаты во главѣ вооруженныхъ отрядовъ, поощряли цѣлую ватагу бродягъ къ разбоямъ и грабежамъ, ибо не было высшей власти, которая поддерживала бы порядокъ и общественную безопасность. Часто завязывались настоящія битвы, жгли и деревни и города, и чѣмъ кто былъ сильнѣе, тѣмъ бо̀льшія позволялъ себѣ творить беззаконія. Болѣе всего страдалъ отъ этого сельскій людъ и невыносимыя притѣсненія побудили крестьянъ къ мести. Группируясь въ болѣе значительныя массы, они начали нападать на господскіе дворы и на отряды рыцарства, а когда ихъ постигала удача, они отнимали у побѣжденныхъ все достояніе вмѣстѣ съ женами и дочерьми, мужчинъ же обращали въ своихъ подданныхъ. Среди этой ужасной борьбы возродилось въ народѣ воспоминаніе о прежней необузданности, которою онъ пользовался до введенія христіанской вѣры. Цѣлыя общины возвращались теперь къ язычеству и разрушая христіанскіе храмы, преслѣдовали священниковъ, изъ которыхъ многіе были умерщвлены самымъ ужаснымъ образомъ.

Этими волненіями пользовались сосѣди, захватывая пограничные земли и города. Болѣе всѣхъ нанесъ вреда Польшѣ Бретиславъ, во время своего двукратнаго похода. Въ первый походъ (1038) онъ уничтожилъ краковскую землю и сжегъ Краковъ, занятый имъ безъ сопротивленія. Во второй же онъ разрушилъ Бреславль и, овладѣвъ частію Силезіи, прилегающею къ Чехіи, двинулся къ Гнѣзну. Онъ вывезъ изъ этого города мощи св. Войцѣха и пяти другихъ мучениковъ, всѣ богатыя украшенія и церковные сосуды, а самый край во время похода обратилъ почти въ пустыню. Всѣ эти бѣдствія не заставили, однакожъ, опомниться разрозненныя

партіи. Нѣкогда населенныя мѣстности остались теперь безъ жителей, которые скитались или съ шайками грабителей, или скрывались въ лѣсахъ съ имуществомъ, или же бѣжали въ сосѣднюю Мазовію. Въ послѣдней какой то Миславъ или Мечиславъ, назначенный Мечиславомъ II, хорунжимъ мазовецкой земли, поддерживалъ подобіе какого то порядка, помышляя создать для себя отдѣльное княжество.

Между тѣмъ внукъ Храбраго скитался за границею. Когда онъ прибылъ въ Германію, тамъ царствовалъ еще Конрадъ II, отъ котораго ему не удалось получить помощи. Это равнодушіе императора и послѣдовавшая вскорѣ смерть его (4 іюня 1039 г.) ободрила Бретислава къ нашествію на Польшу. Но какъ скоро правленіе досталось сыну Конрада—Генриху III, обстоятельства перемѣнились. Казиміръ, пріобрѣвшій во время своего пребыванія за границею репутацію мужественнаго рыцаря и сильно убѣждаемый возвратиться въ отечество польскими эмигрантами, число которыхъ возрастало съ каждымъ днемъ, получилъ при содѣйствіи родственниковъ успѣшную помощь отъ новаго императора. Генрихъ, внимая громкимъ жалобамъ дошедшимъ и до апостольской столицы о чешскихъ грабежахъ и насиліяхъ, снарядилъ экспедицію противъ Бретислава и самъ двинулся въ ея главѣ (1039 г.) Онъ далъ одновременно Казиміру нѣсколько сотъ рыцарей, къ которымъ родные по матери прибавили отъ себя вооруженныя *дружины* [1]). Съ этимъ отрядомъ и въ сопровожденіи польскихъ выходцевъ, пріютившихся въ Германіи, юный король рѣшился возвратиться въ свою родную землю, терзаемую смутами и разногласіями. На самой границѣ ему сдался какой то городъ. Отсюда онъ предпринялъ дальнѣйшія дѣйствія съ цѣлію возстановить свои прежнія права. Но это было не такъ легко: ему приходилось брать съ бою, по очереди, каждое удѣльное княжество, которое возникло во время волненій. Къ тому же всѣ партіи, боровшіяся до сихъ поръ между собою, изъ опасенія мести возвратившагося короля, соединились вмѣстѣ для

---

[1]) Въ прежнія времена въ Польшѣ всякій землевладѣлецъ, обязанный военною службою, въ случаѣ призыва, не являлся одинъ, но въ сопровожденіи своихъ людей, совершенно снаряженныхъ къ бою. Эта то свита называлась дружиною, *почтомъ* (poczet). *Примѣч. перев.*

общей защиты. Счастіе благопріятствовало Казиміру. Энергіею въ военныхъ дѣйствіяхъ, а также строгостію въ исполненіи кары надъ виновными, строгостію, умѣряемою разумнымъ помилованіемъ, онъ, наконецъ, поколебалъ сопротивленіе до того, что въ 1040 году вновь пріобрѣлъ всю Польшу, за исключеніемъ Мазовіи и части страны захваченной Бретиславомъ. Въ то время когда Казиміръ, во главѣ чужеземнаго войска, возстановлялъ достояніе своихъ предковъ,—Генрихъ III въ возобновляемыхъ походахъ принуждалъ Бретислава къ покорности, а также къ возвращенію забранныхъ у Польши земель и добычи. Бретиславъ былъ вынужденъ просить мира, и дать обѣщаніе возвратить все, когда либо захваченное у Польши. Но должно быть онъ не исполнилъ своихъ обѣщаній, ибо Бреславль и окрестныя земли еще долго оставались въ его владѣніи.

Утвердившись на престолѣ, Казиміръ позаботился о внутреннемъ успокоеніи отечества, взволнованнаго столькими несчастіями. При возстановленіи прежняго порядка вещей, дѣло не обошлось безъ строгихъ мѣръ. Главнѣйшіе зачинщики волненій наказывались смертною казнію чрезъ повѣшеніе, а прочіе поврежденіемъ членовъ. Казиміръ хотѣлъ этими мѣрами вызвать паническій страхъ. Менѣе виновные, являясь съ повинною, получали не медля помилованіе. Испытанныя бѣдствія, совершенное истощеніе общественной казны и страшное опустошеніе края, побуждали Казиміра быть необыкновенно осмотрительнымъ въ дѣлѣ возстановленія прежняго порядка. Онъ долженъ былъ также заключить дружественные договоры съ сосѣдями. Вскорѣ (1041) онъ женился на Маріи или Доброгнѣвѣ, дочери кіевскаго великаго князя Ярослава, княжившаго надъ всею Русью. Значительнымъ приданымъ жены, онъ усилилъ свои финансы и кромѣ того тесть далъ ему вооруженную помощь для дальнѣйшаго завоеванія земель, утраченныхъ во время смутъ. Отплачивая за добро добромъ, онъ позволилъ 800 русскимъ заложникамъ, вывезеннымъ Болеславомъ, возвратиться въ свое отечество.

Уже послѣ успокоенія всей Польши, Казиміръ пригласилъ подчиниться и Маслава, начальствующаго въ Мазовіи; но когда приглашеніе оказалось безуспѣшнымъ, онъ выступилъ противъ него съ

оружіемъ (1042 г.). Маславъ, съ своей стороны, приготовился къ отпору и поддержанный отрядами сосѣднихъ ятвяговъ, литовцевъ и прусовъ двинулся на встрѣчу немногочисленнымъ полкамъ Казиміра, ожидая сверхъ того ежеминутно прибытія поморскихъ полковъ. Казиміръ первый ударилъ на противниковъ, не смотря на ихъ численное превосходство и послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, одержалъ совершенную побѣду. 15,000 труповъ осталось на полѣ битвы, 2,000 человѣкъ взято въ плѣнъ, а остальные разсѣялись во всѣ стороны. Маславъ уведя остатки, соединился съ подошедшими поморянами и превосходя числомъ и на этотъ разъ, поляковъ, рѣшился испытать вновь счастія. Казиміръ побѣдилъ вторично, но увлекшись преслѣдованіемъ разбитаго непріятеля, подвергся огромнѣйшей опасности и едва не сдѣлался жертвою своей неосторожности. Въ ту минуту когда онъ изнемогалъ отъ ранъ, простой воинъ подалъ ему коня, за что въ награду получилъ впослѣдствіи дворянство и волость. Маславъ погибъ или во второмъ бою, или у прусовъ, которые, какъ говорятъ, желая выместить на немъ смерть многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, повѣсили его на высокомъ деревѣ, говоря *«ты взлетѣлъ высоко, за то и висишь высоко.»*

Пораженіе Маслава содѣйствовало окончательному успокоенію Польши, ибо недовольные не имѣли уже болѣе точки опоры. Даже прусы, угрожаемые войною, обѣщали въ виду сохраненія мира строго выполнить требованія Казиміра. Усмиривъ силою оружія внутреннія смуты, Казиміръ не переставалъ думать о заживленіи ранъ, нанесенныхъ странѣ этими смутами. Онъ началъ отстраивать разрушенные города, деревни, храмы и монастыри, прекратилъ распространившіеся разбои и уничтожилъ слѣды язычества. Это былъ трудъ не малый, не разъ приходилось дѣйствовать съ непоколебимою строгостію, чтобы примирить самые разнородные элементы. Мало помалу возставали изъ развалинъ города и деревни, а шайки разбойниковъ должны были отказаться отъ недостойнаго ремесла. Установленныя же вновь власти и должности слѣдили за исполненіемъ правительственныхъ уставовъ и распоряженій, за общественною

безопасностію и исполненіемъ судебныхъ приговоровъ. Скромный кружокъ священниковъ, вышедшихъ всецѣло изъ бурь, Казиміръ увеличилъ вызваннымъ отовсюду свѣтскимъ и монашествующимъ духовенствомъ. Такимъ образомъ онъ воздвигнулъ все, что рушилось среди потрясеній и ниспровергнулъ все что въ эту смутную эпоху дерзнуло возвысить свою главу.

Среди занятій подобнаго рода Казиміръ тщательно избѣгалъ всякихъ столкновеній съ сосѣдями, въ особенности съ германскимъ императоромъ. Несмотря на это венгерскія дѣла привели къ недоразумѣніямъ. Въ Венгріи, какъ извѣстно, послѣ Стефана власть досталась его племяннику Петру, который покровительствуя черезъ чуръ германцамъ, вооружилъ противъ себя весь народъ. Оппозиціонная партія избрала на престолъ Абу, а впослѣдствіи Андрея, племянника Стефана. Генрихъ III заступился за Петра, что возбудило войну продолжавшуюся нѣсколько лѣтъ. Андрей, желая составить коалицію противъ германцевъ, призвалъ на помощь своего брата Белу, правителя Поморья, женатаго на сестрѣ Казиміра и заключилъ, безъ сомнѣнія, союзъ съ самимъ Казиміромъ въ 1049 или 1050 г. Это извѣстіе раздражило императора, и онъ снарядилъ сильную экспедицію въ Польшу. Уже войска начали собираться, когда съ одной стороны, слабость императора, а съ другой — поспѣшное оправданіе Казиміра въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, вновь повели къ соглашенію. Даже въ походѣ предпринятомъ противъ венгровъ (1051), Генриху помогали польскіе полки. Спустя три года Бреславль вмѣстѣ съ другими землями, забранными чехами, вошелъ въ составъ Польши.

Казиміра прозвали, по справедливости, возобновителемъ государства, ибо благодаря его усиліямъ, Польша возстановила въ его царствованіе вновь свои внутреннія силы, которыя были ей необходимы для занятія своего прежняго положенія. Все что позднѣйшіе лѣтописцы разсказываютъ о его монашествѣ и другихъ странностяхъ, не стоитъ повторенія. Казиміръ умеръ 11 ноября 1058 г., въ полной силѣ мужескаго возраста, оставивъ двухъ сыновей: Болеслава II

и Владислава-Германа, а также — дочь Святославу. Два младшіе сына: Оттонъ и Мечиславъ, умерли бездѣтно.

Старшій изъ сыновей Казиміра — *Болеславъ II* прозванный смѣлымъ и щедрымъ, въ минуту смерти отца, имѣлъ только 16 лѣтъ. Мать его съумѣла такъ ловко подѣйствовать на магнатовъ, что они безъ малѣйшаго сопротивленія, передали правленіе юношѣ, который при врожденныхъ способностяхъ развился весьма рано, обладая всѣми качествами великихъ людей. И онъ приложилъ-бы безъ сомнѣнія, эти качества къ дѣлу, если-бы слишкомъ преждевременное вступленіе на престолъ не поколебало въ немъ умственнаго равновѣсія, умѣющаго удерживать въ должныхъ предѣлахъ всѣ страсти. Достигнувъ престола въ молодыхъ лѣтахъ и избалованный удачами, онъ сдѣлался гордымъ и упрямымъ, и не хотѣлъ допустить и малѣйшаго ограниченія своего самодержавія. Этимъ окончательно онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе.

Внутреннія и внѣшнія обстоятельства благопріятствовали тогда Польшѣ. Когда всѣ сосѣднія земли были волнуемы потрясеніями и междоусобными войнами, когда въ Германіи, послѣ смерти Генриха III, наисамодержавнѣйшаго изъ императоровъ, временное правительство, учрежденное по случаю малолѣтства Генриха IV, не могло почти имѣть вліянія на внѣшнюю политику, — Польша окрѣпла, успокоенная во время правленія Казиміра. Онъ устроилъ ее такимъ образомъ, что вскорѣ исчезли всѣ слѣды испытанныхъ бѣдствій. Въ первые два года своего царствованія, Болеславъ слѣдовалъ политикѣ отца, въ чемъ помогли ему, навѣрное, совѣтники, воспитанные въ отцовской школѣ. Событія въ Чехіи и Венгріи подали ему первый поводъ выступить съ своими вооруженными силами и потому то собственно намъ слѣдуетъ ознакомиться съ этими событіями покороче.

Бретиславъ (умершій 1055 г.) издалъ постановленіе, чтобы старшій членъ царствующей династіи, наслѣдовалъ власть не раздѣляя ее между братьями. Онъ хотѣлъ избѣгнуть обыкновеннаго у славянъ распаденія государства на отдѣльные удѣлы. Въ силу этого постановленія, послѣ его смерти, верховная власть въ

Чехіи перешла къ старшему изъ сыновей Спицыгнѣву, и впослѣдствіи (1061 г.) къ Вратиславу. Послѣдній поручилъ своимъ двумъ младшимъ братьямъ—Конраду и Оттону, управленіе Моравіею, а самаго младшаго Яромира, котораго отецъ Бретиславъ готовилъ къ духовному званію, хотѣлъ вовсе оставить безъ удѣла. Разгнѣванный юноша схватился за оружіе, но ничего не добившись, бѣжалъ къ Болеславу, который принялъ его довольно хорошо. Чувствуя себя оскорбленнымъ, Вратиславъ прервалъ дружественныя сношенія съ Польшею. Венгерскія дѣла представили вскорѣ и другой поводъ къ войнѣ. Царствовавшій тамъ Андрей, вызвалъ, какъ извѣстно, еще при жизни Казимира, своего брата Белу для содѣйствія противъ германцевъ и обѣщалъ ему также послѣ себя наслѣдство. Хотя у него родился впослѣдствіи сынъ Соломонъ, и, такимъ образомъ, надежда на наслѣдство исчезла,—согласіе между братьями, тѣмъ не менѣе, не поколебалось. Впослѣдствіи, когда Андрей обручилъ своего 7-ми лѣтняго сына съ Юдиѳію, дочерью императора Генриха III и, слѣдуя совѣту ея матери, велѣлъ короновать его, возникли сперва несогласія, а вскорѣ раздраженіе приняло такіе размѣры, что Бела, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ къ Болеславу, который не отказалъ въ помощи мужу своей тетки. Андрей соединился съ своимъ зятемъ Бретиславомъ чешскимъ и уступилъ (1061 г.) часть своихъ полковъ Белѣ, а самъ двинулся съ остальными въ чешскія земли и осадилъ укрѣпленный Градецъ близъ Тропау, гдѣ, по неопытности своей, едва не погибъ съ войскомъ въ приготовленной засадѣ. Бела, напротивъ, побѣдилъ Андрея подъ Цисою. Покинутый своими солдатами, Андрей погибъ во время бѣгства, а побѣдитель вскорѣ послѣ того короновался.

Неудача, испытанная при осадѣ Градца, внушила поморянамъ или прусамъ смѣлость къ нападенію на польскія земли. Болеславъ поспѣшилъ за ними тотчасъ съ войскомъ и завидя за разлившеюся рѣкою ихъ полки, отягощенные добычею, велѣлъ своимъ тяжело вооруженнымъ людямъ переправиться вплавь; при этомъ утонуло не мало поляковъ, но остальные, достигнувъ врага, нанесли ему совершеннѣйшее пораженіе. Какъ скоро успокоилась Венгрія, состоял-

ся миръ съ Чехіею, ибо Вратиславъ, при посредничествѣ Болеслава, помирился съ Яромиромъ. При этомъ случаѣ князь чешскій женился на сестрѣ Болеслава — Свентославѣ или Свентоянѣ.

Спокойствіе Венгріи продолжалось не долго. Когда Бела, упавъ съ лошади, лишился жизни, молодой германскій императоръ Генрихъ IV вторгнулся въ Венгрію, посадилъ на престолъ Соломона, а сыновей Белы изгналъ изъ страны. Болеславъ рѣшился отправить войско въ Венгрію и ввѣрить надъ нимъ начальство старшему сыну Белы—Гейзѣ. Походъ удался какъ нельзя лучше. Соломонъ, разбитый въ открытомъ полѣ заперся въ Визельбургѣ, гдѣ при содѣйствіи венгерскихъ епископовъ, былъ заключенъ миръ. Соломонъ остался королемъ, а Гейза, вмѣстѣ съ братьями, получилъ во владѣніе третью часть Венгріи.

На нѣкоторое время утихли военныя бури и вновь установился миръ со всѣми сосѣдями, только русскія дѣла доставили Болеславу случай заявить превосходство своего оружія. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что Ярославъ господствовалъ надъ всею соединенною Русью, за исключеніемъ одного княжества Полоцкаго, которымъ управлялъ одинъ изъ внуковъ Владиміра великаго — Вячеславъ. Передъ смертью (1055) Ярославъ раздѣлилъ свое обширное государство между пятью сыновьями, съ тѣмъ условіемъ, чтобы четыре младшіе признавали первенство старшаго Изяслава, которому онъ назначилъ Кіевъ. Миръ держался довольно долго, ибо Изяславъ не злоупотреблялъ своею властію. Ярославичи дѣйствовали совокупно противъ всѣхъ враговъ и когда Вячеславъ овладѣлъ Новогородомъ, они выступили противъ него и одержали рѣшительную побѣду на берегахъ Нѣмана (1067). Изяславъ заманилъ его затѣмъ къ себѣ и вмѣстѣ съ двумя его сыновьями заключилъ въ тюрьму. Спустя годъ, Ярославичи испытали большую неудачу въ походѣ противъ половцевъ, что вызвало возстаніе въ самомъ Кіевѣ. Возставшіе освободили Вячеслава, котораго Изяславъ, не смотря на совѣты придворныхъ, не допустилъ умертвить, и провозгласили его княземъ, а дворецъ Изяслава ограбили. Изяславъ долженъ былъ бѣжать въ Польшу, между тѣмъ

какъ двое его братьевъ — Всеволодъ и Святославъ, остались въ своихъ удѣлахъ.

Болеславъ принялъ дядю весьма радушно и тѣмъ охотнѣе согласился дать помощь, что не хотѣлъ упустить такого удобнаго случая возобновить польское вліяніе на русскія дѣла. Вмѣстѣ съ Вячеславомъ и его сыновьями онъ двинулся на Русь, во главѣ сильнаго войска (1069) и подъ Бѣлгородомъ встрѣтилъ многочисленные полки Вячеслава. Дѣло не дошло до сраженія, ибо Вячеславъ, съ приближеніемъ польскихъ войскъ, бѣжалъ въ Полоцкъ, а, по примѣру вождя, разсѣялись также во всѣ стороны его дружины. Дорога въ Кіевъ была теперь открыта для Болеслава. Но кіевляне, опасаясь мщенія Изяслава, призвали на помощь его братьевъ. Они объявили въ тоже время, что сдадутся одному Изяславу, лишь бы онъ не приводилъ съ собою поляковъ, угрожая въ случаѣ неудовлетворенія ихъ желанія, сжечь городъ и переселиться въ земли греческаго императора. Святославъ и Всеволодъ увѣрили кіевскихъ пословъ въ томъ, что употребятъ всѣ усилія къ отклоненію брата отъ союза съ Польшею, и если бы онъ не внялъ ихъ увѣщанію, они выступятъ противъ него, какъ противъ врага Руси. И дѣйствительно они отправили къ нему конфиденціальное приглашеніе разстаться съ поляками и возвратиться въ Кіевъ, гдѣ жители встрѣтятъ его съ должными почестями и охотно примутъ всякую кару. Окруженный польскимъ войскомъ, Изяславъ не могъ ничего предпринять самъ. По совѣту Болеслава, онъ отвѣтилъ, что уступая желаніямъ братьевъ, отправляетъ въ Кіевъ своего сына Мстислава дабы увѣриться въ настроеніи жителей. Давъ такой отвѣтъ черезъ пословъ, Болеславъ раздѣлилъ свое войско на три части. Первой поручилъ наблюденіе за обозомъ, вторую, составленную изъ избраннѣйшихъ воиновъ, выслалъ впередъ въ Кіевъ подъ начальствомъ Мстислава, а съ третьею обыкновеннымъ маршемъ двигался самъ къ столицѣ. Мстиславъ занялъ Кіевъ безъ сопротивленія, и, разставивъ на главнѣйшихъ пунктахъ своихъ людей, велѣлъ схватить всѣхъ, содѣйствовавшихъ изгнанію его отца. Изъ нихъ 70 человѣкъ приговорилъ безъ суда къ смерти или къ изу-

родованію и донесъ обо всемъ отцу и Болеславу, которые и сами вскорѣ прибыли въ Кіевъ. Жители вышли на встрѣчу съ повинною, а Болеславъ, поддерживая въ войскѣ самую строгую дисциплину, въѣхалъ (2 мая 1069) въ Кіевъ чрезъ золотые ворота, на которыхъ возобновилъ знакъ прадѣдовскаго меча.

Пробывъ въ Руси цѣлую зиму, Болеславъ распоряжался въ Кіевѣ, какъ верховный правитель. Изяславъ, обязанный снабжать войско всѣми потребностями и исполнять всѣ распоряженія Болеслава, терялъ весьма много въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. Онъ умолялъ по этому Болеслава обращаться съ нимъ публично такъ, какъ это подобаетъ въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ. Послѣ долгихъ настояній, Болеславъ согласился на это, но съ условіемъ, чтобы каждый шагъ его коня оплачивался гривною золота. Не смотря на такъ дорого купленную встрѣчу, дѣло не обошлось безъ униженія.

Высокомѣріе и преждевременная надменность Болеслава была главнѣйшимъ препятствіемъ къ утвержденію польскаго владычества на Руси и послѣ десятимѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ, не извѣстно какими обстоятельствами, онъ былъ вынужденъ возвратиться во свояси. Стянувъ свои полки, онъ выступилъ (въ мартѣ 1070) въ Польшу и по дорогѣ занялъ перемышльское княжество. Возвратясь домой, онъ долженъ былъ, не медля, спѣшить на защиту Силезіи, подвергшейся въ его отсутствіи нападенію Вратислава. Настигнувъ наѣздниковъ, убѣгавшихъ съ добычею, онъ отрѣзалъ имъ путь къ отступленію. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Вратиславъ притворился готовымъ вступить въ переговоры, которые должны были начаться на слѣдующій день, но ночью провелъ все свое войско по не занятымъ въ лѣсу тропинкамъ. Болеславъ узналъ лишь на другой день о бѣгствѣ чеховъ и догнавъ ихъ тыльную стражъ, разбилъ ее совершенно и, въ довершеніе, опустошилъ моравскую землю. Столкновенія съ чехами продолжались нѣсколько лѣтъ, и хотя обѣ стороны не вели войны съ особеннымъ напряженіемъ, но кажется однакожъ, что превосходство было на сторонѣ Болеслава. По просьбѣ Вратислава въ это дѣло вмѣшался Генрихъ IV.

Считая себя самодержавнымъ намѣстникомъ римскихъ императоровъ, онъ потребовалъ къ себѣ въ Миснію (1071) воюющія стороны, съ цѣлію склонить ихъ къ примиренію подъ страхомъ опалы. Приказъ состоялся, но Болеславъ не обращалъ на него вниманія и продолжалъ нападать на Чехію. Раздраженный Генрихъ вызвалъ (1073) изъ Саксоніи 60,000 ополченія и хотѣлъ съ нимъ двинуться въ Польшу. Но саксонцы не имѣли охоты сражаться съ поляками и, оправдываясь необходимостію постоянной войны съ лютиками, разошлись по домамъ.

Въ Венгріи снова возгорѣлась междоусобная война. Сыновья Белы, побѣжденные Соломономъ, призвали на помощь Болеслава, который въ свою очередь, побѣдилъ Соломона, довелъ его до того, что онъ заперся въ двухъ замкахъ, а всю Венгрію передалъ братьямъ. Верховную власть принялъ Гейза и, не смотря на всѣ усилія Соломона, сохранилъ ее за собою до самой смерти, послѣ чего она досталась брату его—Владиславу.

Между тѣмъ и предпріимчивый Святославъ, согласившись съ Всеволодомъ, изгналъ Изяслава и занялъ (1073) великокняжескій престолъ. Изгнанникъ нашелъ пріютъ съ сокровищами и семействомъ у Болеслава, и прося у него вооруженной помощи, передалъ ему значительную часть вывезенныхъ сокровищъ на военные расходы. Но Болеславъ принявъ сокровища, не далъ ему никакой помощи, а завоевалъ для себя Волынь, съ братьями же его заключилъ миръ, въ силу котораго онъ обязалъ ихъ къ покорности и къ доставленію пособій на случай какой бы то ни было войны. Изяславъ обманутый въ своихъ надеждахъ, самъ отправился къ Генриху IV, а сына послалъ къ папѣ. Первому онъ обѣщалъ покорность и дань, а последнему, какъ скоро при его содѣйствіи получитъ вновь престолъ, перейти на лоно латинской церкви. Генрихъ принялъ эти заявленія какъ нельзя лучше, а обѣщаніями заманивъ Вратислава (1075) въ тѣснѣйшій съ собою союзъ, отправилъ тревирскаго инфулата Бургарда къ русскимъ князьямъ съ приказаніемъ очистить незаконно занятыя земли, угрожая въ противномъ случаѣ принудить ихъ къ тому силою. Григорій же VII, отправляя въ Польшу ле-

гатовъ, поручилъ имъ, кромѣ другихъ занятій, поддержать дѣло Изяслава, о которомъ ходатайствовалъ также письменно. Пребываніе Бургарда въ Кіевѣ побудило братьевъ изгнанника послать Генриху богатые подарки. Тронутый этимъ вниманіемъ, императоръ прервалъ совершенно сношенія съ Изяславомъ и даже велѣлъ держать его подъ стражею.

Болеславъ, раздраженный дѣйствіями Генриха въ Чехіи и Руси, принудилъ Святослава и Всеволода прервать всякія сношенія съ Германіею, а также снарядить обязательныя вооруженныя дружины, подъ начальствомъ собственныхъ сыновей. Съ этими силами онъ перешелъ чешскую границу. Кромѣ того, онъ поддерживалъ всѣми мѣрами отчаянную войну, которую вели съ Генрихомъ саксонскіе князья и магнаты. Но когда императоръ, на съѣздѣ своихъ сторонниковъ, объявилъ его мятежникомъ и устранилъ отъ престола,—Болеславъ созвалъ своихъ епископовъ (въ концѣ 1076) и велѣлъ короновать себя. Изяславъ усомнившись въ помощи Генриха, прибылъ теперь опять въ Польшу и какъ именно незадолго передъ этимъ (въ декабрѣ 1076) скончался Святославъ, то Болеславъ рѣшился содѣйствовать изгнаннику получить обратно великое княжество. Имѣя сильныя подкрѣпленія изъ Польши, Изяславъ тѣмъ легче занялъ Кіевъ (1077), что Всеволодъ не смѣлъ ему противиться. Болеславъ лично не участвовалъ въ этомъ походѣ, а позднѣйшія сказки о развращеніи нравовъ Болеслава и его рыцарства, во время похода на Русь, принадлежатъ къ ряду тѣхъ вымысловъ, которыми хотѣли помрачить славу мужественнаго короля. [1])

Эти удачи во внѣшнихъ событіяхъ не предохранили Польши отъ внутреннихъ волненій. Народная партія, современъ Казиміра удаленная навѣрное отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, съ неудовольствіемъ переносила свое униженіе. Общины, теряя одно право за другимъ, съ ненавистію смотрѣли на своихъ шляхет-

---

[1]) Лелевель также сомнѣвается въ дѣйствительности кіевской экспедиціи 1077 года; по его мнѣнію, Болеславъ былъ въ это время дѣйствительно на Руси, но на Руси Червонной. *Примѣч. перев.*

скихъ владѣтелей, которые вѣроятно не грѣшили излишнею умѣренностію. Болеславъ, подражавшій во многихъ отношеніяхъ своему прадѣду, навѣрное защищалъ угнетенныхъ, но постоянные походы къ которымъ чувствовалъ врожденное влеченіе, не оставляли ему достаточно времени для возстановленія общественнаго благоустройства. Раздраженіе партій возрастало съ каждымъ днемъ, и когда рыцарство, во главѣ короля, отправилось въ какой-то походъ, дѣло дошло до сильнаго народнаго возстанія. Крестьяне захватывали женъ, дочерей, дома своихъ господъ, и даже укрѣпленные города, нѣкоторыя-же жены, не будучи въ состояніи дождаться своихъ мужей, вошли сами въ новыя брачныя звязи.

Какъ скоро вѣсть объ этихъ волненіяхъ достигла лагеря, рыцарство потребовало, чтобы король или самъ возвратился, или же далъ имъ позволеніе вернуться домой. Болеславъ отказалъ рѣшительно, ибо стоя съ войскомъ въ непріятельской странѣ, онъ не могъ, безъ явной опасности, согласиться на подобныя требованія. Но рыцарство, подъ вліяніемъ разыгравшихся страстей и жажды мщенія, къ тому же заинтересованное лишь своими домашними и личными дѣлами, которымъ угрожала опасность, не обратило вниманія на королевское запрещеніе. Уходя незамѣтно небольшими отрядами изъ лагеря, оно оставило Болеслава въ непріятельской землѣ едва съ горстію вооруженныхъ людей. Возвратившись домой, и послѣ немалыхъ усилій, одержавъ побѣду надъ противниками, рыцарство приступило къ самому жестокому мщенію. Тысячи побѣжденныхъ были умерщвлены, а жены вступившія въ новые брачные союзы съ людьми простаго званія, были наказаны. Къ этому же времени пріѣхалъ и разгнѣванный Болеславъ. Созвавъ суды, онъ передалъ въ ихъ руки главныхъ зачинщиковъ всеобщаго бѣгства изъ подъ знаменъ. Поставивъ имъ въ вину, что вопреки существующимъ законамъ, они чрезъ свое бѣгство почти отдали въ руки непріятеля и обозъ и короля, и что произвольно и безъ суда, они казнили множество подданныхъ, Болеславъ велѣлъ ихъ наказать по всей строгости. Многіе были приговорены къ смерти, другіе къ изгнанію или тюремному заключенію. Онъ велѣлъ также судить

вѣроломныхъ женъ, къ груди которыхъ, по его распоряженію, публично прикладывали щенковъ.

Месть Болеслава за непослушаніе рыцарства отличалась не только излишнею строгостью, но и жестокостію: онъ нарушилъ этимъ границы благоразумной умѣренности. Раздраженіе шляхты, упрекавшей его въ излишней симпатіи къ простому люду, въ ущербъ высшаго класса, достигло вскорѣ громадныхъ размѣровъ и возбудило противъ него сильную партію, которая рѣшилась его погубить. Чтобы сдѣлать его ненавистнымъ въ глазахъ всего міра, были пущены въ ходъ тысячи сказокъ и даже ему приписывали противоестественныя преступленія. Среди такого всеобщаго раздраженія умовъ, самыя нелѣпыя клеветы принимались за несомнѣнную истину. Король хотѣлъ искоренить зло еще большею строгостію, но оно дѣлалось лишь болѣе неискоренимымъ, ибо подъ вліяніемъ гнѣва, онъ позволялъ себѣ возмутительныя несправедливости и насилія. Такими дѣйствіями онъ вооружилъ противъ себя даже тѣхъ, которые пытались еще чѣмъ нибудь оправдать поведеніе короля. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, вѣроятно, краковскій епископъ Станиславъ Щепановскій, который сталъ во главѣ недовольныхъ, чтобы заставить короля умѣрить свое раздраженіе. Увѣщанія епископа были безуспѣшны и даже угроза отлученія отъ церкви не устрашила Болеслава. Щепановскій предалъ его наконецъ публично проклятію, и опасаясь его мести, бѣжалъ изъ Кракова. Нѣкоторое время онъ скрывался довольно счастливо, но однажды донесли королю, что епископъ секретно служитъ ежедневно обѣдню въ церкви Св. Михаила на Скалкѣ. Болеславъ съ частію своей дружины поспѣшилъ на указанное мѣсто и велѣлъ умертвить епископа, отправлявшаго богослуженіе (8 мая 1079 г.), а тѣло его, изрубленное въ куски, разбросать на всѣ стороны. [1])

---

[1]) Въ 1088 году тѣло Станислава перенесено въ вавельскій соборъ (въ Краковѣ), а во времена Болеслава стыдливаго, папа Иннокентій IV, причислилъ епископа къ лику святыхъ. Св. Станиславъ сдѣлался самымъ популярнымъ святымъ въ католической церкви. Его имени посвященъ также кафедральный соборъ въ Вильнѣ. *Примѣч. перев.*

Болеславъ воображалъ, что умерщвленіемъ Щепановскаго, обезоружитъ всю его партію. Но онъ ошибся въ ожиданіяхъ, ибо его противники, нисколько несмущенные смертію епископа, употребляли всѣ усилія, чтобы его сдѣлать ненавистнымъ въ глазахъ народа и даже дѣлали частыя покушенія на его жизнь. Болеславъ боролся цѣлый годъ съ направленною противъ него бурею, но оставленный всѣми, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Мечиславомъ и горстью вѣрныхъ людей, бѣжать въ Венгрію, гдѣ въ то время царствовалъ сынъ Белы—Владиславъ. Даже насчастіе не поколебало надменнаго нрава Болеслава. Когда венгерскій король выѣхалъ къ нему на встрѣчу со всѣмъ дворомъ, Болеславъ нашелся точно также какъ нѣкогда, когда распоряжался дѣлами Венгріи. Не смотря на это оба короля жили въ самой тѣсной дружбѣ, и Владиславъ двинулся даже (1080 или 1081) въ Польшу, чтобы помочь прежнему благодѣтелю, что однакожъ нисколько не содѣйствовало его возстановленію на престолѣ. Что сталось послѣ съ Болеславомъ—неизвѣстно, ибо никто не знаетъ ни времени, ни мѣста, ни наконецъ рода его смерти. Это подало поводъ ко множеству басень и въ то время когда одни говорятъ, что Болеславъ въ припадкѣ безумія, мучимый вередомъ, самъ лишилъ себя жизни, другіе увѣряютъ, что онъ упалъ съ лошади и сдѣлался жертвою собственныхъ собакъ. Нѣкоторые утверждаютъ, будто-бы Болеславъ отправился къ папѣ за отпущеніемъ грѣховъ, послѣ чего вступилъ въ монастырь, гдѣ долго исполнялъ самыя простыя обязанности и только передъ смертію открылъ духовнику свое настоящее званіе. Памятникъ его въ Оссіяхъ послужилъ также матеріаломъ для догадокъ. Изъ всего этого вѣрно только то, что онъ умеръ около 1089 года и быть можетъ остатокъ жизни провелъ въ Оссіяхъ, хотя не на монастырской кухнѣ, но предоставленный самъ себѣ, гордый и непреклонный до послѣдней минуты. Женатый на русской княжнѣ Виславѣ, онъ имѣлъ съ ней единственнаго сына Мечислава, котораго воспитывалъ Владиславъ венгерскій, какъ собственнаго, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволили ему возвратиться въ отечество. Упадокъ же и удаленіе изъ края Болеслава было со-

вершеннѣйшею побѣдою для аристократической партіи, противъ которой не могъ устоять даже король съ такою желѣзною волею[1]).

Послѣ отъѣзда Болеслава, государствомъ началъ управлять братъ его—*Владиславъ-Германъ*. Содѣйствовалъ ли Владиславъ упадку брата и какимъ образомъ, неизвѣстно, но кажется не подлежитъ сомнѣнію, что онъ получилъ власть поволѣ побѣдившей партіи, за которою долженъ былъ по этому признать извѣстную степень участія въ правленіи. Не имѣя ни самостоятельности, ни энергіи брата, но лишь нѣкоторую долю упрямства, онъ хотѣлъ войти въ дружескія сношенія со всѣми сосѣдями. Но такъ какъ онъ не умѣлъ сообщить такта своимъ миролюбивымъ цѣлямъ, то и былъ самъ виновникомъ пренебреженія со стороны сосѣдей.

Владиславъ прежде всего подружился съ Вратиславомъ чешскимъ, женившись на его дочери—Юдиѳи. Бракъ этотъ былъ весьма долго безплоднымъ, а потому Юдиѳь хотѣла вымолить себѣ потомка. Долго мольбы ея не были услышаны; тогда она отправилась въ венедиктинскій монастырь въ Провансѣ, гдѣ покоились мощи св. Идія. Она достигла наконецъ чего такъ горячо желала, ибо родила сына Болеслава, но заплатила это своею жизнію, скончавшись нѣсколько дней послѣ его рожденія (въ концѣ 1085). Смерть ея возбудила всеобщее сожалѣніе, ибо она была благотворительницею бѣдныхъ и выкупила много христіанскихъ невольниковъ изъ рукъ евреевъ.

Передъ вступленіемъ на престолъ, Владиславъ имѣлъ побочнаго сына Збигнѣва, котораго велѣлъ воспитывать въ Краковѣ. Но женившись на Юдиѳи, онъ нѣкоторымъ образомъ отказался отъ этого сына и предназначая его, вѣроятно, къ духовному званію, отправилъ на воспитаніе въ какой то монастырь въ Саксоніи, чтобы обезпечить наслѣдство за сыномъ Юдиѳи. Нельзя навѣрное сказать, сохранились ли дружескія сношенія съ чехами послѣ смерти жены,

---

[1]) Авторъ въ своемъ взглядѣ на умерщвленнаго епископа сходится съ Лелевелемъ. Онъ видитъ въ немъ представителя аристократіи, которая боролась съ единодержавіемъ короля, опиравшемся на простомъ народѣ.

Примѣч. перев.

но во всякомъ случаѣ сообщеніе Генрихомъ Вратиславу (1086) титула чешскаго и польскаго короля, могло бы скорѣе свидѣтельствовать о возникшихъ недоразумѣніяхъ. Но когда не послѣдовало явнаго разрыва и впослѣдствіи Владиславъ женился на сестрѣ Генриха IV—Юдиѳи, вдовѣ венгерскаго Соломона, умершаго въ 1087 году, временныя недоразумѣнія исчезли и миръ съ этой стороны былъ обезпеченъ. Кажется также, что вслѣдствіе договора заключеннаго съ венгерскимъ королемъ, Владиславъ позволилъ своему племяннику возвратиться въ отечество. Съ Мечиславомъ возвратились всѣ сопровождавшіе его отца въ изгнаніе. Молодой князь, по душевнымъ качествамъп, ревосходилъ всѣхъ своихъ ровесниковъ въ Венгріи и Польшѣ, и живя при томъ согласно старому обычаю предковъ, онъ заслужилъ себѣ любовь всѣхъ тѣхъ, которые въ устройствѣ государства на фундаментѣ стараго обычая, усматривали общественное благо. Популярность и слава молодаго князя, женатаго на русской княжнѣ и жившаго гдѣ то въ Руси, начали безпокоить дворъ и магнатовъ, опасавшихся, чтобы партія народная не встрѣтила въ немъ энергическаго предводителя. Внезапная смерть юноши возбудила подозрѣніе, что его отравили, и когда дядя не велѣлъ преслѣдовать преступленія, ни наказать виновныхъ, его начали обвинять въ тайномъ соучастіи въ этомъ дѣлѣ. Народъ же оплакивалъ смерть Мечислава, ибо съ нимъ вмѣстѣ угасла надолго надежда на возстановленіе гражданскихъ правъ народа.

Когда со смертію Мечислава народная партія потерпѣла такой тяжелый ударъ, готовились нанести ей еще болѣе чувствительную рану завоеваніемъ Поморья (Помераніи). Многіе выходцы народной партіи, встрѣтя въ этой землѣ убѣжище, подобно тому какъ нѣкогда въ Мазовіи, дѣлали, быть можетъ, приготовленія съ цѣлію пріобрѣтенія отнятыхъ правъ. Неизвѣстно подали ли сами поморяне первый поводъ къ войнѣ или же походъ былъ предпринятъ подъ предлогомъ упроченія прежняго господства въ Поморьѣ, вѣрно только то, что Владиславъ самъ выступилъ къ Поморью съ войскомъ бывшимъ подъ начальствомъ воеводы Сѣцѣха (1091), осадилъ какой то городъ или замокъ, побѣдилъ многочисленныя

полчища поморянъ и взявъ силою замокъ, захватилъ затѣмъ все восточное Поморье до самыхъ морскихъ береговъ. Сѣцѣхъ назначилъ въ занятомъ краѣ польскихъ распорядителей, потомъ въ одинъ день были разрушены всѣ менѣе значительные замки, служившіе поморянамъ мѣстомъ сборищъ и укрывательства.

Притѣсненія, которыя вѣроятно позволили себѣ новые распорядители въ виду стремленія къ независимости, вызвали, тотчасъ же въ первую зиму (1091 — 1092) такое всеобщее возстаніе, что оставленные въ краѣ гарнизоны не могли съ нимъ справиться. Большая часть распорядителей была умерщвлена, тѣмъ же, которые пріобрѣли себѣ друзей своимъ человѣческимъ обхожденіемъ, дозволено было возвратиться въ Польшу. Опасаясь чтобы возстаніе не охватило и другихъ земель, Владиславъ выступилъ безотлагательно (въ февр. 1092) съ войскомъ въ Поморье и сейчасъ же въ началѣ похода, взялъ какой то важный и богатый городъ. Но когда пришла вѣсть, что поморяне приближаются съ большими силами, онъ долженъ былъ думать объ отступленіи. Польское войско остановилось уже надъ Нотецью, но настигнутое поморянами въ превосходномъ числѣ, должно было принять битву (20 марта); произошелъ кровопролитный бой, продолжавшійся цѣлый день. Поляки удержались на позиціи и хотя принудили поморянъ къ поспѣшнѣйшему отступленію, но не могли ихъ однакожъ преслѣдовать, ибо сами понесли огромныя потери. По этому Владиславъ вернулся, отложивъ на время наказаніе мятежниковъ. Собравъ снова осенью свое рыцарство и три наемныхъ полка чеховъ, онъ выступилъ въ Поморье и осадилъ Накло, когда нельзя было взять штурмомъ эту важную крѣпость.

Осада въ осеннее время должна была быть продолжительною, а безпрестанныя непріятельскія нападенія и недостатокъ провіанта сдѣлались весьма ощутительными для войска. И когда поляки неосторожно бросились въ погоню за какимъ то летучимъ отрядомъ, осажденные внезапно вышли изъ крѣпости, сожгли стѣнобитныя машины и большую часть лагеря, и убили многихъ, оставленныхъ на стражѣ. Это пораженіе заставило Владислава отступить.

И въ самой Польшѣ возникли волненія. Владиславъ облекъ въ званіе воеводы, Сѣцѣха, потомка знаменитаго рода, человѣка отличавшагося умомъ и красотою. Будучи въ большой милости и у него и у Юдиѳи, онъ управлялъ цѣлымъ государствомъ. Шляхта заподозрила воеводу не только въ излишней симпатіи къ простому народу, но и въ желаніи, при содѣйствіи Юдиѳи, проложить себѣ дорогу къ престолу; къ тому же ему дѣлали упрекъ, что онъ раздаетъ должности или людямъ преданнымъ ему тѣломъ и душою, или продаетъ ихъ за деньги, и то людямъ простаго происхожденія. Не подлежитъ сомнѣнію, что Сѣцѣхъ дѣйствительно при всякомъ случаѣ, умѣрялъ надменность магнатовъ, чѣмъ сильно вооружилъ ихъ противъ себя. Дѣло дошло до заговоровъ. Желая карать ихъ, онъ прибѣгалъ къ насиліямъ и жестокостямъ. Его преслѣдованія принудили многихъ оставить отечество, нѣкоторыхъ самъ Сѣцѣхъ приговорилъ къ изгнанію, другіе же бѣгствомъ за границу спасались отъ кары. Убѣжищемъ всѣхъ этихъ выходцевъ сдѣлалась Чехія, въ которой (съ сентября 1092) теперь царствовалъ сынъ Вратислава—Бретиславъ II, не расположенный къ Сѣцѣху. Принимая за тѣмъ у себя радушно выходцевъ и изгнанниковъ, онъ поощрялъ ихъ возвратиться въ родной край съ оружіемъ въ рукахъ и совѣтовалъ избрать въ предводители сына Владислава—Збигнѣва. Дѣйствительно послѣдній былъ вызванъ и въ то же время эммисары тайно подстрекали къ соучастію оставшихся въ краѣ сторонниковъ. Какъ скоро явился Збигнѣвъ, тотчасъ же были отправлены послы къ бреславльскому старостѣ Магнусу съ требованіемъ сдать крѣпость. Хотя Магнусъ не былъ расположенъ съ Сѣцѣху, но долго колебался. Ловкіе доводы пословъ и мнѣніе болѣе вліятельныхъ шляхтичей и горожанъ, созванныхъ на совѣщаніе, заставили его однакожъ уступить требованію. Когда Збигнѣвъ подошелъ съ своимъ отрядомъ, передъ нимъ открылись и городскія и замковыя ворота.

Вѣсть объ этомъ событіи навела страхъ на весь дворъ, а въ особенности на Сѣцѣха и Юдиѳь. Воевода хотѣлъ, немедля, съ возможною энергіею подавить возстаніе въ самомъ началѣ, но Вла-

диславъ отправилъ сперва къ Магнусу и бреславльскимъ магнатамъ довѣреннаго человѣка съ вопросомъ — что значитъ этотъ пріемъ выходцевъ, безъ вѣдома короля и думаютъ ли жители Бреславля о возстаніи, или же напротивъ, хотятъ остаться вѣрными Владиславу и его законному сыну Болеславу? Послу отвѣтили, что никто не думаетъ о возстаніи и что всѣ желаютъ быть на сторонѣ короля и Болеслава, но всѣми силами будутъ противиться преступнымъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ Сѣцѣха, который желаетъ погубить королевское семейство, лишь бы самому занять престолъ. Они заявили при этомъ, что впустивъ въ городъ королевскаго сына и утерженое въ его не справедливо преслѣдуемыхъ Сѣцѣхомъ, — они не совершили никакого преступленія. Когда посолъ вздумалъ защищать Сѣцѣха, разъяренная толпа бросилась на него и разорвала бы его въ клочки, если бы болѣе благоразумные не остановили ее. За такой отвѣтъ рѣшено было наказать дерзкихъ, и по совѣту Сѣцѣха, Владиславъ призвалъ на помощь венгерскаго короля и моравскаго крязя Бретислава. Бретиславъ чешскій между тѣмъ поддерживалъ дѣло Збигнѣва и выходцевъ. Уговоренный имъ Владиславъ венгерскій направилъ также свое оружіе противъ Сѣцѣха, который едва избѣжалъ, плѣна съ Болеславомъ младшимъ, ибо венгерцы обратили въ пустыню весь край отъ Ратна до Глогова. Къ довершенію всего собственное рыцарство Владислава не хотѣло драться съ своими соотечественниками. Это обстоятельство принудило заключить миръ. Владиславъ заплатилъ Бретиславу дань за уступленную (1054) нѣкогда часть Силезіи, обѣщалъ бреславльцамъ забвеніе нанесенной обиды, а Збигнѣва впервые призналъ законнымъ сыномъ (1093). Вынужденный миръ не могъ долго держаться. Сѣцѣхъ началъ сейчасъ же работать надъ раздвоеніемъ противной партіи. Успѣхи его въ этомъ отношеніи были такъ велики, что онъ могъ уже разсчитывать не только на равнодушіе рыцарства другихъ польскихъ земель, но даже привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ бреславльскихъ магнатовъ. Подготовивъ все, онъ уговорилъ Владислава (1094) ко вторичному походу на Бреславль. Замки и города бреславльской земли и даже самъ Бреславль сда-

лись безъ сопротивленія. Збигнѣвъ убѣжалъ ночью изъ города въ населенную и богатую Крушвицу, гдѣ встрѣтилъ поддержку мѣстнаго населенія и получилъ вооруженную помощь отъ поморянъ. Какъ скоро Сѣцѣхъ возвратился изъ моравской экспедиціи, предпринятой имъ въ сопровожденіи 9-ти лѣтняго Болеслава, онъ тотчасъ же выступилъ къ Крушвицѣ. Збигнѣвъ преградилъ отцу дорогу подъ самымъ городомъ, во главѣ 7 крушвицкихъ полковъ и выходцевъ, имѣя сверхъ того съ собою множество поморянъ. Завязался отчаянный кровопролитный бой, но побѣда, не смотря на численное превосходство Збигнѣва, осталась за Владиславомъ. Множество пало на полѣ битвы, часть утонула въ Гоплѣ, а съ остальными Збигнѣвъ заперся въ крушвицкомъ замкѣ, ибо побѣдители разрушили самый городъ почти до основанія. Збигнѣвъ сдался лишь тогда, когда отецъ обезпечивалъ личную безопасность его и всего гарнизона. Владиславъ заключилъ его въ тюрьму въ Сѣцѣховѣ.

Послѣ усмиренія этихъ безпорядковъ возникли незначительны столкновенія съ Русью и Чехіею. Бретиславъ (1096) напалъ на Силезію, но именно въ это время готовился въ Европѣ первый крестовый походъ въ святую землю, а потому оба государства заключили миръ, сохранившійся довольно долго. Зато начались вновь войны съ Поморьемъ. Ближайшимъ поводомъ было нападеніе поморянъ на Сантокъ, именно въ ту минуту, когда Владиславъ съѣхался (1 мая 1097 г.) со многими магнатами на торжество освященія вновь сооруженнаго гнѣзненскаго каѳедральнаго собора. Хотя поморянамъ не удалась блокада замка, тѣмъ не менѣе рѣшено было предпринять противъ нихъ экспедицію подъ начальствомъ Болеслава и Збигнѣва, котораго, по ходатайству гнѣзненскаго архіепископа Мартина и магнатовъ, Владиславъ освободилъ изъ тюрьмы и принялъ въ свои отцовскія объятья. По поводу несогласій между обоими вождями, взаимно вредившими себѣ во всѣхъ планахъ, эта экспедиція ничѣмъ не окончилась. Усматривая въ этомъ несогласіи зародышъ междоусобныхъ войнъ, Владиславъ хотѣлъ искоренить зло, назначивъ обоимъ сыновьямъ особые удѣлы, при чемъ

однакожъ онъ оставилъ за собою верховную власть до самой смерти и удержалъ въ своихъ рукахъ главныя столицы и земли. Болеславу онъ назначилъ бреславльскую землю, а въ совѣтники далъ ему какого то Войслава, родственника Сѣцѣха. Збигнѣву же онъ отдалъ земли пограничныя съ Поморьемъ.

Болеславъ, прозванный *кривоустымъ*, былъ воинъ въ полномъ значеніи этого слова и по мѣрѣ того какъ онъ мужалъ, въ немъ развивались всѣ качества вождя и неустрашимаго рыцаря. Едва, за тѣмъ, онъ вступилъ въ управленіе бреславльскимъ княжествомъ, какъ тотчасъ же двинулся, вмѣстѣ съ Войславомъ къ Мендзыржечу, польскому замку, находившемуся во власти поморянъ. Онъ взялъ его силою, но при этомъ Войславъ получилъ тяжелую и опасную рану. Далѣе онъ напалъ на Поморье и занялъ какой то значительный замокъ: богатая добыча и множество плѣнныхъ были трофеями этой побѣды. Между тѣмъ Сѣцѣхъ возбудилъ новую бурю въ краѣ. Ненавидя обоихъ королевскихъ сыновей, онъ съ завистію смотрѣлъ на возрастающую съ каждымъ днемъ рыцарскую славу юнаго еще Болеслава, и привыкши повелѣвать именемъ Владислава, онъ началъ распоряжаться въ удѣлахъ его сыновей; назначая произвольно чиновниковъ въ замкахъ и городахъ, онъ ослаблялъ этимъ значеніе обоихъ князей. Ихъ представленія были безуспѣшны, ибо Сѣцѣхъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Владислава. Убѣдившись за тѣмъ, что Сѣцѣхъ хочетъ ихъ поссорить съ отцемъ и дѣйствуетъ на ихъ погибель, они клятвенно обѣщали другъ другу взаимную помощь на случай нападенія со стороны воеводы. Вскорѣ представился случай осуществить эту присягу. Владиславъ сообщилъ Болеславу о приготовленіяхъ дѣлаемыхъ въ Чехіи для нападенія на Польшу и велѣлъ ему вмѣстѣ съ рыцарствомъ его удѣла и установленными Сѣцѣхомъ старостами, которымъ не довѣрялъ молодой князь, — поспѣшить, не медля, къ угрожаемымъ границамъ. Болеславъ не колеблясь, исполнилъ приказаніе отца. Но прибывъ къ назначенному мѣсту, онъ узналъ по самымъ тщательнымъ справкамъ, что Бретиславу и не грезилось нападать на польскія земли. Это уже одно внушило опасеніе какой то хитрости, придуманной

Сѣцѣхомъ на гибель Болеслава. А когда къ тому же вмѣстѣ съ другими не явился Войславъ, обязанный заботиться о безопасности молодаго князя—дурныя намѣренія воеводы сдѣлались для всѣхъ очевидными. Раздался громкій ропотъ, будтобы Сѣцѣхъ умышленно выслалъ къ границѣ Болеслава съ горстью вѣрныхъ, чтобы навлечь на него мщеніе могущественнаго сосѣда, съ которымъ быть можетъ онъ уладилъ все дѣло прежде. Недоброжелатели воеводы настойчиво убѣждали Болеслава, выступить безотлагательно съ оружіемъ въ рукахъ противъ измѣнника, посягающаго на жизнь всей королевской семьи, помня, что малѣйшая проволочка угрожаетъ гибелью. Сильно встревоженный такими доводами пятнадцатилѣтній юноша, повѣрилъ краснорѣчивымъ увѣреніямъ окружающихъ его лицъ. Отправивъ гонцовъ къ Збигнѣву съ требованіемъ самоскорѣйшей помощи и желая предупредить врага, онъ овладѣлъ неожиданно Бреславлемъ. Передъ собравшимися въ большомъ числѣ старѣйшинами бреславльской земли, онъ выступилъ съ жалобою на насилія и преслѣдованія Сѣцѣха. Збигнѣвъ явился также съ малочисленною дружиною и краснорѣчиво убѣждалъ собраніе, что сыновьямъ Владислава придется, или положить голову, или бѣжать изъ края, если ихъ не защитятъ жители бреславльской земли отъ коварныхъ замысловъ человѣка, который, пользуясь своимъ вліяніемъ на ихъ престарѣлаго и болѣзненнаго отца, очевидно думаетъ низвести съ престола законныхъ наслѣдниковъ, для того чтобы впослѣдствіи, самому занять его. Онъ потребовалъ за тѣмъ отъ собравшихся рѣшительнаго объявленія, выступятъ ли они съ ними противъ Сѣцѣха, или, напротивъ, желаютъ ихъ удаленія изъ отечества. Все собраніе единогласно обѣщало вѣрность и помощь, совѣтуя въ тоже время князьямъ отправиться вмѣстѣ съ рыцарствомъ ко двору отца и тамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ ему, какъ отцу и королю, почестей, — искать удовлетворенія за обиды. Въ эту минуту къ городу подошелъ Войславъ, требуя не только свободнаго въѣзда, но и объясненій, почему, безъ его вѣдома и разрѣшенія, собрались въ такомъ большомъ числѣ, для какихъ то неизвѣстныхъ совѣщаній. Требованіе его, а также увѣре-

ніе, что онъ желаетъ, по мѣрѣ силъ, помочь королевскимъ сыновьямъ, было совершенно безуспѣшно. Какъ родственникъ Сѣцѣха, онъ былъ заподозрѣнъ въ измѣнническихъ замыслахъ, и потому были отвергнуты его заявленія и предложеніе услугъ.

Сѣцѣхъ представилъ Владиславу этотъ поступокъ князей въ самомъ дурномъ свѣтѣ и убѣдилъ его безъ труда, выступить съ оружіемъ противъ ослушниковъ. Владиславъ расположился уже лагеремъ подъ Жарновцемъ, когда явились князья съ неменѣе многочисленнымъ рыцарствомъ. Польскіе магнаты, не желая допустить войны сыновей съ отцемъ, послѣ многихъ стараній, уладили дѣло мирнымъ образомъ. Владиславъ обѣщалъ подъ присягою, не возвращать прежнихъ должностей и званій Сѣцѣху, который съ своими сторонниками уже уѣхалъ въ свой собственный замокъ Сѣцѣховъ. Сыновья же, явясь къ нему въ лагерь безъ оружія, принесли дань покорности какъ королю и обѣщали полное повиновеніе. Въ доказательство возстановленнаго согласія, было рѣшено, соединенными силами преслѣдовать Сѣцѣха и дѣйствительно войска выступили къ Сѣцѣхову, въ которомъ заперся могущественный фаворитъ. Когда войско достигло уже Вислы и на слѣдующій день должно было переправиться черезъ рѣку, чтобы подойти къ лежащему на противоположномъ берегу Сѣцѣхову,—Владиславъ сѣлъ ночью въ лодку съ тремя самыми довѣренными приближенными и велѣлъ перевести себя къ своему любимцу. Онъ хотѣлъ, быть можетъ, избавить его отъ неизбѣжной смерти, ибо зналъ съ какимъ остервенѣніемъ враги желали его гибели. Старшины, собравшіеся въ совѣтъ, признали этотъ шагъ очевиднымъ признакомъ помѣшательства. Послѣ этого войска были раздѣлены и когда часть ихъ, подъ начальствомъ Болеслава, должна была занять Краковъ и Сендомиръ,—Збигнѣвъ съ остальною двинулся къ мазовецкому Плоцку; первый исполнилъ свой планъ, но Владиславъ съ Сѣцѣхомъ предупредили Збигнѣва. Разгнѣванные сыновья явились вскорѣ подъ Плоцкомъ и расположились уже лагеремъ на другой сторонѣ рѣки. Гнѣзненскій архіепископъ вмѣшался въ это дѣло и послѣ многихъ затрудненій, послѣдовало новое примиреніе. Владиславъ присяг-

нулъ, что удалитъ возненавидѣннаго всѣми Сѣцѣха, который дѣйствительно былъ изгнанъ изъ края (1098). Болеславъ возвратилъ отцу занятыя столицы и съ этой минуты миръ болѣе не прерывался. Владиславъ никого уже не облекалъ въ званіе главнаго воеводы, но или самъ лично устраивалъ всѣ дѣла, или поручалъ ихъ высшимъ сановникамъ, предпринимая въ тоже время путешествія по всѣмъ провинціямъ своего государства.

Поморяне пользуясь польскими несогласіями, приступили по близости Сантока, къ сооруженію замка. Подобное сосѣдство не было безопасно, а потому Збигнѣвъ двинулся съ своею и отцовскою дружинами, чтобы разрушить неоконченную работу враговъ. Его походъ не имѣлъ ожидаемаго результата, а поморяне, подтрунивая надъ нимъ, говорили, что онъ болѣе склоненъ къ монашеству, нежели къ рыцарскимъ дѣламъ. Болеславъ не могъ перенести униженія польскаго оружія и съ немногочисленною дружиною кинулся неожиданно на враговъ. Онъ не могъ, правда, съ этими силами осадить замка, но поморяне до того переполошились, что сами сожгли только что выстроенный замокъ и отступили во внутрь края, называя Болеслава *волчьимъ сыномъ*.

Возстановленіе мира въ королевской семьѣ, позволило Владиславу подумать о внѣшнихъ дѣлахъ. Когда князь волынскій Давидъ, воевавшій съ великимъ княземъ кіевскимъ Святополкомъ, обратился съ просьбою о помощи къ Владиславу, послѣдній двинулся (1099) лично съ войскомъ въ Русь. Расположившись подъ Брестомъ, Владиславъ склонилъ обѣ враждующія стороны заключить миръ, который однакожъ былъ нарушенъ Святополкомъ, сей часъ же, послѣ ухода польскихъ войскъ. Возвратившись изъ похода, Владиславъ хотѣлъ посвятить въ рыцари своего сына Болеслава, прославленнаго во многихъ рыцарскихъ дѣлахъ. На это торжество были приглашены въ Плоцкъ (15 авг. 1099) самыя именитыя лица. Уже все было приготовлено, какъ вдругъ получается извѣстіе, что поморяне окружили Сантокъ. Среди общаго замѣшательства, Болеславъ заявилъ готовность помочь осажденнымъ, не смотря на запрещеніе отца, поспѣшилъ къ Сантоку и побѣдивъ многочисленнаго

непріятеля, получилъ, по возвращеніи, изъ рукъ отца, рыцарскіе знаки, одновременно со многими храбрѣйшими оруженосцами. И дядя Болеслава, чешскій князь Бретиславъ, пригласивъ его на праздники Рождества Христова, также совершилъ надъ нимъ обрядъ посвященія въ рыцари.

Вскорѣ послѣ того (1100), по совѣту изгнаннаго волынскаго князя Давида, половцы произвели нападеніе на Польшу и расположившись лагеремъ надъ Вислою, грабили всѣ окрестности. Болеславъ поспѣшилъ противъ нихъ съ горстью рыцарей, неожиданно напалъ на лагерь и нанесъ имъ такое пораженіе, что во всю его жизнь имъ не приходило въ голову нападать больше на Польшу. Владиславъ, удрученный болѣе болѣзнію, нежели лѣтами, скончался 5 іюня 1102, раздѣливъ государство между обоими сыновьями. Збигнѣву онъ назначилъ Великопольшу и Мазовію, а Болеславу—Силезію и земли краковскую и сендомірскую. Магнатамъ же объявилъ, что они должны подчиниться тому изъ сыновей, который будетъ болѣе заботиться о славѣ и благоденствіи страны. Раздѣленіемъ государства Владиславъ желалъ обезпечить миръ и согласіе между своими сыновьями, но едва онъ закрылъ глаза—какъ возникли новые споры. Збигнѣвъ домогался равнаго раздѣла земли и сокровищъ, между тѣмъ Болеславъ захватилъ самыя населенныя провинціи и хотѣлъ присвоить себѣ всю казну. Вмѣшательство гнѣзненскаго архіепископа Мартина привело къ миру, и согласно отцовской волѣ, государство и казна были раздѣлены; послѣ этого происходили похороны Владислава. Хотя этотъ миръ былъ временнымъ, но Болеславъ тотчасъ же имъ воспользовался. Собравъ многочисленное рыцарство, онъ напалъ на самую центральную часть Поморья, гдѣ взялъ населенный и богатый Бѣлградъ, котораго укрѣпленія сравнялъ съ землею. Возвратившись изъ этой экспедиціи, онъ двинулся на Русь и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій, принудилъ великаго князя Святополка заключить миръ, выдать за Болеслава за мужъ дочь Збиславу и обѣщать не вступать въ сношенія съ врагами Польши.

Такъ какъ Болеславъ былъ въ родствѣ съ Збиславою, то онъ

отправилъ краковскаго епископа Балдвина къ папѣ Пасхалису II съ просьбою о разрѣшеніи брака. Получивъ его, онъ торжественно праздновалъ (1103) въ Краковѣ, болѣе недѣли, свою свадьбу, на которую пригласилъ и Збигнѣва. Не смотря на обѣщаніе, Збигнѣгъ не пріѣхалъ, но за то уговорилъ поморянъ и чеховъ произвести нападеніе на Польшу. Чехи, дѣйствительно вторглись въ Силезію, во время свадебныхъ пиршествъ и начали грабить; когда въ тоже время и въ Поморьѣ обнаружилось довольно серьезное движеніе, Болеславъ поручилъ спросить Збигнѣва, что заставляетъ его разжигать противъ брата сосѣдей? Збигнѣвъ, отговариваясь невѣдѣніемъ, жаловался на злонамѣренность слуховъ, обвинявшихъ его въ столь тяжкомъ преступленіи. Болеславъ же угрожаемый одновременно съ двухъ сторонъ, подаркомъ въ 1000 гривенъ серебр., отвлекъ отъ союза съ Збигнѣвомъ, тогдашняго чешскаго князя Борживоя II, а въ Моравію, гдѣ господствовалъ Святополкъ, послалъ своего полководца Желислава (весною 1104). Послѣдній сильно опустошилъ Моравію и уже возвращался съ значительною добычею, но настигнутый на границѣ моравцами, долженъ былъ вступить съ ними въ бой, въ которомъ потерялъ правую руку. Желая вознаградить его мужество, Болеславъ подарилъ ему руку отлитую изъ золота, надъ чѣмъ жестоко подтрунивалъ Збигнѣвъ. Самъ Болеславъ вскорѣ вновь опустошилъ Моравію и на этотъ разъ, Святополкъ былъ вынужденъ заключить миръ. Покончивъ съ однимъ врагомъ, Болеславъ рѣшился наказать и поморянъ. Выбравъ въ Глоговѣ лучшихъ рыцарей, онъ поспѣшилъ форсированнымъ маршемъ къ Колоброгамъ, замышляя захватить этотъ городъ. Хотя это намѣреніе и не удалось, но смѣлая экспедиція сдѣлала поморянъ до такой степени сговорчивыми, что однихъ угрозъ было достаточно для освобожденія изъ тюрьмы какого-то Сватобора, обвиненнаго въ стремленіи къ самовластію. Сговорчивость эта однакожъ продолжалась не долго.

Къ этому времени прибылъ въ Польшу Альмусъ, братъ венгерскаго короля Коломана, прося Болеслава о помощи. Послѣдней добивался также и Святополкъ моравскій, желавшій овладѣть чеш-

скимъ престоломъ. Съѣхавшись съ Коломаномъ на венгерской границѣ, Болеславъ помирилъ обоихъ поссорившихся братьевъ и заключилъ съ Венгріею наступательно-оборонительный союзъ противъ всѣхъ непріятелей. На этомъ съѣздѣ оба короля обѣщали Святополку, во время его похода въ Прагу, защищать Моравію. На обратномъ пути Болеславъ съѣхался съ Збигнѣвомъ, при чемъ состоялось взаимное обязательство, что одинъ безъ другаго не начнетъ войны, и не заключитъ ни мира ни союза. Они условились также на счетъ общаго плана похода противъ поморянъ, край которыхъ, во время этихъ съѣздовъ, былъ два раза опустошенъ Скарбиміромъ, вождемъ Болеслава. Этотъ общій походъ не состоялся, хотя Болеславъ поспѣшилъ впередъ съ частью рыцарства, приказавъ остальнымъ слѣдовать за собою. Збигнѣвъ не прибылъ съ своимъ отрядомъ, и не только вернулъ назадъ полки брата, но и уговорилъ поморянъ напасть на польскія земли. Обманутый такимъ образомъ, Болеславъ отправился на торжество посвященія какой то церкви, послѣ чего происходилъ какой то свадебный пиръ. Уклоняясь отъ подобныхъ празднествъ, Болеславъ взялъ съ собою 80 человѣкъ молодежи и пошелъ охотиться въ сосѣдніе лѣса. Здѣсь онъ засталъ поморянъ, грабящихъ окрестность. Король бросился на дерзкихъ, и преслѣдуя ихъ, наткнулся на засаду, въ которой было 3000 непріятелей. Неустрашенный этимъ числомъ, Болеславъ три раза возобновлялъ атаку и когда уже пало большинство его товарищей, а остальные изнемогали отъ ранъ, онъ нѣсколько умѣрилъ свой натискъ. Непріятели, опасаясь преслѣдованія, начали отступать. Болеславъ получилъ, правда, подкрѣпленія, но сильное утомленіе принудило отказаться отъ преслѣдованія. Старшины поставили въ укоръ юному королю излишнюю смѣлость, которая подвергла опасности и его жизнь и была виною гибели столькихъ мужественныхъ юношей. Желая вознаградить себя за неудачу этого нашествія, Болеславъ приготовился къ усиленному походу въ Поморье, но въ это время пришло извѣстіе, что чешскій князь Святополкъ (1107) напалъ на Силезію, желая отомстить польскому королю за гостепріимство оказанное изгнанному изъ Чехіи Борживою

и младшему его брату Собѣславу. Болеславъ раздѣлилъ войско и отправивъ Скарбиміра для опустошенія Поморья, что и было исполнено, самъ поспѣшилъ противъ чеховъ и вытѣснилъ ихъ изъ Силезіи, но не преслѣдовалъ дальше, ибо зналъ, что въ лѣсахъ и окопахъ его ждетъ засада.

Всѣ эти нашествія чужихъ народовъ приписывали Збигнѣву, обвиняя его въ безпрестанныхъ тайныхъ сношеніяхъ съ врагами отечества. Говорили, что онъ передаетъ имъ предположенія и намѣренія брата, обмѣнивается подарками, радуется каждому неуспѣху польскаго оружія и т. д. Подобнаго рода слухи постоянно доходили до Болеслава, но какъ не было доказательствъ, то Збигнѣвъ всегда умѣлъ выпутываться и оправдываться. Въ это время сгорѣлъ, по неосторожности коменданта, замокъ Козле, довольно укрѣпленный, благодаря своему положенію среди болотъ. Опасаясь осады со стороны чеховъ, Болеславъ рѣшился какъ можно скорѣе вновь отстроить замокъ. Чрезъ пословъ онъ пригласилъ въ помощь Збигнѣва на общее дѣло, при чемъ жаловался, что на него, на младшаго, пало все бремя правленія и защиты края, что Збигнѣвъ вредитъ ему во всемъ. Онъ приглашалъ его за тѣмъ, или принять кормило правленія, или не мѣшать его дѣйствіямъ, а въ случаѣ надобности, не отказывать въ обязательной помощи. Имѣя уже готовое войско, и къ тому же увѣренный въ помощи чеховъ и поморянъ, Збигнѣвъ заключилъ пословъ въ тюрьму и едва, по настоянію друзей, выпустилъ ихъ на свободу. Между тѣмъ Болеславъ отстроилъ Козле и жилъ въ Камѣнѣ, когда возвратились его послы и разсказали обо всемъ, что видѣли и слышали. Послѣ минутнаго колебанія, Болеславъ сзываетъ свое рыцарсто, и отправляетъ въ Русь и Венгрію гонцевъ съ требованіемъ подкрѣпленій. Занявъ выгодную позицію для воспрепятствованія соединенію противниковъ, онъ уже былъ готовъ къ бою, какъ вдругъ были перехвачены письма Збигнѣва, изъ которыхъ его измѣна сдѣлалась очевидною. Болеславъ заключилъ на скоро миръ съ чехами и выступилъ съ войскомъ противъ Збигнѣва. Овладѣвъ безъ труда Великопольшею, онъ вступилъ въ Мазовію. Збигнѣвъ, усомнившись въ возможности сопротивленія, всту-

пилъ въ переговоры при посредничествѣ сына великаго князя кіевскаго Святополка — Ярослава и краковскаго епископа Балдуина. Онъ долженъ былъ признать господство брата и обѣщать ему полное повиновеніе, послѣ чего Мазовія ему была передана на ленныхъ правахъ.

Приведя къ покорности Збигнѣва, Болеславъ пригласилъ его предпринять вмѣстѣ зимній походъ въ Поморье. Походъ кончился совершенно удачно, хотя и безъ помощи Збигнѣва, ибо взяты—Бѣлоградъ, Колоброги и другіе города, а нѣкоторые изъ начальниковъ признали господство Болеслава. Какъ скоро ушли польскія войска, господство это прекратилось и поморяне вторглись даже въ Спицимержъ и едва не схватили тамъ гнѣзненскаго архіепископа. Чтобы наказать ихъ, Болеславъ предпринялъ новый походъ на Поморье и завоевалъ Чарноковъ, начальникъ котораго Гнѣвомиръ, долженъ былъ принять христіанскую вѣру. Кажется что Збигнѣвъ и теперь возмущалъ противъ Польши не только поморянъ, но и другихъ сосѣдей. Когда, къ тому же, онъ не выполнилъ условій послѣдняго договора, Болеславъ отнялъ у него силою Мазовію и изгналъ его изъ края. За тѣмъ онъ выступилъ противъ пруссовъ опустошилъ ихъ страну, желая быть можетъ, наказать жителей за помощь оказанную Збигнѣву. Изгнанный Збигнѣвъ просилъ, какъ милостыни, помощи у всѣхъ сосѣдей Польши, и наконецъ обратился къ германскому императору Генриху V, у котораго, съ подобнымъ же намѣреніемъ, гостилъ братъ венгерскаго короля Альмусъ. Болеславъ возобновилъ союзъ съ Коломаномъ и оба короля дали себѣ слово, что коль скоро Генрихъ откроетъ противъ котораго либо изъ нихъ непріятельскія военныя дѣйствія,—то другой безотлагательно произведетъ нападеніе на союзную съ императоромъ Чехію.

Генрихъ выступилъ (подъ осень 1108) въ Венгрію, и призвалъ также Святополка, который, на время своего отсутствія, назначилъ намѣстниками Чехіи—Вацка и Мутыну. Помня данное обязательство, Болеславъ напалъ на Чехію, разгромилъ полчища охранявшія границы и опустошилъ часть края. Увѣдомленный о случившемся, Святополкъ оставилъ германскій лагерь подъ Пресбур-

гомъ и поспѣшилъ на защиту собственнаго государства. Генрихъ, ослабленный уходомъ чеховъ, долженъ былъ выступить изъ Венгріи, и приписывая свою неудачу Болеславу, поклялся ему отомстить.

Въ то время, когда Болеславъ былъ въ Чехіи, Гнѣвомиръ овладѣлъ Уйсцѣмъ, умышленно распуская слухъ, будто-бы пойманный чехами польскій король, уже задержанъ въ плѣну въ Германіи. Внезапное появленіе Болеслава предотвратило, быть можетъ, всеобщее возстаніе. Гнѣвомиръ заперся въ Велюнѣ, и послѣ отчаянной обороны, вынужденъ былъ сдаться и погибъ подъ палками. Кара, постигшая Гнѣвомира, не устрашила прочихъ поморянъ, которые въ довольно большомъ числѣ напали на Мозовію (1109), но застигнутые намѣстникомъ Болеслава—Магнусомъ, потерпѣли страшное пораженіе. Это нашествіе побудило Болеслава къ походу противъ Накло. Гарнизонъ защищался храбро и не видя возможности удержать городъ, обѣщалъ наконецъ сдать его, если къ извѣстному дню не явится помощь. Болеславъ согласился на требуемое перемиріе. Поморяне собрали значительныя силы и, извѣщенные о договорѣ гарнизона, поспѣшили къ нему, поклявшись предварительно погибнуть или побѣдить. Пробираясь лѣсами и окольными дорогами, они явились несравненно раньше, нежели ожидалъ того Болеславъ. Но вмѣсто того, чтобы, немедля, произвесть нападеніе, они приступили сначала къ укрѣпленію своей позиціи. Замѣтивъ это, Болеславъ велѣлъ аттаковать ихъ и, несмотря на численное превосходство непріятеля, одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Бѣгущія толпы гибли тысячами, частію отъ польскаго оружія, частію въ болотахъ. Потеря ихъ, убитыми и взятыми въ плѣнъ, простиралась, говорятъ, до 20,000. Накло сдался тотчасъ-же и, подъ вліяніемъ перваго страха, сдались и другіе города, въ которыхъ Болеславъ оставилъ свои гарнизоны.

Сей часъ-же послѣ этой побѣдоносной экспедиціи, явились къ Болеславу послы Генриха V съ требованіемъ уступить Збигнѣву половину государства, признать надъ собою владычество императора и платить ежегодно, въ видѣ дани, 300 гривенъ или же до-

ставить столько же вооруженныхъ людей для итальянской экспедиціи. Болеславъ отвѣтилъ, что никто не имѣетъ права требовать уступки части нераздѣльнаго государства Збигнѣву, изгнанному за бунтъ и измѣну, и что онъ не думаетъ платить дани, хотя бы пришлось похоронить себя подъ развалинами отечества. Раздраженный этимъ отвѣтомъ, Генрихъ выступилъ противъ Польши съ огромнымъ войскомъ. Здѣсь, по увѣреніямъ Збигнѣва, съ нимъ должна была соединиться цѣлая партія, но это оказалось совершеннѣйшимъ обманомъ. Перейдя Одеръ по вновь открытому, а потому не охраняемому поляками, броду, германцы такъ неожиданно напали на лагерь подъ Глоговомъ, что заняли его, почти безъ сопротивленія. Не смотря на это пораженіе, Глоговъ не хотѣлъ сдаться безусловно, но выговорилъ себѣ, что городъ отворитъ ворота императору лишь въ томъ случаѣ, если Болеславъ, въ теченіи пяти дней, не явится съ помощію или же не пришлетъ точнаго приказанія на счетъ сдачи. Взявъ заложниковъ, Генрихъ согласился на перемиріе, которымъ воспользовался гарнизонъ для исправленія укрѣпленій. Отправленные между тѣмъ къ Болеславу послы, возвратились съ повелительнымъ отвѣтомъ защищаться до послѣдней крайности и ни въ какомъ случаѣ не сдавать города. Этотъ отвѣтъ сообщили императору, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу обѣщаній, возвращенія заложниковъ. Но Генрихъ объявилъ, что возвратитъ ихъ тогда, когда сдастся городъ, а въ противномъ случаѣ онъ велитъ ихъ умертвить, вмѣстѣ со всѣми жителями. Не взирая на эти угрозы, началась отчаянная защита и хотя Генрихъ велѣлъ привязывать къ осаднымъ машинамъ оставленныхъ у него въ залогѣ дѣтей, чтобы выставить ихъ на удары собственныхъ отцовъ, но и это варварское средство ни къ чему не повело, ибо гарнизонъ отбивалъ всѣ натиски непріятеля самымъ удачнымъ образомъ. Но вотъ прибываетъ къ Глогову и Болеславъ, и расположивъ свои войска вокругъ германскаго лагеря, не переставалъ его безпокоить и уничтожалъ отдѣльные отряды, посылаемые за провіантомъ. Голодъ въ лагерѣ вынудилъ императора начать переговоры о мирѣ, но онъ все еще хотѣлъ сохранить видъ, будто-бы заключилъ его какъ по-

бѣдитель. По этому онъ обѣщалъ возвратиться къ себѣ, если Болеславъ заплатитъ 300 гривенъ, и итти на Краковъ, если онъ этого не сдѣлаетъ. Болеславъ отвергнулъ условіе на счетъ дани объявивъ, что угрозою никто отъ него не получитъ и гроша [1]). Собравъ военный совѣтъ, Генрихъ двинулся къ Бреславлю, оттуда, будто бы, намѣревался идти на Краковъ. Болеславъ, шагъ за шагомъ слѣдилъ за германцами въ этомъ походѣ, снималъ ихъ пикеты, уничтожалъ отряды, посылаемые за провіантомъ и держалъ ихъ въ такомъ страхѣ, что они не только должны были оставаться постоянно подъ ружьемъ, но не смѣли даже высовываться изъ за своей аванпостной цѣпи. Неудивительно, за-тѣмъ, что германское рыцарство начало сильно выражать свое неудовольствіе, ибо труды, голодъ, лишеніе и ежедневные бои производили большія опустошенія въ его рядахъ. Наконецъ Генрихъ подошелъ къ Бреславлю, но когда въ его лагерѣ (21 сентября) чехъ Янъ Циста убилъ Святополка, что заставило чеховъ возвратиться домой, — онъ долженъ былъ также подумать объ отступленіи, для спасенія остальнаго войска. Нѣкоторые утверждаютъ, будто бы, подъ Бреславлемъ дѣло разыгралось весьма неудачною для германцевъ битвою, послѣ которой императоръ едва успѣлъ бѣжать. Но результатъ былъ одинъ и тотъ же, возвратился ли Генрихъ послѣ проигранной битвы, или же отступилъ, вовсе не принявъ ея: довольно того, что онъ началъ походъ во главѣ громаднаго войска, не прославилъ себя ни одной побѣдою, не осуществилъ своихъ угрозъ, и даже долженъ былъ уходить со срамомъ.

Изгнавъ германцевъ, Болеславъ предпринялъ чешскій походъ

---

[1]) У Галлуса сохранилась весьма любопытная корреспонденція, которую по дѣлу мира вели между собой Генрихъ и Болеславъ. Первый изъ нихъ писалъ: «Императоръ привѣтствуетъ милостиво князя Болеслава. Узнавъ твое мужество, слѣдуя совѣту моихъ князей, удовольствуюсь 300 гривнами и спокойно возвращусь домой! Для меня будетъ довольно, сохранимъ миръ и любовъ! Если нѣтъ,—увидишь меня скоро въ Краковѣ.» Вотъ отвѣтъ Болеслава: «Желаю Генриху мира, но безъ условія денегъ. Можете Ваше Императорское Величество итти впередъ или назадъ, но не выманите отъ меня страхомъ ни одного гроша, охотнѣе лишусь Польши, нежели удержу ее на основаніи постыднаго мира.»

Примѣч. перев.

(въ декабрѣ 1109), чтобы посадить Борживоя на княжество, которымъ овладѣлъ, съ помощію Генриха, родной братъ убитаго Святополка—Владиславъ. Разгромивъ полчища Владислава, онъ уже хотѣлъ идти на Прагу, какъ вдругъ получено было извѣстіе, что Борживой занялъ эту столицу и превозгласилъ себя княземъ. Изъ Чехіи Болеславъ поспѣшилъ (1110) въ Поморье, гдѣ сжегъ три, отнятые у непріятеля, замка. Отдавая частями занятыя поморскія земли въ управленіе мѣстнымъ князьямъ, онъ обязывалъ ихъ къ уплатѣ дани и къ доставленію, въ случаѣ надобности, вооруженной помощи. Кромѣ того онъ требовалъ, чтобы они дозволили безпрепятственно вводить христіанство и всякій разъ впускали въ свои замки его чиновниковъ. На этихъ условіяхъ управлялъ накельскою частью Поморья, на берегахъ Нотеци, поморянинъ Святополкъ и родственникъ Болеслава.

Збигнѣвъ проживалъ въ Чехіи, откуда порою затѣивалъ грабежи противъ Польши. Желая устранить это, а также вмѣшаться въ дѣла самой же Чехіи, въ которой Генрихъ, послѣ плѣненія Борживоя, установилъ вновь Владислава, — Болеславъ двинулся въ эту страну чрезъ горы, по незнакомымъ тропинкамъ (осенью 1110) и достигнулъ рѣки Цыдлины, на противоположномъ берегу которой расположилъ свои силы Владиславъ. Такъ какъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла переправиться черезъ рѣку, то дѣло кончилось безуспѣшными передвиженіями и маневрами. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ, наконецъ, Болеслава рѣшиться на отступленіе, которое и было произведено въ примѣрномъ порядкѣ. На самой границѣ завязался бой, окончившійся для поляковъ совершенною побѣдою, хотя они и не достигли цѣли похода. Вскорѣ заключенъ былъ миръ между Польшею и Чехіею, и хотя опять (1113) возникли недоразумѣнія, но все было окончательно улажено на общемъ съѣздѣ (1115) въ Силезіи, надъ Нисою: присутствовавшіе князья поклялись въ взаимной дружбѣ и согласіи.

Этотъ миръ отнялъ у Збигнѣва всякую надежду на иностранную помощь, а потому онъ рѣшилъ покорностію обезоружить брата.

Онъ обратился, за тѣмъ, къ нему съ просьбою, о дозволеніи возвратиться въ край и о выдѣленіи ему какой нибудь частицы изъ родоваго наслѣдства на содержаніе. За такую цѣну онъ обѣщалъ безусловную покорность. Болеславъ не противился этому, но предостерегъ Збигнѣва, чтобы онъ выполнилъ свои обѣщанія, разставшись разъ на всегда съ мыслію объ удѣлѣ. Болеславъ велѣлъ передать Збигнѣву, что если онъ подкрѣпитъ дѣломъ искренность своихъ словъ, то можетъ смѣло разсчитывать на сердце брата. Збигнѣвъ согласился на всѣ условія, но получивъ позволеніе возвратиться, прибылъ ко двору Болеслава съ соблюденіемъ нѣкоторой торжественности, именно въ сопровожденіи оркестра музыки и велѣлъ нести передъ собою, какъ передъ какимъ нибудь удѣльнымъ княземъ, обнаженный мечъ. Придворные, раздраженные такимъ страннымъ поведеніемъ, начали доказывать Болеславу, что онъ подвергаетъ себя самой большой опасности, если не умѣритъ гордости Збигнѣва. Нѣкоторые изъ наушниковъ донесли даже, что Збигнѣвъ нанимаетъ уже тайныхъ убійцъ, для скорѣйшаго достиженія власти. Болеславъ повѣрилъ на слово этимъ обвиненіямъ и, не входя въ изслѣдованіе ихъ достовѣрности, велѣлъ, безъ суда, схватить Збигнѣва и ослѣпить, а впослѣдствіи, кажется, и умертвить (1116). Столь же строго обошелся онъ съ Скарбимиромъ, котораго почти въ то же время велѣлъ ослѣпить по неизвѣстнымъ намъ причинамъ.

Эти ужасные поступки до того возбудили угрызенія его собственной совѣсти, что, желая заглушить ихъ, онъ велѣлъ ежедневно совершать многочисленные молебны, молился горячо, постился и заботился о бѣдныхъ. Когда это не помогло, онъ отправился великимъ постомъ на поклоненіе гробамъ святыхъ: Идія, Стефана и Войцѣха, и исполнилъ это странствіе съ примѣрнымъ раскаяніемъ и покорностію. Благочестивыя упражненія и покаянія, возобновлялись почти ежедневно во все продолженіе очистительнаго странничества. Облегчивъ свою совѣсть покаяніемъ, онъ опять началъ готовиться къ дѣятельности. Въ то время когда Болеславъ предавался набожнымъ размышленіямъ, въ сосѣдствѣ Польши произошли

важныя перемѣны. На Руси господствовалъ, послѣ смерти его тестя Святополка (1113) Владиміръ Мономахъ, который, желая привести всѣхъ русскихъ князей къ бо̀льшой покорности, а въ особенности Ярослава Святополковича, родственника Болеслава, — отнялъ у него владимірское княжество и отдалъ его своему сыну Андрею. Послѣдній, по приказанію отца, заключилъ союзъ съ Володаремъ перемышльскимъ, тревожилъ наѣздами польскіе пограничные пункты и вызвалъ даже одновременно волненія въ Поморьи, намѣреваясь этимъ отвлечь Болеслава отъ содѣйствія Ярославу, который искалъ себѣ убѣжища въ этой странѣ.

Въ Поморьи — частью края владѣлъ Святополкъ. Онъ вздумалъ, вслѣдствіе внушеній русскихъ князей, мечтать о независимости и, не выждавъ одновременнаго нападенія русскихъ на Польшу, взялся за оружіе. Болеславъ поспѣшилъ (осенью 1118) съ многочисленнымъ войскомъ въ Накло и осаждалъ эту крѣпость до самаго наступленія рождественскихъ праздниковъ. Мужественная защита гарнизона вызвала переговоры. Святополкъ уплатилъ накопившуюся дань, обѣщалъ повиновеніе и въ залогъ вѣрности отдалъ Болеславу, кромѣ многихъ значительныхъ гражданъ, своего собственнаго сына. Вскорѣ однакожъ онъ вновь началъ уклоняться отъ обязанностей и, приглашенный Болеславомъ, не прибылъ на съѣздъ и, даже, не прислалъ оправданія. Согласно составленному плану, онъ долженъ былъ возбудить возстаніе въ Поморьи одновременно съ нападеніемъ русскихъ князей на Польшу. Болеславъ разстроилъ эти планы внезапностію похода въ Поморье. Взявъ, послѣ осьмидневной осады, Вышоградъ, онъ подошелъ къ Накло. И теперь гарнизонъ защищался упорно и причинилъ осаждающимъ значительныя потери, но, наконецъ, долженъ былъ сдать крѣпость, выговоривъ себѣ свободное отступленіе. Святополкъ былъ схваченъ и сосланъ, кажется, на вѣчное заточеніе во внутреннія провинціи Польши.

Послѣ взятія Накло, гонцы принесли Болеславу извѣстіе, что Володарь перемышльскій грабитъ польскія земли. Созванный военный совѣтъ, долженствовавшій рѣшить, воевать ли далѣе съ Поморьемъ, или поспѣшить наказать грабителей, объявилъ себя въ пользу

войны, въ особенности, когда одинъ изъ воеводъ, Петръ Влащъ, владѣтель Ксіондза и Скржинне, обѣщалъ Болеславу доставить Володаря живьемъ. Влащъ, взявъ съ собою 30 наиболѣе довѣренныхъ рыцарей, поспѣшилъ дѣйствительно въ Перемысль или Галичъ, и притворившись передъ Володаремъ изгнанникомъ, оскорбленнымъ Болеславомъ, которому поклялся, будто бы, вѣчною ненавистью,—пріобрѣлъ себѣ привязанность и довѣріе легковѣрнаго князя. Найдя удобный случай, Влащъ схватилъ его, и доставилъ Болеславу, согласно данному обѣщанію (1120). Опасенія на счетъ судьбы заключеннаго пріостановили наѣзды русскихъ на Польшу, а сынъ или братъ плѣнника, долженъ былъ дать за него значительный выкупъ наличными деньгами и разными драгоцѣнностями. Кромѣ того Володарь поклялся отречься отъ всякихъ сношеній съ поморянами и вмѣстѣ съ братомъ признавать господство Болеслава.

Цѣлію всѣхъ походовъ Болеслава въ Поморье было завоеваніе этого края, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи распространить въ немъ христіанскую вѣру. Это посягательство на отечественныхъ идоловъ и на національную независимость, вызывало самое отчаянное сопротивленіе. Болеславъ долженъ былъ каждую пядь земли пріобрѣтать съ боя, а по мѣрѣ продленія борьбы, возрастало раздраженіе обѣихъ сторонъ. Завоевавъ восточное Поморье, онъ хотѣлъ подчинить своей власти и западное. Трудности похода, по дѣвственнымъ лѣсамъ между Уйсцѣмъ и Пиричемъ, не устрашали Болеслава. Побѣдивъ всѣ преграды, онъ повелъ (1121) свое рыцарство, жаждавшее добычи, противъ поморянъ, защищавшихъ съ отчаяніемъ свою независимость. Въ упорной борьбѣ легло 18,000 человѣкъ на поляхъ сраженій, 8,000 мужчинъ съ женами и дѣтьми выведены въ Польшу и еще большее число бѣжало къ морскимъ берегамъ, чтобы оттуда скрыться за море. Деревни и мѣстечки обращены въ груды развалинъ и пепла, и нѣкогда обработанныя пространства стояли теперь пустырями. Послѣ многихъ, весьма кровопролитныхъ стычекъ, Болеславъ достигнулъ Щетина — столицы Варцислава, господствовавшаго въ этой части Поморья. Поляки ворвались въ городъ во время сильныхъ морозовъ. Вар-

тиславъ долженъ былъ сдаться и Болеславъ предоставилъ ему внутреннее управленіе краемъ, но съ условіемъ, вносить ежегодно дань и принять христіанскую вѣру.

Искорененіе язычества у поморянъ, сдѣлалось теперь главною задачею Болеслава. Когда никто изъ католическихъ епископовъ не хотѣлъ взять на себя трудъ опаснаго миссіонерства въ Поморьи, а римскій епископъ испанецъ Бернардъ ничего тамъ не добился, дѣло это протянулось до 1124 года, т. е. до того времени, когда Болеславъ пригласилъ св. Оттона, епископа бамбергскаго. Оттонъ въ юности жилъ въ Польшѣ и, занимаясь воспитаніемъ молодежи, научился польскому языку. Запасшись необходимою церковною утварью и подарками для новокрещенныхъ, Оттонъ собрался въ Польшу (24 апр. 1124), откуда поѣхалъ въ Поморье, въ сопровожденіи нѣсколькихъ польскихъ священниковъ и подъ прикрытіемъ отряда рыцарей, которыми командовалъ нѣкто Павлицкій. Послѣ личнаго свиданія съ Вартиславомъ на границѣ, Оттонъ по дорогѣ обратилъ въ христіанство Пиричъ и Камель, но въ Юлинѣ встрѣтилъ самый дурной пріемъ, ибо тамъ посягали даже на жизнь его и священниковъ; но Оттонъ не смутился. Онъ отправился въ Щетинъ и послѣ двухъ-мѣсячныхъ напрасныхъ усилій, одолѣлъ упрямство жителей при содѣйствіи Болеслава, обѣщавшаго имъ уменьшеніе дани и повинностей, если они примутъ христіанскую вѣру, въ противномъ же случаѣ онъ угрожалъ самою ужасною местію. Кротостію, примѣрнымъ безкорыстіемъ и притомъ подарками, епископъ убѣдилъ сперва щетинцевъ, а потомъ жителей Юлина, Колобреговъ, Бялограда и другихъ значительныхъ городовъ, принять христіанскую вѣру. Вездѣ гдѣ ее приняли, устроивали на скоро храмы, а оставленный священникъ долженъ былъ довершать дѣло навращенія. Послѣ годоваго миссіонерскаго труда, епископъ рѣшился возвратиться въ свою епархію. Поморяне, тронутые его добротою, хотѣли непремѣнно, чтобы онъ остался съ ними въ качествѣ ихъ новаго епископа. Оттонъ, быть можетъ, согласился бы, но его отклонили отъ этого рѣшенія сопровождавшіе его германскіе священники. Разставаясь со слезами на глазахъ съ вновь обра-

щенными, онъ назначилъ поморскимъ епископомъ духовника Болеслава—Войцѣха, а самъ, черезъ Польшу и Чехію, возвратился въ Бамбергъ (1125) въ вербное воскресенье. Христіанство не могло вдругъ утвердиться въ Поморьи, ибо даже число священниковъ, которые могли-бы трудиться надъ его распространеніемъ, было первоначально весьма ограниченно. Поморяне вновь начали возвращаться къ почитанію прежнихъ божествъ, не преслѣдуя впрочемъ, новой вѣры. Въ нѣкоторыхъ христіанскихъ храмахъ помѣстили рядомъ съ алтарями жертвенники прежнихъ народныхъ идоловъ. Это было самое оригинальное сочетаніе христіанства съ язычествомъ. Рядомъ съ этою измѣнчивостію въ дѣлѣ вѣры, начало пробуждаться чувство національной независимости. Поморяне съ восторгомъ принялись за исправленіе разрушенныхъ, въ послѣднюю войну, замковъ и когда всѣ приготовленія были окончены, вспыхнуло возстаніе почти во всемъ Поморьи (1127). Они отказались отъ уплаты дани и отъ несенія другихъ повинностей, а, въ заключеніе, напали на польскія земли и опустошили значительное пространство края до самаго Гнѣзна. Такое поведеніе раздражило не на шутку Болеслава. Онъ выступилъ (1128) съ громаднымъ войскомъ въ Поморье внутреннія дѣла котораго были теперь, рѣшительно, въ хаотическомъ состояніи. Въ то время, когда одна партія хотѣла защищаться до послѣдней крайности, другіе убѣгали въ отдаленныя страны, и прятали свои пожитки въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Почти всѣ сомнѣвались въ счастливомъ исходѣ войны, и потому то былъ весьма желателенъ пріѣздъ епископа Оттона. Какъ скоро его извѣстили, что христіанская вѣра поколебалась, — онъ хотѣлъ вновь укрѣпить ее своимъ личнымъ присутствіемъ и, частію, успѣлъ въ этомъ. По его настоянію былъ назначенъ сеймъ въ Узедомѣ, на которомъ должно было быть окончательно объявлено объ утвержденіи въ странѣ христіанской вѣры. Инсургенты пригласили Оттона въ посредники, съ просьбою примирить ихъ съ Болеславомъ. Они поклялись при этомъ безусловно положиться на его совѣтъ. Вмѣшательство епископа привело къ миру, по которому поморяне обѣщали свято исполнять прежде принятыя обязательства. Болеславъ

же, простивъ имъ обиды, распустилъ войско по домамъ. Съ этихъ поръ христіанство постоянно поддерживалось въ Поморьи, но польское господство поколебалось еще разъ (1130), при новомъ возстаніи, въ главѣ котораго стоялъ Вартиславъ. Желая подавить его, Болеславъ призвалъ на помощь датскаго короля Николая [1]), за сына котораго Магнуса, онъ выдалъ свою дочь Риксу. Претерпѣвъ пораженіе, Вартиславъ долженъ былъ вновь признать польское господство и при жизни Болеслава, не хватался уже болѣе за оружіе.

Призванный на помощь Борисомъ (сыномъ Коломана и русской княжны Евфиміи), противъ слѣпаго Белы, овладѣвшаго венгерскимъ престоломъ послѣ смерти Стефана (1131),—Болеславъ перешелъ (1132) карпатскія горы, во главѣ довольно значительнаго войска, и уперся въ рѣку Саю. Извѣстіе, что союзникъ Белы,—чешскій князь Собѣславъ, опустошаетъ Силезію огнемъ и мечемъ, заставило Болеслава отступить, при чемъ онъ испыталъ не малыя потери. Не смотря на эту неудачу, онъ предпринялъ второй походъ въ Венгрію, въ которомъ его войско потерпѣло (24 іюля 1133) сильное пораженіе, а въ тоже время чехи сожгли замокъ Козле и 300 деревень въ Силезіи. Раздраженный этимъ, Болеславъ повелъ (1134) въ третій разъ свои полчища за горы. Измѣна русскихъ и венгровъ, притворявшихся сторонниками Бориса, а также трусость одного изъ воеводъ, подвергли Болеслава самой сильной опасности. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ былъ разбитъ на голову. Множество храбрыхъ осталось на мѣстѣ, и онъ самъ былъ обязанъ спасеніемъ простому солдату, который подалъ ему свою лошадь. Эти троекратныя неудачи, чешскіе наѣзды и угрозы германскаго императора Лотаря, склонили Болеслава заключить миръ съ Белою, тѣмъ болѣе, что его постигла неудача и съ другой еще стороны. Во время его отсутствія, русскіе подошли къ Вислицѣ, которую, измѣнническимъ образомъ, сдалъ имъ тамошній правитель и произвели въ ней ужаснѣйшую рѣзню. Всѣ эти обстоятель-

[1]) Репель относитъ эти сношенія Польши съ Даніею къ 1130 г. Между тѣмъ Нарушевичъ связываетъ ихъ съ событіями 1121 года. *Прим. перев.*

ства вынудили Болеслава принять посредничество Лотаря. Польскіе уполномоченные, отправленные въ Магдебургъ (въ маѣ 1135) уговорились на счетъ предварительныхъ условій, послѣ чего (15 авг.), самъ Болеславъ пріѣхалъ въ Мерзебургъ и не только, при посредничествѣ императора, заключилъ миръ съ Белою и Собѣславомъ, но кромѣ того, отъ имени западнаго Поморья явился съ покорностію и заплатилъ накопившуюся за 12 лѣтъ дань. Императоръ, съ своей стороны, посвятилъ его въ рыцари.

Съ этой минуты Болеславъ жилъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями, и, чувствуя (подъ осень 1139) приближеніе смерти, раздѣлилъ государство между четырьмя сыновьями. Старшій изъ нихъ, Владиславъ, получилъ краковское воеводство и Силезію, Болеславъ—Мазовію съ Куявами, Мечиславъ — Великопольшу и Поморье, Генрихъ — сендомирскую землю. Двухлѣтнему же Казиміру не назначалось особаго удѣла и Болеславъ рѣшилъ при томъ, что старшій въ семьѣ будетъ всегда верховнымъ владыкою всего государства, хотя бы остальные ея члены и владѣли отдѣльными удѣлами. Важнѣйшія дѣла должны были рѣшаться на общихъ съѣздахъ. Болеславъ умеръ 24 октября 1139 года.

Выговоривъ верховную власть для старшаго въ родѣ, Болеславъ желалъ предотвратить всякія потрясенія, но результаты не отвѣтили его ожиданіямъ. Согласіе между брятьями не могло быть продолжительно. Владиславъ, правда, отличался гуманными и кроткими качествами, но черезъ чуръ подчинялся своей женѣ Агнессѣ, бывшей въ родствѣ съ царствовавшимъ въ то время Конрадомъ III. Надменная Агнесса хотѣла быть владычицею всей Польши, а потому убѣждала мужа подчинить своей власти братьевъ, а въ случаѣ сопротивленія, выгнать ихъ изъ удѣловъ. Владиславъ первоначально противился этому, но, наконецъ, настоянія жены взяли верхъ. Прежде всего удѣлы младшихъ братьевъ подверглись ненормальной дани, чиновникамъ было предоставлено право дѣйствовать совершенно произвольно. Къ тому же Агнесса, подсмѣивавшаяся при каждомъ случаѣ, надъ польскимъ костюмомъ и обычаями, навлекла на себя и мужа, почти всеобщую ненависть народа. Большинство

вельможъ и высшаго духовенства приняло сторону младшихъ братьевъ, когда произволъ Владислава вынудилъ послѣднихъ взяться за оружіе. Владиславъ побѣдилъ войска братьевъ въ трехъ сраженіяхъ, а Агнесса отвѣтила, обратившимся къ ней съ просьбою о ходатайствѣ предъ мужемъ, что „для страны будетъ гораздо лучше, если вмѣсто четырехъ лицъ, только одно будетъ управлять государствомъ“. Владиславъ оставилъ, правда, удѣлы за братьями, но только на ленныхъ правахъ, чѣмъ вооружилъ противъ себя всю аристократію. Строгое наказаніе Петра Влаща изъ Скржинна за шутку, направленную противъ Агнессы, во время охоты, вызвало въ краѣ всеобщее раздраженіе и раздались голоса въ пользу обиженныхъ братьевъ. Воевода сендомирскій Вшеборъ сталъ во главѣ недовольныхъ. Возстаніе усилилось до такой степени, что, не смотря на русскія подкрѣпленія, — инсургенты, одержали рѣшительную побѣду близъ Пилицы.

Тогда Владиславъ собралъ болѣе многочисленныя силы, составленныя изъ союзныхъ русскихъ и наемныхъ печенѣговъ, разгромилъ отряды младшихъ братьевъ, захватилъ ихъ удѣлы, кромѣ Познани, въ которой побѣжденные искали убѣжища. Владиславъ приступилъ къ осадѣ этого города, а союзники его, разойдясь на всѣ стороны, начали грабить край и даже не щадили храмовъ. Ропотъ на насилія и разбои сдѣлался общимъ, отчаяніе было сигналомъ къ поголовному вооруженію. Духовенство, подъ руководствомъ гнѣзненскаго архіепископа, хотѣло взять на себя роль посредника между братьями, но Владиславъ, своимъ упрямствомъ, парализировалъ всѣ попытки въ этомъ родѣ и даже, выхлопоталъ отказъ папы на поданную просьбу объ отлученіи его и жены отъ церкви. Въ виду такой крайности, гнѣзненскій архіепископъ поѣхалъ самъ въ лагерь Владислава и когда увѣщанія склонить его къ примиренію оказались безуспѣшными, предалъ его, Агнессу и ихъ сторонниковъ проклятію. Нѣкоторые изъ принимавшихъ до сихъ поръ сторону Владислава, отдѣлились отъ него. Въ тоже время, съ разныхъ концовъ, начали собираться мелкіе отряды, которые, послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ, соединившись вмѣстѣ, рѣшились дать помощь

осажденнымъ въ Познани. Войдя въ соглашеніе съ познанскимъ гарнизономъ, они напали въ обѣденное время съ двухъ сторонъ на лагерь Владислава и нанесли ему совершенное пораженіе. Побѣдители преслѣдовали остатки войскъ, по направленію къ Кракову, встрѣчая вездѣ по дорогѣ радушный пріемъ. Владиславъ оставилъ жену, вмѣстѣ съ сыновьями въ Краковѣ, гдѣ они должны были защищаться до тѣхъ поръ, пока онъ не приведетъ подкрѣпленій изъ Германіи отъ Конрада III. Но городъ вынужденъ былъ вскорѣ сдаться, и младшіе братья позволили Агнессѣ съ сыновьями послѣдовать за мужемъ въ Германію (1147).

Въ этотъ періодъ совершилась въ Польшѣ великая общественная реформа. Первоначальное гражданское равенство, поколебленное послѣ слитія независимыхъ общинъ въ большое государство, бывшее подъ управленіемъ князей, исчезало все болѣе и болѣе, чему, впрочемъ, также содѣйствовало введеніе христіанской вѣры. Именно съ новою вѣрою возникли иные обычаи, находившіеся въ противорѣчіи съ древними обычаями. Одно сословіе, то есть рыцарство или шляхта началo уединяться все рѣзче, а народъ, нѣкогда свободный, постепенно терялъ свои права. На него сваливали разныя тягости и повинности, которыя онъ долженъ былъ нести, частію, въ пользу князя, а частію въ пользу непосредственныхъ своихъ владѣльцевъ. Судьба простаго народа значительно измѣнилась къ худшему, послѣ послѣдняго сильнаго возстанія во времена Болеслава II и послѣ паденія этого короля. Но и теперь еще положеніе низшихъ классовъ общества далеко не было такъ плачевно, какъ вездѣ за границею, ибо нѣтъ слѣда, чтобы въ Польшѣ человѣкъ былъ собственностію другаго. Помѣщики не имѣли въ то время права меча, ибо судебная власть была исключительно въ рукахъ князя. Населеніе распадалось уже въ этомъ періодѣ на нѣсколько сословій или общественныхъ классовъ; первое мѣсто занимали высшія свѣтскія и духовныя лица. Они не отличались такимъ богатствомъ какъ за границей—первыя потому что званія и должности не были наслѣдственными, а послѣднія потому, что не могли заниматься военными дѣлами. За то первые брали на

расхватъ всѣ высшія правительственныя мѣста, рѣдко доступныя другимъ сословіямъ. За ними слѣдовало *рыцарство*, составленное изъ свободныхъ людей и обязанное за это, защищать край и предпринимать, на собственный счетъ, военныя экспедиціи. Свободные поселяне, поселенные въ качествѣ арендаторовъ на чужихъ земляхъ, лично ни отъ кого не зависѣли и могли переноситься съ мѣста на мѣсто. Но рядомъ съ ними были невольные земледѣльцы, прикрѣпленные къ землѣ и возникшіе изъ поселенныхъ плѣнниковъ. Кромѣ поселянъ и земледѣльцевъ-подданныхъ, въ деревняхъ и городахъ проживали разные ремесленники, которые также пользовались личною свободою. Тягости, которыя несли общины, состояли частію, изъ денежныхъ взносовъ, зерна и другихъ земледѣльческихъ произведеній, частію же изъ рабочихъ дней и разноименныхъ услугъ, отъ которыхъ высшій классъ и рыцарство свободны были. Со временемъ число повинностей возрастало, ибо ихъ требовалъ не только князь, но и каждый помѣщикъ. При этомъ имѣло мѣсто множество злоупотребленій, но отнюдь не въ бо̀льшей степени нежели въ другихъ странахъ тогдашняго міра. Евреи въ Польшѣ какъ и вездѣ занимались продажею невольниковъ.

Князь, окруженный многочисленнымъ и блистательнымъ дворомъ, сосредоточивая въ себѣ высшую власть, дѣйствовалъ или самъ непосредственно, или чрезъ своихъ сановниковъ. Самымъ важнымъ считался тотъ воевода, который заступалъ мѣсто монарха, начальствуя войсками, или управляя государствомъ. Первоначально былъ только одинъ воевода, впослѣдствіи же каждая провинція (воеводство) имѣла своего особеннаго воеводу, который управлялъ ею какъ въ отношеніи политическомъ, такъ равно и судебномъ, а въ случаѣ войны, командовалъ ополченіемъ. Послѣ воеводы слѣдовали градодержцы (кастеляны), которые были начальниками уѣздовъ или земель, а также намѣстниками воеводъ. Въ ихъ вѣдѣніи была судебная часть, въ особенности исправительная, до тѣхъ поръ, пока для этого не были установлены особенные гродскіе старосты. Судебная процедура была необыкновенно проста. Виновнаго, соразмѣрно степени преступленія, постигала бо̀льшая или меньшая

кара. Суды приговаривали или къ денежнымъ пенямъ (гривна) или къ тѣлесному наказанію (розга, изуродованіе, смерть), или же къ тюремному заключенію и изгнанію. Изъ денежныхъ штрафовъ часть поступала въ пользу суда, а часть къ князю и обиженному, или его семейству. Виновнаго, если онъ самъ не сознавался, убѣждали уликами, не прибѣгая къ тѣмъ смѣшнымъ испытаніямъ, которыя были извѣстны въ Германіи подъ именемъ божіихъ судовъ, и состояли изъ пытокъ раскаленнымъ желѣзомъ, кипяткомъ и помощію поединка на палки или мечи. Власть князя, первоначально неограниченная, уменьшалась постепенно, по мѣрѣ вліянія, какое начали пріобрѣтать на всѣ дѣла правительства магнаты. Уже при Болеславѣ III, это вліяніе приняло такіе размѣры, что во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ магнатовъ приглашали въ совѣтъ, но все таки вліянія этого нельзя сравнить съ тѣми преимуществами, которыя пріобрѣли за границею большіе ленные владѣтели. Другія сословія, въ теченіи всего этого періода, не имѣли ни малѣйшаго участія въ въ дѣлахъ правительства.

Просвѣщеніе въ эту эпоху было на весьма низкой степени. Немногочисленныя школы посѣщали лишь готовившіеся къ духовному званію. Въ школахъ обучали латыни и церковному пѣнію; другимъ же знаніямъ весьма скудно. Изъ свѣтскихъ людей немногіе умѣли читать, а писать не умѣлъ даже и каждый ксендзъ. Во всѣхъ дѣлахъ, затѣмъ, въ которыхъ требовалось знаніе грамоты, употреблялись обыкновенно духовныя лица.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

Польша въ эпоху разслабленія и раздѣловъ (1147 — 1295).

Въ то время когда Болеславъ, прозванный кривоустымъ, обезсилилъ Польшу, раздѣливъ государство между своими сыновьями, — въ Германіи царствовали императоры изъ дома гогенштауфе-

новъ, которые, очевидно, стремились съ возстановленію всемірнаго владычества прежнихъ римскихъ императоровъ. Отпоръ, какой они встрѣтили со стороны значительныхъ ленныхъ владѣтелей и со стороны итальянскихъ городовъ, не далъ имъ, правда, осуществить это расширеніе предѣловъ, но ослабленная и взволнованная Польша непремѣнно подчинилась бы ихъ власти, если бы ихъ силы не были отвлечены въ другую сторону. Среди этой продолжительной борьбы между свѣтскою и духовною властію, монархами и ихъ ленниками, стремившимися къ удѣльности, — городскія общины начали пріобрѣтать важныя права и привиллегіи. Этому содѣйствовали и крестовые походы, въ которыхъ погибли тысячи рыцарей, а правительство лишилось множества смѣлыхъ антагонистовъ. Но не смотря на частныя льготы, дарованныя городамъ, притѣсненіе существовало вездѣ, ибо каждый сильнѣйшій произвольно давилъ болѣе слабаго. Разбои, насиліе и несправедливости совершались безнаказанно и съ трудомъ уважались храмы и монастыри. Только послѣднее обстоятельство нѣсколько умѣряло варварство тогдашнихъ обычаевъ, ибо не было ни просвѣщенія, ни уставовъ, обезпечивающихъ естественныя права человѣка. Изъ этого хаоса понятій, началъ и стремленій долженъ былъ впослѣдствіи развиться общественный строй, основанный на справедливости и уравновѣшеніи правъ и обязанностей. Но путь къ этому былъ еще длиненъ и едва показались кое какіе зародыши этого будущаго состоянія въ устройствѣ итальянскихъ городовъ, которые кровью добыли себѣ свои права и льготы. Всѣ западные сосѣди Польши находились подъ вліяніемъ этого хаоса, когда со стороны востока, во второй половинѣ этого періода, предстояло страшное нашествіе татаръ, которые поработивъ на время почти всю Русь, помышляли навязать ярмо тяжкой неволи и другимъ странамъ Европы. И такъ Польша, разбитая на удѣлы, была угрожаема съ востока и запада, и обезсиленная, не могла въ продолженіи довольно долгаго времени, ни пользоваться слабостію сосѣдей, ни защищать сѣверо-западныхъ славянъ, сдѣлавшихся, наконецъ, добычею германцевъ.

Послѣ изгнанія Владислава II, братья приступили къ испол-

нію послѣдней воли отца, и передавъ, вмѣстѣ съ краковскою землею, верховную власть Болеславу IV курчавому, второму по старшинству, поддерживали его дружно во всѣхъ общихъ предпріятіяхъ. Эта гармонія была крайне необходима, ибо изгнанникъ хотѣлъ съ чужестранною помощію, вочто бы то ни стало пріобрѣсти потерянную власть. Подобно тому какъ нѣкогда въ Ульмѣ онъ обѣщалъ Конраду III покорность и подданство, — теперь онъ жаловался императору, что братья и народъ изгнали его, желая выказать свое пренебреженіе къ верховнымъ императорскимъ правамъ. Возобновляя при этомъ обязательства покорности, онъ склонилъ императора сперва къ дипломатическому вмѣшательству, а когда это не помогло, и къ военному походу. Конрадъ двинулся къ границамъ Польши, во главѣ значительнаго войска. Но приготовленія къ защитѣ были такъ хорошо расчитаны, что германцы не могли отыскать пункта для переправы чрезъ Одеръ, и когда Болеславъ IV, при посредничествѣ нѣсколькихъ германскихъ князей, явился въ императорскій лагерь, вмѣстѣ съ обоими младшими братьями и обязался уплатить значительную сумму, а также споръ свой съ Владиславомъ предоставить суду императора, — Конрадъ отправился во свояси.

Болеславъ не думалъ выполнить этихъ обязательствъ, ибо зналъ, что императоръ, подстрекаемый папою, предпринималъ крестовый походъ. Вскорѣ этотъ походъ дѣйствительно состоялся, и Конрадъ III, передалъ временное управленіе Германіею своему сыну—Генриху VI. Между тѣмъ Болеславъ выступилъ (1148 г.) совокупно съ Генрихомъ противъ пруссовъ отъ которыхъ вынудилъ обѣщаніе принять христіанскую вѣру и платить дань.

Владиславъ и въ отсутствіи Конрада употреблялъ всевозможныя средства, чтобы при помощи вмѣшательства германскаго правительства, возвратиться въ отечество. Прежде всего онъ хлопоталъ о снятіи отлученія, которому гнѣзненскій архіепископъ подвергнулъ его вмѣстѣ съ женою. По требованію Генриха VI, папа Евгеній отправилъ въ Польшу кардинала Гвидона съ порученіемъ, изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, и побудить младшихъ братьевъ по-

кончить споръ съ Владиславомъ. Гвидонъ употреблялъ всѣ способы, чтобы исполнить порученіе совершенно по мысли германскаго правительства, но ничего не добившись, онъ предалъ проклятію польскихъ князей, а край обложилъ интердиктомъ. Польское духовенство не приняло его приговора и обратилось къ папѣ, обвиняя легата въ пристрастіи. Папа подтвердилъ проклятіе и интердиктъ, а когда духовенство и на этотъ разъ не подчинилось приговору, онъ поручилъ Гвидону склонить Конрада III, возвратившагося изъ неудачнаго крестоваго похода, къ употребленію свѣтскаго оружія. Императоръ не имѣлъ охоты къ вторичному походу въ Польшу и предпочелъ созвать князей на съѣздъ въ Мерзебургъ (1149). Когда однакожъ они не явились, онъ назначилъ Владиславу приличное содержаніе, откладывая разрѣшеніе его дѣла до другаго времени.

Свободный со стороны Германіи, Болеславъ вмѣшивался въ русскія дѣла, помогая внуку Владиміра Мономаха—Изяславу, котораго изгналъ изъ Кіева родной дядя Юрій, князь суздальскій. Неоднократные польскіе походы (начиная съ 1149 по 1155) окончательно не успокоили русскихъ замѣшательствъ, хотя и вызвали временный миръ. Польша не пріобрѣла въ то время рѣшительнаго вліянія на Русь, ибо угрожаемая съ другой стороны, она должна была туда направить всѣ свои силы.

Послѣ смерти Конрада III, на германскій престолъ вступилъ его родственникъ Фридрихъ I рыжебородый (барбаросса), къ которому изгнанный Владиславъ обратился съ просьбою о помощи. Но императоръ, занятый италіянскимъ походомъ, не могъ думать о Польшѣ, и внялъ просьбѣ изгнанника, сильно поддерживаемой Владиславомъ чешскимъ, лишь тогда, когда ему удалось, приведеніемъ къ покорности Милана (1155), упрочить на нѣкоторое время свое императорское достоинство въ Италіи. Отправленное въ Польшу посольство требовало чтобы Болеславъ явился къ императору, возвратилъ Владиславу отнятыя земли и уплатилъ Конраду обѣщанныя суммы. Переговоры кончились ничѣмъ, ибо Болеславъ зная, что императоръ будетъ вынужденъ вскорѣ успокоивать взвол-

нованную Италію, желалъ только, какъ нибудь отсрочить эти переговоры.

Фридрихъ однакожъ приготовился къ большому походу въ Польшу и собравъ (въ авг. 1157) многочисленное войско, переправился съ нимъ чрезъ Одеръ и принудилъ поляковъ отступить. Во время отступленія поляки сами сожгли Глоговъ и Бытомъ. Императоръ достигнулъ даже Познани, но съ сильно порѣдѣвшимъ войскомъ. Чтобы спасти край отъ дальнѣйшаго опустошенія, Болеславъ заключилъ съ Фридрихомъ миръ въ Краковѣ. Здѣсь онъ обязался уплатить значительную сумму, далъ въ заложники своего младшаго брата Казиміра и обѣщалъ прибыть въ Магдебургъ на ближайшій съѣздъ князей и подчинить весь свой споръ съ изгнаннымъ братомъ суду императора. Говорятъ также, будто бы, Болеславъ, просилъ извиненія у императора съ большимъ униженіемъ, то есть снявь обувь съ ногъ и повѣсивъ мечъ на шеѣ. Но это чистая выдумка.

Болеславъ не выполнилъ ни одного изъ условій мира, хотя оставилъ заложникомъ меньшаго брата. Императоръ, занятый другими дѣлами, не могъ прибѣгнуть къ принудительнымъ средствамъ. Владиславъ же, обманутый въ своихъ надеждахъ и убѣдившись въ безуспѣшности иностранной помощи, примирился съ братьями, вѣроятно, при содѣйствіи императора. Отрекшись отъ своихъ правъ на старшинство, онъ получилъ во владѣніе Силезію. Но прежде чѣмъ онъ могъ собраться обратно въ свое отечество, его настигла смерть въ чужой землѣ (между 1159 и 1163). Три его сына — Мечиславъ, Болеславъ и Конрадъ, возвратившись на родину, раздѣлили между собою Силезію, а Болеславъ въ доказательство своего первенства, удержалъ съ своемъ владѣніи нѣкоторые силезскіе замки и города. Кажется, что вмѣстѣ съ сыновьями изгнанника возвратился изъ Германіи и молодой Казиміръ, гдѣ онъ оставался въ качествѣ заложника.

Покончивъ эти дѣла, Болеславъ предпринялъ совокупно съ братьями походъ въ Пруссію. Пруссаки, не рѣшаясь принять боя въ открытомъ полѣ, съ хорошо обученнымъ польскимъ рыцарствомъ,

заняли за озерами и болотами недоступныя позиціи, и оттуда, какъ изъ засадъ, пытались уничтожать противниковъ. Но истощеніе края, значительная потеря въ людяхъ и имуществахъ, а къ томуже, опасеніе что поляки готовы завоевать всю Пруссію, склонили жителей просить мира, на самыхъ тягостныхъ условіяхъ. Они должны были признать польское владычество, платить дань и доставлять въ каждый походъ извѣстное количество вооруженныхъ людей. Болеславъ издалъ при этомъ строгое постановленіе, которое гарантировало всѣмъ, принимающимъ христіанскую вѣру, личную свободу и неприкосновенность имущества, и угрожало смертною казнью тѣмъ, которые не хотѣли разстаться съ своими языческими обрядами. Постановленіе это осталось мертвою буквою, ибо Болеславъ, довольствуясь безпрекословнымъ вносомъ дани со стороны пруссовъ, не прибѣгалъ къ насиліямъ въ дѣлѣ обращенія ихъ въ христіанство. Но когда, по истеченіи нѣкотораго времени, они не только отказали въ уплатѣ дани, но, даже, произвели вооруженное нашествіе на польскія земли, — Болеславъ двинулся опять въ Пруссію, вмѣстѣ съ братьями, во главѣ многочисленнаго войска. Жители заняли вновь недоступныя мѣста, но было рѣшено преслѣдовать ихъ и уничтожить, чтобы, разъ на всегда, утвердить въ этомъ краѣ польское господство. Проводниками были пруссаки, уже съ давнихъ поръ поселившіеся въ Польшѣ. Извѣщенные объ этомъ прусскіе военачальники, вошли съ ними въ соглашеніе и убѣдили ихъ, обѣщаніемъ значительной награды, навести польскія войска на подготовленныя засады. Поляки, безъ соблюденія малѣйшей осторожности, углубились въ лѣса и болота, гдѣ и потерпѣли совершенное пораженіе. Въ этой битвѣ погибъ князь сендомирскій—храбрый Генрихъ.

Вскорѣ послѣ этого пораженія, возникла междоусобная война. Когда послѣ смерти бездѣтнаго Генриха, Болеславъ отдалъ часть его удѣла Казиміру, а остальную занялъ самъ, — сыновья Владислава начали заявлять притязаніе не только на наслѣдство дяди Генриха, но даже и на краковскую землю. Пользуясь вооруженною помощію Фридриха I, они захватили все то, чѣмъ Болеславъ владѣлъ въ Силезіи.

Всѣ эти неудачи вызвали неудовольствіе въ краѣ, ибо ихъ приписывали дурному управленію Болеслава. Въ краковскомъ воеводствѣ образовалась сильная партія, во главѣ которой находились богатые вельможи — Якса Грифъ и Святославъ. Предполагалось низвергнуть Болеслава съ престола, а кормило правленія вручить Казиміру, къ которому было снаряжено торжественное посольство. Выслушавъ пословъ, Казиміръ строго упрекнулъ ихъ въ дерзости, съ которою рѣшаются предлагать ему престолъ живущаго еще брата, и, оправдывая поведеніе послѣдняго, заклиналъ ихъ, въ виду бѣдствій каждой междоусобной войны, употребить все свое вліяніе съ цѣлію пріостановить волненіе. Онъ объявилъ въ тоже время, что ни подъ какимъ предлогомъ не думаетъ тревожить царствованіе брата. Такое рѣшительное заявленіе уклонило безпорядки, и послѣдніе годы правленія Болеслава были совершенно свободны отъ внутреннихъ и внѣшнихъ столкновеній. Умирая (въ концѣ окт. 1173) онъ оставилъ одного лишь малолѣтняго сына Лешка, опеку надъ которымъ поручилъ Казиміру съ тѣмъ предостереженіемъ, что въ случаѣ бездѣтной кончины Лешка, — опекунъ дѣлается наслѣдникомъ его мазовецкаго и куявскаго удѣла.

Согласно завѣщанію Болеслава III, краковскій удѣлъ, а съ нимъ и верховная власть, достались старшему въ родѣ великопольскому князю *Мечиславу III,* прозванному старымъ. Желая искоренить распространившіяся въ краѣ насилія и беззаконія, а также укротить гордость краковскихъ магнатовъ, онъ рѣшился возвратить судамъ ихъ значеніе, а равенствомъ передъ закономъ и строгостію приговоровъ, распространить опеку правительства на всѣхъ жителей, безъ различія состоянія. При всей трудности задачи, Мечиславъ не устрашился опасной борьбы, вѣря и въ собственныя силы и въ свои связи съ иностранными князьями. Поручивъ главное управленіе краковскою землею какому то Кетличу изъ Лужицъ, онъ учреждалъ вездѣ, подъ его начальствомъ, княжескіе суды и чиновниковъ, которые должны были слѣдить за порядкомъ и общественною безопасностію и наказывать виновныхъ, безъ различія состоянія и исповѣданія. Онъ назначилъ имъ въ помощь дос-

таточное количество второстепенныхъ чиновниковъ и слугъ, обязанностію которыхъ было исполнять функціи мѣстной полиціи, наблюдать за исполненіемъ уставовъ и правительственныхъ распоряженій, доносить властямъ объ отступленіяхъ, ловить преступниковъ и препровождать въ суды, а также исполнять судебные приговоры.

Мечиславъ поставилъ себѣ главною задачею—укрощеніе магнатовъ и ихъ насилій. Онъ запретилъ слѣдовательно охотиться подъ страхомъ пени семи на десятаго (т. е. 70 гривенъ). Этому же наказанію подвергался всякій, кто задерживалъ у себя продолжительное время заблудившуюся скотину, кто обратилъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ чужаго человѣка въ своего подданнаго, или наконецъ, дѣти чьи исколотили еврея. Уличеннаго въ присутственномъ мѣстѣ или судѣ, принуждали тотчасъ же предъявить штрафъ, а тѣхъ, которые не могли заплатить, приговаривали къ заточенію въ рудникахъ. При вносѣ денегъ требовалась новая монета, что при частой перечеканкѣ денегъ было весьма затруднительнымъ, ибо было пущено входъ очень много фальшивыхъ монетъ, называемыхъ плевою. Вносившій штрафъ дурною монетою подвергался новому штрафу. Если приговоренный объявлялъ, что не имѣетъ чѣмъ заплатить штрафа, приступали къ мучительнымъ пыткамъ, для узнанія, нѣтъ ли у него гдѣ либо припрятанныхъ денегъ.

Желая устранить одно зло, Мечиславъ попалъ въ другое, быть можетъ въ худшее, ибо подвергнулъ жителей насиліямъ и звѣрству чиновниковъ и судовъ, которые позволяли себѣ разныя злоупотребленія и несправедливости. Произволъ чиновниковъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе, а жалобы и нареканія возрастали съ каждымъ днемъ. Краковскій епископъ Гедеонъ или Гетко, нѣсколько разъ увѣщевалъ Мечислава, указывая на дурные поступки его чиновниковъ и судей. Когда это не подѣйствовало, вліятельнѣйшіе жители краковской земли составили заговоръ. Рѣшено было пристыдить князя публично. Подосланная заговорщиками женщина явилась передъ судомъ во вдовьей траурной одеждѣ и принесла жалобу на мнимаго сына, за уничтоженіе всего ея имущества, состоявшаго изъ стада овецъ. Мечиславъ, засѣдавшій въ судѣ, самъ раз-

смотрѣлъ все дѣло, и произнесъ мудрый и справедливый приговоръ. Тогда привсталъ Гетко и въ торжественной рѣчи указалъ Мечиславу на всѣ злоупотребленія, насиліе и несправедливости, къ которымъ прибѣгаютъ установленные имъ чиновники. Примѣняя же къ нему дѣло мнимой матери, называлъ его неблагодарнымъ сыномъ въ отношеніи своей матери, т. е. краковской земли, жителей которой онъ предалъ въ руки корыстныхъ и алчныхъ чиновниковъ, страшно притѣсняющихъ бѣдный народъ.

Мечиславъ догадался, что вся эта судебная сцена сочинена съ цѣлію уколоть его. Пригрозивъ епископу и всѣмъ дѣйствовавшимъ съ нимъ за одно пыткою, Мечиславъ рѣшился строго наказать виновныхъ, желая страхомъ склонить всѣхъ къ покорности. Но Гетко умѣлъ ловко спасти и себя и другихъ. Мечиславъ, горѣвшій жаждою мести, прибѣгалъ еще къ большимъ притѣсненіямъ. Преслѣдованія увеличивали съ каждымъ днемъ число недовольныхъ и епископъ ожидалъ лишь благопріятной минуты, чтобы сдѣлать рѣшительный шагъ. Тайныя совѣщанія и соглашенія повторялись чаще и наконецъ было рѣшено отдать верховную власть Казиміру, котораго благородство, умѣренность, мудрость и мужество возбуждали всеобщія похвалы. Во главѣ отправленнаго къ нему блестящаго посольства находился Гетко. Казиміръ и теперь не хотѣлъ принять приглашенія на престолъ, упрекая пословъ, будто бы они, руководясь пристрастными цѣлями, уже во второй разъ хотятъ его поссорить съ роднымъ братомъ. Но послы нисколько не смущаясь, заклинали его удовлетворить желаніе всего угнетеннаго народа и не оставлять несчастнаго отечества. Опасаясь, и не безъ основаній, чтобы народъ не пригласилъ на престолъ одного изъ силезскихъ князей, онъ согласился наконецъ на просьбу посольства. Выступивъ съ немногочисленнымъ дворомъ въ краковскую землю, онъ хотѣлъ убѣдить всѣхъ, что овладѣлъ престоломъ не силою, а по волѣ народа. По дорогѣ къ нему примыкали большія толпы рыцарей, и самъ Краковъ отворилъ ему, безъ сопротивленія, свои ворота. Даже гарнизонъ замка сдался ему со всѣми начальниками и такимъ образомъ всѣ признали его княземъ (1177).

Мечиславъ, находившійся въ то время въ Великопольшѣ, созвалъ тотчасъ же на совѣтъ великопольскихъ и поморскихъ вельможъ, которые обѣщали ему подъ присягою вѣрность и готовность выступить съ оружіемъ, но въ тоже время совѣтывали призвать въ помощь родственныхъ себѣ князей. Все однакожъ, какъ видно, слагалось на перекоръ Мечиславу. Родственные князья, занятые другими дѣлами, не дали ему помощи, а въ довершеніе несчастія, противъ него возсталъ родной сынъ Оттонъ. Магнаты же поклявшіеся недавно въ вѣрности, начали измѣнять ему одинъ за другимъ. Покинутый всѣми, онъ долженъ былъ даже очистить свой удѣлъ и поселился съ тремя младшими сыновьями въ Ратиборѣ, въ Силезіи.

Между тѣмъ Казиміръ утверждалъ свою власть надъ всею Польшею. Помиривъ поссорившихся силезскихъ племянниковъ, онъ отдалъ Оттону Великопольшу, за исключеніемъ гнѣзненской земли, которую присоединилъ къ собственнымъ владѣніямъ. Мазовію и Куявы онъ предоставилъ Лешку, а на время его малолѣтства назначилъ правителемъ какого то Сиру, человѣка заслуженнаго и извѣстнаго своего храбростію. Родственнику Сира—Самбору, отдалъ на правахъ старосты въ управленіе данцигское Поморье, а старостѣ слупскаго Поморья—Богуславу, зятю Мечислава, далъ титулъ князя, не признавая однакожъ за нимъ удѣльности. Всѣ хлопоты Мечислава получить помощь отъ императора Фридриха I и другихъ сосѣдей, оказались безуспѣшными, ибо каждый изъ нихъ былъ занятъ собственными дѣлами.

Устроивъ дѣла на западѣ, Казиміръ устремился на востокъ и занялъ вмѣстѣ съ землею брестскою и дрогицкою, княжества перемышльское и владимірское. Часть этихъ завоеваній онъ оставилъ подъ управленіемъ мѣстныхъ князей, остальное же соединилъ съ своими владѣніями. Онъ отмѣнилъ, при этомъ, всякія злоупотребленія возникшія изъ учрежденій Мечислава III, уменьшилъ дани и другія тягости и устранилъ чиновническое взяточничество. Въ теченіи болѣе ста лѣтъ накопилось также и множество другихъ общественныхъ неудобствъ. Князь, пользуясь нѣкогда неограни-

ченною властію, раздѣлялъ ее теперь съ свѣтскими и духовными сановниками, которые обезпечивали за собою исключительно многія общественныя преимущества. Имъ предоставлялись исключительно высшія должности и званія, и въ то же время они были освобождены отъ всѣхъ прежнихъ повинностей. Послѣднія упали всѣмъ своимъ бременемъ на остальныхъ жителей, которые были отягощены вдвойнѣ, должны были служить и князю и своимъ владѣльцамъ: и первые и послѣдніе требовали денежной и иныхъ повинностей. Нѣкоторыя изъ этихъ повинностей, какъ напримѣръ — караулы, подводы и другія были весьма тягостны, ибо подвергали народъ многимъ злоупотребленіямъ и насиліямъ. Право наслѣдства, то есть право отниманія имущества, послѣ умершихъ безъ потомства, служившее князю и помѣщикамъ, было источникомъ многихъ злоупотребленій, направленныхъ противъ духовенства и крестьянъ. Разныя освобожденія сельскихъ общинъ отъ тягостей шли лишь въ пользу помѣщиковъ, къ ущербу общественной казны. Судьба сельскаго люда дѣлалась хуже, по мѣрѣ того, какъ возростали права помѣщиковъ и рыцарскаго сословія. Желая, по крайней мѣрѣ, хоть частію уменьшить зло, Казиміръ назначилъ въ Ленчицахъ (1130) съѣздъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Собраніе было весьма блистательное и многочисленное, и всѣ рѣшенія сопровождались преданіемъ преступныхъ проклятію. Между прочимъ было постановлено, что никто не вправѣ отнимать у бѣдныхъ силою продовольствіе или требовать подводъ, если не ѣдетъ съ извѣстіемъ о дѣйствительномъ нашествіи непріятеля. Воспрещено грабить имущество духовныхъ послѣ ихъ смерти. Кромѣ того состоялось рѣшеніе, что князь, безъ вѣдома и позволенія совѣта магнатовъ, не имѣетъ права ни объявлять войны, ни заключать миръ или союзъ, а также рѣшать важнѣйшія общественныя дѣла. Всѣ эти рѣшенія были препровождены на конфирмацію папы Александра III, на томъ соображеніи, что весь ленчицкій съѣздъ имѣлъ видъ провинціальнаго синода. Папа утвердилъ все, объявивъ при этомъ, что послѣднія распоряженія Болеслава III отнюдь не составляютъ посягательства на права Казиміра, по управленію Польшею.

Мечиславъ III, который употреблялъ всевозможныя средства къ возстановленію утраченной въ Польшѣ власти, когда его обманули всѣ надежды, — обратился наконецъ, къ сердцу брата. Припоминая Казиміру дѣтскіе годы, полные столькихъ доказательствъ привязанности, онъ изобразилъ ему въ самомъ яркомъ свѣтѣ свою собственную судьбу на старости лѣтъ и судьбу своихъ дѣтей. Онъ умолялъ его затѣмъ возвратить, по крайней мѣрѣ, удѣлъ великопольскій, удерживая за собою верховное правленіе. Казиміръ ничего не имѣлъ противъ этого, но получивъ власть изъ рукъ могущественной въ краѣ партіи, не могъ самъ рѣшить столь важнаго дѣла. Въ созванномъ совѣтѣ, онъ предложилъ требованіе брата, причемъ объявилъ съ своей стороны, что чувствуя себя, въ отношеніи къ брату, обязаннымъ вѣчною благодарностію, онъ не видитъ повода, почему нельзя было бы возвратить удѣла, назначеннаго отцомъ. Совѣтъ принялъ, какъ нельзя хуже, это заявленіе и даже раздался громкій ропотъ противъ самого Казиміра, который желая умѣрить волненіе, началъ притворяться будто бы своею рѣчью хотѣлъ испытать вѣрность магнатовъ и искренно благодарилъ ихъ за оказанную привязанность. Мечиславъ упрекнулъ его въ дурной волѣ и вновь обратился съ жалобою къ Фридриху I. Но императоръ, занятый домашними дѣлами, отвѣтилъ ему холодно, что Польша была вправѣ выбрать себѣ короля, который казался ей самымъ удобнымъ. Убѣдившись въ безполезности всѣхъ предпринятыхъ до сихъ поръ средствъ, Мечиславъ избралъ, наконецъ, самое соотвѣтственное. Выдавъ дочь свою за одного изъ вновь образовавшихся князей поморскихъ, онъ привлекъ на свою сторону поморянъ и съ ихъ помощію осадилъ (1131) Гнѣзно. Сверхъ того, при секретномъ содѣйствіи Казиміра, онъ возвратилъ весь свой удѣлъ. Вскорѣ однакожъ Мечиславъ пожелалъ верховной власти и съ этою цѣлью дѣлалъ безпрестанныя попытки. Угрожаемый со всѣхъ сторонъ онъ отрекался отъ своихъ правъ на старшинство, но какъ скоро опасность миновала, снова возбуждалъ споръ, утверждая что вынужденныя присяги и обѣщанія для него не обязательны.

Онъ хотѣлъ къ тому же поссорить Казиміра съ княземъ силезскимъ Болеславомъ, но это ему не удалось.

Столкновенія въ семьѣ князей владимірскихъ заставили Казиміра вмѣшаться въ русскія дѣла. Три сына владимірскаго князя Мстислава спорили между собою о раздѣлѣ края (1172). Два младшіе — Всеволодъ белзкій и Романъ владимірскій, выгнали изъ брестскаго удѣла старшаго брата, котораго родная мать, сестра Казиміра — Святослава, не хотѣла признать за своего сына. Казиміръ помирилъ поссорившихся и во время перваго своего похода противъ Руси, утвердилъ изгнанника въ Брестѣ. Вскорѣ послѣдній долженъ былъ опять оставить свой удѣлъ, что побудило Казиміра (1183) предпринять новую экспедицію. Польское войско осадило Брестъ. Гарнизонъ защищался мужественно, но выговаривалъ полякамъ, что они воюютъ изъ за какого-то подкидыша. Польскіе магнаты, недовольные экспедиціею начали громко роптать и обвиняли, главнымъ образомъ, воеводу Николая, которому Казиміръ, сильно къ нему расположенный, ввѣрилъ управленіе военными дѣлами. Говорили, будто бы, воевода, подкупленный подкидышемъ, склонилъ князя къ этой позорной экспедиціи, и теперь, на вѣрное, торгуетъ съ непріятелемъ о цѣнѣ, за которую выдастъ все войско. Неудовольствіе возрастало съ каждымъ днемъ и едва не возникло возстаніе въ самомъ лагерѣ, но воевода умѣлъ необыкновенно ловко парализировать всякую къ тому попытку. Когда раздраженіе достигло самыхъ громадныхъ размѣровъ и волненіе въ лагерѣ должно уже было вспыхнуть, — явился гонецъ съ извѣстіемъ о приближеніи многочисленнаго войска подъ начальствомъ Всеволода и Романа. Въ эту рѣшительную минуту Казиміръ велѣлъ рыцарству взяться за оружіе и оставивъ одну часть подъ городомъ, съ остальною поспѣшилъ противъ врага и не смотря на ограниченность своихъ силъ, одержалъ побѣду. Брестъ долженъ былъ сдаться и принять вновь изгнаннаго князя.

Между тѣмъ Мечиславъ опять началъ хлопотать въ Германіи, чтобы съ помощію Фридриха I возвратить себѣ верховное правленіе въ Польшѣ. Объѣхавъ германскихъ владѣтелей, онъ прибылъ

въ троицынъ день (1134) въ Майнцъ и уговорилъ тамъ Фридриха I отправить подъ начальствомъ своего сына Генриха 30.000 войска. Казиміръ извѣщенный о грозившей бури, снарядилъ пословъ въ Германію, которые заключили миръ съ Генрихомъ, но на какомъ условіи — нигдѣ несказано. Это было послѣднее вооруженное вмѣшательство императоровъ въ польскія дѣла. Обманутый и съ этой стороны, Мечиславъ выманилъ у Лешка запись мазовецкаго удѣла, хитростію склонивъ на свою сторону — Сирона. Получивъ запись, онъ немедля, присвоилъ себѣ всѣ княжескія права въ Мазовіи, ни сколько не обращая вниманія на Лешка. Послѣдній, раздраженный до нельзя, обратился къ Казиміру, чтобы испросить прощеніе за неблагоразумный шагъ. Получивъ прощеніе, онъ объявилъ запись въ пользу Мечислава недѣйствительною и утвердилъ отцовское распоряженіе.

Наѣздъ князя галицкаго Владиміра на перемышльскую землю и ужасныя насилія, къ которымъ онъ прибѣгнулъ (1138), вынудили Казиміра наказать дерзость. Онъ отправилъ воеводу Николая съ приказаніемъ изгнать Владиміра изъ Галича, что и было сдѣлано. Княжество это онъ отдалъ племяннику Роману, котораго недавно надѣлилъ также княжествомъ брестскимъ. Изгнанный Владиміръ отправился съ значительными сокровищами въ Венгрію. Взявъ отъ него эти сокровища, Бела III отправилъ въ галицкую землю сильное войско подъ начальствомъ своего сына Андрея. Венгерцы овладѣли, безъ труда, Галичемъ, но вмѣсто того чтобы отдать его, согласно обѣщанію, Владиміру, — Бела, посадилъ въ немъ Андрея, а изгнанника заключилъ въ тюрьму. Правленіе венгерцевъ въ Галичѣ отличалось жестокостію, въ особенности со времени приглашенія на княжество Ростислава, который потерпѣлъ пораженіе и вскорѣ умеръ отъ ранъ. Между тѣмъ Владиміръ бѣжалъ изъ тюрьмы и добился помощи отъ Казиміра, съ условіемъ признанія польскаго господства. Воевода Николай очистилъ Галичъ (1189) отъ ненавистныхъ венгерцевъ и отдалъ княжество Владиміру. Этотъ случай не привелъ однакожъ къ войнѣ съ Венгріею. Польскіе уполномоченные — краковскій епископъ Пелка и воевода Николай заключили

(1190) постоянный миръ съ Венгріею, возобновивъ прежніе союзы обоихъ народовъ.

Между тѣмъ возникли внутреннія волненія въ краковской землѣ. Неограниченное довѣріе, которымъ Казиміръ дарилъ воеводу Николая, возбудило неудовольствіе и зависть магнатовъ, которые хотѣли, во что бы то ни стало, устранить вліяніе и значеніе этого фаворита. Его упрекали въ томъ, что онъ уговаривалъ князя пренебрегать рѣшеніями совѣта и предпринимать безполезные для страны походы. 70 лицъ высшаго сословія согласились погубить воеводу. Убѣдившись, однакожъ, что, пока царствуетъ Казиміръ, они не достигнутъ этой цѣли, они рѣшились между собою въ тайнѣ войти въ соглашеніе съ Мечиславомъ и вмѣстѣ съ краковскою землею вручить ему верховное правленіе въ Польшѣ. Казиміръ увѣдомленный, какъ кажется, о существованіи заговора, хотѣлъ призвать къ отвѣтственности его зачинщика, но это ускорило исполненіе намѣренія заговорщиковъ. Угрожаемый предворитель заговора получилъ приказаніе тотчасъ же отправиться къ Мечиславу и съ нимъ окончательно уговориться, чтобы онъ могъ, по первому призыву, явиться въ Краковъ съ достаточными вооруженными силами. Мечиславъ остался вполнѣ доволенъ предложеніями заговорщиковъ, и какъ только Казиміръ выѣхалъ въ болѣе отдаленныя мѣстности своего государства, — приступилъ къ осуществленію условленнаго плана. Ложною вѣстью о внезапной смерти Казиміра, заговорщики облегчили ему овладѣніе краковскою землею, почти безъ содѣйствія оружія. Чиновники Казиміра были удалены, ихъ мѣста розданы заговорщикамъ, въ замкахъ же и городахъ Мечиславъ размѣстилъ приведенный съ собою вооруженный людъ.

Какъ только Казиміръ получилъ извѣщеніе объ этихъ происшествіяхъ въ краковской землѣ, онъ разослалъ гонцевъ къ русскимъ князьямъ съ приглашеніемъ безотлагательно прислать свои полки и въ тоже время, потребовалъ подкрѣпленій отъ чешскаго князя Конрада. Не теряя времени, онъ явился въ краковской землѣ, во главѣ сильнаго войска, и, не встрѣчая почти нигдѣ сопротивленія, подступилъ къ самому Кракову, въ которомъ заговорщики

рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Мечиславъ въ это время поспѣшилъ за свѣжимъ войскомъ въ Великопольшу. Случай предалъ Краковъ въ руки Казиміра безъ сопротивленія. Какой то лагерный фурлейтъ, подойдя къ самымъ стѣнамъ города, развелъ огонь изъ какихъ то сильно дымящихся веществъ. Стражи замѣтивъ столбы дыма, подняли въ городѣ такую тревогу, что часть жителей начала соскакивать со стѣнъ, другіе же, не взирая на приказы начальниковъ, сломали ворота и толпами пустились бѣжать. Казиміръ, удивленный такою внезапною тревогою, велѣлъ войску войти въ городъ, но съ соблюденіемъ всевозможной осторожности. Заговорщики были перехвачены, а вождя, дрожавшаго отъ страха, вытащили изъ храма, въ которомъ онъ искалъ спасенія. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и сынъ Мечислава. Занявъ городъ, Казиміръ установилъ судъ надъ заговорщиками подъ предсѣдательствомъ воеводы. Приговоры были чрезвычайно строги, но гнѣзненскій архіепископъ Петръ совѣтовалъ Казиміру простить виновныхъ, и этимъ показать міру, что побѣждая вооруженныхъ противниковъ, онъ въ тоже время умѣетъ побѣдить и себя самого. Казиміръ согласился охотно съ мнѣніемъ архіепископа и простилъ всѣхъ, за исключеніемъ предводителя заговорщиковъ, который, выданный Роману, былъ приговоренъ къ изгнанію сперва въ Русь, а потомъ въ Венгрію. Племянника же взятаго въ плѣнъ отослалъ отцу безъ выкупа, чѣмъ вынудилъ его дать торжественное обѣщаніе не нарушать, при его жизни, спокойствія государства. Романъ исполнилъ обязательство.

Справившись съ внутренними волненіями, Казиміръ двинулся противъ пруссовъ, желая наказать ихъ за наѣздъ на мазовецкую границу. Война продлилась болѣе, нежели это предполагалось по первоначальному плану, но повторившееся опустошеніе края принудило наконецъ жителей заключить миръ (1191) на условіяхъ, какія побѣдителю угодно было предложить. Едва здѣсь окончилась война, какъ встрѣтилась надобность пообрѣзать нѣсколько крылья ятвягамъ или полянамъ, жившимъ на нижнемъ Бугѣ и побуждаемымъ къ наѣздамъ на Польшу какимъ то дрогицкимъ княземъ.

Казиміръ двинулся сперва къ Дрогичину и принудивъ русиновъ къ покорности и къ прерванію всякихъ сношеній съ ятвягами, — обратилъ свое оружіе противъ послѣднихъ. Послѣ четырехдневнаго утомительнаго похода, поляки очутились въ непріятельскомъ краѣ, и когда не съ кѣмъ было драться въ открытомъ полѣ, начали опустошать огнемъ и мечемъ окрестныя земли. Ятвяги изъявили желаніе примириться, и, приготовивъ во время нѣсколькодневныхъ переговоровъ засады, заключили миръ, по которому обѣщали покорность и дань и въ обезпеченіе, дали Казиміру множество заложниковъ. Обманутый этимъ, Казиміръ приказалъ войску отступить и даже распустилъ нѣкоторую часть его. Но достигнувъ границы, покрытой огромными лѣсами, онъ замѣтилъ въ засѣкахъ многочисленныя толпы вооруженныхъ людей. Безъ малѣйшаго смущенія, онъ бросился на засѣки, не смотря на численное превосходство непріятеля и одержалъ совершенную побѣду. Чтобы наказать коварную измѣну, онъ возвратился еще разъ въ край ятвяговъ и приказалъ опустошать его пуще прежняго, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока не прибылъ въ лагерь главный ихъ начальникъ и не поклялся въ выполненіи условій мира. Выдача новыхъ заложниковъ убѣдила Казиміра въ покорности жителей, послѣ чего онъ со славою возвратился въ Краковъ (1193).

Это была послѣдняя вооруженная экспедиція Казиміра. Празднуя, по обыкновенію, день св. Флоріяна, мощи котораго онъ велѣлъ перевести въ Краковъ, Казиміръ умеръ внезапно во время пиршества (1194), быть можетъ отъ яда, какъ догадывались уже современники [1]). Отъ брака Казиміра съ русскою княжною Еленою, осталось двое малолѣтнихъ сыновей—Лешекъ бѣлый и Конрадъ. Удѣлы, такъ счастливо слитые въ одно цѣлое, должны были вновь раздробиться.

Внезапная смерть Казиміра не вызвала, правда, волненій, но поручила перевѣсъ магнатовъ, которые, мѣняя уже не разъ госу-

---

[1]) Говорятъ, будто бы ядъ подала Казиміру какая то любовница въ кубкѣ воды. Онъ сидѣлъ именно за столомъ и бесѣдовалъ о безсмертіи души.

Примпч. перевод.

дарей, пришли къ убѣжденію, что выборъ князей зависитъ отъ нихъ по праву, хотя собственно, весь выборъ состоялъ лишь въ указаніи на одного изъ членовъ царствующей династіи. Какъ бы то ни было, но это уже есть введеніе новаго принципа, развивавшагося впослѣдствіи все съ большею силою. Принципъ этотъ высказался, тотчасъ же, въ засѣданіи совѣта, созваннаго краковскимъ епископомъ Пелкою. Когда Пелка вздумалъ доказывать весьма ловко, что, въ виду устраненія грозныхъ опасностей междуцарствія, необходимо поспѣшить съ назначеніемъ наслѣдника, которымъ по закону долженъ быть старшій сынъ Казиміра — Лешекъ, — раздались со всѣхъ сторонъ голоса. Противъ такого рѣшенія одинъ изъ присутствующихъ, приводя какъ аргументъ слишкомъ юный возрастъ Лешка, объявилъ себя въ пользу выбора князя зрѣлыхъ лѣтъ, который взявъ кормило правленія мощною дланью, могъ бы обезпечить благоденствіе отечества. На это сейчасъ отвѣтилъ епископъ, что и онъ раздѣлялъ бы тоже мнѣніе, еслибы собраніе было созвано для выбора князя, но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о признаніи наслѣдственныхъ правъ за старшимъ изъ сыновей умершаго князя и о установленіи опеки на время малолѣтства его, то и не можетъ быть рѣчи о выборѣ князя. Слова Пелки произвели весьма выгодное впечатлѣніе, вслѣдствіе чего Лешекъ былъ превозглашенъ единогласно княземъ. Воевода Николай первый принесъ ему присягу въ вѣрности, а потомъ отъ его имени, требовалъ ея отъ всѣхъ.

Мечиславъ III, извѣщенный о признаніи за Лешкомъ правъ па престолъ, пришелъ въ неописанный гнѣвъ. Онъ созвалъ великопольскихъ вельможъ, жаловался предъ ними на незаконное и мятежное поведеніе краковцевъ, и упрекалъ послѣднихъ въ томъ, что этимъ выборомъ они подкопали единство, поддерживающее могущество отечества. Онъ увѣрялъ также, что желаетъ власти не для себя, но для блага страны, и если уступилъ ее Казиміру, умѣвшему достойнымъ образомъ пользоваться ею, то отнюдь не думаетъ признавать ребенка, именемъ котораго хочетъ господствовать горсть бунтовщиковъ. Обезпечивъ себѣ помощь великопольскихъ магнатовъ, онъ склонилъ также къ союзу и силезскихъ князей. Въ тоже время онъ обратился за под-

крѣпленіями къ поморянамъ и къ другимъ сосѣдямъ. Когда все уже было подготовлено, Мечиславъ отправилъ пословъ къ краковцамъ съ домогательствомъ удалить Лешка, если они не желаютъ войны. Посламъ отвѣтили, что держась однажды избраннаго наслѣдника престола, граждане краковской земли съумѣютъ отразить оружіемъ всякое нападеніе. И дѣйствительно были призваны къ оружію краковское, сендомірское и мазовецкое рыцарства [1]), а также потребована помощь русскихъ князей. Изъ послѣднихъ прибылъ лично владимірскій князь Романъ. Подойдя къ границѣ краковской земли, Мечиславъ желалъ войти въ переговоры и приглашалъ Романа быть посредникомъ. Но когда переговоры ни къ чему не привели, онъ переправился черезъ Пилицу и подъ Мозгавою [2]), произошелъ кровопролитный бой. При первой встрѣчѣ разсѣялась часть

---

[1]) Читатели могли замѣтить, что мы весьма часто употребляемъ слово «рыцарство». Извѣстно какое значеніе и развитіе получило рыцарство въ средніе вѣка въ Германіи. Въ Польшѣ, въ которой монархическій принципъ боролся съ постоянными преградами, рыцарство никогда не могло такъ развиться, какъ въ Германіи.

Въ Польшѣ всякій конный солдатъ былъ рыцаремъ, а подъ рыцарствомъ, рыцарскимъ сословіемъ, разумѣлась военная каста, въ которой званіе война переходило съ отца на сына. Словомъ рыцарство не было въ Польшѣ особеннымъ придворнымъ братствомъ, какъ первоначально въ Германіи. Пока эти наслѣдственные воины существовали только войною, до тѣхъ поръ, собственно, они и должны были бы называться рыцарями. Какъ только они положили оружіе въ сторону, и начали заниматься промышленностію и заискивать вліяніе на своихъ невоенныхъ соотечественниковъ, — съ этой минуты они сдѣлались шляхтою. Разсматривая съ этой точки значеніе рыцаря и шляхтича, — эпоха рыцарства была въ Польшѣ весьма не продолжительна, именно со времени Болеслава великаго до раздѣла государства между сыновьями Кривоустаго. Слѣдовательно подъ словомъ рыцарство, которое такъ часто употребляется въ этомъ сочиненіи, нужно разумѣть конечно, не германское рыцарство, а тотъ многочисленный классъ польскаго населенія, который подъ общимъ названіемъ шляхты, игралъ такую многознаменательную роль въ польской исторіи.

Примѣч. перевод.

[2]) *Мозгава*, деревня въ б. сендомирскомъ воеводствѣ, близь краковской границы, къ югу отъ Пинчова. Что касается сраженія, то Кромеръ выражается такъ: Мечиславъ старый остановился на рѣкѣ Мозгавѣ, въ 7 верстахъ отъ Кракова, и завязалъ здѣсь бой. Рѣки съ такимъ именемъ теперь не сохранилось. Вѣроятно идетъ рѣчь о плывущей неподалеку рѣку — Мерзавѣ.

Примѣч. перевод.

русиновъ. Послѣ нѣсколькочасоваго боя, оба войска отступили съ поля битвы. Потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны. Мечиславъ потерялъ сына и самъ получилъ рану. Романъ тоже былъ раненъ и изъ его полка осталось въ живыхъ едва нѣсколько десятковъ людей. Собственно ни одна изъ сражавшихся сторонъ не могла похвалиться побѣдою. Послѣ сраженія прибыли силезцы, которыхъ тотчасъ же аттаковалъ сендомірскій воевода Говорекъ. Но побѣжденный численнымъ превосходствомъ, онъ потерялъ почти весь свой отрядъ и самъ попалъ въ плѣнъ.

По совѣту Романа, возвратившагося на Русь, въ Краковѣ былъ оставленъ сильный гарнизонъ. Вскорѣ прибыла въ эту столицу Елена съ своими сыновьями и отъ имени Лешка приняла правленіе. Въ совѣтники и помощники назначили ей епископа Пелку и воеводу Николая, мѣста роздали усерднымъ сторонникамъ малолѣтнихъ, а на случай возможнаго съ какой либо стороны нападенія, сдѣлали соотвѣтственныя приготовленія (1195). Но потери подъ Мозгавою до того истощили обѣ стороны, что ни одна изъ нихъ не хваталась болѣе за оружіе. Такимъ образомъ сложился миръ, въ теченіи котораго Польша, подъ энергическимъ управленіемъ обоихъ совѣтниковъ Елены, могла имѣть рѣшительное вліяніе на дѣла сильно взволнованной Руси. Когда умеръ бездѣтный князь галицкій Владиміръ (1197), явилось множество князей претендентами на его богатое наслѣдство. Самымъ могущественнымъ изъ нихъ былъ князь владимірскій Романъ, двоюродный братъ Лешка. Онъ обратился къ краковскому правительству съ просьбою дать ему это княжество, за что обѣщалъ покорность и принималъ всякія обязательства, проистекающія изъ ленныхъ отношеній. Въ совѣтѣ магнатовъ многіе заявили мнѣніе о присоединеніи галицкой земли къ короннымъ владѣніямъ, но придворная партія, благопріятствовавшая требованію Романа, одержала верхъ, а потому состоялось рѣшеніе, чтобы Николай выступилъ во главѣ рыцарства и установилъ Романа ленникомъ въ Галичѣ. Участникомъ этого похода пожелалъ быть Лешекъ, угрожая, въ случаѣ отказа, тайнымъ отправленіемъ въ

лагерь. Совѣтъ согласился и Лешку было предоставлено номинальное начальствованіе, ибо дѣйствительное было въ рукахъ Николая.

Галичане не были расположены къ Роману, и, обезпечивъ себѣ вооруженную помощь нѣсколькихъ русскихъ князей, отправили пословъ къ приближавшемуся къ ихъ границамъ Лешку, съ требованіемъ, не навязывать имъ Романа, но скорѣе включить ихъ землю въ коронныя польскія владѣнія. Отрицательный отвѣтъ вызвалъ сопротивленіе. Города не хотѣли полякамъ отворять воротъ, что значительно затрудняло быстроту похода. Между тѣмъ подъ Галичемъ собрались многочисленные полки русиновъ, прежде нежели успѣли подойти къ нему поляки. Не взирая на численное превосходство противниковъ, Николай велѣлъ имъ очистить княжество, и получивъ дерзкій отвѣтъ, приказалъ готовиться къ бою. Послѣ перваго столкновенія полки русиновъ разсѣялись, что убѣдило галичанъ въ невозможности держаться. Они выслали къ Лешку именитѣйшихъ бояръ съ дарами и просьбою включить ихъ землю въ свои владѣнія. И теперь отвѣтили, что дѣла, окончательно рѣшеннаго въ Краковѣ, измѣнять нельзя, но въ тоже время ручались въ томъ, что Романъ никого не будетъ преслѣдовать за прежнія обиды. Галичане отворили ворота города, а бояре опечаленные, молча и съ поникнутою головою, въ присутствіи польскаго рыцарства, признали (1198) княземъ Романа, который еще разъ обязался къ покорности.

Мечиславъ не терялъ надежды, что верховная власть достанется ему. Пользуясь неудовольствіемъ, которое, мало по малу, начало обнаруживаться между Еленою и ея совѣтниками или, вѣрнѣе, опекунами, онъ довольно ловко завязалъ сношенія съ краковскимъ дворомъ. Его посланные, прежде всего, постарались познакомиться съ краковскими магнатами, надѣясь, благодаря прежнему нерасположенію къ воеводѣ Николаю, привлечь ихъ безъ труда на сторону своего князя. Но когда всѣ ожиданія оказались безуспѣшными, Мечиславъ рѣшился прямо дѣйствовать на охладѣвшую къ воеводѣ Елену и ея сыновей. Онъ началъ посылать частые подарки, увѣрялъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и доброжелательствѣ

и, указывая на необходимость согласія въ царствующей семьѣ, обращалъ ихъ вниманіе на незаконность выбора Лешка. Этимъ выборомъ, по его мнѣнію, совершено посягательство на начало наслѣдственности престола, а край отданъ на жертву тысячамъ бурь. Онъ утверждалъ далѣе, что хотя искренне любитъ племянниковъ, — но не призналъ и не признаетъ выбора Лешка, который не можетъ быть безопаснымъ на престолѣ, пока не послѣдуетъ это признаніе. Онъ объявилъ, однакожъ, что не смотря на справедливое раздраженіе противу столь близкихъ родственниковъ, предпочитавшихъ довѣриться возмутителямъ, нежели ему, — онъ готовъ все предать забвенію. Но для этого необходимо, чтобы Лешекъ, увѣренный въ его неограниченной привязанности, уступилъ ему краковскую землю, полагаясь на торжественное увѣреніе, что онъ усыновитъ его, посвятитъ въ рыцари и, помимо собственныхъ сыновей, предоставитъ ему наслѣдство и въ краковской землѣ и въ другихъ удѣлахъ. Мечиславъ присовокупилъ, что, такимъ образомъ Лешекъ пріобрѣтетъ гораздо большее право на царствованіе, нежели теперешнее, основанное на выборѣ мятежниковъ. Елена и Лешекъ почти уже соглашались съ планами Мечислава. Воевода, Пелка и болѣе благоразумные краковскіе граждане противились этому, но когда противники воеводы соединились съ дворомъ, мнѣніе Елены взяло верхъ. Затѣмъ состоялся съѣздъ для заключенія договора, на который присягнулъ Мечиславъ, Елена и сопровождавшіе ихъ вельможи. Мечиславъ долженъ былъ, по принятіи кормила правленія въ Краковѣ,—усыновить Лешка, посвятить его въ рыцари и назначитъ наслѣдникомъ. Кромѣ того онъ далъ слово, за прежнія обиды, никого не удалять отъ должностей и не преслѣдовать. Нарушеніе одного изъ постановленныхъ условій, должно было повлечь за собою преданіе проклятію. Достигнувъ своей цѣли, Мечиславъ вовсе не думалъ о выполненіи условій. О усыновленіи Лешка и слышать не хотѣлъ и, въ довершеніе, захватилъ куявскую землю, составлявшую часть собственности племянниковъ. На просьбы и доводы Елены онъ отвѣчалъ или уловками или прямо объявлялъ, что общественное благо имѣетъ преимущество передъ частнымъ. Вопреки

обѣщанію, онъ началъ преслѣдовать своихъ прежнихъ противниковъ, на всѣ должности назначилъ людей бывшихъ его орудіемъ, а болѣе зажиточныхъ гражданъ раззорялъ и притѣснялъ разными способами. Такими дѣйствіями онъ возбудилъ столь сильное раздраженіе, что вспыхнуло возстаніе, которое заставило его бѣжать изъ краковской земли, а Елена, при содѣйствіи воеводы Николая, вновь вступила въ управленіе.

Надменность воеводы и властолюбивыя притязанія Елены, возродили вскорѣ новыя недоразумѣнія, которыми Мечиславъ рѣшился воспользоваться. Оправдываясь передъ Еленою и Лешкомъ, онъ всю вину сваливалъ на тѣхъ, которые, по его мнѣнію, желаютъ посѣять раздоръ въ царствующей семьѣ, увѣрялъ торжественно, что не думалъ давать оскорбительныхъ отвѣтовъ, и условія были бы свято исполнены, если бы ему не помѣшали. Давая обѣтъ вторично, что не только исполнитъ прежнія условія, но и возвратитъ племянникамъ Куявы, онъ требовалъ отъ Елены уступить ему Краковъ, удаливъ прежде изъ края гордаго воеводу, котораго онъ называлъ главною преградою къ истинному согласію въ царствующемъ домѣ. Елена, не наученная прежнимъ опытомъ и къ тому же ослѣпленная ненавистію, допустила Мечислава опутать себя и рѣшилась приговоритъ воеводу къ изгнанію. Тщетны были попытки Николая, унизившагося даже до того, что онъ просилъ прощенія у Елены и Лешка. Доведенный до крайности, воевода собралъ нѣсколько человѣкъ друзей и выѣхалъ къ Мечиславу III, который принялъ его съ распростертыми объятіями. Мечиславу, въ третій разъ досталась власть, и имѣя теперь на своей сторонѣ могущественнаго воеводу, онъ подтрунивалъ надъ жалобами и нареканіями Елены и племянника, и не только не исполнилъ данныхъ обѣщаній, но даже, отдѣлилъ отъ сендомірской земли Вислицу и три другіе города, подъ предлогомъ, будто бы они принадлежатъ къ краковскому княжеству. Его правленіе продолжалось не долго, ибо онъ умеръ вскорѣ въ Калишѣ (1202).

По смерти Мечислава III, въ Краковѣ собрался совѣтъ, для назначенія наслѣдника. Большинство объявило себя въ пользу

Лешка, проживавшаго вмѣстѣ съ матерью въ Сендомірѣ. Не будучи въ состояніи воспрепятствовать этому, Николай выговорилъ, по крайней мѣрѣ условіе, чтобы Лешекъ удалилъ отъ себя сендомірскаго воеводу Говорка. Когда послы явились къ Лешку съ этимъ предложеніемъ, — всѣ крайне изумились на сендомірскомъ дворѣ. Лешекъ объявилъ рѣшительно, что не приметъ короны на столь унизительномъ условіи и что охотнѣе откажется отъ всего, но не пожертвуетъ другомъ и невиннымъ человѣкомъ. Напрасны были доводы матери и брата, напрасны были просьбы самого Говорка, ибо Лешекъ не хотѣлъ отступить отъ своего рѣшенія. По возвращеніи пословъ въ Краковъ, было рѣшено вручить правленіе сыну Мечислава — Владиславу Тонконогому, которому велѣно объявить, что краковскіе граждане, вѣрные данной отцу его присягѣ, помимо всѣхъ прочихъ соискателей, признаютъ надъ собою его верховную власть. Владиславъ, однакожъ, хотѣлъ прежде оградить себя дозволеніемъ Лешка, и получивъ таковое, вступилъ на престолъ въ Краковѣ.

Романъ утвержденный въ галицкомъ княжествѣ, извѣстенъ своею жестокостью. Грабежи, насилія и притѣсненія какія онъ позволялъ себѣ въ галицкой землѣ, заставили многихъ гражданъ бѣжать изъ родины и искать убѣжища и помощи у Лешка, бывшаго верховнымъ владѣтелемъ этой части Руси. Вмѣшательство послѣдняго подѣйствовало на столько, что Романъ обѣщалъ бѣжавшимъ прощеніе, но обѣщаніе не исполнялось, а напротивъ, болѣе строгимъ преслѣдованіемъ, онъ хотѣлъ и у другихъ отбить охоту взывать о подобной помощи. Эти событія поколебали нѣсколько его дружбу съ Лешкомъ. Затѣмъ въ ту минуту, когда Мечиславъ въ третій разъ принималъ верховную власть въ Краковѣ, — Романъ началъ домогаться отъ Лешка вознагражденія за потери, понесенныя подъ Мозгавою. Онъ объявилъ, что въ случаѣ отказа, самъ наградитъ себя. И въ самомъ дѣлѣ, онъ началъ нападать на земли Лешка, а на попытки польскаго духовенства и легата, желавшихъ его отвлечь отъ войны и обратить на лоно латинской церкви, — отвѣчалъ насмѣшками. Завоевавъ въ сендомірской землѣ два

города, Романъ, по полученіи извѣстія о смерти Мечислава, пріостановилъ дальнѣйшія наступательныя дѣйствія и возобновилъ ихъ лишь тогда, когда Лешекъ не принялъ краковскаго княжества. Посламъ Лешка, которые хотѣли его отвлечь отъ дальнѣйшихъ наѣздовъ, рѣшительно объявилъ, что какъ скоро Лешекъ заплатитъ значительную сумму или отдастъ Люблинъ, — онъ удержится отъ всякаго непріязненнаго дѣйствія. Получивъ отказъ и въ томъ и въ другомъ, Романъ выступилъ съ сильнымъ войскомъ въ сендомірскую землю. Подъ Завихостомъ произошелъ (19 іюня 1205) бой, въ которомъ горсть поляковъ одержала совершенную побѣду надъ непріятельскими полчищами. Самъ Романъ во время отступленія, погибъ неузнанный въ толпѣ [1]).

Между тѣмъ Владиславъ господствовалъ въ Краковѣ безъ препятствій. Но его управленіе не отличалось особеннымъ счастіемъ, ибо нарушеніемъ постановленій ленчицкаго съѣзда, онъ вооружилъ противъ себя свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, преимущественно послѣднихъ. Раздавая произвольно епископства и другія церковныя должности, онъ грабилъ духовныя имущества, заключалъ въ тюрьму и даже предавалъ истязаніямъ священниковъ, велѣлъ въ церквахъ стеречь арестантовъ, принуждалъ жителей церковныхъ имѣній исполнять черную работу и другія публичныя тягости и т. п. Архіепископъ Генрихъ Кетличъ увѣщевалъ его по поводу ограбленнаго послѣ какого то епископа наслѣдства, и подвергнулъ церковному штрафу. Когда раздраженный этимъ Владиславъ, захватилъ нѣкоторыя духовныя имѣнія, Кетличъ предалъ его проклятію (1206), а самъ уѣхалъ въ Бреславль. Одновременно съ этимъ, смерть воеводы Николая открыла Лешку путь къ престолу. Пелка вошелъ въ тайное соглашеніе съ свѣтскими вельможами. Къ Лешку было снаряжено посольство съ приглашеніемъ прибыть княжить въ Краковѣ. Какъ скоро Владиславъ, замѣтя множество недовольныхъ,

---

[1]) Этотъ Романъ, по выраженію одной волынской хроники, былъ «истинный мудрецъ, храбръ какъ левъ, хитеръ какъ лисица, быстръ какъ орелъ, и энергиченъ какъ его прадѣдъ — Владиміръ Мономахъ».

Примѣч. перевод.

выѣхалъ добровольно изъ Кракова, — Лешекъ, немедля вступилъ въ управленіе, уничтожилъ всѣ распоряженія своего предшественника относительно духовныхъ лицъ, ввѣрилъ себя, свои права и земли, опекѣ апостольской столицы. Послѣ этого совмѣстно съ братомъ Конрадомъ, онъ осуществилъ раздѣлъ государства, отдавъ послѣднему — Мазовію, Куявы, добржинскую и михаловскую земли, — остальное удержалъ за собою.

Эти постоянные раздѣлы края разрозняли Польшу на множество непріязненныхъ другъ другу княжествъ, возбуждая соперничество, раздоръ и междоусобныя войны. Съ этихъ поръ надолго ускользнуло единство цѣли и стремленій, а истощаемая этимъ Польша не могла отвѣтить своему призванію. Частыя эмиграціи населенія внесли въ ея общественный строй чуждые элементы, борьба за наслѣдіе положила начало несогласіямъ, раздорамъ и мѣстнымъ предубѣжденіямъ. Лешекъ былъ какъ бы номинальнымъ правителемъ государства, но за недостаткомъ высшихъ способностей, не умѣлъ пользоваться для своихъ цѣлей кичливымъ настроеніемъ умовъ. При всей своей кротости и патріархальности въ домашнемъ кругу, и даже значительной доли благодушія въ частныхъ отношеніяхъ, онъ не былъ ни мужественнымъ вождемъ, ни глубокимъ политикомъ. А потому все, созданное отцовскимъ трудомъ, начало расшатываться. Ставя вездѣ, такъ сказать, заплатки, онъ ничего не умѣлъ воздвигнуть и потому все должно было рушиться. Польша, въ царствованіе его отца, грозная для сосѣдей — теперь, почти совершенно потеряла свое значеніе. Не смотря на побѣду подъ Завихостомъ, — польское вліяніе на сосѣдей, поколебалось, какъ скоро Поморье вздумало прервать прежнія сношенія съ Польшей. Лешекъ, которому по раздѣлу съ братомъ, досталось именно Поморье, двинулся въ этотъ край съ войскомъ и хотя установилъ въ немъ своимъ намѣстникомъ Святополка, но не успѣлъ ни изгнать датчанъ изъ Данцига, ни утвердить на всегда свое господство въ этомъ краѣ.

Въ западной же Руси, доставшейся двумъ малолѣтнимъ сыновьямъ Романа — Даніилу и Василько, не было почти и минуты спокойствія. Междоусобія русскихъ князей, дѣлали возможнымъ упро-

ченіе польскаго вліянія, еслибы Лешекъ умѣлъ пользоваться этими обстоятельствами. Но случилось совершенно иначе. Венгерцы пріобрѣли въ галицкой землѣ рѣшительное вліяніе, тогда какъ Лешекъ едва сохранилъ его въ владимірской и брестской земляхъ, гдѣ, въ качествѣ посредника и правителя, не разъ мирилъ поссорившихся князей. Не смотря на частыя военныя экспедиціи, которыя Лешекъ предпринималъ частію самъ, частію же совмѣстно съ разными русскими князьями и венгерцами, — нельзя было возстановить спокойствія. Когда наконецъ одинъ изъ галицкихъ бояръ — Владиславъ Кармиличыцъ, присвоилъ себѣ княжество, а экспедиція Лешка и нѣсколькихъ союзныхъ князей оказалась безуспѣшною, — дѣло дошло до ближайшаго соглашенія съ королемъ венгерскимъ Андреемъ. Оба монарха съѣхались въ Спижѣ [1] (1214), гдѣ было условлено, что сынъ Андрея—Коломанъ, женившись на трехлѣтней дочери Лешка—Саломеѣ, получитъ галицкое княжество, а Лешекъ оставитъ себѣ Перемышль. Венгерско-польскія войска вступили въ эту часть Руси, разгромили полки Владислава, попавшагося въ плѣнъ и заняли Галичъ, гдѣ Коломана, обрученнаго съ Саломеею, торжественно короновали галицкимъ королемъ. Однакожъ венгерско-польская дружба продолжалась не долго. Возникли какія то недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ Андрей осадилъ Перемышль и занялъ Любачовъ. Раздраженный вѣроломствомъ венгерцевъ, Лешекъ вошелъ въ сношенія съ сѣверскимъ княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который, вторгнувшись неожиданно въ галицкую землю, изгналъ оттуда (1218) Коломанова намѣстника. Овладѣвъ Галичемъ, Мстиславъ выдалъ свою дочь замужъ за старшаго сына Романа—Даніила, чѣмъ обезпечилъ ему послѣ себя наслѣдство. Неблагоразумный вызывъ Мстислава, под-

---

[1]) *Спижъ* или *спиская земля*, граничащая съ юга, востока и запада съ Венгріею, а съ сѣвера отдѣляющаяся отъ краковскаго воеводства быстрымъ Попродомъ, искони принадлежала къ Польшѣ, ибо еще въ 1108 году Болеславъ Кривоустый выдавая за мужъ свою дочь за венгерскаго королевича Стефана, далъ ей въ приданое спискую землю, съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти зятя, край этотъ вновь былъ присоединенъ къ Польшѣ.

Примѣч. перевод.

вергъ вскорѣ Лешка (1219) войнѣ съ Даніиломъ, въ которой онъ лишился нѣсколькихъ городовъ на Руси, и даже претерпѣлъ пораженіе. Это вызвало возобновленіе прежнихъ переговоровъ съ Андреемъ и общій походъ противъ Мстислава. Перемышль былъ занятъ, войско Мстислава побѣждено подъ Гродкомъ и Щерцомъ и открыта осада Галича, оборону котораго Мстиславъ поручилъ Даніилу. Мстиславъ хотѣлъ, правда, прислать помощь осажденнымъ, но проигравъ сраженіе, велѣлъ Даніилу оставить Галичъ, который заняли союзники (въ окт. 1219). Именемъ юнаго Коломана управлялъ венгерскій вождь Фила, человѣкъ храбрый, но немного заносчивый. Вторичное царствованіе Коломана въ Галичѣ не было продолжительно. Спустя годъ, прибылъ (1221) Мстиславъ съ значительнымъ войскомъ, побѣдилъ близъ Галича венгерско-польскіе полки, овладѣлъ столицею и взявъ въ плѣнъ Коломана вмѣстѣ съ женою, посадилъ ихъ въ тюрьму въ Торческѣ и освободилъ только черезъ годъ, когда Андрей отрекся отъ всѣхъ своихъ правъ на Галичъ.

Въ то время, когда Лешекъ былъ преимущественно занятъ русскими дѣлами, другіе польскіе князья начали дѣйствовать въ своихъ удѣлахъ произвольно, безъ совокупнаго плана. Сынъ Болеслава, бреславльскій князь Генрихъ, прозванный Бородатымъ, рожденный отъ нѣмки и женатый на нѣмкѣ, былъ такимъ усерднымъ сторонникомъ всего нѣмецкаго, что съ его временъ началось онѣмеченіе Силезіи. Онъ ввелъ въ своемъ удѣлѣ нѣмецкіе обычаи и законы, а народная партія, во главѣ которой находился его младшій сынъ Конрадъ, послѣ смерти этого предводителя (1214) лишилась послѣдней своей поддержки. Въ Великопольшѣ Владиславъ тонконогій имѣлъ вновь столкновеніе не только съ духовенствомъ и мисненскимъ марграфомъ—Конрадомъ, но и съ собственнымъ племянникомъ Владиславомъ Одоничемъ. Юноша этотъ, не дождавшись удѣла, которымъ, во время его малолѣтства, управлялъ дядя, овладѣлъ (1207) Калишемъ, чѣмъ припудилъ его къ возвращенію удѣла. Согласіе продолжалось нѣсколько лѣтъ, но по неизвѣстнымъ причинамъ, опять возникли споры (1215). Одоничъ, из-

гнанный изъ Калиша и изъ удѣла, просилъ помощи у Генриха бородатаго, обѣщая ему за это Калишъ. Послѣдовавшій договоръ обѣ воюющія стороны ввѣрили опекѣ церкви. Во время этихъ внутреннихъ столкновеній въ Польшѣ, князья западной Помераніи подчинились Фридриху, въ качествѣ ленниковъ и членовъ имперіи, чрезъ что и самое онѣмеченіе тѣхъ мѣстностей совершалось быстрѣе.

Въ Мазовіи и Куявахъ господствовалъ младшій братъ Лешка, Конрадъ. Его удѣлъ упирался въ земли языческихъ пруссовъ, литовцевъ и ятвяговъ, съ которыми въ прежнія времена многократно возникали то дружественныя, то непріязненныя отношенія. Мысль обращенія пруссовъ въ христіанство, весьма часто занимала польскихъ князей, начиная съ Болеслава храбраго, но все еще оставалась неисполненною. Благія намѣренія Войцѣха и Брунона, во времена Храбраго, окончились смертію этихъ учителей Слова Божія, а впослѣдствіи не нашлось въ этихъ мѣстахъ усерднаго распространителя христіанства. Только Готфридъ, опатъ изъ Лукны, началъ (1206) въ сопровожденіи монаха Филиппа, дѣло навращенія въ пограничной Пруссіи. Мученическая смерть Филиппа прервала опять на нѣкоторое время апостольскіе труды, покуда не выступилъ на сцену мужъ, соединявшій съ религіознымъ рвеніемъ, знаніе свѣта и людей. Это былъ Христіанъ, монахъ картезіанскаго оливскаго монастыря подъ Данцигомъ. Щадя по возможности священные, по мнѣнію язычниковъ, предметы и зная хорошо польскій и прусскій языки, онъ старался дѣйствовать убѣжденіемъ. Какъ умный проповѣдникъ, онъ посѣялъ въ хелмской землѣ первые зародыши христіанства, послѣ чего отправился въ Римъ, чтобы представить папѣ Инокентію III, плоды своихъ трудовъ. Папа поручилъ гнѣзненскому архіепископу (1211) покровительствовать вновь обращеннымъ и поддерживать Христіана и его сотрудниковъ. По возвращеніи, Христіанъ работалъ еще съ бóльшею ревностію, но дурное обращеніе свѣтскихъ властей съ новообращенными, обложеніе ихъ разными тяжелыми повинностями, значительно парализировали его дѣятельность, ибо

отвлекали другихъ отъ христіанства, какъ скоро принятіе его было связано съ лишеніемъ личной свободы. Тщетно Христіанъ принималъ энергически сторону своихъ учениковъ, а потому онъ вновь обратился къ папѣ, который осудилъ несоотвѣтственное поведеніе польскихъ и померанскихъ князей (1212) и торжественно увѣщевалъ ихъ усердно поддерживать труды Христіана.

Обративъ въ христіанскую вѣру двухъ знаменитѣйшихъ пруссовъ, Христіанъ отправился съ ними въ Римъ, и по порученію папы, гнѣзненскій архіепископъ посвятилъ его въ санъ перваго епископа Пруссіи (1215). Неосмотрительность польскихъ князей дала возможность языческимъ жрецамъ возбудить въ сердцахъ жителей презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ, которые переходили на сторону враговъ отечества. По ихъ внушенію вооруженные пруссы вторглись въ хелмскую землю (1217) и преслѣдуя вновь обращенныхъ, жгли храмы, села и города и умерщвляли всѣхъ христіанъ безъ милосердія. Опустошивъ въ нѣсколько наѣздовъ хелмскую землю, они начали посѣщать и владѣнія Конрада, откуда вывезенная добыча, сильно возбуждала ихъ корыстолюбіе. Не имѣя возможности защитить своихъ земель, Конраду пришла въ голову нелѣпая мысль откупиться отъ вторженія пруссовъ. Даря имъ лошадей, красивую одежду и дорогіе мѣха, онъ тѣмъ самымъ поощрялъ ихъ къ болѣе частымъ посѣщеніямъ. И когда вслѣдствіе этого истощились всѣ его сокровища, онъ сзывалъ къ себѣ знаменитѣйшихъ гражданъ съ женами и отнималъ у нихъ силою столько, сколько требовалось на удержаніе пруссовъ отъ вторженія. Опустошеніе хелмской земли и сосѣднихъ съ нею владѣній Конрада было ужасно, а когда, къ тому же, многіе изъ новокрещенныхъ возвратились къ язычеству, папа Гонорій III, по просьбѣ Христіана, велѣлъ (1218) провозгласить крестовый походъ противъ пруссовъ въ Германіи, Чехіи и Польшѣ. Отдавая предводительство надъ ополчившимися (1219) Христіану, папа поручилъ ему внушать вождямъ, что цѣль похода — защита христіанъ, а не завоеваніе или преданіе рабству языческой земли. Сверхъ того онъ угрожалъ проклятіемъ всякому, кто рѣшился бы

воспротивиться прусскому епископу или помѣшалъ бы ему при исполненіи его миссіонерскихъ трудовъ. Крестоносцы вступивъ въ хелмскую землю, защищали ее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отъ прусскихъ наѣздовъ и только такимъ образомъ можно было вновь воздвигнуть храмы, села и города. Какъ скоро въ его войскѣ обнаружилась убыль — изъ Польши прибыли съ свѣжими силами (1222) — Лешекъ бѣлый, Генрихъ бородатый и Конрадъ мазовецкій. При этомъ случаѣ, Конрадъ надѣлилъ Христіана 12 замками и 100 деревнями въ хелмской землѣ, что утвердилъ (1223) и папа. Пока войско находилось въ хелмской землѣ, пруссы вели себя совершенно спокойно, но какъ только крестовое рыцарство возвратилось домой,—появились, не медля, толпы язычниковъ. Новый походъ польскихъ и померанскихъ князей встревожилъ нѣсколько наѣздниковъ, но не обезпечилъ этихъ мѣстностей на будущее время. Пруссы обратили вскорѣ хелмскую землю почти въ пустыню, и проникая далѣе въ Мазовію, сожгли 250 церквей и еще большее число деревень. Конрадъ едва устоялъ противъ нихъ въ укрѣпленномъ Плоцкѣ.

Желая предотвратить эти бѣдствія, Христіанъ подалъ мысль Конраду образовать военно-духовный орденъ, по образцу существовавшихъ уже въ другихъ странахъ и снискавшихъ себѣ въ то время огромную славу. Такіе ордена были обязаны вести безпрестанную борьбу съ врагами христіанской вѣры. Конрадъ охотно принялъ эту мысль, а Христіанъ занялся такъ усердно ея осуществленіемъ, что вскорѣ (1225) въ лицѣ 14 мужественныхъ рыцарей, онъ посвятилъ первыхъ членовъ военно-духовнаго ордена Христа въ Пруссіи. Отъ замка Добржиня на Дрвенцѣ, гдѣ они поселились по желанію Конрада, ихъ прозвали— *добржинскою братіею;* первымъ магистромъ былъ какой то Бруно. Добржинскіе рыцари начали нападенія на прусскія земли, не ожидая собственнаго упроченія. Это побудило пруссовъ къ мести; они, съ многочисленными полчищами вторглись въ хелмскую землю. Конрадъ поспѣшилъ съ подкрѣпленіями и подъ Тчевомъ произошло сраженіе; послѣ двухдневнаго крово-

пролитнаго и отчаяннаго боя, пруссы одержали побѣду. Изъ братьевъ ордена спаслось лишь пятеро, всѣ остальные погибли въ битвѣ. Побѣдители подошли къ Добржиню, и хотя его не взяли, но съ другой стороны и добржинскіе рыцари не могли быть болѣе защитниками христіанъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Обманутому въ своихъ надеждахъ, Христіану, пришла въ голову пагубная мысль пригласить германскихъ крестоносцевъ или госпитальцевъ Дѣвы Маріи германскаго народа, въ Іерусалимѣ. Этотъ рыцарскій орденъ, основанный во время крестоваго похода, подъ Акконою (1190) пріобрѣлъ огромное значеніе и славу, въ управленіе своего четвертаго великаго магистра Германа изъ Сальцы, а многочисленные надѣлы помѣстьями, необыкновенно возвысили его могущество именно въ ту эпоху, когда Христіанъ передалъ свою мысль Конраду. Послѣдній, не обдумавши, схватился за нее и отправилъ (осенью 1225) пословъ въ Германію предлагая ордену хелмскую землю и Либаву, если онъ приметъ на себя обязанность воевать съ пруссами. Магистръ согласился удовлетворить требованію Конрада, но прежде всего хотѣлъ гарантировать себѣ помощь императора и папы. Императоръ Фридрихъ II тотчасъ утвердилъ за орденомъ (1226) надѣлъ Конрада и, къ тому же, даровалъ крестоносцамъ все то, что они пріобрѣтутъ силою оружія отъ языческихъ пруссовъ. Когда и папа Гонорій не отказалъ въ своемъ подтвержденіи, Германъ послалъ двухъ братьевъ убѣдиться на мѣстѣ, въ какой степени можно разсчитывать на обѣщанія Конрада. Посланные прибыли въ Мазовію въ отсутствіи Конрада, съ свитою изъ 18 вооруженныхъ людей, именно въ такую минуту, когда пруссы, въ огромномъ числѣ, вторглись въ этотъ край. Агазія, жена Конрада, созвала народное ополченіе, во главѣ котораго оба крестоносца выступили противъ наѣздниковъ. Послѣ кровопролитной встрѣчи, пруссы были оттѣснены, а оба вождя, тяжело раненые, обязаны своимъ выздоровленіемъ единственно старательному уходу княгини. Покончивъ затѣмъ дѣло съ Конрадомъ по поводу хелмской записи, они поселились въ замкѣ

воздвигнутомъ на берегу Вислы. То былъ первый зародышъ злосчастнаго для Польши могущества крестоносцевъ.

Русь и Европа были устрашены въ то же время извѣстіемъ о грозномъ нашествіи монголовъ, которые въ правленіе Чингисхана покоривъ почти всю Азію, появились надъ Волгою. Побѣжденные половцы просили помощи у русскихъ князей, собравшихся именно въ Кіевѣ. По совѣту галицкаго князя Мстислава, единогласно было рѣшено предпринять походъ противъ татаръ, который, однакожъ, кончился весьма неудачно. Русскія дружины претерпѣли при рѣкѣ Калкѣ (30 мая 1224) совершенное пораженіе. Одержавъ побѣду, татары возвратились въ Азію, а русскіе князья, избавившись на время отъ грозной опасности, по прежнему, продолжали свои споры за удѣлы.

Въ Великопольшѣ также не было спокойствія. Не смотря на договоръ (1217) возникли новыя столкновенія между дядею и племянникомъ. Одоничъ, лишенный своего родоваго удѣла, долженъ былъ бѣжать въ Венгрію. Возвратившись оттуда, онъ отправился секретно къ Святополку померанскому и женился (1222) на его дочери—Гелингѣ. Поддержанный тестемъ, онъ овладѣлъ (1223) Усціемъ на Нотецѣ, откуда вторгался въ земли своего дяди и когда, спустя нѣсколько лѣтъ (1227), послѣдній осадилъ Усціе,— Одоничъ, въ удачной вылазкѣ, одержалъ побѣду и завоевалъ затѣмъ Познань, Калишъ и другіе города своего удѣла. Пользуясь этими столкновеніями, Святополкъ освободился изъ подъ польскаго владычества и въ довершеніе завладѣлъ городомъ Накло. Лешекъ бѣлый, приглашенный на помощъ Владиславомъ тонконогимъ, хотѣлъ не только успокоить Великопольшу, но довести и Святополка до покорности. Приглашенные къ соучастію Генрихъ бородатый и Конрадъ мазовецкій, прибыли (осенью 1227) въ главѣ своихъ дружинъ, въ Гонсаву. Подъ предлогомъ примиренія дяди съ племянникомъ, Лешекъ хотѣлъ заманить Святополка въ Гонсаву и принудить его вновь къ покорности. Когда хитрость не удалась, рѣшено было предпринять походъ въ Накло. Извѣщенный объ этомъ Святополкъ, утѣшалъ противниковъ надеждою перегово-

ровъ, а между тѣмъ, выждавъ удобную минуту, напалъ неожиданно на ихъ лагерь, разогналъ стражу и, настигнувъ отступавшаго Лешка близь деревни Марцинкова, убилъ его, послѣ мужественной со стороны послѣдняго защиты (14 нояб. 1227).

Лешекъ оставилъ малолѣтняго сына Болеслава, прозваннаго впослѣдствіи стыдливымъ, мать котораго Гржимислава, должна была раздѣлить опеку надъ малолѣтнимъ княземъ съ нѣкоторыми вельможами. Однакожъ Конрадъ присвоилъ себѣ силою, вмѣстѣ съ опекою надъ племянникомъ и его земли. Гржимислава призвала на помощь Генриха бородатаго, который явился (1228) съ достаточною вооруженною силою, побѣдилъ въ двухъ сраженіяхъ Конрада и заставилъ его выступить изъ краковскаго удѣла. Послѣ этого онъ самъ, именемъ Болеслава, принялъ правленіе, а силезское рыцарство отправилъ домой. Конрадъ, выжидавшій лишь благопріятнаго случая, чтобы вновь овладѣть краковскою землею, внезапно явился въ Спытковѣ подъ Краковомъ, куда Генрихъ созвалъ на вѣче краковскихъ обывателей и схватилъ его безъ малѣйшаго сопровотивленія. Отправивъ плѣнника въ Плоцкъ, онъ занялъ Краковъ, а сендомирцевъ, не хотѣвшихъ ему поддаться добровольно, преслѣдовалъ такъ упорно, что многіе убѣжали въ сосѣднюю Русь. Сынъ плѣненнаго, также Генрихъ, хотѣлъ оружіемъ заставить Конрада освободить отца, но жена Бородатаго Ядвига, причисленная впослѣдствіи къ лику святыхъ, воспрепятствовала этому и предпочла лично отправиться въ Мазовію, чтобы освободить мужа путемъ переговоровъ. По ея просьбѣ Конрадъ освободилъ Генриха (1229), который отрекся отъ опеки надъ Болеславомъ, и сверхъ того далъ слово выдать замужъ свои двѣ внучки за двухъ сыновей Конрада. Одновременно велась междоусобная война и въ Великопольшѣ, гдѣ сперва побѣдилъ Владиславъ и взялъ въ плѣнъ племянника, а впослѣдствіи самъ будучи побѣжденнымъ (1229), долженъ былъ искать убѣжища у силезскаго князя въ Ратиборѣ.

Во время этихъ столкновеній состоялись окончательные переговоры съ орденомъ германскихъ крестоносцевъ. Магистръ недовольный условіями Конрада, медлилъ съ отправленіемъ большаго

числа братьевъ ордена, и послалъ болѣе значительный отрядъ монаховъ рыцарей подъ начальствомъ Германа Балка, бывшаго первымъ провинціальнымъ магистромъ въ Пруссіи, лишь тогда, когда съ одной стороны настаивалъ папа Григорій IX, а съ другой — Конрадъ предложилъ болѣе выгодныя условія. Съ прибытіемъ Балка, Конрадъ предоставилъ германскому ордену на вѣчныя времена хелмскую землю, но отнюдь не отрекся отъ своихъ верховныхъ правъ на нее. Впослѣдствіи (1230) онъ расширилъ эту первоначальную запись, признавая за крестоносцами право на земли, которыя они завоюютъ отъ языческихъ пруссовъ, за что они и были обязаны къ постоянной съ ними борьбѣ.

Конрадъ, собственно, хлопоталъ объ опекѣ надъ Болеславомъ, изъ желанія захватить весь его удѣлъ. Онъ отдалъ затѣмъ сендомірскую землю старшему своему сыну Болеславу, не обращая вниманія на жалобы и доводы племянника и свояченицы. Но чтобы еще вѣрнѣе упрочить свою власть въ присвоенныхъ земляхъ, онъ, подъ предлогомъ переговоровъ, заманилъ Болеслава вмѣстѣ съ матерью на конфиденціальное свиданіе при рѣкѣ Радомѣ, велѣлъ ихъ схватить и подъ строгимъ надзоромъ заключить въ сѣцѣховскомъ замкѣ. Этотъ шагъ насилія вызвалъ всеобщее раздраженіе, а Клеменсъ изъ Рущи, войдя въ соглашеніе съ настоятелемъ сосѣдняго съ замкомъ, венедиктинскаго монастыря, освободилъ заключенныхъ изъ рукъ Конрада, который былъ даже заподозрѣнъ въ готовности умертвить племянника и свояченицу. Партія враждебная Конраду призвала теперь на помощь (1231) Генриха бородатаго, который не смотря на обѣщаніе не вмѣшиваться въ споръ Болеслава съ Конрадомъ, прибылъ съ своей дружиной въ краковскую землю, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ сраженій выгналъ Конрада изъ занятыхъ мѣстностей, овладѣлъ ими, за исключеніемъ Сендоміра. Споръ этотъ былъ порѣшенъ договоромъ на съѣздѣ въ Скаржишовѣ [1]) (31 окт. 1232), на которомъ Конрадъ отрекся отъ

---

[1]) Городъ нынѣшней Радомской губ., Радомскаго уѣзда.

Примѣч. перевод.

своихъ притязаній на удѣлъ племянника, а Генрихъ обѣщалъ въ замѣнъ, предпринять съ нимъ общій походъ въ Пруссію. Болеславъ уступилъ Генриху бородатому, на покрытіе военныхъ расходовъ — краковскую землю и часть сендомірской. А когда Владиславъ тонконогій, сердитый на племянника, передъ смертію (1231) завѣщалъ сыну свой удѣлъ, — Генрихъ присвоилъ себѣ титулъ князя силезскаго, краковскаго и польскаго.

Въ тоже время, между Владиславомъ Одоничемъ и Генрихомъ бородатымъ возникли недоразумѣнія. Владиславъ, желая привлечь на свою сторону духовенство, даровалъ ему множество правъ, чѣмъ вооружилъ рыцарство, на которое обрушились всѣ общественныя тягости. Недовольные посягнули даже на жизнь князя, и когда покушеніе не удалось, просили помощи у Генриха (1233). Духовенство, вѣрное Одоничу, способствовало заключенію мира, отъ котораго и Генрихъ не уклонился, ибо долженъ былъ, согласно прежнему обѣщанію, участвовать въ общей экспедиціи противъ Пруссіи. Но когда онъ возвращался изъ послѣдней, война вновь возгорѣлась. Хотя Владиславу помогалъ Конрадъ мазовецкій, Генрихъ овладѣлъ однакожъ Калишемъ, Пыздрами, Сродою и другими городами. Конрадъ опустошилъ за то сендомірскую землю. При посредничествѣ гнѣзненскаго архіепископа Фулькона, миръ опять состоялся (1234). Варта должна была сдѣлаться границею обоихъ государствъ, а князья дали другъ другу обѣтъ, что подъ опасеніемъ быть преданнымъ проклятію, не будутъ производить наѣзды и не будутъ посягать на жизнь другъ друга. Кромѣ того обѣщано прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые въ теченіе этой войны, оказывали содѣйствіе противной сторонѣ. Вскорѣ Генрихъ съѣхался съ Конрадомъ въ Краковѣ, гдѣ и былъ заключенъ миръ. Папа подтвердилъ оба договора (1236), поручивъ, въ тоже время, гнѣзненскому архіепископу и познанскому епископу разсмотрѣть все дѣло Одонича съ Генрихомъ. На жалобу же Генриха, что установленные коммисары, ведутъ дѣло слишкомъ долго, онъ велѣлъ поспѣшить, и уполномочилъ мерзебургскаго епископа и другихъ заняться этимъ дѣломъ, въ случаѣ если бы первые коммисары не исполнили пору-

ченія. Когда Генрихъ не хотѣлъ подчиниться суду польскихъ духовныхъ, а Одоничъ, не явился передъ германскими епископами, дѣло опять затянулось, ибо обѣ стороны вновь обратились въ Римъ.

Между тѣмъ Германъ Балкъ началъ систематическое завоеваніе прусскихъ земель. Сооруженіе замка было всегда вступленіемъ къ овладѣнію смѣжной мѣстностью, изъ которой коренное населеніе изгоняли, если его нельзя было уничтожить или подавить въ немъ національность. Подъ прикрытіемъ замка, возникали колоніи германскихъ пришельцевъ, которые стекались сюда въ неимовѣрномъ числѣ. Пруссы отчаянно защищали свою землю и независимость, но всѣ ихъ усилія были безуспѣшны, ибо только ближайшія къ крестоносцамъ общины вступали въ бой, болѣе отдаленныя же спокойно выжидали своей очереди. Такимъ образомъ крестоносцы могли всегда одержать верхъ, ибо пруссы никогда не выступали противъ нихъ совокупно. Въ завоеванныхъ округахъ, между оставшимися жителями коренного населенія, вводили христіанскую вѣру, но какъ скоро, вмѣстѣ съ крещеніемъ, на нихъ налагали ярмо тяжкой неволи, — дѣло доходило не разъ до возстанія, нисколько впрочемъ не улучшая участи пруссовъ. Орденъ получалъ послѣ каждаго пораженія чуземную помощь, а частые походы привлекали подъ его знамена тысячи вооруженныхъ волонтеровъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, крестоносцы очистили отъ язычниковъ всю хелмскую землю, и перейдя Вислу, появились въ странѣ помезановъ [1]. Желая облегчить имъ завоеваніе языческой земли, Григорій IX назначилъ крестовый походъ, въ которомъ главнѣйшее участіе приняла

---

[1]) Помезанія была провинціею прежнихъ пруссовъ латышскаго или литовскаго происхожденія. Крестоносцы, утвердивъ въ XIII столѣтіи нѣмецкое господство въ Пруссіи, раздѣлили страну на епархіи, придерживаясь старинныхъ прусскихъ наименованій. Вотъ почему въ польской исторіи говорится, нерѣдко, о епископѣ помезанскомъ. Главными городами были Прабуты (Ризенбургъ) и Квидзина, гдѣ и былъ каоедральный соборъ. Въ эпоху Лютера, Пруссія, прежде другихъ приняла новое ученіе и тогда помезанское епископство исчезло вмѣстѣ съ самбійскимъ, главнымъ городомъ котораго былъ теперешній Кенигсбергъ.

Примѣч. перев.

Польша. Подъ предводительствомъ польскихъ, силезскихъ и поморскихъ князей, прибыло (1233) въ Пруссію 20,000 вооруженныхъ людей. Подъ прикрытіемъ этого войска укрѣпили Квидзынъ [1]), а пруссы изъявили готовность принять крещеніе. Сильно обрадованный этимъ, епископъ Христіанъ пріостановилъ дальнѣйшія наступательныя дѣйствія. Но когда онъ прибылъ въ помезанскую землю съ горстью вооруженныхъ людей, чтобы начать дѣло обращенія, — пруссы изрубили его свиту, а его самаго заключили въ тюрьму. Несогласные между собой вожди крестоваго похода не оказали ему помощи и вторглись въ Помезанію лишь по приказанію папы. На берегахъ Сергуни [2]) произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ погибло 5000 помезанцевъ. Но и христіанамъ побѣда обошлась весьма дорого: они потеряли 4000 человѣкъ. За тѣмъ силою взятъ замокъ, въ которомъ заперлись остатки язычниковъ. Пробывъ одинъ годъ въ Пруссіи, крестовое войско возвратилось домой, предоставивъ ордену дальнѣйшую борьбу съ пруссами.

Теперь крестоносцы выступили уже явно съ намѣреніемъ создать изъ прусскихъ завоеваній и дарованныхъ земель особенное отдѣльное государство, съ тѣмъ чтобы совершенно освободиться отъ всякаго протекторства Конрада. Они пожелали къ тому же, соединиться съ оставшимися добржинскими братьями, чтобы присвоить себѣ также и дарованныя имъ земли. Это повело къ спорамъ съ Конрадомъ, окончившимся тѣмъ, что орденъ подчинилъ всѣ свои земли въ Польшѣ и Пруссіи, какъ составлявшія собственность св. Петра, опекѣ Рима, чѣмъ освободилъ ихъ отъ свѣтскаго владычества. Папа призналъ эти земли исключительною собственностью церкви, и отдалъ ихъ во владѣніе крестоносцамъ на ленныхъ правахъ (1234). Конрадъ замѣтилъ слишкомъ поздно, что поступилъ крайне неблагоразумно, лишившись не только хелмской земли, но добровольно внеся чуждый элементъ, изъ котораго, мало по малу слагалась на рубежѣ его земли грозная въ будущности сила, грозная по-

---

[1]) Нынѣ Маріенвердеръ. *Примѣч. перевод.*

[2]) Сергуня, небольшая рѣчка въ бывшемъ мальборгскомъ воеводствѣ (нынѣ Маріенбургъ). *Примѣч. перевод.*

тому, что получала безпрестано поддержку извнѣ. Это въ особенности обнаружилось, когда, послѣ завоеванія помезанской земли, крестоносцы соединились съ орденомъ инфлянтскихъ меченосцевъ (1237).

Генрихъ бородатый, сосредоточившій въ своихъ рукахъ кромѣ собственнаго силезскаго удѣла, и множество другихъ земель, былъ безспорно самымъ могущественнымъ изъ потомковъ Кривоустаго. Хотя ему можно сдѣлать справедливо упрекъ, что онъ главнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ онѣмеченію Силезіи, тѣмъ не менѣе нужно отдать справедливость, что какъ князь, онъ принималъ сторону слабыхъ противъ сильныхъ, предотвращалъ злоупотребленія и произволъ чиновниковъ, устранялъ незаконныя повинности, которыми по обыкновенію обременяли сельскій людъ, въ родѣ керовьяго, дѣвичьяго и т. д. Сильно заботясь о своихъ княжескихъ правахъ, онъ, правда, не разъ нарушалъ гарантированныя привиллегіями льготы духовнаго сословія. Это подало поводъ къ оскорбительнымъ столкновеніямъ, навлекшимъ на него даже проклятіе церкви (1233). Искусною уловкою ему удалось освободить себя отъ этого проклятія, но вскорѣ воспослѣдовала его смерть и тогда, папа угрожалъ сыну его Генриху, выброшеніемъ изъ освященной земли тѣла покойнаго, если духовенство не получитъ требуемаго удовлетворенія.

Генрихъ II набожный, безъ сопротивленія наслѣдовалъ всѣ земли послѣ отца, въ томъ числѣ и краковскую. А Болеславъ Лешковичъ владѣлъ въ остальной части отцовскаго удѣла и, тревожимый постоянно дядею Конрадомъ, женился, по совѣту своихъ вельможъ, (1239) на дочери венгерскаго короля Белы IV — Кингѣ или Кунигундѣ, получивъ за нею въ приданное 40.000 гривенъ. Это дало ему возможность увеличить военныя силы, для болѣе успѣшнаго отраженія мазовецкихъ наѣздовъ. Кинга выговорила себѣ дѣвственность, не смотря на брачный союзъ, а потому Болеслава прозвали Стыдливымъ. Въ это время (1239) умеръ Владиславъ Одоничъ, оставивъ двухъ сыновей: Пржемыслава и Болеслава, которые наслѣдовали его земли безъ раздѣла.

Конрадъ мазовецкій вмѣшался также въ дѣла духовенства и заподозривъ плоцкаго каноника и своего канцлера Яна Чаплю въ тайныхъ сношеніяхъ съ силезскимъ княземъ Генрихомъ II, велѣлъ его повѣсить. Гнѣзненскій архіепископъ наложилъ интердиктъ на весь удѣлъ Конрада. Чтобы замять это крайне щекотливое дѣло, Генрихъ долженъ былъ приписать Ловичъ къ гнѣзненскому архіепископству и расширить права и льготы духовенства.

Заднѣпровская Русь (галицкая) испытывала сильныя волненія. Многочисленные галицкіе князья, подчиняясь внушеніямъ минутныхъ личныхъ интересовъ, не обращали вниманія ни на благо общаго отечества, ни на родственныя связи. Сегодня между собою въ союзѣ — завтра они измѣняли другъ другу и даже соединялись съ общими врагами. Отсюда проистекали безпрестанныя войны. Хитрость, ненадежность слова и измѣнчивость характеризуютъ почти всѣ распри тогдашнихъ галицкихъ князей, что давало посторроннимъ возможность вмѣшиваться въ ихъ дѣла. И такъ король венгерскій Андрей посадилъ (1231) на галицкое княжество своего сына Андрея, откуда долженъ былъ бѣжать Даніилъ Романовичъ. Онъ получилъ, правда, опять княжество послѣ смерти Андрея (1233), но на короткое время, ибо вскорѣ безпорядки заставили его вторично уѣхать (1235).

Въ то время, когда галицкіе князья накликали на свое отечество братоубійственныя войны, приближалась мало по малу грозная буря, которая должна была помирить всѣхъ подъ ярмомъ общей неволи. Татары, которые послѣ побѣды при Калкѣ (1224), занятые преимущественно азіятскими дѣлами, не заглядывали въ Европу, — двинулись теперь (1237) на западъ подъ предводительствомъ Батыя, разбили болгаръ и, расположившись при Волгѣ, оттѣснили черноморскихъ половцевъ въ Венгрію. Раздробленная заднѣпровская Русь не могла устоять противъ наѣздниковъ, которые напали на нее въ числѣ 300,000 вооруженныхъ людей. Нѣкоторые князья защищались мужественно, но не было согласія и единства въ ихъ усиліяхъ и вся заднѣпровская Русь подчинилась ужасному игу побѣдителей, которые подошли (1239) къ са-

мой Москвѣ. Раздались, правда, голоса на Руси, что слѣдуетъ сосредоточить всѣ ея силы противъ столь страшнаго врага, но то были голоса вопіющіе въ пустынѣ. Ужасъ предшествовалъ всякому походу татаръ, послѣ котораго оставались лишь развалины, пепелища и груды труповъ, а многія тысячи плѣнныхъ обрекались на неволю, болѣе жестокую, нежели самая смерть.

Судьба заднѣпровской Руси должна была убѣдить не только галицкую Русь, но и сосѣднюю Польшу и Венгрію о необходимости своевременнаго союза, въ виду общей защиты. Между тѣмъ дѣло происходило совершенно иначе. На Руси вели безпрерывную войну за Кіевъ, изъ котораго одинъ изгонялъ другаго, какъ будто Батый былъ въ степяхъ Азіи, а не здѣсь, подъ бокомъ. Польскимъ же князьямъ и венгерскому князю Белѣ IV, опасность не казалась столь близкою, чтобы исполнить просьбу Даніила галицкаго, взывавшаго ихъ помощи. Между тѣмъ Батый подступилъ къ Кіеву и, не смотря на мужественную оборону воеводы Даніила — Дмитрія, овладѣлъ городомъ (6 дек. 1240). Татары заняли затѣмъ Каменецъ, Владиміръ, Галичъ и другіе города, истребляя почти все населеніе. Даніилъ, возвращавшійся изъ Венгріи, долженъ былъ бѣжать въ Сендомиръ. Въ началѣ 1241 году страшная буря приближалась къ польскимъ границамъ, а толпы бѣгущихъ, объятыя паническимъ страхомъ, были вѣрнымъ предвѣстникомъ всѣхъ ея ужасовъ. Подобно тому какъ на Руси, и въ разчлененной Польшѣ не было ни приготовленій, соотвѣтственныхъ размѣрамъ опасности, ни совокупнаго плана дѣйствія. Каждый изъ князей спокойно смотрѣлъ на смертельный бой сосѣда, выжидая минуты, въ которую придетъ очередь и на него. Батый раздѣлилъ свое войско на три отряда: два изъ нихъ онъ отправилъ въ Венгрію, а съ третьимъ самъ двинулся противъ Польши. Прежде всѣхъ испытала всѣ ужасы татарскаго нашествія—люблинская земля. Болеславъ стыдливый и Болеславъ Конрадовичъ расположились у Вислы, ограничиваясь обороною ея береговъ. Ограбивъ люблинцевъ, татары возвратились въ свой главный лагерь или кошъ. Поляки, не знакомые еще съ ихъ способомъ веденія войны, сочли

это отступленіемъ. Но они жестоко ошиблись: вскорѣ все татарское войско двинулось нѣсколькими дорогами къ Вислѣ, и переправясь чрезъ рѣку, направилось къ Сендомиру. Съ однимъ изъ татарскихъ отрядовъ оба князья завязали злосчастный бой и юные вожди должны были въ бѣгствѣ искать спасенія. Татары разрушили Завихостъ и подступили къ Сендомиру, который взяли штурмомъ (13 фев. 1241). Умертвивъ жителей, они разрушили городъ, и затѣмъ, вдоль сѣвернаго побережья Вислы, направились къ Кракову, въ которомъ нашелъ убѣжище Болеславъ съ матерію и женою. Отрядъ рыцарства, подъ начальствомъ краковскаго воеводы, одержалъ, правда, побѣду подъ Турскомъ надъ небольшимъ полчищемъ татаръ, но атакованный затѣмъ большими силами, претерпѣлъ совершенное пораженіе. Рыцарство, прикрывавшее Краковъ, вступило въ бой (18 мар. 1241) съ наѣздниками подъ деревнею Хмельникомъ. Сначала поляки имѣли перевѣсъ, но вдавшись послѣ разбитія первой линіи неосторожно въ преслѣдованіе, наткнулись на свѣжіе полки коренныхъ татаръ и погибли всѣ до одного. Краковъ остался безъ защиты, и Болеславъ бѣжалъ въ Венгрію. Остатки краковскаго и сендомирскаго рыцарства отправились къ Генриху набожному, который, какъ могъ, готовился къ отпору. Татары разрушили Вислицу и Краковъ, а потомъ двинулись въ Силезію. Подъ Лигницею [1]), въ открытомъ полѣ, произошла кровопролитная битва, въ которой, не смотря на мужественное сопротивленіе, погибло все войско Генриха вмѣстѣ съ своимъ вождемъ. Опустошивъ Силезію и Моравію, татары направились въ Венгрію, гдѣ послѣ большой побѣды при Саѣ,

---

[1]) Лигницъ былъ главнымъ городомъ княжества того же имени и послѣ Бреславля самымъ большимъ городомъ въ Силезіи. Здѣсь подобно тому какъ во всей Силезіи господствовали князья изъ рода Пястовъ — потомки Владислава II. Около 1320 г. они подчинились чехамъ и изъ всѣхъ потомковъ Пяста, лигницкая линія существовала наидолѣе. Она пресѣклась только со смертію князя Юрія Вильгельма 21 ноября 1675 года. Смерть этого князя была, между прочимъ, предлогомъ къ извѣстной въ исторіи, семилѣтней войнѣ, послѣ которой Фридрихъ великій присоединилъ Лигницъ къ Пруссіи. Но и теперь городъ этотъ, не смотря на свой нѣмецкій характеръ, сохранилъ бездну воспоминаній о прежнемъ польскомъ господствѣ.

Прим. перевод.

*

предавались пиршествамъ круглый годъ и только, получивъ вѣсть о смерти великаго хана Октая, поспѣшили на востокъ. Видъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ прошли татарскія орды, былъ, по истинѣ, ужаснымъ. Населеніе уменьшилось вдесятеро, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно совершенно исчезло. Отъ городовъ, мѣстечекъ и деревень остались однѣ развалины, а тысячи несчастныхъ жителей, переживших эти бѣдствія, остались почти безъ средствъ къ жизни. Болѣе другихъ пострадали земли Болеслава стыдливаго, который убѣжавъ въ Венгрію, перешелъ оттуда въ Моравію и наконецъ поселился въ пениньскомъ замкѣ въ татрахъ (карпатскихъ горахъ).

Генрихъ благочестивый оставилъ пять сыновей, которые раздѣлили между собою земли, сосредоточенныя на нѣкоторое время въ однихъ рукахъ. Старшій изъ нихъ Болеславъ лысый, наслѣдовалъ, кромѣ бреславльскаго княжества, всѣ великопольскія пріобрѣтенія и краковскую землю. Его излишняя привязанность къ нѣмцамъ, которымъ, въ ущербъ полякамъ онъ раздавалъ имѣнія, мѣста и почести, вызвала отдѣленіе пріобрѣтеній Генриха бородатаго: великопольская шляхта, раздраженная его онѣмеченіемъ, возстала поголовно и пригласила сыновей Одонича—Пржемыслава и Болеслава, которые безъ труда возвратили себѣ (1244) все отнятое у ихъ отца дѣдомъ Лысаго. Въ свою очередь Конрадъ мазовецкій, пользуясь подобными же неудовольствіями въ краковской землѣ, захватилъ ее (1242), послѣ удачной экспедиціи, ибо законный ея владѣтель — Болеславъ стыдливый, не былъ въ состояніи этому воспротивиться. Господство Конрада въ Краковѣ не было продолжительно, ибо рыцарство, раздраженное его строгостію, возстало (1243) подъ начальствомъ Клеменса изъ Рущи и побѣдивъ княжеское войско при Суходолѣ, возвратило власть Болеславу. Желая вновь силою отнять эту часть земель племянника, Конрадъ не переставалъ тревожить наѣздами его удѣлъ. Съ наемными войсками пруссовъ, ятвяговъ и литовцевъ, онъ вторгнулся (1246) въ его владѣнія и опустошилъ все огнемъ и мечемъ, подобно самому заклятому врагу, и когда Болеславъ высту-

пилъ къ нему на встрѣчу, произошелъ кровопролитный бой подъ Ярошиномъ; Конрадъ остался побѣдителемъ и взялъ даже нѣсколько замковъ, но не могъ удержать ихъ долго. Только его смерть (1247) уволила Болеслава отъ дальнѣйшихъ наѣздовъ. Конрадъ оставилъ трехъ сыновей — Болеслава, Казиміра и Зимовита, которые раздѣлили между собою его мазовецко-куявскій удѣлъ.

Въ то время когда Польша сдѣлалась театромъ междоусобныхъ войнъ или боролась съ иностраннымъ нашествіемъ,—крестоносцы распространяли свое господство въ Пруссіи, встрѣчая при этомъ неоднократную помощь со стороны польскихъ князей и духовенства. Угнетая страшнымъ образомъ покоренныхъ пруссовъ, они безпощадно вымещали на несчастныхъ всякую попытку къ возстановленію потерянной самостоятельности и свободы. Изъ окрестныхъ князей одинъ Святополкъ, князь западной Помераніи, угадалъ пагубные планы крестоносцевъ и соединившись (1238) съ Одоничемъ великопольскимъ и Казиміромъ куявскимъ, хотѣлъ воспрепятствовать возвеличенію ихъ могущества. Но угрожаемый, со стороны гнѣзненскаго архіепископа, отлученіемъ отъ церкви, онъ долженъ былъ отложить до времени осуществленіе этого плана, а между тѣмъ вошелъ въ тайныя соглашенія съ пруссами. Выждавъ благопріятный моментъ, Святополкъ, прежде всего ходатайствовалъ о угнетенныхъ передъ прусскимъ магистромъ, а когда это не подѣйствовало, отправилъ въ Римъ вмѣстѣ съ прусскимъ посольствомъ и своихъ уполномоченныхъ, для принесенія папѣ жалобы на нечеловѣческое обхожденіе съ новообращенными. Когда же посольство не достигло своей цѣли, Святополкъ возбудилъ (1242) въ Пруссіи возстаніе, и даже явно соединилъ свои полки съ инсургентами. Орденъ крестоносцевъ, поддерживаемый папою Инокентіемъ IV и всею западно-христіанскою Европою, не смотря на временныя и даже тяжкія пораженія и неудачи, выходилъ всегда побѣдителемъ изъ этой борьбы. Успѣхъ на его сторонѣ былъ и тогда, когда Святополкъ, вынуждаемый нѣсколько разъ заключать миръ и давать заложникомъ своего сына Мествина, брался за оружіе. Послѣ шестилѣтней борьбы съ крестоносцами, Святополкъ,

покинутый измѣннически даже родными братьями и преданный проклятію папскимъ легатомъ, долженъ былъ заключить (1248) вѣчный миръ, по которому обѣщалъ не поддерживать и не защищать болѣе пруссовъ. Папа обязалъ впрочемъ орденъ обращаться кротко съ новообращенными, но когда громы Ватикана обезоружили Святополка, крестоносцы болѣе не заботились о требованіяхъ Рима и угнетали пруссовъ самымъ жестокимъ образомъ. Если не удавалось уничтожить народности, крестоносцы, подъ предлогомъ отстаиванья съ ихъ стороны язычества, умерщвляли почти всѣхъ безъ исключенія. Получая подкрѣпленія не только въ видѣ вооруженныхъ дружинъ, но и колонистовъ, они населяли послѣдними обширныя мѣстности, очищенныя отъ коренныхъ жителей.

Во всѣхъ польскихъ удѣлахъ, кромѣ краковскаго, была постоянная борьба по поводу раздѣловъ. Одни хотѣли отнимать земли у другихъ, а частые договоры, заключаемые подъ присягою, имѣли на столько лишь значенія, на сколько стеченіе обстоятельствъ принуждало каждую изъ сторонъ исполнить обязательство. Ближайшая или дальнѣйшая степень родства не освобождала ни кого отъ нападенія и родные братья въ Силезіи, Великопольшѣ и Мазовіи обижали другъ друга. Этими столкновеніями князей пользовались высшія духовныя и свѣтскія лица, ибо выговаривали себѣ важныя привиллегіи въ ущербъ большинству народа. Пользовались этимъ также и западные сосѣди, отрывавшіе отъ польскихъ владѣній одну провинцію за другою. Но если князья не заботились ни о благѣ общаго отечества, ни о святости договоровъ, за то магнаты исключительно думали о себѣ, и какъ скоро мѣстный князь казался имъ неудобнымъ, они подчинялись сосѣду, изъ которыхъ каждый готовъ былъ ограбить хотя бы и роднаго брата. Всѣ эти мелкія столкновенія образуютъ печальный фонъ картины, на которой, кромѣ ужаснаго нашествія татаръ, не обрисовывается болѣе никакого важнаго міроваго событія. Послѣдствія несообразной мысли раздѣленія страны обнаружились особенно рельефно, послѣ

смерти Генриха II, въ правленіе, представителей нѣсколькихъ династій, готовыхъ поглотить одна другую.

Этимъ ослабленіемъ Польши воспользовался также Даніилъ Романовичъ, который, живя въ постоянномъ согласіи съ своимъ братомъ Василько, отнялъ, мало по малу, отъ похитителей свои земли, опустошенныя татарами. Вступая съ одной стороны въ переговоры съ папою Иннокентіемъ IV на счетъ присоединенія галицкой Руси къ латинской церкви, за что папа обѣщалъ помощь Европы противъ татаръ, — онъ, не менѣе того, принесеніемъ поклона и обѣщаніемъ дани, привлекъ на свою сторону Батыя. Все это упрочило власть въ его земляхъ. Пока жилъ Конрадъ мазовецкій, Даніилъ поддерживалъ съ нимъ дружескія сношенія, что вновь побуждало Болеслава стыдливаго оказывать помощь его врагамъ. Послѣ смерти Конрада, при содѣйствіи венгерскаго короля Белы IV, — Болеславъ стыдливый не только заключилъ дружескій союзъ съ Даніиломъ, но и совокупно съ нимъ предпринялъ походъ (1254) противъ венгерцевъ. Въ то же время окончились переговоры съ апостольскою столицею, легатъ которой Опизо торжественно короновалъ Даніила въ Дрогичинѣ (въ началѣ 1255) королемъ галицкимъ.

Во время несчастнаго ослабленія раздробленной Польши, возрастало также значеніе и могущество Литвы. Сосредоточенная подъ управленіемъ великаго князя Рингольда (1230), она вступила, съ одной стороны въ борьбу съ германскимъ орденомъ, а съ другой — начала присоединять обширныя земли на Руси, въ особенности послѣ ужаснаго татарскаго нашествія. Литва, раздѣленная послѣ Рингольда (умершаго около 1240) между двумя его сыновьями — Мендогомъ и Эрдзивилломъ, слилась вновь въ одно государство, когда Мендогъ, послѣ смерти брата (1242) овладѣлъ верховною властію. Онъ назначилъ тремъ племянникамъ особенные, находившіеся отъ него въ зависимости удѣлы, но какъ скоро они пожелали совершенной удѣльности, Мендогъ тотчасъ же разогналъ ихъ. Изгнанники нашли помощь у Даніила и крестоносцевъ и навлекли на дядю, съ двухъ сторонъ, тяжкую войну. Когда и внутри края

въ недовольныхъ недостатка не оказалось, Мендогъ долженъ былъ войти въ переговоры съ крестоносцами, при содѣйствіи которыхъ онъ получилъ отъ папы титулъ короля (1252). Коронація происходила на открытомъ полѣ подъ Новогрудкомъ и вмѣстѣ съ Мендогомъ приняли христіанскую вѣру многіе литовскіе вожди [1]). Принятіемъ этой вѣры, — Мендогъ хотѣлъ обезпечить независимость своего государства, но убѣдившись впослѣдствіи, что сами крестоносцы препятствовали распространенію христіанства, желая имѣть удобный лишь предлогъ завоевать Литву, — Мендогъ прервалъ сношенія съ Римомъ и возвратился вновь къ язычеству.

Временами возстановлялось согласіе между потомками Болеслава кривоустаго, и они иногда выступали вмѣстѣ противъ общаго врага, какъ напримѣръ въ 1255 году, когда сынъ Святополка Мествинъ осадилъ Накло, принадлежавшій къ удѣлу великопольскаго князя Пржемыслава I. Общими усиліями удалось возвратить Накло (въ 1256). Они однако же воевали обыкновенно между собою или одни, или въ соединеніи съ другими. Въ этомъ отношеніи самыми безпокойными были: князь лигницкій Болеславъ лысый и Казиміръ куявскій. Постоянные волненія не дозволяли Польшѣ ни предотвратить завоевательныя стремленія крестоносцевъ, ни защитить ятвяговъ, которые, желая избѣгнуть господства ордена, ввѣрялись опекѣ польскихъ князей, съ обѣщаніемъ принять добровольно христіанскую вѣру. Хотя отъ Даніила галицкаго доходили извѣстія о новой дѣятельности татаръ, тѣмъ не менѣе польскіе князья не мирились между собою, чтобы общими силами встрѣтить столь страшнаго врага. Тщетенъ былъ голосъ апостольской столицы, взывавшій князей и европейскіе народы къ крестовому походу противъ татаръ. Даніилъ, обманутый въ надеждѣ получить обѣщанную помощь, прервалъ сношенія съ латинскою церковью (1256) и снова подчинился татарамъ, съ которыми его братъ и сыновья двинулись не только противъ Литвы (1258), но должны

---

[1]) Первымъ литовскимъ епископомъ былъ Христіанъ, священникъ ордена крестоносцевъ и, какъ онъ жилъ въ Инфлянтахъ, то и былъ хорошо знакомъ съ мѣстнымъ языкомъ. (Obraz Litwy, Jaroszewicza, cz. I, str. 39).

были сопровождать ихъ и въ походѣ противъ Польши. Отъ этого нашествія (1259) снова болѣе другихъ пострадали владѣнія Болеслава стыдливаго. Татары, подвигаясь по люблинскому тракту, нигдѣ не встрѣчали сопротивленія и, переправившись чрезъ Вислу подъ Завихостомъ, подступили къ Сендомиру, въ которомъ нашло себѣ убѣжище множество жителей изъ окрестныхъ мѣстностей. Городъ защищался мужественно въ теченіи четырехъ дней, и, кто знаетъ, быть можетъ, устоялъ бы, если бы не измѣнническое посредничество русскаго князя Василько и двухъ его племянниковъ. Видя отчаянную оборону гарнизона, князья начали по внушеніямъ татаръ, увѣщевать его отказаться отъ безуспѣшнаго сопротивленія, и сдать крѣпость вмѣстѣ съ собранными въ ней имуществами. Они гарантировали за это всѣмъ, безъ различія пола и возраста, личную безопасность и свободу отправиться куда кому вздумается. Обманутое рыцарство приняло предложенныя условія. Когда все населеніе вышло на встрѣчу толпами, — татары бросились на безоружныхъ, и, отобравъ самыхъ красивыхъ замужнихъ женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ, чтобы увеличить ими число своихъ несчастныхъ невольниковъ, — остальныхъ зарѣзали или утопили въ Вислѣ. Ограбленный Сендомиръ наѣздники отдали на жертву пламени. Этотъ страшный примѣръ отнялъ у всѣхъ надежду обороны, а тѣмъ болѣе когда Болеславъ стыдливый вмѣсто того, чтобы быть во главѣ защитниковъ края, позорно бѣжалъ съ женою въ Венгрію. Три мѣсяца неистовствовали татары въ южной Польшѣ, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Краковъ, оставленный жителями преждевременно, сдѣлался также жертвою пламени, и положеніе всей страны послѣ нашествія ордъ, было самое ужасное.

И этотъ тяжкій ударъ не склонилъ польскихъ князей къ согласію. Болеславъ, возвратившійся изъ Венгріи послѣ ухода татаръ, вмѣшался (1260) въ войну венгерскаго князя Бѣлы IV съ королемъ чешскимъ Пржемыславомъ II Оттокаромъ. Онъ и сынъ Казиміра, сѣрадзскій князь Лешекъ, помогали Белѣ, князья же силезскіе приняли сторону чешскаго короля, который, въ дѣлѣ подъ Моравою, одержалъ рѣшительную побѣду надъ противниками. Другіе

польскіе князья вступали въ союзъ съ тѣмъ или другимъ сосѣдомъ, сообразно съ своими личными видами и намѣреніями, нисколько не принимая во вниманіе блага общаго отечества. Изъ этого вышло, что какъ скоро одинъ изъ удѣловъ былъ въ опасности — другіе смотрѣли на это совершенно равнодушно, не думая удѣлить необходимой помощи. Подобно тому, какъ Болеслава стыдливаго не поддерживалъ ни одинъ изъ родственныхъ князей въ борьбѣ съ татарами, — Земовитъ мазовецкій палъ также жертвою литовско-русскаго наѣзда. Схваченный (1262) вмѣстѣ съ сыномъ Конрадомъ въ Яздовѣ, въ черской землѣ, онъ достался при раздѣлѣ плѣнниковъ, сыну Даніила, Сварну, который тотчасъ же и умертвилъ его. Наѣздники опустошили потомъ всю Мазовію и даже укрѣпленный Плоцкъ не избѣгнулъ подобной же участи. Какъ только они ушли, вторгнулся въ опустошенную замлю отрядъ пруссовъ и, разбивъ мазовецкое рыцарство подъ Длугоселомъ, разграбилъ ее окончательно. Съ этихъ поръ литовскіе наѣзды возобновлялись весьма часто, какъ въ сосѣднихъ такъ равно и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ Польши, которой, съ другой стороны, не переставали угрожать татары. Апостольская столица взывала напрасно къ средней и западной Европѣ предпринять крестовый походъ противъ этихъ враговъ христіанства.

Вмѣстѣ съ литовцами производили нашествія на Мазовію и сосѣднюю люблинскую землю ятвяги или полешане. Болеславъ стыдливый, желая умѣрить смѣлость послѣднихъ, выступилъ противъ нихъ съ войскомъ (1264) и послѣ кровопролитнаго боя на самой границѣ, одержалъ побѣду. Множество полешанъ погибло въ битвѣ, еще большее число ихъ скрылось въ сосѣдней Литвѣ. Оставшихся обязали къ покорности и принятію христіанской вѣры, на опустѣвшія же мѣста вызвали новыхъ поселенцевъ. По поводу занятія Полѣсья возникла война съ русскимъ и литовскимъ княземъ Сварномъ. Сварнъ вторгнулся въ сендомірскую землю (1265), что побудило Болеслава отправить на Русь краковскаго воеводу Петра. Петръ побѣдилъ Сварна и двоюроднаго брата его Владиміра, и принудилъ заключить міръ, который удержался довольно долгое время.

Въ Великопольшѣ, послѣ смерти Пржемыслава I (съ 1257) господствовалъ Болеславъ благочестивый, сильно заботившійся о благѣ своего удѣла. Исключая мелкихъ пограничныхъ столкновеній съ сосѣдними брандебургскими маркграфами, онъ жилъ въ согласіи со всѣми сосѣдями, и, не имѣя мужескаго потомства, назначилъ весь великопольскій удѣлъ своему малолѣтнему племяннику Пржемыславу II. Когда же въ Помераніи, послѣ смерти Святополка, возникли, по внушеніямъ крестоносцевъ, столкновенія между обоими его сыновьями, а старшій изъ нихъ Мествинъ или Мщугъ не могъ избавиться отъ данщанъ, приглашенныхъ дѣйствовать противъ младшаго брата Варцслава, Болеславъ явился къ нему съ помощію (1272) въ надеждѣ, что послѣ бездѣтнаго Мествина, младшій братъ котораго также умеръ, — Поморанія соединится съ Великопольшею. Надежда эта дѣйствительно осуществилась впослѣдствіи.

Болеславъ стыдливый, не имѣвшій потомства, подготовилъ для себя наслѣдника въ лицѣ сына Казиміра, сѣрадзскаго князя Лешка, прозваннаго чернымъ. Этому противился краковскій епископъ Павелъ изъ Пржеманкова. Лешекъ, прибывшій въ Краковъ (1270) вмѣстѣ съ великопольскимъ, мазовецкими и волынско-галицкими князьями съ цѣлью заключить союзъ противъ чеховъ съ венгерскимъ королемъ Стефаномъ, — велѣлъ двумъ краковскимъ рыцарямъ схватить епископа и держать подъ стражею въ Сѣрадзѣ. Это насиліе поссорило его съ Болеславомъ стыдливымъ, а когда послѣдній, поддерживая Стефана въ войнѣ съ Оттокаромъ, опустошалъ Силезію, — Лешекъ принималъ сторону его противниковъ. Вскорѣ возникли волненія въ краковской землѣ. Поводомъ къ неудовольствіямъ было дурное управленіе Болеслава, который, предаваясь страстно охотѣ, нисколько не заботился о благѣ управляемыхъ. Не наблюдая за провосудіемъ, онъ допускалъ суды произносить несправедливые приговоры, во время путешествій и охоты притѣснялъ общины, и самъ, какъ человѣкъ продажный, не останавливалъ продажностивъ другихъ. Неудовольствіе, разжигаемое, безъ сомнѣнія, извнѣ возрастало съ каждымъ днемъ и недовольные ожидали лишь удобнаго случая, чтобы взяться за оружіе. Когда затѣмъ,

Болеславъ отправился (1273) въ Опаву, гдѣ заключилъ дватцати лѣтній міръ съ чехами, краковскіе инсургенты превозгласили своимъ предводителемъ опольскаго князя Владислава, и отправились къ нему толпами. Болеславъ, извѣщенный объ этомъ, послалъ для преслѣдованія придворную дружину и отрядъ преданныхъ ему рыцарей. Настигнутые близъ Богуцина, инсургенты претерпѣли совершенное пораженіе. Усмиривъ волненіе, Болеславъ строго наказалъ виновныхъ и примирившись затѣмъ съ Лешкомъ, вторгнулся въ земли опольскаго князя (1274) желая отмстить ему за сношенія съ краковскими инсургентами.

Всѣ эти дѣла необыкновенно мелочны. Пограничныя столкновенія, грабежи, споры духовенства съ князьями, волненія рыцарства въ нѣкоторыхъ удѣлахъ, вѣроломство и тому подобныя событія рисуются весьма блѣдно на потемнѣвшемъ фонѣ событій, въ теченіи большей половины XIII вѣка. Въ эту эпоху замѣчается совершенный недостатокъ крупныхъ событій и знаменитыхъ личностей, ибо великая идея государственности еще не возникла. Многочисленные князья все болѣе и болѣе дѣлили достояніе Храбраго, чтобы тѣмъ скорѣе подкопать значеніе и цѣлость Польши. Въ особенности усиливалось это раздробленіе въ силезскомъ и куявско-мазовецкомъ удѣлахъ. Между тѣмъ въ Великопольшѣ и Малопольшѣ, по поводу бездѣтности обоихъ Болеславовъ, надежда слитія въ одно обширное цѣлое, имѣла свои основанія, въ особенности когда и Лешекъ черный, назначенный наслѣдникомъ стыдливаго, не могъ съ своею женою Грыфиною или Агриппиною дождаться потомства. Можно было ожидать, что въ лицѣ Пржемыслава II, великопольская линія сольется съ малопольскою. Болеславъ благочестивый умеръ въ апрѣлѣ, а Стыдливый въ декабрѣ 1279 года. Послѣ перваго, великопольскій удѣлъ достался, безъ сопротивленія съ чьей бы то ни было стороны Пржемыславу II. На наслѣдство послѣ Болеслава стыдливаго заявило притязанія нѣсколько человѣкъ, а это вызвало вѣчевой съѣздъ краковскихъ обывателей. На этомъ съѣздѣ власть признана за Лешкомъ.

Это рѣшеніе сильно задѣло галицкаго князя Льва Даніило-

вича, который хотѣлъ овладѣть наслѣдствомъ послѣ бездѣтнаго Болеслава, даже силою оружія. Чувствуя однакожъ собственную немощь, онъ обратился за помощію къ татарамъ. Перейдя Вислу по льду съ своимъ войскомъ, онъ хотѣлъ взять Сендомиръ, но оттѣсненный оттуда, предоставилъ дальнѣйшую борьбу своему двоюродному брату Владиміру, а самъ съ остальнымъ войскомъ направился чрезъ Кропивницу къ Кракову. Краковскій воевода Петръ вышелъ къ нему на встрѣчу и подъ Гослицами нанесъ ему совершенное пораженіе. [1]) Левъ долженъ былъ бѣжать со стыдомъ, за то Владиміръ обогатился значительною добычею. Лешекъ отмстилъ за этотъ наѣздъ опустошеніемъ земель Льва и его братьевъ. Точно также онъ разгромилъ ятвяговъ (1281), которые ограбивъ люблинскую землю, уже возвращались во свояси съ значительною добычею, но настигнутые подъ Нарвею [2]), дорого заплатили за этотъ наѣздъ. Пользуясь походомъ Лешка, князь мазовецкій Конрадъ овладѣлъ, вслѣдствіе измѣны сендомирскаго воеводы Януша, Сендомиромъ и Радомомъ, а сендомирское рыцарство признало его даже своимъ княземъ. Но Лешекъ изгналъ его весьма скоро, и, простивъ виновныхъ, удержалъ за собою во владѣніи свой удѣлъ. На обратномъ пути изъ Сендомира, онъ съ равнымъ счастіемъ, справился подъ Ровно, въ луковской землѣ, съ литовцами (1282), возвращавшимися съ добычей изъ Сендомира.

Лешекъ, заподозривъ краковскаго епископа Павла въ сношеніяхъ съ язычниками и Конрадомъ, велѣлъ схватить его хитростію, и закованнаго посадить въ сѣрадзкомъ замкѣ, послѣ чего разграбилъ его помѣстья, движимость и захватилъ всѣ доходы. Папа Мартинъ IV приказалъ бреславльскому и познанскому епископамъ склонить князя освободить Павла и возвратить забранныя имущества, сперва увѣщаніями, но если же это не подѣйствуетъ, то отлучить его отъ церкви. Въ случаѣ упорства они были уполно-

---

[1]) Польскій историкъ Нарушевичъ говоритъ, что въ сраженіи этомъ воевода Петръ положилъ на мѣстѣ 8000 литовцевъ и татаръ, и взялъ въ плѣнъ 2000 человѣкъ. *Прим. переводч.*

[2]) Нынѣ городъ ковенской губ., надъ рѣкою Бѣлою.

мочены наложить интердиктъ на весь край и даже прибѣгнуть къ свѣтскому посредничеству. Не смотря на проклятіе и интердиктъ Лешекъ держалъ епископа два года въ тюрьмѣ, послѣ чего они помирились (8 дек. 1284) въ Краковѣ. Князь обязался вознаградить потери въ размѣрѣ 6,000 гривенъ, которые долженъ былъ уплатить въ теченіи 6 лѣтъ. Въ обезпеченіе половинной суммы онъ далъ ему въ видѣ залога поземельныя имущества, другую половину суммы гарантировали краковскіе и сендомирскіе вельможи. Лешекъ, уже освободившійся изъ подъ духовной опалы, получилъ изъ рукъ гнѣзненскаго архіепископа Іакова Свинки знамя противъ татаръ, которые совмѣстно съ русинами произвели именно въ то время нашествіе на сендомирскую землю.

Подобныя же столкновенія съ духовенствомъ имѣлъ и князь бреславльскій Генрихъ IV и то въ большихъ еще размѣрахъ. Все польское духовенство приняло сторону бреславльскаго епископа, преслѣдуемаго Генрихомъ, и собравшись два раза на синодъ въ Ленчицѣ и Краковѣ (1285), жаловалось на князя папѣ за посягательство на права церкви и излишнее покровительство нѣмцамъ, во вредъ полякамъ. Генрихъ однакожъ, прозванный Честнымъ (probus), вовсе не заботился о рѣшеніяхъ синода и проклятіяхъ, и подобно тому какъ прежде (1284) посадилъ въ тюрьму созванныхъ на съѣздъ въ Баричи—Пржемыслава II и князей — лигницкаго и глоговскаго, и освободилъ ихъ лишь тогда, когда получилъ чего желалъ, такъ точно и теперь имѣя въ рукахъ замки и помѣстья бреславльскаго епископа, не думалъ отречься отъ своихъ выгодъ.

Жалобы духовенства на излишнее вліяніе германскаго элемента были весьма основательны, ибо этотъ элементъ пріобрѣталъ себѣ все болѣе и болѣе правъ гражданства не только въ Силезіи, но и другихъ мѣстностяхъ. Князья же, желая нѣсколько пріунять вельможъ и высшее духовенство, сильно покровительствовали всему германскому. Лешку дѣлали также упрекъ, что онъ черезъ чуръ льнетъ къ германцамъ, а когда, къ тому же, нашлись и другіе поводы къ неудовольствіямъ, вспыхнуло возстаніе. Въ числѣ пред-

водителей былъ и краковскій епископъ Павелъ. Краковскіе и сендомирскіе инсургенты на съѣздѣ въ Сендомирѣ (1285), отказались отъ повиновенія Лешку и избрали себѣ въ князи—Конрада. Послѣдній прибылъ съ войскомъ и, не встрѣчая сопротивленія, занялъ безъ труда замки и города. За исключеніемъ германскихъ мѣщанъ города Кракова и горсти рыцарей, — всѣ покинули Лешка. Ввѣривъ жену опекѣ краковскихъ мѣщанъ, онъ поспѣшилъ въ Венгрію, чтобы склонить на свою сторону короля Владислава. Между тѣмъ Конрадъ подступилъ къ Кракову и занялъ одинъ лишь пустой городъ. Жители переселились въ замокъ, и не хотѣли сдать его ни подъ какимъ условіемъ. Раздраженный упорствомъ, Конрадъ велѣлъ сжечь городъ, а самъ выступилъ противъ Лешка, который шелъ къ столицѣ съ горстью венгерскихъ волонтеровъ. Подъ Богуцинами произошелъ бой. Не смотря на численное превосходство непріятеля, Лешекъ одержалъ побѣду, изгналъ Конрада изъ его удѣла, и наказавъ начальниковъ возстанія лишеніемъ должностей и отнятіемъ имущества, всѣмъ остальнымъ даровалъ прощеніе. Вознаграждая вѣрность германцевъ, Лешекъ окружилъ Краковъ окопами, даровалъ ему важныя привиллегіи и самъ съ этихъ поръ жилъ и даже одѣвался по германски. Онъ помирился также окончательно съ краковскимъ епископомъ 30 нояб. 1286 г.

Желая отомстить Конраду сношеніе его съ инсургентами, Лешекъ, дѣлая всѣ наружныя приготовленія къ крестовому походу противъ татаръ, неожиданно вторгнулся въ удѣлъ Конрада и жестоко опустошилъ его. Постоянные междоусобицы и непріятельскіе наѣзды вызвали упадокъ земледѣлія, а голодъ и повѣтріе терзали всю страну. Но вдругъ надъ Польшею повисла буря новаго нашествія татаръ, какъ будто этихъ двухъ бѣдствій было не достаточно. Многочисленныя орды дикихъ грабителей, усиленныя русскими полками, вторглись (въ дек. 1287) съ двухъ сторонъ въ удѣлъ Лешка. Сендомиръ, Краковъ и другіе укрѣпленные города отстояли свою независимость, но за то наѣздники совершенно опустошили окрестныя земли. Чтобы судить о убыли населенія, достаточно сказать, что однихъ плѣнныхъ было выве-

дено татарами 21,000. Въ то время когда непріятель опустошалъ краковскій удѣлъ и окрестныя земли, Лешекъ вмѣстѣ съ женою находился въ Венгріи. Возвратившись въ Краковъ, послѣ ухода татаръ, онъ не думалъ о заживленіи раны напесенной его отечеству, но пылая мщеніемъ, обнародовалъ во всѣхъ своихъ удѣлахъ всеобщее ополченіе противъ Конрада. Краковское и сендомирское рыцарство отказалось отъ повиновенія, а сѣрадзцы, вторгнувшись сами въ удѣлъ Конрада, претерпѣли на обратномъ пути совершенное пораженіе (26 іюня 1288). Вскорѣ послѣ этого скончался бездѣтный Лешекъ черный (30 сент.).

Лешекъ назначилъ, какъ кажется, наслѣдникомъ своего краковскаго удѣла князя мазовецкаго изъ Плоцка—Болеслава, а сѣрадзкую землю завѣщалъ своему единокровному брату Владиславу, прозванному, вслѣдствіе малаго роста, Локеткомъ. Не смотря на подобныя распоряженія, обыватели краковскаго удѣла съѣхались въ Сендомирѣ для выбора князя, и хотя большинство объявило себя въ пользу Болеслава, тѣмъ не менѣе много сторонниковъ имѣлъ и братъ его Конрадъ, въ особенности въ люблинской землѣ. Конрадъ хотѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, но оттѣсненный отъ Люблина, отказался отъ дальнѣйшаго соперничества. Когда же уполномоченные отъ сендомирскаго съѣзда пригласили Болеслава на княжество, — краковскіе мѣщане германскаго происхожденія звали съ своей стороны на княжескій престолъ, сочувствующаго ихъ народности, бреславльскаго князя — Генриха IV. Болеславъ явился прежде и, занявъ безъ сопротивленія замки и города своего новаго удѣла, вступилъ въ Краковъ. Но вскорѣ подошелъ Генрихъ съ своимъ рыцарствомъ и съ рыцарствомъ своихъ силезскихъ родственниковъ. Болеславъ отступилъ къ Сендомиру, ввѣривъ оборону краковскаго замка Сульку изъ Мендзыржица, который сдалъ замокъ Генриху безъ малѣйшаго сопротивленія. Нѣкоторые краковскіе землевладѣльцы, раздраженные противъ Болеслава за отступленіе безъ боя, признали Генриха княземъ, и тотъ не теряя времени, двинулся къ Сендомиру. Напрасно настаивало рыцарство, чтобы Болеславъ помѣрился оружіемъ съ Си-

лезцемъ. Онъ строго упрекнулъ настаивавшихъ, что, пригласивъ его къ мирному княженію, заставляютъ теперь сражаться съ измѣнниками, и разгнѣванный возвратился въ свой плоцкій удѣлъ. Все подчинилось Генриху (въ началѣ 1289), который устроивъ въ занятыхъ земляхъ, всѣ порядки, по собственному усмотрѣнію, — уѣхалъ въ Бреславль.

Владиславъ Локетокъ, занятый преимущественно овладѣніемъ сѣрадзской земли, до сихъ поръ не принималъ участія въ войнѣ за краковскій удѣлъ. Увидя однакожъ, что ее захватилъ онѣмеченный Силезецъ, — онъ составилъ противъ него союзъ изъ князей—великопольскаго, куявскихъ и мазовецкихъ. Какъ скоро Генрихъ уѣхалъ въ Бреславль, полки союзныхъ князей, подкрѣпленные русскими отрядами, вторглись въ краковскій удѣлъ. Силезское войско, — оставивъ достаточный гарнизонъ въ Краковѣ, поспѣшно отступило, но настигнутое подъ Сѣвержомъ, потерпѣло пораженіе, вслѣдствіе котораго, краковскій замокъ долженъ былъ сдаться Локетку. Послѣ занятія Кракова, союзныя войска разошлись, а Локетокъ остался въ столицѣ съ горстью рыцарей, не ожидая въ скоромъ времени новыхъ усилій со стороны Генриха. Вскорѣ однако подошли отряды силезцевъ, и тайно вечеромъ впущенные въ Краковъ германцами, заставили Локетка поспѣшно бѣжать въ монашеской одеждѣ. Что касается его рыцарей, то частію они были умерщвлены, частію же попались въ плѣнъ. Мстительные силезцы и германцы жестоко преслѣдовали сторонниковъ Локетка, до тѣхъ поръ, пока не пришло повелѣніе отъ Генриха обходиться болѣе кротко съ побѣжденными. Царствованіе Генриха не было продолжительно: онъ умеръ 23 іюня 1290 г. отъ яда. Не имѣя дѣтей, онъ завѣщалъ краковскій удѣлъ Пржемыславу II, а бреславльское княжество назначилъ своему двоюродному брату Генриху глоговскому.

Въ силу этого завѣщанія, Пржемыславъ II, отправился дѣйствительно въ краковскую землю и занялъ ее въ то время, когда Локетокъ овладѣлъ сендомірскою землею. Вскорѣ однако Пржемыславъ вслѣдствіе ли договоровъ, или вслѣдствіе какихъ либо другихъ

побужденій, выступилъ изъ Кракова, которымъ теперь хотѣлъ завладѣть новый соперникъ — король чешскій Вячеславъ, ссылавшійся на какія то записи Лешка чернаго и Генриха. Краковскіе германцы и нѣкоторые рыцари признали права Вячеслава, и такимъ образомъ его войска овладѣли безъ затрудненія бóльшею частію краковской земли, и хотѣли даже вырвать у Локетка сендомирскій удѣлъ. Но отбитые съ урономъ изъ подъ Сендомира (1291), войска эти не могли защитить забраннаго края и германскихъ друзей своего короля. Извѣщенный черезъ гонцовъ о трудномъ положеніи своихъ полковъ, Вячеславъ собралъ весьма значительное войско (въ авг. 1292) и двинулся къ Кракову, гдѣ германцы приняли его съ распростертыми объятьями. Локетокъ, бывшій въ то время въ Куявахъ, прибылъ тотчасъ же съ братомъ Казиміромъ въ Сѣрадзъ, но, убѣдившись въ превосходныхъ силахъ Вячеслава, не хотѣлъ подвергнуть своего войска вѣрной гибели, а потому остался въ сѣрадзской землѣ. Онъ полагалъ что Вячеславъ будетъ прежде аттаковать замки, ближайшіе къ Кракову и, такимъ образомъ, дастъ ему возможность увеличить свои военныя силы. Но чешскій король не теряя времени, подступилъ къ Сѣрадзу, взялъ городъ и замокъ (28 сент.) и принудилъ Локетка принести ленную присягу и отречься отъ всякихъ правъ, которыя онъ имѣлъ на краковскій удѣлъ, доставшійся отнынѣ чешскимъ владѣтелямъ.

Условія, вынужденныя силою, не могли быть обязательными, и Владиславъ долженъ былъ, во имя защиты народности, выступить противъ чужеземнаго вліянія. Что онъ не откладывалъ дѣла въ долгій ящикъ, свидѣтельствуетъ наступательно-оборонительный союзъ противъ Вячеслава, заключенный въ Калишѣ (14 янв. 1293) съ Пржемыславомъ II и братомъ Казиміромъ, а также постоянные его вооруженные походы въ Чехію. Не смотря на это борьба не могла рѣшиться побѣдоносно въ пользу праваго дѣла, ибо съ одной стороны — его не поддерживали родственные князья, а съ другой татарскіе и литовскіе наѣзды опустошали раздробленную Польшу. Татары ограбили и опустошили (1294) весь краковскій удѣлъ, а литовцы вторгнувшись въ ленчицкій округъ, дѣйствовали точно также. Кази-

міръ, братъ Локетка, бросился ихъ преслѣдовать, но настигнувъ непріятеля, повѣрилъ мнимому содѣйствію Болеслава плоцкаго и внезапно атакованный въ собственномъ лагерѣ, погибъ съ большею частію рыцарей. Ленчицкую землю, послѣ бездѣтнаго брата, занялъ Владиславъ Локетокъ.

Пржемыславъ II, владѣвшій всею Великопольшею, добился отъ Мествина и поморскихъ сословій (1288) утвержденія за собою восточнаго Поморья, завѣщаннаго уже прежде брандебургскимъ маркграфамъ и штеттинскому князю Барниму. Пржемыславъ строго слѣдилъ, чтобы колеблющійся Мествинъ не далъ себя вновь опутать кому нибудь другому. Это была главная причина, почему онъ не поддерживалъ энергически Локетка въ борьбѣ его съ чехами. Къ тому же, его занимали другіе, не менѣе важные, планы, имѣвшіе цѣлью — возрожденіе прежняго могущества и блеска отечества, въ особенности, когда онъ уже былъ совершенно увѣренъ въ наслѣдствѣ Мествина. Онъ хотѣлъ возобновить королевскій титулъ, полагая, такимъ шагомъ, пріобрѣсти господство въ раздробленной Польшѣ. Это желаніе было тѣмъ легче осуществить, что Пржемыславъ былъ самымъ могущественнымъ изъ тогдашнихъ потомковъ Болеслава Кривоустаго. Приводя въ исполненіе этотъ планъ, онъ долженъ былъ однакожъ бороться съ немалыми трудностями, изъ которыхъ самою большою было полученіе папскаго разрѣшенія. Безъ этого позволенія, польское духовенство не отважилось-бы совершить торжественнаго обряда коронаціи. Пржемыславъ нашелъ подъ бокомъ чешскаго короля Владислава ловкое орудіе для своихъ плановъ въ лицѣ магистра Алексѣя, духовника короля. Онъ успѣлъ деньгами склонить на свою сторону Алексѣя, который тайно выхлопоталъ въ Римѣ разрѣшеніе на коронацію. Все польское духовенство изъявило полную готовность и подъ руководствомъ гнѣзненскаго архіепископа, происходила (26 іюля 1295) въ Гнѣзнѣ, въ присутствіи трехъ епископовъ и многочисленнаго рыцарства изъ Великопольши и другихъ удѣловъ, — торжественная коронація Пржемыслава II. Народъ же, съ радостію привѣтствовалъ въ этомъ возоб-

новлении королевскаго достоинства первую зарю возрожденія отечества.

Въ третьемъ періодѣ совершилось много общественныхъ преобразованій. По поводу раздѣла государства, сперва на четыре удѣла, а впослѣдствіи на гораздо большее число, усилилось значеніе вельможъ и высшаго духовенства. Княжеская власть къ сожалѣнію становилась все болѣе и болѣе ограниченною, но отъ этого отнюдь не выигрывала масса народа, ибо магнаты, допущенные къ участію въ правленіи, рѣшительно все обратили въ свою пользу. Ограниченные въ своей власти князья не могли защищать слабыхъ, а желая пріобрѣсти себѣ болѣе сторонниковъ, продолжали предоставлять вельможамъ и высшему духовенству болѣе обширныя права и преимущества. Самыми важными изъ этихъ привиллегій были — освобожденіе отъ прежнихъ тягостей ополя, судопроизводство въ собственныхъ помѣстьяхъ и исключительное право на высшія должности и званія, которыя не были доступны даже лицамъ рыцарскаго сословія. Нѣкоторые изъ князей въ этомъ періодѣ пытались, правда, возстановить свою прежнюю власть при содѣйствіи городовъ, но когда въ этихъ городахъ, послѣ неоднократныхъ татарскихъ нашествій, былъ внесенъ чуждый славянскому началу элементъ, — стремленія онѣмеченныхъ князей, вызвали со стороны народа сильное противодѣйствіе. Во главѣ этого движенія было духовенство. Угрожаемое потерею своихъ правъ, оно охраняло народный элементъ отъ германизаціи и тѣмъ заслужило благодарность народа. Польскіе города, населенные съ половины XIII вѣка почти исключительно германцами и управлявшіеся своими собственными законами, не имѣли такого спасительнаго вліянія на благоденствіе страны, какъ то имѣло мѣсто въ западной и южной Европѣ. Живя подъ вліяніемъ чуждаго закона и чуждыхъ обычаевъ, польскіе города дѣйствовали постоянно наперекоръ народному элементу, и потому, не могли обезпечить за собою важнаго соучастія въ общественныхъ дѣлахъ. Усердно заботясь о сохраненіи своихъ правъ и привиллегій, города эти составляли какъ бы отдѣльныя рѣчипосполитыя, чуждыя народу по духу и стремленіямъ. Они не слились съ новымъ отече-

ствомъ, которое, съ своей стороны, задѣтое ихъ отчужденностью, не могло допустить ихъ къ участію въ управленіи. Чѣмъ болѣе, по поводу значительной убыли кореннаго населенія, утверждался германскій элементъ, тѣмъ глубже сосредоточивался въ самомъ себѣ народный элементъ, желая вытти всецѣло изъ борьбы съ германизмомъ.

Раздробленіе Польши вызвало еще и другое зло, которое своими вредными послѣдствіями весьма долго дерзало эту страну. Почти безпрестанныя междуособныя войны возродили какую то взаимную апатію въ жителяхъ, разъединили народъ на множество непріязненныхъ группъ. Отнынѣ великополянинъ не признавалъ въ силезцѣ, малополянинѣ, куявцѣ или мазурѣ своего соотечественника: онъ почти смотрѣлъ на него, какъ на чуждаго иноплеменника. Сражаясь съ ними постоянно, онъ возненавидѣлъ ихъ и не находилъ уже между ними и собою никакой связи. Отсюда возникла *повѣтовщизна* (powiatowszczyzna, уѣздничество) съ цѣлымъ рядомъ простодушныхъ понятій, ограничивающихъ чувство племенной привязанности, чувство любви къ отечеству какими то тѣсными предѣлами какой либо мѣстности, въ которой впервые пришлось увидѣть свѣтъ божій. При видѣ опасности, въ какой находился сосѣдъ-землякъ, въ сердцѣ не рождалось желанія подать помощь, но напротивъ, появлялось желаніе воспользоваться его бѣдствіемъ. Эти злосчастныя послѣдствія разъединенія отзывались весьма долго, едва ли не до самаго конца существованія польскаго государства.

Кромѣ того, это повело къ той пестротѣ правъ и обычаевъ, которая ростетъ безпрерывно, вслѣдствіе притока чужихъ нравовъ, одновременно съ колонизаціею. Каждый хотѣлъ оградить себя привиллегіею, отъ чего наиболѣе страдалъ мѣстный сельскій людъ: по мѣрѣ расширенія исключительныхъ правъ и ограниченія княжеской власти, положеніе сельскаго люда становилось все болѣе и болѣе плачевнымъ. Самая большая доля зла приходила въ Польшу съ запада, гдѣ общественное положеніе громаднаго большинства жителей было не менѣе ужасно. Самое грустное обстоятельство есть несомнѣнно то, что посторонніе пришельцы, въ родѣ нѣмцевъ,

евреевъ и другихъ, пріобрѣтали отъ польскихъ князей льготы и привиллегіи, въ которыхъ отказывали мѣстному населенію. Напримѣръ привиллегія Болеслава благочестиваго, дарованная евреямъ въ Калишѣ (17 авг. 1264) обезпечиваетъ ихъ личности и имущества отъ всякихъ насилій, притѣсненій, грабежей и судебныхъ несправедливостей и признаетъ за ними права, которыхъ тогда не имѣли нигдѣ въ остальной Европѣ.

Въ то время когда Польша, потрясенная разъединеніемъ, и, къ тому же, терзаемая ужасными нашествіями татарскихъ ордъ, на время утратила свое могущество, — орденъ крестоносцевъ, мало по малу захватывалъ прусскія и литовскія земли и, послѣ 50-ти лѣтнихъ кровопролитныхъ войнъ, овладѣлъ значительными пространствами вдоль балтійскаго побережья отъ Вислы до устья Двины. Поддерживаемый всякій разъ, когда находился въ опасности, всей Европой, орденъ крестоносцевъ уничтожилъ почти съ корнемъ мѣстное населеніе и, благодаря неблагоразумію польскихъ князей, основалъ сильное германское государство. Возрастая въ силахъ, это государство должно было современемъ поглотить польскія земли, ибо путемъ колонизаціи, онѣ воспринимали все болѣе и болѣе германскій элементъ, а съ запада, въ земляхъ прежде населенныхъ народами славянскаго происхожденія, образовались новыя германскія княжества. Коренное населеніе частію погибло въ упорной борьбѣ съ завоевателями, частію же, переселяемое силою, постепенно исчезало. Между тѣмъ германскія поселенія залили собою побѣжденный край. Всѣ эти перемѣны въ странахъ смѣжныхъ Польшѣ съ сѣвера и запада совершились именно въ этотъ несчастный періодъ удѣловъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Польша, стремящаяся къ единству, цвѣтущая внутри, а извнѣ могущественная (1295—1496).

Четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія играютъ въ лѣтописяхъ Европы важную роль. Въ эти столѣтія, въ особенности въ XV,

совершились большія перемѣны. Три великія изобрѣтенія — компаса, пороха и печати утвердили окончательное торжество мысли. Грозное же появленіе турковъ въ Европѣ, вызвало сперва (1439) флорентинскую унію, а впослѣдствіи — распространеніе просвѣщенія, при содѣйствіи классическихъ произведеній древней Греціи. Реформаторскія усилія Виклефа и Іоанна Гусса оставляли слѣдъ не только на религіозныхъ понятіяхъ, но, въ то же время, отозвались и въ общественныхъ отношеніяхъ. Мысль, отрѣшившись отъ тяготѣвшихъ на ней оковахъ, стремилась къ свѣту и свободѣ, а изобрѣтеніе типографскаго искусства, вручило ей могущественное оружіе, для преодолѣнія всякаго рода тьмы и угнетенія. Съ другой стороны изобрѣтеніе пороха измѣнило весь прежній способъ веденія войны, и сильно подорвало значеніе феодальнаго рыцарства. Компасъ въ свою очередь далъ человѣку возможность плаванія по всѣмъ морямъ, что повело къ открытію Америки. Духъ человѣческій содѣлался могущественнымъ и хотя не добылъ всего вдругъ, вступилъ тѣмъ не менѣе на путь истиннаго прогресса, отъ котораго его не могла уже отвлечь никакая сила въ мірѣ.

Въ то время когда вездѣ обнаружилось такое стремленіе, и Польша, со времени коронаціи Пржемыслава II, вступила на новый путь развитія, ибо съ возстановленіемъ королевскаго титула, исчезло прежнее равноправіе удѣльныхъ князей. Такъ какъ со старшинствомъ, заключавшимся въ этомъ достоинствѣ, соединялось большее, дѣйствительное могущество, то и можно было справедливо разсчитывать, что раздѣленныя, до сихъ поръ, земли снова сольются въ одно государство. Пржемыславъ очевидно стремился къ этому, ибо тотчасъ же, послѣ коронаціи, поспѣшилъ въ Поморье, чтобы обезпечить себѣ наслѣдство послѣ умиравшаго въ то время Мествина. Превозглашенный, послѣ смерти послѣдняго княземъ, Пржемыславъ укрѣпилъ Данцигъ окопами.

Всѣ эти усилія для возстановленія могущества Польши возбудили опасеніе сосѣдей, которые хотѣли пользоваться ея ослабленіемъ. Чешскій король Вячеславъ отправилъ въ Римъ торжественный протестъ противъ коронаціи Пржемыслава, ссылаясь на

уставъ Болеслава III, по которому, будто бы, только краковскіе князья имѣютъ право на верховную власть. Брандебургскіе же маркграфы, у которыхъ новый польскій король почти вырвалъ изъ рукъ Поморье, условились погубить его. Въ заговорѣ съ нѣсколькими великопольскими магнатами, которые боялись за свои исключительныя права, пріобрѣтенныя въ эпоху раздробленія отечества, во вредъ народу, — они рѣшились насильнымъ актомъ ввергнуть Польшу вновь въ хаосъ внутреннихъ неусобицъ. Когда затѣмъ Пржемыславъ, объѣзжая великопольскія провинціи, прибылъ (въ концѣ янв. 1296) въ пограничный городъ Рогозно, неожиданно, передъ разсвѣтомъ (10 февр.), напали на спящій его дворъ подосланные маркграфами люди. Пробужденный шумомъ, Пржемыславъ защищался мужественно, но, тяжело раненный, попался въ руки наѣздниковъ, которые полумертваго посадили на лошадь, чтобы доставить его еще живаго своимъ властелинамъ. Когда же, вслѣдствіе истеченія кровію, онъ упалъ безъ чувствъ, наѣздники добили его, желая, тѣмъ вѣрнѣе, избѣжать преслѣдованія. Пржемыславъ оставилъ отъ втораго брака съ Рыксою шведскою единственную дочь, также Рыксу, которую мать тотчасъ же вывезла изъ Польши, ввѣривъ опекѣ обагренныхъ кровію ея отца маркграфовъ и обручивъ ее предварительно съ молодымъ маркграфомъ Оттономъ.

Послѣ насильственной смерти Пржемыслава II, великополяне съѣхались въ Познань для выбора наслѣдника. Не обращая вниманія на притязанія князя силезскаго на Глоговѣ Генриха, чешскаго короля Вячеслава и другихъ, они признали наслѣдство за Владиславомъ Локеткомъ, въ надеждѣ что послѣдній, соединивъ Великопольшу и Поморье съ своимъ сѣрадзкимъ и ленчицкимъ удѣломъ, пріобрѣтеніемъ краковскаго княжества осуществитъ мысль убитаго короля. Локетокъ занялъ безотлагательно Великопольшу, затѣмъ оправился въ Поморье, гдѣ все рыцарство объявило себя въ его пользу. Не смотря на эту легкость, съ какою Локетокъ вступилъ во владѣніе достояніемъ Пржемыслава, положеніе его было довольно трудное. Съ одной стороны онъ долженъ былъ уступить западную часть Великопольши Генриху глоговскому, а князю

штетинскому Богуславу III, съ которымъ заключилъ наступательно-оборонительный союзъ — кашубскую землю. Съ другой стороны, ведя постоянную борьбу съ чехами въ краковской землѣ, онъ не могъ выгнать ихъ изъ края. Когда же къ тому, вельможи и высшее духовенство, подъ вліяніемъ своего раздраженія, соединялись то съ Богуславомъ, то съ другими узурпаторами, а Локетокъ, преслѣдуя виновныхъ, уже черезъ чуръ много позволялъ одичавшему отъ постоянныхъ войнъ рыцарству, — насилія и разбои сдѣлались необыкновенно частыми. Высшее духовенство, обширныя права котораго были нѣсколько нарушены княземъ, обѣщало Генриху глоговскому на съѣздѣ въ Косцянѣ (24 іюня 1298) свое содѣйствіе въ полученіи польской короны, за что послѣдній далъ обѣтъ сохранить въ цѣлости всѣ права духовныхъ. Главною пружиною этого съѣзда былъ познанскій епископъ Андрей. Локетокъ наказалъ его отнятіемъ и ограбленіемъ помѣстій, но, въ виду тяготѣвшаго надъ нимъ проклятія (1299), отказался отъ этого дѣла и даже долженъ былъ уступить ему волость Мончники.

Желая положить предѣлъ разбоямъ, грабежамъ и другимъ насиліямъ, Локетокъ думалъ возобновить прежнія права ополей. Для этого онъ уполномочилъ жителей Калиша и соединенныя съ ними общины ловить и наказывать негодяевъ всякаго рода, обѣщая при этомъ свою помощь и защиту. Этотъ союзъ съ народомъ, направленный противъ магнатовъ, а также значительныя злоупотребленія рыцарей и чиновниковъ Локетка, вызвали (въ началѣ 1300) въ Познани многочисленный съѣздъ великопольскихъ обывателей. Здѣсь было рѣшено вручить верховную власть чешскому королю Вячеславу, который уже владѣлъ краковскою и частью сендомирской земли. Къ нему отправилось торжественное посольство съ приглашеніемъ на престолъ, но съ условіемъ жениться на 14-ти лѣтней дочери Пржемыслава — Рыксѣ.

Вячеславъ принялъ приглашеніе, и получивъ (3 іюля) отъ родственнаго императора Альбрехта формальное признаніе польскаго королевства леномъ, двинулся въ Польшу съ многочисленнымъ войскомъ. Приведенные, по дорогѣ, къ покорности силезскіе

князья, примкнули съ своими дружинами къ его двору и какъ скоро онъ вступилъ въ великопольскую землю, начались строгія преслѣдованія сторонниковъ Локетка. Кто не подчинялся добровольно — лишался своего имущества и даже жизни, а въ случаѣ сопротивленія, умерщвляли цѣлые гарнизоны замковъ и городовъ. Оставивъ за собою кровавый и огненный слѣдъ, Вячеславъ въѣхалъ торжественно въ Гнѣзно, и не ожидая Рыксы, на которой долженъ былъ прежде жениться, а затѣмъ вмѣстѣ короноваться, — совершилъ коронацію со всевозможнымъ великолѣпіемъ только надъ собою. Великополяне жестоко разочаровались: вмѣсто мужественнаго человѣка, они увидѣли въ новомъ королѣ изнѣженную и боязливую личность. Занятый по цѣлымъ днямъ или молитвами или пиршествами, онъ могъ посвятить весьма немного времени дѣламъ государственнымъ. Коронація Вячеслава и сопровождавшія ее увеселенія, совершались подъ прикрытіемъ войска, готоваго къ бою, ибо опасались нападенія Локетка. Занявъ Поморье и Куявы, Вячеславъ раззорилъ Мазовію огнемъ и мечемъ, овладѣлъ родовымъ достояніемъ Локетка — ленчицкимъ и сѣрадзкимъ княжествами, а его самаго заставилъ искать убѣжища въ Венгріи.

Новый король уѣхалъ вскорѣ въ Прагу, а намѣстничество въ Польшѣ ввѣрилъ Гинкѣ изъ Дубы, который приступилъ съ энергіею къ новой должности. Отнынѣ прекратились междоусобныя войны и сопровождавшіе ихъ разбои и насилія, ибо неумолимая строгость намѣстника, удерживала въ должныхъ границахъ самыхъ дерзкихъ. И такъ въ странѣ вмѣстѣ съ гробовою тишиною водворился миръ и порядокъ. Нѣкоторыя внѣшнія нападенія были отражены довольно удачно, а когда и князь галицкій Левъ Даніиловичъ совмѣстно съ татарами напалъ на восточныя провинціи государства, — то претерпѣлъ подъ Люблиномъ (1304) совершенное пораженіе. Только три года спустя послѣ коронаціи, Вячеславъ женился на Рыксѣ, которую назвалъ Елисаветою. Жестокое правленіе и произволъ Гинки вынудили Вячеслава, которому приносили жалобу жители королевства, отозвать его изъ Польши. Вмѣсто него онъ назначилъ трехъ главныхъ правителей: въ ма-

лопольшѣ опавскаго князя Николая, давъ ему въ помощники Ульриха изъ Босковицъ, въ Великопольшѣ — силезца Фричка и въ Поморьи и Куявахъ — Таша изъ Визенбурга. Но и эти новые главные правители прибѣгали ко многимъ насиліямъ и злоупотребленіямъ.

Въ то время когда чужеземцы хозяйничали въ Польшѣ, Локетокъ скитался внѣ ея предѣловъ. Видя, что папа Бонифацій VIII сильно вооруженъ противъ чешскаго короля за то, что послѣдній посадилъ на венгерскій престолъ своего сына Вячеслава, — Локетокъ отправился въ Римъ во время всеобщаго юбилея. Папа, правда, не оказалъ тотчасъ же дѣятельной поддержки, но Локетокъ рѣшился безотлагательно оружіемъ добиться своего достоянія. Возвратившись изъ Рима, онъ вторгнулся (1302) съ горстью рыцарей въ Татры, и оставивъ здѣсь своихъ товарищей, самъ углубился во внутрь страны, чтобы изслѣдовать настроеніе жителей. Встрѣчая всеобщее смятеніе, къ тому же угрожаемый лично, онъ долженъ былъ возвратиться въ Венгрію, гдѣ у воеводы Амадея, рѣшился ожидать болѣе благопріятной минуты. Въ это время потребовалъ папа отъ Вячеслава вызова сына изъ Венгріи и отреченія отъ польской короны, незаконно имъ присвоенной. Когда король не удовлетворилъ требованію, Бонифацій предалъ его проклятію (1303) и устранивъ отъ венгерскаго и польскаго престоловъ, поручилъ исполненіе приговора императору Альбрехту, бывшему тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Вячеславу. Проклятіе папы нанесло ударъ чешской партіи въ Венгріи, гдѣ послѣ изгнанія молодаго Вячеслава, сдѣлался королемъ (1304) Карлъ-Робертъ анжуйскій. Въ тоже время вспыхнула война между императоромъ и чехами, а Локетокъ, пользуясь этимъ, вступилъ въ краковское воеводство. Призвавъ къ оружію сельское населеніе, онъ овладѣлъ Пелчискомъ, замкомъ краковскаго епископа Муската, осадилъ Вислицу и Лелёвъ. Локетокъ удержалъ за собою занятыя позиціи и безпрестанными нападеніями тревожилъ чеховъ. Когда же, среди приготовленій къ новой войнѣ съ императоромъ, умеръ Вячеславъ (21 іюня 1305), краковское рыцарство начало перехо-

дить на сторону Локетка, который, въ непродолжительное время, занялъ всю краковскую и сендомирскую земли, откуда должны были поспѣшно уйти чешскіе гарнизоны. Поморское рыцарство также изгнало чеховъ, и, вмѣстѣ съ рыцарствами ленчицкимъ и сѣрадзкимъ, возвратилось подъ его верховную власть. Въ рукахъ чеховъ осталась лишь одна Великопольша.

Вячеславъ II, сынъ умершаго короля, не думалъ сперва о Польшѣ, но побуждаемый чешскими магнатами, назначилъ всеобщее ополченіе, которое должно было собраться подъ Оломунцомъ [1]), куда онъ поспѣшилъ самъ. Вся эта, однакожъ, экспедиція не имѣла послѣдствій, ибо какой то житель Турингіи — Потенштайнъ, убилъ молодаго короля (въ авг. 1306). Вѣсть объ этой смерти заставила и остальныхъ чеховъ выйти изъ Польши, а народъ привѣтствовалъ Локетка какъ освободителя отечества. Со всѣхъ сторонъ являлись къ нему послы и одни только великополяне подчинились онѣмеченному Генриху глоговскому. Какъ скоро чехи очистили страну, Локетокъ поспѣшилъ въ Поморье, чтобъ обезпечить и эту часть коронныхъ владѣній. Но устраивая поморскія дѣла, онъ вооружилъ противъ себя могущественный родъ Свенцевъ, которые, послѣ его отъѣзда, начали входить въ тайныя соглашенія съ брандебургскими маркграфами. Извѣщенный объ этомъ, Локетокъ неожиданно пріѣхалъ въ Данцигъ и арестовавъ главу всей семьи — Петра Свенцу, отправилъ его въ Краковъ подъ строгимъ надзоромъ (1308). По просьбѣ остальнаго семейства, онъ отпустилъ однако плѣнника, тѣмъ болѣе, что два его младшіе брата добровольно изъявили согласіе остаться вмѣсто него въ Краковѣ. Но едва Петръ возвратился въ Данцигъ, оба заложника бѣжали, а приглашенный маркграфъ Вальдемаръ прибылъ съ войскомъ въ Поморье и овладѣлъ, при содѣйствіи Свенцевъ, кромѣ другихъ городовъ и Данцигомъ. Тѣмъ не менѣе данцигскій замокъ, занятый поморскимъ рыцарствомъ, не хотѣлъ сдаться, хотя Вальдемаръ осадилъ его совокупно съ германскими мѣщанами. Оборона

---

[1]) Нынѣ Ольмюцъ.

была весьма затруднительна, вслѣдствіе малочисленности гарнизона и недостатка продовольственныхъ принасовъ, подвозъ которыхъ не былъ допускаемъ осаждающими. Староста замка — Богушъ, поспѣшилъ самъ въ Сендомиръ къ Локетку, и посовѣтовалъ ему призвать на помощь крестоносцевъ. Локетокъ принялъ этотъ совѣтъ, а Богуша уполномочилъ уладить это дѣло съ прусскимъ магистромъ Генрихомъ де Плокке. Въ силу заключеннаго договора, крестоносцы должны были взять на себя оборону половины замка и по истеченіи одного года очистить его, какъ скоро Локетокъ возвратитъ всѣ правильно исчисленныя военныя издержки. Магистръ отправилъ тотчасъ же отрядъ войска и достаточные запасы продовольствія. Гарнизонъ данцигскаго замка, усиленный этими подкрѣпленіями, оттѣснилъ брандебургцевъ, и когда затѣмъ Вальдемаръ возвратился домой, умертвилъ всѣхъ солдатъ, оставленныхъ для защиты мѣщанъ и овладѣлъ самымъ городомъ. Помощь крестоносцевъ, выгодная сперва, оказалась пагубною въ своихъ послѣдствіяхъ. Между Богушемъ и крестоносцами, получавшими постоянно новыя вспомогательныя силы возникли недоразумѣнія, которыя кончились тѣмъ, что командоръ велѣлъ схватить Богуша и нѣсколькихъ старшинъ и освободилъ ихъ лишь тогда, когда они согласились выдать крестоносцамъ и другую половину замка, послѣ чего польскій гарнизонъ вступилъ въ городъ. Не ограничиваясь этимъ, прусскій магистръ подошелъ ночью (14 нояб. 1308) къ Данцигу и аттаковавъ его вмѣстѣ съ гарнизономъ замка, произвелъ страшную рѣзню, отъ которой погибло около 10,000 лицъ разнаго пола и возраста.

Локетокъ, задѣтый за живое такими дѣйствіями, пригласилъ магистра на конфиденціальную бесѣду въ деревню Краіовицъ, въ Куявахъ. Но переговоры ничѣмъ не окончились, ибо магистръ, сваливъ всю вину на безпечность польскаго гарнизона, требовалъ 100,000 гривенъ вознагражденія, а о полюбовномъ судѣ и слышать не хотѣлъ. По прекращеніи переговоровъ, крестоносцы овладѣли сперва Тчевомъ, а потомъ, послѣ одномѣсячной осады и замкомъ Свіеціе, ибо высланный въ помощь замку росперскій каште-

ляпъ Андрей, не дойдя до мѣста, отступилъ съ позоромъ. Одновременно они заняли — Хойнице, Слуховъ, Тухолъ и другіе укрѣпленные пункты. Крестоносцы принялись теперь хозяйничать по своему въ Поморьи. Кто только сочувствовалъ Локетку и Польшѣ, долженъ былъ итти въ изгнаніе, а имущество его отдавалось германцамъ или измѣнникамъ. Данцигскіе окопы были срыты, другіе города обложены громадными податями, жители Тчева изгнаны въ Пруссію, а ихъ жилища отдавались германскимъ переселенцамъ (1309). Захвативъ, благодаря превосходству оружія, сосѣдній край, крестоносцы хотѣли пріискать какое либо, хотя бы по наружности, законное право на владѣніе этою страною. Для этого, послѣ долгихъ переговоровъ и усилій, они откупили отъ брандебургскаго маркграфа Вальдемара за 10,000 гривенъ воображаемыя права, которыя послѣдній имѣлъ, будто бы, въ отношеніи данцигскаго Поморья, права, дѣйствительность которыхъ не могла бы быть признанною никакимъ судомъ.

Локетокъ не былъ въ состояніи силою предотвратить эти беззаконія крестоносцевъ, ибо, собственно въ то время вниманіе его было поглощено совершенно иными дѣлами. Въ Великопольшѣ Генрихъ такъ сильно вооружилъ противъ себя жителей, что они хотѣли отказать ему въ повиновеніи и даже побѣдили его войско подъ Клецкомъ. Когда затѣмъ князь этотъ скончался (1309), на съѣздѣ въ Познани обошли его сыновей, а наслѣдство признали за Локеткомъ. Часть познанскихъ мѣщанъ воспротивилась этому, но силою ее принудили къ покорности. Не смотря на такое возрастаніе могущества, польскій князь не былъ въ состояніи выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ крестоносцевъ, а потому согласился съ ихъ магистромъ на съѣздъ въ Брестѣ (1311). Когда однако магистръ предложилъ уплатить ему за Поморье извѣстную сумму, уступить нѣкоторыя помѣстья въ Куявахъ, доставлять, по каждому востребованію 40 копейщиковъ и построить монастырь, въ которомъ монахи будутъ молиться за него Богу, Локетокъ не выдержалъ и раздраженный такимъ нахальствомъ, прервалъ всякіе дальнѣйшіе переговоры. Онъ справедливо упрекалъ крестоносцевъ въ неблаго-

дарности въ отношеніи къ Польшѣ и грозилъ имъ обратиться къ суду папы.

Локетокъ хотѣлъ теперь силою оружія возвратить Поморье. Но когда съ одной стороны новый чешскій король Янъ, сынъ императора Генриха VII люксембургскаго, женатый на дочери Вячеслава I— Елисаветѣ, принятіемъ титула польскаго короля возобновилъ притязанія предшественника, съ другой стороны возникли въ Краковѣ, по поводу увеличенія податей, сильные безпорядки (1311). Войтъ города Альбертъ составилъ заговоръ противъ Локетка съ краковскимъ епископомъ Мускатою, настоятелемъ мѣховскаго монастыря Генрихомъ и многими богатыми мѣщанами. Заговорщики пригласили опольскаго князя Владислава, который и прибылъ не медля въ Краковъ съ своею дружиною. Одинъ гарнизонъ замка не хотѣлъ сдаться. Локетокъ поспѣшилъ безотлагательно въ столицу, и, изгнавъ Владислава, наказалъ строго тѣхъ виновныхъ, которые не успѣли скрыться. Кромѣ того онъ лишилъ мѣщанъ права выбирать себѣ совѣтниковъ и даровалъ это право краковскому воеводѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдній ежегодно назначалъ въ эту должность восемь благонамѣренныхъ туземцевъ и слѣдилъ за ихъ дѣятельностію.

Между тѣмъ крестоносцы упрочивали за собою владѣніе Поморьемъ, то пріобрѣтая покупкою новыя земли, какъ напримѣръ михаловскую отъ племянника Локетка — Лешка, то предаваясь грабежу, то наконецъ, производя мѣны съ духовенствомъ. Желая съ вновь пріобрѣтенныхъ земель получать бо́льшіе доходы, они перемѣнили десятину получаемую со сноповъ на денежный взносъ, чѣмъ до того вооружили противъ себя гнѣзненскаго архіепископа и куявскаго епископа, что послѣдніе предавъ проклятію орденъ крестоносцевъ (1314) съ этихъ поръ поддерживали, по мѣрѣ силъ, Локетка въ борьбѣ его съ ними. Благодаря ихъ содѣйствію, состоялось на съѣздѣ въ Познани (1317) рѣшеніе, отправить посольство къ папѣ Іоанну XXII, съ просьбою о позволеніи короновать Владислава, и въ то же время, съ жалобою на орденъ за незаконное овладѣніе Поморьемъ и другими польскими землями. Посломъ

былъ назначенъ — куявскій епископъ Гервардъ. Сначала Гервардъ велъ дѣло довольно удачно въ Авиньонѣ, тогдашней столицѣ папы, но когда крестоносцы, собравъ огромную подать съ Поморья, золотомъ привлекли на свою сторону кардиналовъ и, кромѣ того, склонили къ совокупному дѣйствію противъ Польши — чешскаго короля Яна, — посолъ Локетка началъ встрѣчать не малыя затрудненія. Папа не хотѣлъ прямо и ясно разрѣшить коронаціи, а что касается Поморья, объявилъ, что онъ долженъ сперва хорошенько разсмотрѣть это дѣло. Не смотря на это Гервардъ не терялъ надежды на удачный исходъ своихъ усилій. По его совѣту, Локетокъ приступилъ къ коронаціи въ Краковѣ (20 янв. 1319) въ полной увѣренности, что папа признаетъ совершившійся фактъ, а потому не заботился о протестѣ чешскаго короля Яна. По дѣлу о Поморьи римскій первосвященникъ назначилъ вскорѣ особую коммисію, составленную изъ гнѣзненскаго архіепископа Янислава, познанскаго епископа Домарата и могильскаго опата Николая. Папа уполномочилъ эту коммисію произнести окончательный приговоръ и употребить всякое духовное оружіе и, даже, прибѣгнуть къ свѣтскому оружію, если бы какая нибудь изъ сторонъ не хотѣла подчиниться приговору. Составленіемъ суда изъ однихъ поляковъ, папа показалъ, что признаетъ всю справедливость притязаній Локетка.

Установленные коммисары начали свои дѣйствія съ того (въ апр. 1320), что пригласили тяжущіяся стороны въ Брестъ-Куявскій, и не смотря на протестъ уполномоченнаго крестоносцевъ, — произвели все слѣдствіе. Выслушавъ многихъ свидѣтелей и исполнивъ всѣ тогдашнія формальности, они обнародовали (10 февр. 1322) въ Иновроцлавѣ приговоръ, въ силу котораго крестоносцы обязаны были возвратить Поморье, уплатить 30,000 гривенъ вознагражденія и 150 гривенъ судебныхъ издержекъ. Сверхъ того они поручили прусскимъ епископамъ пригласить магистра и орденъ исполнить приговоръ, угрожая въ случаѣ сопротивленія отлученіемъ отъ церкви. Но не только орденъ крестоносцевъ, но и прусскіе епископы не признали этого приговора, называя его пристра-

стнымъ, противнымъ справедливости и законности. Они обратились къ папѣ, который вслѣдствіе этого, поручилъ самбійскому епископу вновь переслѣдовать все дѣло.

Во время этой тяжбы съ крестоносцами, Локетокъ выдалъ за мужъ (1320) дочь свою Елисавету за венгерскаго короля Карла Роберта, и пять лѣтъ спустя женилъ своего сына Казиміра на Альдонѣ (Аннѣ) дочери великаго князя литовскаго Гедимина, которая принесла мужу въ приданое всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, бывшихъ въ Литвѣ. Этими родственными связями, польскій король обезпечилъ себѣ вооруженную помощь въ войнѣ съ крестоносцами, сдѣлавшейся окончательно неизбѣжною. Внутри королевства, Локетокъ уничтожилъ насилія, разбои и всякаго рода злоупотребленія, отнялъ вредныя для общества исключительныя льготы, и соотвѣтственными мѣрами предотвратилъ безнаказанность злодѣевъ, которые, пользуясь хаосомъ тогдашнихъ уставовъ, прибѣгали ко всевозможнымъ беззаконіямъ. Послѣ многихъ лѣтъ трудовъ и усилій, Локетокъ ввелъ въ своемъ государствѣ нѣкоторое благоустройство и порядокъ.

Когда всѣ его попытки возвратить Поморье мирнымъ путемъ оказались безуспѣшными, онъ вынужденъ былъ, наконецъ, прибѣгнуть къ оружію. Прежде всего онъ наказалъ мазовецкаго князя Вячеслава за сношенія съ крестоносцами, а затѣмъ, соединившись съ литовскими полками, вторгнулся (1326) въ брандебургское маркграфство, которое опустошилъ огнемъ и мечемъ до самаго Франкфурта, а часть его, по сю сторону Дравы, принадлежавшую нѣкогда Польшѣ, вновь включилъ въ королевство. Крестоносцы, обезславивъ его передъ Европой за это нашествіе, совершенное въ сообществѣ язычниковъ, вторглись, въ свою очередь, въ Куявы (1327) и опустошили эту страну.

Локетокъ не могъ простить столь тяжкаго оскорбленія. Во главѣ собственнаго войска, венгерскихъ и литовскихъ подкрѣпленій, Локетокъ двинулся противъ крестоносцевъ (1328) опустошилъ хелмскую землю и наказалъ ихъ союзника — князя мозовецкаго Вячеслава. Когда же крестоносцы вмѣстѣ съ Вячеславомъ снова вторглись въ

Куявы, Локетокъ нанесъ имъ совершенное пораженіе. Но онъ не воспользовался одержанною побѣдою, ибо припосредничествѣ папы, велѣвшаго какъ разъ, въ то время превозгласить крестовый походъ противъ Литвы, заключилъ на одинъ годъ перемиріе съ орденомъ. Войска крестоносцевъ собрались дѣйствительно подъ предводительствомъ чешскаго короля Яна и насчитывая одной тяжелой кавалеріи 18,000 человѣкъ, прибыли въ Пруссію, откуда вмѣстѣ съ полчищами ордена, двинулись на Жмудь. Гедиминъ отчаянно защищалъ свои владѣнія, но не устоялъ бы противъ превосходнаго числомъ непріятеля, если бы не помощь Локетка. Польскій король, не смотря на продолжавшееся еще перемиріе, вторгнулся (въ янв. 1329) въ хелмскую землю. Этою диверсіею, онъ до того разстроилъ всѣ планы крестоносцевъ, что послѣдніе, отложивъ на позднѣйшее время намѣреніе завоевать Литву, поспѣшили на защиту собственныхъ земель. Между тѣмъ Локетокъ отступилъ за Вислу и расположился вблизи Добржина. Крестоносцы, пылая мщеніемъ, напали вмѣстѣ съ Яномъ на добржинскую землю и овладѣли ею. Отсюда дружины ихъ двинулись въ удѣлъ мазовецкаго князя Вячеслава и взявъ силою Плоцкъ, принудили его принести дань покорности Яну, какъ своему верховному повелителю. Чешскій король подарилъ затѣмъ, въ Торунѣ, крестоносцамъ въ вѣчную собственность Поморье, и, сверхъ того, уступилъ имъ одну половину добржинской земли сейчасъ же, а другую они купили у него спустя годъ, за 4,800 гривенъ. Не довольствуясь этимъ, крестоносцы, послѣ отъѣзда чешскаго короля, вторглись (весною 1329) въ Куявы, сожгли — Вышегродъ, Иновроцлавъ, Накло и другіе города, умертвили множество жителей, такъ что слѣды ихъ пребыванія были болѣе ужасны, нежели слѣды, оставляемые татарскимъ нашествіемъ.

Локетокъ, совмѣстно съ польскимъ духовенствомъ, снова принесъ папѣ жалобу на крестоносцевъ. Но прежде нежели папа успѣлъ произнести приговоръ, польскій король рѣшилъ однимъ ударомъ разбить или поколебать могущество ордена. Получивъ отъ своего зятя Карла-Роберта 8,000 отборнаго рыцарства, онъ согласился съ литовскимъ Гедиминомъ, предпринять

одновременный походъ въ Пруссію. Оба войска должны были соединиться подъ Древцою. Но крестоносцы, предостереженные во время, воспрепятствовали этому. Расположивъ искусно свои силы вдоль Древцы, они весьма долго парализировали всякую попытку Локетка отыскать мѣсто для переправы. И когда, наконецъ, онъ прошелъ чрезъ рѣку, Гедиминъ, раздраженный неудачею, возвратился во свояси, и не хотѣлъ уже прибыть на новый вызовъ. Не смотря на то у Локетка были до того превосходныя силы, что крестоносцы, не отваживаясь вступать въ бой въ открытомъ полѣ, заперлись въ своихъ замкахъ и городахъ. Подкупивъ затѣмъ венгерскихъ военачальниковъ, они заключили, при ихъ содѣйствіи, перемиріе. Самъ великій магистръ прибылъ въ лагерь Локетка, гдѣ и были подписаны условія перемирія. Орденъ обязался возвратить тотчасъ же только что занятые округи — быдгощскій и вышогродскій, а дѣло относительно Поморья было передано третейскому суду венгерскаго и чешскаго королей.

Орденъ не думалъ объ исполненіи помянутыхъ условій, а потому Янъ чешскій не явился на условленный съѣздъ Владислава съ Карломъ-Робертомъ и, въ довершеніе, крестоносцы овладѣли хитростію Быдгощею (Бромбергъ) еще до окончанія перемирія. Это побудило польскаго короля созвать въ Хенцины, въ сендомирской землѣ, сановниковъ и болѣе значительныхъ рыцарей. На этомъ съѣздѣ предполагалось обсуждать самыя вопіющія потребности королевства. Независимо отъ разныхъ другихъ рѣшеній, Локетокъ отнялъ у Викентія изъ Шамотулъ великопольское воеводство и управленіе этою частію края предоставилъ своему сыну Казиміру. Оскорбленный Викентій помышлялъ о мщеніи съ помощію крестоносцевъ, на которыхъ тяготѣло еще, за совершенныя насилія, отлученіе отъ церкви; принявъ это за прекращеніе перемирія, они приготовились къ новому походу въ Польшу. Викентій изъ Шамотулъ объявилъ великому магистру, что отдастъ въ его руки не только великопольскіе города и замки, но и самаго Казиміра. Облеченный довѣріемъ магистра, онъ повелъ (лѣтомъ 1331) въ Куявы его войско, а затѣмъ къ Пыздрамъ въ Великопольшѣ, гдѣ

Казиміръ проживалъ съ своимъ дворомъ. Королевича во̀ время предупредили, онъ скрылся въ лѣсахъ, а крестоносцы пылая местію опустошили край огнемъ и мечемъ. Къ осени вторгнулись въ Польшу многочисленныя войска крестоносцевъ, и взявъ Леницу, подступили къ Калишу, гдѣ чешскіе полки должны были соединиться съ ними. Затѣмъ они ограбили Гнѣзно и сожгли Сѣрадзъ, Унѣіовъ, Варту и много другихъ городовъ и окрестныхъ деревень. Локетокъ поспѣшилъ съ рыцарствомъ на защиту Великопольши, и склонивъ на свою сторону Викентія изъ Шамутулъ, — нанесъ крестоносцамъ сильное пораженіе подъ деревнею Пловце [1]) (27 сент.); въ то же время, великопольскія войска, оттѣснили чешско-крестовыя полчища отъ Познани. Едва Локетокъ послѣ побѣды успѣлъ распустить рыцарство, какъ крестоносцы вновь вторгнулись въ Куявы (въ концѣ нояб.), а мѣсяцъ спустя, магистръ выслалъ еще болѣе многочисленное войско съ повелѣніемъ овладѣть этою польскою провинціею. Послѣ трехмѣсячной осады, крестоносцы взяли Брестъ, потомъ Иноврoцлавъ и Гнѣвковъ и захватили, за исключеніемъ Пако̀сти [2]), всѣ Куявы, въ которыхъ начали, посвоему обыкновенію, селить германцевъ и вводить германское устройство.

Только съ прибытіемъ венгерскихъ подкрѣпленій выступилъ Локетокъ (въ авг. 1332) въ хелмскую землю и достигнулъ Древенцы, на противуположномъ берегу которой расположился великій магистръ со всѣмъ своимъ войскомъ. Здѣсь начались переговоры и было заключено перемиріе на одинъ годъ, въ продолженіе котораго короли венгерскій и чешскій, должны были окончательно рѣшить тяжбу Польши съ орденомъ крестоносцевъ. Переговоры эти

---

[1]) «27 Сентября, съ восходомъ солнца, Владиславъ Локетокъ подошелъ къ непріятельскому лагерю, когда нѣмцы спали еще. Сильный туманъ препятствовалъ королю воспользоваться первой суматохой. Послѣ нѣсколько часоваго боя крестоносцы побѣжали; началась рѣзня продолжавшаяся до самаго вечера. Непріятельскіе трупы, которыхъ насчитывали до 20,000, усѣяли всю сосѣднюю мѣстность.» (Нарушевичъ). *Прим. переводч.*

[2]) Мѣстечко Пакость лежитъ въ иноврoцлавскомъ округѣ, на берегу Нотеци. *Прим. перев.*

длились весьма долго и, быть можетъ, снова возгорѣлась бы война, если бы не смерть Локетка (2 март. 1333). Умирая, онъ увѣщевалъ сына Казиміра, въ случаѣ врученія ему народомъ верховной власти, быть добрымъ и справедливымъ королемъ, а съ крестоносцами и другими врагами отечества не мириться до тѣхъ поръ, пока они не возвратятъ захваченныхъ земель. Когда не только чешскій король, но и Пястовичи заявили притязанія на польскій престолъ, назначенъ былъ для выбора короля въ Краковѣ съѣздъ всѣхъ коронныхъ вельможъ и сановниковъ. На съѣздъ прибыло и посольство изъ Венгріи и, рекомендуя Казиміра, обѣщало въ каждомъ случаѣ помощь своего короля. Всѣ присутствующіе единогласно превозгласили королемъ Казиміра и день 25 апр. (1333) назначили для коронаціи, которая и совершилась съ необыкновеннымъ торжествомъ въ Краковѣ. Юному, 23 лѣтнему королю, данъ былъ въ совѣтники Ясекъ изъ Мельштына, мужъ опытный, при содѣйствіи котораго Казиміръ не только обогатилъ свои финансы наличными капиталами, но и остановилъ сильно распространившіеся въ краѣ грабежи, разбои и насилія, а этимъ самымъ упрочилъ внутренній порядокъ. Не желая вовлекать Польшу въ войну съ могущественнымъ орденомъ крестоносцевъ, онъ заключилъ, при посредничествѣ венгерскихъ пословъ, новое перемиріе на одинъ годъ; при чемъ обѣщалъ дать письменное обязательство, что исполнитъ всѣ условія перемирія. Не смотря на то крестоносцы хотѣли осадить замокъ Пакость, который защищалъ мужественно брестскій каштелянъ Альбертъ изъ Косцельца. Казиміръ, не считая и этого наѣзда нарушеніемъ перемирія, отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Мальборгъ, гдѣ (30 апр. 1334), при содѣйствіи папскаго легата, перемиріе вновь продолжено на одинъ годъ. Орденъ долженъ былъ въ видѣ залога отдать Брестъ съ уѣздомъ, съ условіемъ отнять его назадъ, какъ скоро, въ продолженіе этого времени, венгерскій и чешскій короли не успѣютъ склонить Польши и крестоносцевъ къ заключенію постояннаго мира. Болѣе энергическое заявленіе Казиміра могло бы побудить противную сторону предложить и выгод-

нѣйшія условія, но замѣтивъ его податливость къ уступкамъ, она воспользовалась этимъ, конечно, ко вреду Польши.

Свободный извнѣ, Казиміръ началъ трудиться съ своими совѣтниками надъ водвореніемъ внутренняго порядка. Строгія наказанія, которымъ подвергали грабителей и преступниковъ, сократили число общественныхъ насилій; судамъ дано надлежащее значеніе, слабыхъ оградили отъ произвола магнатовъ. Для евреевъ, болѣе другихъ подверженныхъ преслѣдованіямъ,—Казиміръ утвердилъ въ Краковѣ (9 окт. 1334) льготу Болеслава, распространивъ ея дѣйствительность на всю Польшу. Дружба съ Венгріею могла бы быть очень полезною, если бы Казиміръ не слишкомъ поддавался вліянію своего родственника Карла - Роберта и, ради этого вліянія, не разъ жертвовалъ выгодами своего государства. Положившись совершенно на него въ дѣлѣ окончательнаго примиренія съ крестоносцами, онъ отнюдь не справлялся, не вовлекаетъ ли этотъ посредникъ и примиритель Польшу въ слишкомъ ощутительныя и большія жертвы. Съ чехами Казиміръ заключилъ въ Сендомирѣ также перемиріе на одинъ годъ (въ маѣ 1335), по которому вся Силезія перешла подъ чешское владычество.

Когда чешскій король Янъ, послѣ трехлѣтняго скитальчества, возвратился въ свое королевство и раздраженный противъ германскаго императора Людовика, по поводу признанія за эрцгерцогами ракузскими Каринѳіи и Тироля, пожелалъ союза съ Венгріею и Польшею, переговоры открылись дѣйствительно въ Тренчинѣ. Чешскій король прибылъ самъ съ сыномъ, а Карлъ-Робертъ послалъ уполномоченныхъ. Казиміръ отправилъ также пословъ на тренчинскій съѣздъ, безъ вѣдома сословій, и снабдилъ ихъ обширнымъ полномочіемъ для веденія какихъ-бы то ни было переговоровъ. И такъ онъ уполномочилъ ихъ признать за чешскимъ королемъ верховную власть надъ всею Силезіею и даже къ принятію обязательства уплатить 30,000 копъ прагскихъ грошей, если бы инымъ путемъ не удалось склонить его отречься отъ заявленныхъ имъ притязаній на польскую корону. Эта уступчивость Казиміра сдѣлала то, что подкупленные венгерскимъ королемъ польскіе уполномочен-

ные, подписали, безъ сопротивленія, слѣдующіе предварительные договорные пункты. Янъ, вмѣстѣ съ сыномъ Карломъ отрекался отъ всякихъ правъ на польскую корону за 20,000 копъ грошей, и за признаніе, уполномоченными Казиміра, чешскаго господства въ Силезіи. Сверхъ того польскіе послы обѣщали, что Казиміръ лично прибудетъ на новый съѣздъ, на которомъ предположено приступить къ заключенію вѣчнаго мира между Польшею, Чехіею и Венгріею, а также къ разрѣшенію споровъ Польши съ крестоносцами.

Этотъ условленный съѣздъ состоялся въ Вышеградѣ (въ началѣ нояб.). Въ немъ приняли участіе — Карлъ-Робертъ, Янъ съ сыномъ Карломъ, Казиміръ, силезскіе и куявскіе князья и множество свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Со стороны крестоносцевъ явилось также трое уполномоченныхъ. Сперва начались переговоры между Польшею и Чехіею. Казиміръ хотѣлъ уклониться отъ уплаты 20,000 копъ грошей подъ предлогомъ, что коль скоро женщины не наслѣдуютъ польскаго престола, то и права, доставшіяся Яну по женской линіи, не могутъ быть дѣйствительными; но при содѣйствіи венгерскаго короля онъ отказался отъ этого намѣренія и подтвердилъ тренчинскій договоръ. Янъ передалъ венгерскому королю, въ видѣ залога, отреченіе отъ правъ на польскій престолъ, а взамѣнъ этого получилъ тотчасъ же 10,000 копъ грошей, остальную же сумму долженъ былъ получить въ два срока. Кромѣ того Казиміръ призналъ его верховнымъ правителемъ Силезіи. Далѣе дошла очередь до переговоровъ съ крестоносцами, права которыхъ усердно защищалъ Янъ, между тѣмъ какъ Карлъ-Робертъ заботился весьма мало о польскихъ правахъ. По соглашенію обоихъ этихъ посредниковъ орденъ долженъ былъ возвратить Казиміру Куявы и добржинскую землю, а польскій король долженъ былъ отъ своего и своихъ потомковъ имени отречься отъ всякихъ правъ на Поморье и хелмскую землю, и не только выхлопотать у папы утвержденіе этой дарственной записи, но и за нанесенные убытки не требовать отъ ордена удовлетворенія ни свѣтскимъ, ни духовнымъ судомъ. Казиміръ получилъ затѣмъ даже менѣе того, что кресто-

носцы хотѣли отдать его отцу. Наконецъ три короля заключили между собою наступательно-оборонительный союзъ противъ императора и ракузскихъ эрцгерцоговъ.

Магистръ крестоносцевъ остался не доволенъ вышеградскимъ договоромъ, ибо разсчитывалъ на болѣе значительныя уступки, а также на утвержденіе договора всѣми сословіями королевства. И такъ когда Казиміръ потребовалъ (1336) возвращенія Куявъ и добржинской земли, магистръ Дитрихъ объявилъ, что король долженъ предварительно прислать отреченіе отъ своихъ правъ на поморскую, хелмскую и михаловскую земли, а также подтвержденіе вышеградскаго договора всѣми сословіями королевства. Казиміръ желая непремѣнно мира, созвалъ дѣйствительно сословія, но никакъ не могъ склонить ихъ къ утвержденію договора, столь невыгоднаго для отечества. И папа также отказалъ въ подтвержденіи его, по той главной причинѣ, что замѣтилъ въ договорѣ не одно обстоятельство, противное правамъ и чести короля. Когда магистръ, настаивая на своемъ, не хотѣлъ возвратить занятыхъ земель, Казиміръ вторгнулся во владѣнія крестоносцевъ, чтобы силою оружія принудить ихъ къ заключенію временнаго перемирія, въ продолженіе котораго можно было бы привести договоръ къ исполненію. Но дѣло затянулось опять на долго, и обѣ стороны просили папу быть посредникомъ; папа поручилъ двумъ кардиналамъ разсмотрѣть весь споръ. Казиміръ, съ своей стороны, снова предложилъ (1337) сословіямъ подтвердить вышеградскій договоръ, но ему отвѣтили и теперь, что на такихъ условіяхъ мира заключать невозможно. Не смотря на это, Казиміръ, вслѣдствіе доводовъ венгерскаго и чешскаго королей, согласился на съѣздъ съ магистромъ въ Владиславовѣ. На этомъ съѣздѣ магистръ обѣщалъ отдать чешскому королю Яну, въ видѣ залога, Брестъ и Добржинъ, а остальную часть Куявъ возвратить тотчасъ-же Казиміру. Король же обязывался доставить къ условленному сроку письменное отреченіе отъ правъ на Поморье, и даже исключить изъ своей печати титулъ князя этой земли. Въ случаѣ невыполненія этихъ условій, старо-

ста Янъ долженъ былъ возвратить ордену Брестъ и Добржинъ, а въ противномъ случаѣ отдать ихъ Казиміру.

Сословія королевства, созванныя на большой сеймъ, не хотѣли и теперь утвердить договора, и, даже, отправили къ папѣ Венедикту XII краковскаго епископа Яна Грота съ жалобою на крестоносцевъ за нанесенныя Польшѣ обиды. Папа велѣлъ разсмотрѣть это дѣло, и, убѣдившись въ виновности ордена, назначилъ (въ маѣ 1338) своихъ легатовъ Готарда де Шартръ и Петра Жерве для окончательнаго разсмотрѣнія дѣла Польши съ крестоносцами и снабдилъ ихъ полномочіемъ употребить противъ виновныхъ не только всякое духовное, но и свѣтское оружіе. Крестоносцы опять выхлопотали себѣ отъ германскаго императора Людовика формальное запрещеніе не уступать ни одной изъ земель, утвержденныхъ за орденомъ императорами. Сверхъ того они склонили епископа представить папѣ, что орденъ, отличаясь мужествомъ и набожностію, держитъ въ рукахъ язычниковъ, а что касается отношеній къ Польшѣ, желаетъ выполненія условій вышеградскаго договора, утвержденныхъ на съѣздѣ въ Владиславовѣ. Не смотря на эти представленія Венедиктъ XII не взялъ назадъ однажды изданной буллы.

Прекративъ, по желанію сословій, переговоры съ орденомъ, Казиміръ искалъ, на случай войны, помощи венгерскаго короля. Карлъ-Робертъ обѣщалъ, правда, эту помощь, но съ условіемъ, чтобы Казиміръ выполнилъ сперва обязательства вышеградскаго договора въ отношеніи Чехіи, а потомъ, за неимѣніемъ мужескаго потомства, назначилъ, на случай смерти, своего наслѣдника. Первому требованію удовлетворилъ король безъ вѣдома сословій, но для рѣшенія втораго созвалъ вельможъ въ Краковъ (8 мая 1339), куда прибыли также венгерскіе послы. Подарками и обѣщаніями склонили вельможъ признать наслѣдникомъ престола племянника Казиміра, сына Карла Роберта—Людовика. Отъ имени этого будущаго короля было обѣщано, что тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ собственными средствами возвратитъ земли, отнятыя у Польши, утвердитъ за всѣми жителями права и привиллегіи, безъ разрѣшенія сословій не будетъ назначать новыхъ податей и, наконецъ,

не будетъ раздавать должностей чужеземцамъ. Вскорѣ потомъ Казиміръ поспѣшилъ самъ, со многими вельможами въ Вышеградъ, и торжественно призналъ Людовика наслѣдникомъ, а польскіе вельможи принесли ему и его потомству присягу въ вѣрности, если только онъ выполнитъ обѣщанія. При этомъ оговорено было что одни лишь сыновья имѣютъ права на престолъ, дочери же не могутъ его наслѣдовать.

Между тѣмъ судьи, назначенные папою, съѣхались въ Варшавѣ [1]) (4 февр. 1339) и пригласивъ къ себѣ обѣ стороны, приступили къ разсмотрѣнію дѣла. Польскіе уполномоченные подали жалобу, состоявшую изъ 30 пунктовъ, въ которой обвиняли орденъ въ насильномъ и коварномъ захватѣ польскихъ земель, въ сожиганіи храмовъ, разбояхъ и грабежахъ, и высчитавъ убытки Казиміра въ 194,500 гривенъ, потребовали отъ суда полнаго удовлетворенія. Не смотря на протестъ со стороны уполномоченныхъ ордена, ссылавшихся на папу, — легаты назначили обѣимъ сторонамъ срокъ для представленія свидѣтелей и другихъ доводовъ. Польскіе уполномоченные представили 125 присяжныхъ свидѣтелей, и самъ Казиміръ клятвою подтвердилъ свои убытки, въ размѣрахъ помянутой суммы. До обнародованія приговора, легаты отправились въ Торунь, въ надеждѣ, покончить все дѣло полюбовнымъ образомъ. Но когда попытки оказались тщетными, легаты обнародовали (15 сент. 1339) въ костелѣ св. Яна въ Варшавѣ приговоръ, по которому крестоносцы обязывались возвратить земли михаловскую, хелмскую, добржинскую и Куявы, заплатить 194,500 гривенъ за нанесенные убытки, 1,600 гривенъ за издержки по процессу, и возобновить сожженные храмы. Уполномоченный ордена подалъ на этотъ приговоръ апелляцію въ апостольскую столицу, а три прусскіе епископа обвинили обоихъ легатовъ въ особенномъ письмѣ

---

[1]) Первыя положительныя свѣдѣнія о Варшавѣ мы встрѣчаемъ въ 1224 г., но до 1339 г. о ней упоминается неиначе какъ о деревнѣ. Когда въ Варшавѣ собрались папскіе легаты, это былъ уже значительный городъ, обнесенный для защиты отъ непріятелей, каменной стѣной, въ которомъ Казиміръ жилъ часто съ многочисленной свитой.

къ папѣ, въ подкупности. Очернивъ Казиміра, какъ вѣроломнаго союзника татаръ, они просили папу, объявить приговоръ недѣйствительнымъ. Эти представленія достигли своей цѣли, ибо Венедиктъ XII поручилъ вновь нѣсколькимъ кардиналамъ переслѣдовать дѣло, чрезъ что оно затянулось опять на долго.

Пока возникли дальнѣйшія столкновенія съ орденомъ, Казиміръ обратилъ вниманіе на Червонную Русь, въ которой (около 1336) умеръ послѣдній изъ мужескихъ потомковъ Романа — бездѣтный Юрій, князь галицкій и владимірскій. Родная его сестра Марія, была замужемъ за мазовецкимъ княземъ Тройденомъ, а двоюродная за Любартомъ Гедиминовичемъ. Хотя галицкая Русь должна была достаться сыну Маріи Болеславу, русины предпочли однакожъ признать надъ собою власть двухъ галицкихъ князей. Жестокости этихъ двухъ правителей были поводомъ ихъ отравленія, а верховная власть перешла къ Болеславу. Но и послѣдній княжилъ весьма не долго. Въ то время когда онъ, распространяя усердно на Руси свое исповѣданіе, раздавалъ должности чужеземцамъ и прибѣгалъ и къ инымъ притѣсненіямъ, русины, желая отъ него избавиться, отравили его, но столь сильнымъ ядомъ, что даже полопалось все тѣло (въ мар. 1340). На вѣсть о смерти родственника, Казиміръ поспѣшилъ (около святой) съ придворными дружинами въ Червонную Русь, завладѣлъ ея столицею Львовомъ и вывезъ оттуда всю казну въ Краковъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ, двинулся вновь, но во главѣ многочисленнаго войска, и занявъ Перемышль, Санокъ, Трембовлю и другіе значительнѣйшіе города, ввелъ свое управленіе, а жителямъ обѣщалъ полную свободу исповѣданія по обряду восточной церкви. Всѣ признали его государемъ, за исключеніемъ двухъ значительныхъ бояръ, какого то Дашка и Данiила изъ Острова. Эти то двое уговорили татарскаго хана Узбека выслать большія вооруженныя силы. Казиміръ выступилъ съ польскимъ войскомъ противъ татаръ и одержалъ побѣду подъ Люблиномъ, чѣмъ принудилъ къ покорности недовольныхъ.

Послѣ смерти первой жены Анны (1339), Казиміръ хотѣлъ жениться на дочери чешскаго короля Маргаритѣ и прибылъ даже

для этой цѣли въ Прагу. Но смерть Маргариты (1341) разрушила этотъ планъ, и по совѣту ея брата Карла, съ которымъ польскій король былъ въ тѣсномъ союзѣ, — онъ женился на дочери чешскаго князя Генриха II — Аделаидѣ (29 сент.). Эта нѣмка вскорѣ опротивила ему, и онъ отправилъ ѐе въ Жарновецъ, гдѣ держалъ 15 лѣтъ почти въ тюрьмѣ, и самъ велъ самую развратную жизнь.

Не оставляя безъ вниманія дѣла съ орденомъ, Казиміръ настаивалъ на папу, покончить столь продолжительную тяжбу. Онъ успѣлъ на столько, что была назначена новая коммисія изъ епископовъ—краковскаго, хелмскаго и мисненскаго, долженствовавшая окончательно разрѣшить дѣло, на началахъ справедливости. Самъ папа поручилъ коммисарамъ потребовать отъ крестоносцевъ возвращенія Куявъ и добржинской земли и уплаты 10,000 червонныхъ злотыхъ, что же касается прочихъ убытковъ, то рѣшить по совѣсти и справедливости. Тогда выступили и прежніе посредники и мѣстомъ переговоровъ назначенъ Торунь, куда съѣхались (въ окт. 1341) — маркграфъ моравскій Карлъ, магистръ крестоносцевъ и польскіе и венгерскіе уполномоченные. Но смерть Дитриха прервала переговоры. Когдаже вскорѣ умерли—Венедиктъ XII (25 апр. 1342) и король венгерскій Карлъ-Робертъ (14 іюля) все дѣло снова затянулось. Видно даже, что была мысль взяться за оружіе, ибо Казиміръ выдавая за мужъ свою дочь Елисавету за западно-поморскаго князя Богуслава V, заключилъ съ нимъ и его братьями наступательно-оборонительный союзъ противъ крестоносцевъ.

Дѣло, однакожъ обошлось безъ войны. Съ одной стороны хотѣлъ воспрепятствовать пролитію христіанской крови преемникъ Венедикта—Климентъ VI, а съ другой—помянутые коммисары работали надъ возобновленіемъ переговоровъ. Наконецъ состоялось согласіе на съѣздъ въ Калишѣ. Казиміръ заключилъ здѣсь миръ (8 іюля 1343) на основаніи вышеградскаго договора. Куявы, добржинская земля и Быдгощъ вошли въ составъ польскаго королевства, а Поморье осталось за крестоносцами. Свѣтскіе вельможи, мазовецкіе и куявскіе князья, а также польскіе города дали поручительство въ

томъ, что въ случаѣ нарушенія Казиміромъ договора, они будутъ противиться этому самымъ положительнымъ образомъ. Духовныя власти не хотѣли дать такого поручительства. По заключеніи этого договора, король съѣхался съ магистромъ Людольфомъ въ открытомъ полѣ, гдѣ оба подтвердили присягою условія вѣчнаго мира. Орденъ обязанъ былъ, по полученіи папскаго утвержденія, уплатить королю 10,000 червон. злот., что однакожъ, не состоялось.

Заключивъ миръ съ орденомъ, Казиміръ хотѣлъ, при первомъ случаѣ, отыскивать свои права въ Чехіи. Когда затѣмъ чешскій король Янъ, вмѣстѣ съ сыномъ Карломъ (зимою 1343 и 1344) предприняли крестовый походъ въ Литву, который вслѣдствіе внезапной оттепели, не удался, Казиміръ рѣшился аттаковать возвращавшихся чеховъ. Янъ шелъ по другой дорогѣ, а потому избѣжалъ встрѣчи, но Карла придержали дѣйствительно въ Калишѣ, откуда онъ ушелъ лишь хитростію. Это былъ первый шагъ явной вражды, ибо вскорѣ Казиміръ вторгнулся въ Силезію и пріобрѣлъ всховскую землю [1]), которую захватили глоговскіе князья еще во времена Локетка. Предвидя несомнѣнную войну съ Чехіею, Казиміръ заключилъ союзъ съ германскимъ императоромъ Людовикомъ, а заключеніемъ двухлѣтняго мира отсрочилъ столкновенія съ Литвою. Увѣренный, что императоръ съ своими союзниками ударитъ на Чехію, польскій король вторгнулся въ опавскую землю и осадилъ городъ Саръ. Князь этой земли Николай, призвалъ на помощь Яна, который, на челѣ значительнаго отряда панцырной конницы и пѣхоты, поспѣшилъ спасать своего ленника. Казиміръ, избѣгая битвы, отступилъ къ Кракову, но Янъ осадилъ этотъ городъ и велѣлъ опустошать всю окрестность. Взаимныя потери вызвали трехмѣсячное перемиріе и, при содѣйствіи папы, заключенъ былъ миръ (1346), по которому Казиміръ получилъ всховскую землю, а за то отказался отъ 10,000 гривенъ, выданныхъ заимообразно, въ разныя времена, сыну Яна Карлу.

---

[1]) Эта провинція находилась близь самой силезской границы.

Прим. перев.

Устроивъ свои внѣшнія отношенія, Казиміръ могъ заняться внутренними дѣлами государства и совершить все то, чего не успѣлъ сдѣлать его отецъ. Недостатокъ кодекса, на основаніи котораго суды мо глибы произносить справедливые приговоры, съ каждымъ днемъ дѣлался ощутителнѣе и подавалъ поводъ къ страшнѣйшему произволу. Желая помочь этому, Казиміръ поручилъ двумъ главнымъ провинціямъ государства, на особенныхъ вѣчахъ привести въ порядокъ свои традиціонные права и уставы, послѣ чего созвалъ на съѣздъ въ Вислицу свѣтскія и духовныя власти всего королевства (1347). Здѣсь на общихъ совѣщаніяхъ былъ составленъ знаменитый вислицкій статутъ, который, не смотря на нѣкоторыя неточности, принадлежитъ къ лучшимъ памятникамъ средневѣковаго законодательства. Статутъ этотъ, составленный частію изъ прежнихъ уставовъ, частію же изъ традиціонныхъ правъ и новыхъ постановленій Казиміра, — сдѣлался фундаментомъ всего польскаго законодательства [1]).

[1]) Изслѣдованіемъ *вислицкихъ статутовъ*, которые были обязательны для Польши въ теченіи четырехъ съ половиною столѣтій, занялись въ новѣйшее время, извѣстнѣйшие польскіе ученые. Лелевель впервые оцѣнилъ ихъ историческую важность, открылъ въ нихъ ключъ къ царствованію Пястовъ, а потому въ сочиненіи—«*Книга польскихъ уставовъ*» (Księga ustaw polskich, Wilno 1824 г.) опубликовалъ три перевода этихъ уставовъ. Въ сочиненіи «*Początkowe prawodawstwo w Polsce*» (Первоначальное законодательство въ Польшѣ), Лелевель помѣстилъ критическій разборъ вислицкихъ статутовъ. Главнѣйшие его выводы, подкрѣпленные фактами, приблизительно таковы. Еще въ древнія времена славяне имѣли свои права, которыя впослѣдствіи развивала Лехія или Польша. Шляхта и крестьяне искони подчинялись мѣстнымъ законоположеніямъ. Существовали разнаго рода суды и разнаго рода примѣненія этихъ судовъ. Эти старинные законы значительно возросли при Генрихѣ Бородатомъ. По мнѣнію Лелевеля, Локетокъ принадлежитъ къ главнѣйшимъ польскимъ законодателямъ. Всякая провинція имѣла свои уставы, смотря по своимъ мѣстнымъ правамъ. Казиміръ великій рѣшился уничтожить эту, такъ сказать, законодательную пестроту, въ подчиненныхъ ему провинціяхъ. Съ этою цѣлію онъ пригласилъ полянъ и краковцевъ предъявить ему ихъ статуты, чтобы составить изъ нихъ одну общую книгу. Великополяне собрались для этого въ Піотрковѣ, написали все, что по ихъ мнѣнію было ихъ правомъ, тоже сдѣлала краковская и сендомірская шляхта (малополяне). Сдѣлавъ такого рода подготовленія, прибыли въ Вислицу, въ воскресенье, 8 марта 1347 г.: король Казиміръ, архіепископъ гнезненскій Ярославъ Богорія, епископъ Краковскій Янъ Гротъ, познанскій Войцѣхъ Палука, влоцлавскій (кульскій) Матвѣй, а равно воеводы, каштеляны, земскіе сановники и разная

После смерти отца Яна, погибшаго во Франціи, въ сраженіи при Кресси (26 авг. 1346), Карлъ добивался императорской короны въ Германіи, и, желая обезпечить себя со стороны поляковъ, заключилъ на съѣздѣ въ Намысловѣ (22 нояб. 1348) союзъ съ Казиміромъ, обѣщая ему помощь для возвращенія утраченныхъ земель. Этотъ союзъ былъ, очевидно, направленъ противъ крестоносцевъ, но не осталось слѣда какой бы то ни было помощи, оказанной Карломъ польскому королю. За то Казиміръ расширилъ границы государства на востокѣ. Когда окончилось перемиріе съ Литвою, страна эта, вела отчаянную борьбу съ крестоносцами, и Казиміръ двинулся съ сильнымъ войскомъ (1349) въ Волынь, покорилъ Владиміръ, Луцкъ, Брестъ и Хелмъ, принудилъ мѣстныхъ князей принести дань покорности, и въ главные города назначилъ своихъ старостъ, за исключеніемъ Луцка, который отдалъ въ пожизненное владѣніе Любарту. Во вновь занятыхъ земляхъ, а равно и въ Червонной Руси, Казиміръ, вмѣстѣ съ польскими учрежденіями ввелъ и латинство, т. е. совершилъ несправедливость, которою вооружилъ противъ себя жителей. Этотъ удачный походъ побудилъ жмудскаго князя Кейстута, брата великаго князя литовскаго Ольгерда, объявить готовность принять вмѣстѣ съ братьями христіанскую вѣру, лишь бы ихъ земли не подвергались нападенію. Повѣривъ искренности этого заявленія, Казиміръ пріостановилъ дальнѣйшія военныя дѣйствія и донесъ обо всемъ папѣ. Но, какъ скоро обстоятельства перемѣнились, Кейстутъ пересталъ думать о христіанствѣ, внезапно напалъ на только что пріобрѣтенныя польскимъ королемъ волынскія земли и захвативъ таковыя, началъ, вмѣстѣ съ братомъ Любартомъ, тревожить наѣздами сосѣднія польскія провинціи, отмѣчая свое шествіе грабежемъ и опустошеніями.

шляхта. Изъ двухъ статутовъ составился одинъ—*вислицкій статутъ,* въ который цѣликомъ вошелъ краковскій статутъ—изъ великопольскаго было включено только 20 статей. Въ царствованіе Казиміра, этотъ вислицкій статутъ, бывшій въ сущности сборникомъ самыхъ старинныхъ польскихъ уставовъ, исполнялся весьма строго, но впослѣдствіи при Людовикѣ, и въ слѣдовавшее затѣмъ междуцарствіе, начали приходить въ столкновеніе интересы провинцій, и великополяне возвратились къ своему піотрковскому статуту. *Прим. перев.*

Случались и внутреннія недоразумѣнія, когда Казиміръ задумалъ было положить извѣстныя границы неповиновенію и принудить всѣ сословія къ несенію общественныхъ тягостей. Въ особенности духовенство прикрывалось своими привиллегіями, а когда король велѣлъ собрать дань и съ помѣстій краковскаго епископа Бодзанты, послѣдній отлучилъ его отъ церкви, и викарій капитула—Баричка, взялся объявить это рѣшеніе королю. Слишкомъ рѣзкія слова посланнаго, разсердили короля до того, что слѣдуя внушеніямъ окружающихъ, онъ велѣлъ его арестовать и ночью утопить въ Вислѣ. Этотъ поступокъ и развратная жизнь Казиміра, заставили духовенство принести жалобу папѣ, который, не смотря на это, не отказалъ въ отпущеніи грѣховъ кающемуся королю.

Смерть князя мазовецкаго на Плоцкѣ—Болеслава, открыла Казиміру возможность включить этотъ удѣлъ въ свое достояніе, въ силу договора съ двоюродными братьями покойнаго, Казиміромъ и Земовитомъ Тройденовичами, которымъ въ замѣнъ, въ видѣ лена, онъ далъ сохачевскую землю. Желая побудить своего наслѣдника венгерскаго короля, Людовика, къ болѣе энергической, нежели прежде, совокупной оборонѣ королевства, Казиміръ вошелъ съ нимъ въ новые переговоры. Но какъ всегда, такъ равно и теперь, Казиміръ пожертвовалъ выгодами отечества, ради семейныхъ соображеній. Онъ обязался вознаградить Людовику права на галицкую Русь, уплатою 100,000 червонцевъ, которые, однакожъ, было предоставлено Людовику возвратить и занять Русь, если бы Казиміръ дождался сына. Въ противномъ случаѣ Людовикъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Польшею наслѣдовать и Русь. Съ своей стороны Людовикъ обязался оказывать помощь въ войнѣ съ крестоносцами и всѣми другими врагами Польши. Не довольствуясь этимъ договоромъ, Людовикъ выхлопоталъ у папы Климента VI, дарованіе ему въ полную собственность языческихъ и некатолическихъ земель, въ число которыхъ онъ могъ смѣло включить и галицкую Русь.

Въ это время состоялась первая конфедерація въ Великопольшѣ. Она была заключена въ Познани (7 сент. 1352 г.) между вельможами съ одной, и тамошнимъ рыцарствомъ съ другой стороны. Бли-

жайшіе поводы къ этому союзу неизвѣстны. Одновременно съ этими внутренними событіями, начались набѣги литовцевъ, подъ предводительствомъ Любарта, который сперва опустошилъ червонную Русь до самаго Галича (въ мартѣ 1353), а потомъ сендомирскую землю. Эти набѣги возобновлялись безпрерывно, а когда къ нимъ присоединились и нашествія татаръ, Казиміръ пригласилъ папу Иннокентія VI (1354), обнародовать крестовый походъ и этимъ умѣрить дерзость язычниковъ. Кромѣ того онъ двинулся, вмѣстѣ съ Людовикомъ, противъ литовцевъ, завоевалъ Волынь и послѣ рѣшительной побѣды, взялъ въ плѣнъ Любарта и Кейстута. Послѣдній бѣжалъ изъ заключенія, а Любарта освободили на честное слово. Выгоды, доставленныя этою экспедиціею, не могли быть велики, такъ какъ Любартъ, въ весьма непродолжительномъ времени, вновь вторгнулся въ червонную Русь.

Эти, а равно и другія соображенія, склонили Казиміра войти въ новые переговоры съ Людовикомъ. Дѣло шло именно не только объ отсрочкѣ уплаты обѣщанныхъ 100,000 червонцевъ за уступку галицкой Руси, но и объ измѣненіяхъ въ первоначальномъ договорѣ, по пункту о престолонаслѣдіи. Польскіе уполномоченные съѣхались въ Буду (янв. 1355) и послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было, чтобы Людовикъ не торопилъ дяди, по поводу уплаты помянутой суммы, до тѣхъ поръ, пока послѣдній не упрочитъ своего господства въ галицкой Руси. Онъ обѣщалъ къ тому же являться на помощь Казиміру съ несравненно большимъ войскомъ, всякій разъ, когда встрѣтится надобность защищать русинскія земли. Въ свою очередь польскіе уполномоченные дозволили Людовику, если онъ не дождется мужескаго потомка, передать права на наслѣдство своему племяннику — Яну. Людовикъ обязался при этомъ случаѣ не налагать новыхъ повинностей на жителей, не принуждать рыцарства предпринимать на свой счетъ заграничные походы, не останавливаться во время проѣздовъ ни въ чьихъ помѣстьяхъ, безъ разрѣшенія владѣльцевъ и наконецъ, подтвердить всѣмъ ихъ права, льготы и привиллегіи. По возвращеніи своихъ пословъ, Казиміръ отправился въ Венгрію и, утвердивъ весь упомянутый договоръ,

условился съ Людовикомъ на счетъ новаго съѣзда въ Сончѣ. Здѣсь польскія сословія принесли Людовику присягу въ вѣрности. Но Людовикъ занятый другими дѣлами, отправилъ въ Сончъ свою мать Елисавету, которая, его именемъ, приняла эту присягу отъ сословій. Сопровождавшіе ее венгерскіе вельможи обязались присягою, употребить всевозможныя усилія къ сохраненію этого договора. Подобно тому, какъ договоромъ съ Людовикомъ, Казиміръ хотѣлъ обезпечить себѣ постоянную вооруженную помощь, точно также уступкою остальной части Силезіи Карлу, онъ освободилъ Мазовію отъ чешскаго господства. Переговоры по этому предмету продолжались довольно долго, и когда окончательно уладилось это дѣло, Казиміръ принудилъ Земовита Тройденовича, которому теперь досталась вся Мазовія, принести ему въ Калишѣ дань покорности (27 декаб. 1355). Такимъ образомъ Мазовія вошла въ ленныя отношенія, а Земовитъ обѣщалъ подчиняться королю, какъ своему верховному правителю и безъ его вѣдома, не вступать ни съ кѣмъ въ сношенія, въ особенности же съ литовцами. Сверхъ того онъ обязался принести ту же дань покорности и присягу въ вѣрности каждому изъ наслѣдниковъ Казиміра.

Отношенія къ императору Карлу привели къ новому договору (май 1356). Карлъ обязался за уступленную ему въ Силезіи Свидницу, доставлять Казиміру вооруженную помощь не только въ борьбѣ съ крестоносцами, но и съ маркграфами брандебургскими. И такъ, если бы польскій король предпринялъ войну съ цѣлію пріобрѣсти вновь захваченныя у Польши земли, императоръ обязывался прибыть или *лично*, въ главѣ 600 копейщиковъ, или же прислать ихъ, подъ предводительствомъ своего брата, моравскаго маркграфа Яна. Казиміръ ограждалъ себя со всѣхъ сторонъ, чтобы тѣмъ съ большею энергіею выступить когда нибудь противъ крестоносцевъ. Отношенія къ послѣднимъ были довольно натянуты. Казиміръ жаловался на нихъ папѣ, что, не смотря на свою обязанность сражаться съ язычествомъ, они не только пренебрегаютъ этою обязанностью, но внушаютъ еще язычникамъ нападать на его земли. Строгія внушенія Иннокентія VI, заставили крестоносцевъ предпринять

новые походы въ Литву, вслѣдствіе чего заднѣпровская Русь на нѣкоторое время была свободна отъ литовскихъ набѣговъ.

Обезпечивъ себя, не безъ значительныхъ пожертвованій, внѣ предѣловъ государства, Казиміръ съ тѣмъ большею энергіею принялся за внутреннія дѣла. Городъ Львовъ получилъ отъ него значительный надѣлъ землею, а также магдебургское право, съ тѣмъ однакожъ предостереженіемъ, что поселеннымъ въ городѣ русинамъ, армянамъ, евреямъ и татарамъ предоставляется судиться по собственнымъ уставамъ. Казиміръ старался вызвать къ дѣятельности все, что могло содѣйствовать возвеличенію его могущества. Онъ завелъ порядокъ, строилъ и укрѣплялъ города, крѣпости и замки, проводилъ дороги, охранялъ ихъ безопасность, сократилъ число разбоевъ и мошенничествъ, и слабыхъ защищалъ противъ сильныхъ. Но случалось не разъ, что онъ дѣйствовалъ съ большею, нежели слѣдовало, строгостью. Такъ, напр., съ нечеловѣческою жестокостью онъ приговорилъ къ голодной смерти познанскаго воеводу Матвѣя Борковича (1358). Главная вина воеводы состояла въ томъ, что во главѣ великопольской конфедераціи онъ хотѣлъ, съ одной стороны, укротить самодержавныя фантазіи Казиміра, а съ другой—заставить его обращаться болѣе кротко съ женою Аделаидою, заключенною въ Жарновцѣ и отказаться отъ слишкомъ уже развратной жизни. Казиміръ принудилъ сперва воеводу къ письменному возобновленію присяги въ вѣрности, но когда послѣдній оказался непоколебимымъ въ своемъ предпріятіи, онъ велѣлъ его схватить хитростью и уморить голодомъ въ ольштынскомъ замкѣ.

Но вотъ возникаютъ между свѣтскими и духовными сильныя столкновенія, по поводу десятинъ и власти духовныхъ судовъ. Отлученія отъ церкви и интердикты не излечивали зла, а напротивъ, раздражали лишь рыцарство, въ особенности въ краковской землѣ. Желая предотвратить вредныя послѣдствія подобныхъ споровъ, Казиміръ созвалъ вѣче, сперва въ Краковѣ (1359), а потомъ въ Величку (1361), гдѣ, при содѣйствіи гнѣзненскаго архіепископа Ярослава, тяжущіяся стороны пришли къ соглашенію. Духовные обѣщали никого не вызывать къ своимъ судамъ, по дѣламъ мір-

скимъ, а также заставить священниковъ помѣстій, которыя составляютъ церковный надѣлъ, нести тягости народнаго ополченія, отъ чего они до сихъ поръ уклонялись, въ ущербъ свѣтскому сословію. Землевладѣльцы же должны были вносить подати съ десятинъ.

Когда въ сосѣдней Валахіи, умеръ господарь или воевода Божорадъ (1358), возникли столкновенія между обоими его сыновьями: Стефаномъ и Петромъ. Первый, изгнанный изъ края, просилъ помощи у Казиміра и обѣщалъ покорность, если, при его вмѣшательствѣ, онъ займетъ господарскій престолъ. Хотя Валахія была до этого времени въ ленныхъ отношеніяхъ къ Венгріи, и Людовикъ покровительствовалъ даже младшему брату Петру, тѣмъ не менѣе Казиміръ двинулся съ значительнымъ войскомъ въ Валахію. Сначала польскія войска дѣйствовали успѣшно, но какъ скоро бросились опрометчиво преслѣдовать непріятеля, наткнулись въ буковинскихъ лѣсахъ на засаду и здѣсь частію погибли, частью же попались въ плѣнъ. Но дѣло не ограничилось этимъ пораженіемъ. Вскорѣ татары и литовцы произвели нападеніе на восточныя провинціи королевства (1360), а жестокая зараза, извѣстная подъ именемъ черной смерти, истребила почти все населеніе въ нѣкоторыхъ деревняхъ и мѣстечкахъ. Къ довершенію несчастія на слѣдующій годъ (1361) былъ сильный неурожай, а съ нимъ и страшный голодъ. Желая исторгнуть изъ нищеты болѣе бѣдные слои общества, Казиміръ приказалъ въ своихъ хорошо устроенныхъ помѣстьяхъ продавать хлѣбъ по чрезвычайно низкимъ цѣнамъ и сверхъ того, воздвиженіемъ великолѣпныхъ зданій, укрѣпленіемъ городовъ и замковъ, сооруженіемъ каналовъ и дорогъ, онъ доставлялъ занятіе многимъ тысячамъ работниковъ.

По поводу пограничныхъ споровъ и неприличной шутки, какую позволилъ себѣ императоръ Карлъ въ разговорѣ съ венгерскими послами на счетъ матери Людовика—Елисаветы Локетковны, дѣло дошло до рѣзкихъ угрозъ и большихъ военныхъ приготовленій, въ которыя Людовикъ вовлекъ и Казиміра. При посредничествѣ однакожъ папы Урбана V, императоръ и Людовикъ отдали все дѣло на судъ Казиміра, который помирилъ поссорившихся. При этомъ случаѣ Карлъ просилъ руки внучки польскаго короля Елиса-

веты Богуславовны. Казиміръ согласился, съ тѣмъ чтобы обрядъ бракосочетанія былъ совоpшенъ въ Краковѣ. Онъ пригласилъ множество гостей и съѣздъ былъ дѣйствительно многочисленный и великолѣпный (въ апр. 1363). Три недѣли продолжались празднества и рыцарскія забавы. Тщеславный Вержынекъ, краковскій совѣтникъ, управляющій королевскою казною, пригласилъ къ себѣ присутствующихъ въ столицѣ монарховъ и князей, и принялъ ихъ съ такою роскошью, что на одно угощеніе и подарки, говорятъ, истратилъ въ этотъ день 100 т. червонцевъ

Казиміръ, не смотря на то что былъ уже не молодъ, не терялъ однакожъ надежды дождаться мужескаго потомка. Возненавидя Аделаиду, которая наконецъ уѣхала къ своему отцу, онъ рѣшился вступить въ бракъ съ Ядвигою, дочерью силезскаго князя на Глоговѣ— Генриха. Получивъ на съѣздѣ въ Краковѣ (8 мая 1364) разрѣшеніе отъ Людовика вступить во второй бракъ, онъ женился на Ядвигѣ, хотя не послѣдовалъ еще предварительно законный разводъ съ Аделаидою, которая по этому завела съ вѣроломнымъ мужемъ формальный процессъ. Папа Урбанъ V, раздраженный этимъ поступкомъ короля, повелѣлъ ему тотчасъ же удалить отъ себя Ядвигу и взять ко двору Аделаиду, но какъ послѣдняя вскорѣ скончалась, то щекотливое это дѣло прекратилось само собою.

Заботясь о возвеличеніи благоденствія страны, Казиміръ задумалъ учредить главную школу или университетъ, чтобы польская молодежь не была вынуждаема искать образованія за границею. Эту новую школу предполагали основать въ деревнѣ Баволѣ, близь Кракова. Король назначилъ необходимые капиталы (1364), начерталъ уставъ и права для учителей и учащихся, и наконецъ исходатайствовалъ у папы утвержденіе одной части этой школы. Дѣйствительно она была открыта, но вначалѣ не принесла ожидаемыхъ плодовъ, и лишь впослѣдствіи, когда Владиславъ Ягелло перенесъ ее въ Краковъ и дополнилъ богословскимъ отдѣломъ, обнаружилось ея спасительное вліяніе на просвѣщеніе страны.

Куявами владѣлъ на ленныхъ правахъ двоюродный братъ Казиміра, сынъ Казиміра Земомысловича — Владиславъ бѣлый, князь

на Гнѣвковѣ. Недовольный тѣмъ, что король привлекъ его къ отвѣтственности за убійство куявскаго судьи Кивалы и сдѣлавшись мизантропомъ послѣ смерти возлюбленной жены, Владиславъ продалъ Казиміру Гнѣвковъ за 1000 червонцевъ, а самъ началъ скитаться по свѣту, пока наконецъ не поступилъ въ какой то венедиктинскій монастырь во Франціи. Казиміръ присоединилъ Куявы къ Польшѣ. При этомъ онъ возвратилъ отнятые въ прежнія времена маркграфами уѣзды дрезденскій и сантокскій, округливъ такимъ образомъ границы государства.

Въ Польшѣ сохранялся до сихъ поръ оскорбительный для ея правительства обычай, по которому германскіе поселенцы въ городахъ и деревняхъ, имѣвшіе свое собственное судопроизводство по такъ называемому магдебургскому праву, могли въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться къ ратманскимъ судамъ въ Магдебургѣ. Чтобы устранить это на будущее время, король велѣлъ составить сборникъ судебныхъ уставовъ въ смыслѣ этого права (1365), установилъ высшій ратманскій судъ въ Краковѣ и запретилъ подъ страхомъ строгаго взысканія, всякую апелляцію къ судамъ не мѣстнымъ. Если же тяжущіяся стороны не довольствовались бы приговоромъ высшаго суда, имъ дозволялось апеллировать къ королю, который пригласивъ двухъ совѣтниковъ изъ Кракова и шести ближайшихъ городовъ, составлялъ трибуналъ, окончательно рѣшавшій споръ.

Неоднократныя нападенія Любарта и литовцевъ на польскую Русь, побудили Казиміра отмстить тѣмъ же. Условившись съ великимъ магистромъ крестоносцевъ, долженствовавшимъ одновременно вторгнуться въ Литву, Казиміръ двинулся (1366) въ Волынь. Съ самаго начала похода ему сдался белзкій князь — Юрій Нарымунтовичъ, а затѣмъ онъ занялъ Луцкъ, Владиміръ, Хелмно и другіе города, Любартъ же отступилъ во внутрь края. При посредничествѣ Ольгерда и Кейстута, Любартъ получилъ обратно луцкую землю и часть владимірской, но города Луцкъ и Владиміръ король удержалъ въ своихъ рукахъ. Любартъ далъ къ тому же обѣтъ, помогать королю при первомъ востребованіи. Къ этому миру примкну-

ли также Ольгердъ и Кейстутъ. Не смотря на это, Кейстутъ вторгнулся (1368) въ Мазовію, сжегъ Пултускъ и коснувшись границъ краковской земли, опустошилъ множество городовъ и деревень. Прежде нежели успѣло собраться польское рыцарство, наѣздники скрылись съ добычею.

Неувѣренность въ мирѣ съ Литвою и усилія императора Карла въ Силезіи, склонили Казиміра на съѣздъ съ Людовикомъ въ Будѣ (1369), на которомъ были возобновлены прежнія условія, касательно престолонаслѣдія, при чемъ принято взаимное обязательство, не имѣть ни одной сторонѣ, безъ разрѣшенія другой, права, заключать миръ или союзъ, или же устроивать браки между родственниками. Лѣто слѣдующаго года (1370) Казиміръ провелъ въ Великопольшѣ, а въ началѣ сентября отправился на охоту въ сендомирскій округъ, откуда долженъ былъ ѣхать въ галицкую землю. Проѣздомъ черезъ сѣрадзкую землю, онъ заѣхалъ въ Пржедборжъ, гдѣ, въ самый день Рождества Богородицы, ему вздумалось охотиться на оленей. Болѣе благоразумные придворные успѣли убѣдить короля, что охота во время богослуженія, была бы въ глазахъ народа крайне неумѣстнымъ поступкомъ и онъ хотѣлъ уже отказаться отъ своего намѣренія, какъ вдругъ кто то изъ свиты шепнулъ на ухо королю, что для него приготовлено на мѣстѣ охоты другое развлеченіе. Казиміръ никогда не уклонявшійся отъ подобныхъ развлеченій, поѣхалъ тотчасъ на охоту и на слѣдующій день, погнавшись стремительно въ лѣсу за оленемъ, упалъ съ лошади и такъ тяжело ранилъ лѣвую ногу, что его должны были отвезти въ замокъ на крестьянской телѣгѣ. Онъ вылечился бы непремѣнно, если бы слѣдовалъ совѣтамъ врача, но частое нарушеніе діеты усилило болѣзнь. Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда въ Краковъ, король умеръ (5 нояб. 1370), ко всеобщей скорби народа, въ особенности сельскаго люда, который потерялъ въ немъ замѣчательнаго покровителя. Послѣднее обстоятельство подало поводъ вельможамъ насмѣшливо называть Казиміра *королемъ мужиковъ*.

Казиміръ III безспорно принадлежитъ къ лучшимъ польскимъ королямъ и потомство справедливо назвало его Великимъ. Разви-

вая то, что началъ отецъ, онъ оставилъ Польшу лучше устроенною, съ многочисленными городами и замками, съ новыми дорогами и каналами, облегчающими водяное сообщеніе. Заботясь объ общественной безопасности, онъ преслѣдовалъ со всею строгостью разбои, грабежи и всякія насилія, а главное, не допускалъ притѣснять крестьянъ, хотя, на вѣрное, не поджигалъ ихъ къ мщенію за претерпѣваемыя ими обиды, какъ говорятъ объ этомъ неблагоразумные лѣтописцы. Казиміру не нужно было прибѣгать къ такому средству, имѣя въ рукахъ достаточную власть. За два дня до смерти, Казиміръ распорядился своею казною и помѣстьями. Дочерямъ отъ послѣдняго брака — Аннѣ и Ядвигѣ, онъ завѣщалъ половину своихъ движимостей, а другую половину — ихъ матери. Внуку Казиміру Богуславичу, прозванному Казькомъ (уменьшительное отъ Казиміра), онъ завѣщалъ сѣрадзкое и ленчицкое княжества. Тремъ побочнымъ сыновьямъ: Немиру, Пелкѣ и Яну-Богушѣ назначилъ три волости. Онъ не забылъ также о многихъ придворныхъ, которыхъ хотѣлъ вознаградить за вѣрную службу. Душеприкащикомъ Казиміръ избралъ Яна изъ Стржельча, декана краковскаго капитула и коронпаго канцлера.

Хотя Людовикъ былъ признаннымъ наслѣдникомъ престола, а потому не слѣдовало опасаться внутреннихъ волненій, тѣмъ не менѣе возникли событія, которыя нѣсколько омрачаютъ воспоминаніе о смерти добраго короля. Прежде всего староста брандебургскаго маркграфа Оттона, хитростью подступилъ къ Сантоку и удержалъ его за собою во владѣніи, хотя Пржецлавъ изъ Глухова, великопольскій генералъ, призвалъ тамошнее рыцарство къ оружію. Далѣе Земовитъ захватилъ замки и города, которые должны были ему достаться послѣ смерти Казиміра. Наконецъ Кейстутъ совмѣстно съ Любартомъ вторгнулся въ Волынь, занялъ безъ сопротивленія Владиміръ, гдѣ, разрушивъ до основанія замокъ, воздвигнутый Казиміромъ, дошелъ до Лысой горы въ сендомирской землѣ. Получивъ извѣстіе о смерти дяди, Людовикъ анжуйскій поспѣшилъ съ матерью Елисаветою въ Польшу. Въ Сончѣ его привѣтствовало торжественное посольство, отъ имени вельможъ, собравшихся въ Кра-

кове. По прибытіи въ столицу, Янъ изъ Стржельца представилъ ему завѣщаніе покойнаго, съ вопросомъ, должна ли быть исполнена его послѣдняя воля. Людовикъ обратился за совѣтомъ къ присутствующимъ и когда нѣкоторые выразили мнѣніе, что король, безъ согласія народа, не вправѣ раздавать столь обширныя земли, начались споры о томъ, какія статьи завѣщанія слѣдуетъ исполнить, а какія объявить недѣйствительными. Кончилось тѣмъ, что побочнымъ сыновьямъ покойнаго короля ничего не дали, а Казиміру померанскому, взамѣнъ сѣрадзкаго и лепчицкаго княжествъ, Людовикъ назначилъ добржинскую землю, въ видѣ лена, съ уѣздами быдгоскимъ, велатовскимъ и валецкимъ. Всѣ прочія распоряженія Казиміра должны были быть исполнены послѣ коронаціи.

Чтобы уладить споръ на счетъ мѣста, гдѣ должна была совершиться коронація, Людовикъ обѣщалъ послѣ совершенія обряда въ Краковѣ, явиться въ полномъ торжественномъ облаченіи въ каѳедральномъ соборѣ и велѣть сложить тамъ корону и всѣ драгоцѣнныя къ ней принадлежности. Коронація происходила (15 ноя. 1370) въ присутствіи весьма немногихъ вельможъ и рыцарей, король же предварительно присягнулъ свято выполнить всѣ обязательства, установленныя въ прежнихъ договорахъ. Не заботясь однако объ этихъ обязательствахъ, Людовикъ отдалъ своему племяннику, Владиславу опольскому, велюнскій и остржешовскій уѣзды или рудзкую землю и сверхъ того Ольштынъ, Кржепице, Боболице и Бржезницу въ Малопольшѣ, а также нѣкоторыя земли и замки въ галицкой Руси, взамѣнъ венгерскихъ помѣстій, которыя онъ взялъ въ казну. Владиславъ и Казиміръ щтетинскій принесли королю присягу въ вѣрности по полученнымъ ленамъ. Послѣ того приступили къ торжественной панихидѣ въ память умершаго Казиміра. Несмѣтныя толпы народа приняли участіе въ этомъ обрядѣ, а во время переломленія надъ его гробомъ знамени, въ храмѣ раздались громкія рыданія. Эти слезы краснорѣчиво свидѣтельствовали, чѣмъ было для народа царствованіе Казиміра.

Послѣ коронаціи Людовикъ предпринялъ путешествіе въ Великопольшу и въ то время, когда вездѣ по дорогѣ рыцарство при-

носило ему присягу въ вѣрности, онъ съ своей стороны не хотѣлъ выполнить обѣщанія, даннаго великополянамъ, на счетъ торжественнаго вступленія въ гнѣзненскій соборъ, отговариваясь тѣмъ, что такой шагъ сдѣлалъ бы его предметомъ насмѣшекъ и профанировалъ бы значеніе уже совершившейся коронаціи. Гораздо основательнѣе впрочемъ было неудовольствіе жителей по поводу разнаго рода насилій и беззаконій, которыя позволяли себѣ во время дороги и во время остановокъ, венгерцы, бывшіе въ королевской свитѣ. Толпы оскорбленныхъ обращались къ королю, но никто не былъ допускаемъ, да если бы и удалось получить къ нему доступъ, то не было отъ этого пользы, потому что Людовикъ не говорилъ по польски. Впрочемъ всѣмъ жаловавшимся обѣщали доставить законное удовлетвореніе тотчасъ же по возвращеніи въ Краковъ; но и здѣсь тщетно искали правосудія: король отправлялъ всѣхъ жаловавшихся къ матери, а та, въ свою очередь, къ нему. Убѣдившись, во время своего путешествія, что духъ сопротивленія гораздо сильнѣе развитъ въ Великопольшѣ нежели въ Малопольшѣ, Людовикъ хотѣлъ значительнымъ и болѣе къ нему преданнымъ малополянамъ раздать великопольскія должности. Съ этою цѣлью онъ удалилъ отъ должности генеральнаго старосту Пржецлава ихъ Голухова и передалъ ее малополянину Оттону изъ Пильцы. Великополяне напомнили королю обязательство не назначать въ должности постороннихъ лицъ, но на это имъ возразили, что Оттона нельзя считать постороннимъ и отдали ему генеральство. Онъ впрочемъ недолго удержался на этомъ мѣстѣ. Рыцарство не хотѣло съѣзжаться въ суды и выходить въ ополченіе и Оттонъ сложилъ самъ съ себя это званіе, а король назначилъ новаго старосту въ лицѣ Сендзивоя изъ Шубина.

Послѣ нѣсколькомѣсячнаго пребыванія Людовикъ рѣшился возвратиться въ Венгрію (1371), а намѣстничество въ Польшѣ, въ которой, какъ онъ говорилъ, воздухъ былъ не по немъ, предоставилъ своей матери. Распредѣливъ казну и драгоцѣнности между теткою и ея двумя дочерьми, онъ взялъ послѣднія съ собою, а также корону и всѣ регаліи, доказавъ этимъ, что онъ вовсе не довѣряетъ подданнымъ. Прибывъ въ Венгрію, Людовикъ составилъ

судъ изъ духовныхъ лицъ, который рѣшилъ, что обѣихъ дочерей Казиміра и Ядвиги, какъ родившихся еще при жизни Аделаиды, нельзя считать законными дѣтьми. Этимъ актомъ онъ хотѣлъ устранить обѣихъ двоюродныхъ сестеръ отъ всякаго наслѣдства послѣ отца.

Намѣстническое правленіе Елисаветы далеко не было выгодно для народа, ибо королева заботилась прежде всего объ осуществленіи династическихъ интересовъ своего сына. Окруживъ себя льстецами, она ловко умѣла обѣщаніемъ наградъ и почестей привлекать людей тщеславныхъ, думавшихъ болѣе о себѣ, нежели объ общей пользѣ. Главнымъ ея помощникомъ въ управленіи страною былъ онѣмеченный Владиславъ опольскій, а богатые Пораиты и Рожицы управляли цѣлымъ дворомъ. Неудивительно затѣмъ, что Елисавету не возлюбили и когда моровая язва посѣтила Польшу (осенью 1371) то и это бѣдствіе приписали Елисаветѣ. Главною мыслью Людовика, надъ осуществленіемъ которой также работала Елисавета было — обезпеченіе за тремя дочерьми трехъ коронъ, то есть, неаполитанской, венгерской и польской. Послѣдняя имѣла за собою наименѣе вѣроятія, ибо въ силу прежнихъ договоровъ, дочери положительно исключались отъ наслѣдованія престола. Но Елисавета дѣйствовала искусно, чтобы, мало по малу, перенести сыновнюю мысль на польскую почву и освоить съ нею подданныхъ. Самыми энергическими сотрудниками въ этомъ дѣлѣ были въ числѣ другихъ, коронный канцлеръ Николай изъ Курозвенка, назначенный въ эту должностъ послѣ Яна изъ Стржельчи, опредѣленнаго гнѣзненскимъ архіепископомъ и Николай изъ Курника, впослѣдствіи познанскій епископъ. Прежде однако нежели Людовикъ выступилъ открыто съ своею мыслію, въ Великопольшѣ, гдѣ было много недовольныхъ, возникли волненія. Бывшій гнѣвковскій князь Владиславъ бѣлый, приглашенный нѣсколькими великополянами отъ имени остальныхъ обывателей, домогаться короны по умершемъ дядѣ, потребовалъ отъ папы Григорья XI увольненія отъ монашества, но получивъ отказъ, обратился къ Людовику съ требованіемъ возврата куявской земли. Жена Людовика — Елисавета Боснячка, была племянницей

Владислава, а потому настаивала у мужа помочь дядѣ получить отъ папы диспенсію и дать ему какой либо удѣлъ. Когда однакожъ и теперь, вѣроятно вслѣдствіе секретнаго представленія Людовика, папа отказалъ, и самъ Людовикъ остался глухимъ на просьбы Владислава, послѣдній рѣшился взяться за оружіе и поспѣшилъ (1373) въ Куявы. Въ теченіи двухъ дней онъ занялъ Гнѣвковъ, Владиславовъ, Злоторію и Шарлей, и окрестные жители принесли ему присягу въ вѣрности. Но не долго онъ наслаждался этимъ успѣхомъ. Когда Сендзивой изъ Шубина созвалъ народное ополченіе, а Людовикъ воспретилъ всѣмъ, подъ страхомъ утраты добраго имени и имущества, поддерживать Владислава, куявцы покидали его также легко, какъ недавно спѣшили съ нимъ соединиться. Усомнившись въ возможности сопротивленія, онъ сдалъ занятые замки, въ особенности послѣ увѣренія Сендзивоя и другихъ вельможъ, что король по прежнему будетъ къ нему милостивъ. Но онъ жестоко ошибся: Людовикъ велѣлъ его преслѣдовать и даже лишить жизни. Владиславъ скрылся на границѣ, въ Ордзинѣ.

Послѣ усмиренія этихъ безпорядковъ, король приступилъ къ исполненію уже давно задуманнаго плана. По совѣту Завиши и Владислава Опольскаго, Людовикъ поручилъ своимъ старостамъ (въ концѣ 1373), взимать подать называемую *посошнымъ*, отъ сохи *(порадльне)*, по 6 серебренныхъ грошей, по одной мѣрѣ ржи и по одной мѣрѣ овса съ каждаго *лана*[1]). Это былъ значительный и крайне тягостный налогъ, который взимался лишь въ экстренныхъ случаяхъ, въ виду обороны края. Обнародованіе его вызвало общее неудовольствіе во всей Польшѣ, и свѣтскіе и духовные сановники просили Вла-

---

[1]) *Ланъ*, самая древняя поземельная единица, употреблявшаяся еще въ XII стол. Ланы были разнаго рода: нѣмецкіе, франконскіе и впослѣдствіи хелминскіе. Чтобы представить себѣ величину лана, слѣдуетъ обратиться и къ другимъ размѣрамъ. Раздѣлъ на *десятины* (włoki) сдѣлался извѣстнымъ лишь со второй половины XV вѣка, а о *моргахъ* впервые упоминаютъ только въ XVI стол. Въ эпоху избирательнаго правленія въ Польшѣ, ланъ имѣлъ три волоки, каждая волока 30 морговъ и наконецъ моргъ 16,875 локтей. Локеть дѣлился на двѣ стопы или 4 четверти и 24 вершка. Его дѣлили также на двѣ пяди, 6 кистей и 24 пальца. Отъ слова ланъ, произошло затѣмъ лановое, или лановая подать.
Примѣч. перевод.

дислава опольскаго пріостановить распоряженіе, до возвращенія пословъ ихъ изъ Венгріи. Посольство дѣйствительно отправилось въ Кошицы и привезло отвѣтъ, что король уменшить посошное двумя грошами на ланъ, если подданные признаютъ наслѣдницею престола старшую его дочь Екатерину. Это объявленіе встрѣтило сильное сопротивленіе, но происки людей, обольщенныхъ обѣщаніемъ наградъ и почестей, достигли того, что всѣ сословія королевства дали Екатеринѣ обѣтъ въ вѣрности и повиновеніи, какъ будущей владычицѣ и наслѣдницѣ престола. Однако всѣ эти хлопоты ни къ чему не повели, ибо Екатерина вскорѣ скончалась (въ началѣ 1374), а какъ престолонаслѣдіе было опредѣлительно признано за нею, то Людовикъ вынужденъ былъ входить въ новые переговоры съ сословіями. Съ этого цѣлью онъ созвалъ въ Кошицы господъ ратмановъ (panów radnych) и объявилъ имъ о желаніи, признанное за умершею дочерью право наслѣдованія престола, перевести на одну изъ оставшихся въ живыхъ дочерей. Онъ встрѣтилъ сверхъ ожиданія самую сильную оппозицію со стороны великополянъ, которые прямо сказали, что не думаютъ измѣнять общему дѣлу. Въ такой крайности Людовикъ послѣдовалъ совѣту краковскаго воеводы Добѣслава изъ Курозвенка и, велѣвъ запереть ворота города, объявилъ, что никого не выпуститъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не согласятся съ его требованіемъ. Волею-неволею, послѣ долгихъ переговоровъ и хлопотъ, великополяне дали свое согласіе; малополяне же, съ самаго начала держали сторону короля. Наконецъ состоялся извѣстный *кошицкій договоръ* (17 сент. 1374). Если бы Людовикъ не дождался мужескихъ потомковъ, престолъ должна была наслѣдовать совсѣмъ своимъ потомствомъ та изъ дочерей, на которую укажетъ онъ или его жена, но это нисколько не должно было подвергать польское королевство погубному раздробленію. Король обязался кромѣ двухъ грошей съ поселеннаго лана, не требовать иныхъ податей, и сохраняя за собою право сзывать народное ополченіе, обезпечивалъ рыцарству вознагражденіе убытковъ въ случаѣ внѣшняго похода. Исправленіе замковъ въ мирное время было дѣломъ старостъ, въ военное же, всѣ обязывались принимать въ этомъ участіе. Сооруже-

ніе новыхъ замковъ требовало согласія сословій, если для этого нужна была ихъ помощь. Должности король вправѣ раздавать лишь мѣстнымъ обывателямъ, а городскія староства и крѣпости не могли быть ввѣрены ни чужестранцамъ, ни лицамъ княжескаго рода. Во время путешествій король не вправѣ требовать безплатно помѣщеній и продовольствія, и долженъ покрывать всѣ расходы изъ своей казны. Кромѣ того король подтвердилъ всѣмъ жителямъ ихъ права и льготы. По кошицкому договору сословія вошли въ соглашеніе съ королемъ, который съ той минуты, какъ власть признавалась за нимъ на извѣстныхъ условіяхъ, а престолонаслѣдіе подверглось ограниченію, утратилъ, собственно, и самую власть и самое право наслѣдственности престола.

Людовикъ назначалъ на польскій престолъ старшую изъ дочерей Марію, обрученную съ сыномъ императора Карла, Сигизмундомъ. Младшая же, трехлѣтняя Ядвига, должна была наслѣдовать венгерскій престолъ. Онъ обручилъ ее вскорѣ (1375) съ сыномъ эрцгерцога ракузскаго Леопольда, Вильгельмомъ. Въ силу предсвадебнаго договора родители обрученныхъ дѣтей должны были выплатить имъ, тотчасъ же послѣ свадьбы, по 200,000 венгерскихъ злотыхъ, съ тѣмъ предостереженіемъ, что сторона нарушающая договоръ, должна уплатить помянутую сумму сторонѣ, исполнившей обязательство. Свидѣтельницею этого договора была и Елисавета, правительница Польши, о благосостояніи которой ни она, ни сынъ ея вовсе не помышляли. Правосудіе было забыто, а король и мать его болѣе покровительствовали чужеземному городскому классу, нежели природнымъ жителямъ края. Старосты, судьи и другіе чиновники безнаказанно прибѣгали къ разнаго рода злоупотребленіямъ и насиліямъ, а король проживалъ въ Венгріи, заботясь только объ умноженіи доходовъ королевства и о передачѣ престола старшей своей дочери. Если плохо было въ Польшѣ во время пребыванія Елисаветы, то и послѣ ея отъѣзда дѣла нисколько не измѣнились къ лучшему. Владиславъ Бѣлый вновь выступилъ съ оружіемъ въ рукахъ, завладѣлъ хитростью замкомъ Злоторіею, старосту котораго, Христіана изъ Скржипова, напоили

рыбаки, и, затѣмъ, взялъ Гнѣвковъ. Изъ обоихъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, онъ тревожилъ безпрестанными вылазками всю окрестность. Сендзивой изъ Шубина созвалъ противъ него великопольское рыцарство, но Владиславъ сдалъ Злоторію лишь черезъ годъ (въ янв. 1376) и отправившись въ Венгрію, получилъ отъ Людовика за гнѣвковское княжество въ видѣ вознагражденія 10,000 венгерскихъ злотыхъ и еще въ прибавку какое то аббатство.

Галицкою Русью управлялъ Владиславъ Опольскій, усердный распространитель латинства въ этомъ краѣ. Его усиліямъ слѣдуетъ приписать не только обращеніе значительнаго числа жителей въ латинство, но даже учрежденіе одного архіепископства въ Галичѣ (1375) и двухъ епископствъ въ Перемышлѣ и Хелмѣ. Архіепископская столица была впослѣдствіи перенесена въ Львовъ. Вслѣдствіе предоставленной ему намѣстнической власти на Руси, Владиславъ титуловался княземъ русскимъ.

Елисавета, находясь въ отсутствіи болѣе одного года, возвратилась въ Польшу (къ осени 1376). Подобно тому, какъ при въѣздѣ въ королевство въ Сончѣ ее встрѣтило торжественное посольство вельможъ, такъ точно по дорогѣ ее привѣтствовали жители окрестныхъ мѣстностей. Въ Бохніи два высланные отъ сендомірскаго округа, землевладѣльца донесли ей, о вооруженныхъ приготовленіяхъ въ Литвѣ. Но королева успокоила ихъ увѣреніемъ, что литовскіе князья, зная могущество ея сына, не рѣшатся произвести нападеніе на его земли. Однако на дѣлѣ вышло иначе: успокоенные словами Елисаветы, землевладѣльцы дѣйствительно не приняли никакихъ мѣръ предосторожности для отпора нападенія, — а между тѣмъ Кейстутъ и Любартъ вторглись чрезъ необерегаемую границу, и прежде нежели успѣло собраться мѣстное рыцарство, опустошили значительныя пространства люблинской и сендомірской земли и вывезли множество добычи и плѣнныхъ.

Не смотря на эти кровавыя сцены, въ краковскомъ замкѣ не умолкало веселіе: танцы и забавы происходили ежедневно въ присутствіи Елисаветы. Вскорѣ съ этими увеселеніями двора совпали

волненія въ самомъ Краковѣ. Ближайшій поводъ къ нимъ подала дерзость, гостившихъ при дворѣ венгерцевъ. Когда Пржедбору изъ Бржези привезли сѣно изъ деревни, венгерцы хотѣли присвоить его себѣ. Изъ этого возникла драка и когда съ одной стороны венгерцы спѣшили въ помощь своимъ соотечественникамъ, а съ другой — поляки принимали сторону своихъ, образовалось огромное скопище, угрожавшее спокойствію города. Елисавета послала старосту краковскаго замка Яська Кмиту усмирить волненіе, но какой то венгерецъ убилъ его выстрѣломъ, хотя неизвѣстно, умышленно или нечаянно. Раздраженные этимъ поляки бросились на венгерцевъ и умертвили 160 человѣкъ, преслѣдуя остальныхъ вплоть до самаго замка. Елисавета велѣла запереть ворота и стеречь замокъ трое сутокъ. Сыну убитаго Кмиты Елисавета пожаловала ленчицкое староство, а сама раздраженная этимъ кровавымъ событіемъ, вскорѣ уѣхала на всегда въ Венгрію. Людовикъ же назначилъ Сендзивоя изъ Шубина генеральнымъ краковскимъ старостою, а великопольское генеральство отдалъ Домарату изъ Пержхова за то, что онъ во время безпорядковъ усердно защищалъ угрожаемыхъ смертію венгерцевъ. Петру изъ Малахова онъ отдалъ куявское староство, которое отнялъ у Бартоша изъ Венцборга и у его брата.

Распорядившись такимъ образомъ высшими должностями, онъ поручилъ Домарату и прочимъ старостамъ пригласить духовенство прислать вооруженныя дружины для предполагаемаго похода въ Литву. По представленію гнѣзненскаго архіепископа было условлено, чтобы духовныя лица поддержали это предпріятіе только денежными пожертвованіями. Этотъ источникъ доставилъ Людовику весьма малую поддержку когда онъ (лѣтомъ 1377) явился съ войскомъ чрезъ саноцкія горы. Соединившись съ дружинами коронныхъ обывателей, король двинулся съ венгерцами къ Белзу, а польскимъ полкамъ велѣлъ вторгнуться въ хелмскую землю. Занявъ Хелмъ и другіе города, поляки соединились съ королемъ, осаждавшимъ еще Белзъ. Владѣтель Белза — Юрій, при посредничествѣ Кейстута, сдался, за что получилъ владѣемыя имъ земли

на ленныхъ правахъ, и еще 100 гривенъ ежегодно изъ бохненскихъ копей. Людовикъ вошелъ потомъ въ переговоры съ Владиславомъ Опольскимъ и вмѣсто галицкой Руси отдалъ ему гнѣвковское и добржинское княжества. Галицкую же Русь онъ присоединилъ къ Венгріи, чѣмъ нанесъ Польшѣ двойной ущербъ. Во первыхъ онъ захватилъ одну изъ польскихъ провинцій, а во вторыхъ мнимыя права на ея владѣніе вознаградилъ Опольцу дарованіемъ другихъ коронныхъ земель. Включивъ польскую Русь въ Венгрію онъ назначалъ на всѣ должности старостъ природныхъ венгерцевъ, а самолюбіе малопольскихъ вельможъ убаюкалъ разными наградами.

Послѣ отъѣзда матери, Людовикъ установилъ Владислава Опольскаго своимъ намѣстникомъ въ польскомъ королевствѣ. Раздраженные этимъ великополяне собрались на съѣздъ въ Гнѣзнѣ и чрезъ уполномоченныхъ, представили королю, что это противится кошицкому договору. Людовикъ отмѣнилъ свое распоряженіе, но край ничего отъ этого не выигралъ, ибо отсутствіе энергическаго мѣстнаго правительства увеличивало лишь бѣдствія его жителей. Король же занимался или венгерскими дѣлами, или обрученіемъ дочерей или же думалъ объ умноженіи доходовъ. Съ этою цѣлію онъ велѣлъ взимать *порадльное* съ церковныхъ помѣстій, и по настоянію пословъ калишскаго синода, обѣщалъ довольствоваться уплатою, съ разсрочкою по частямъ (1378). Но впослѣдствіи онъ заставилъ бѣлое духовенство платить по два гроша съ каждаго осѣдлаго лана, а съ монастырскихъ земель требовалъ и болѣе того. Сверхъ того духовенство жаловалось на насилія и грабежи, совершавшіяся въ церковныхъ помѣстьяхъ окрестными землевладѣльцами, которые находясь въ постоянной ссорѣ, вели между собою формальную войну. По этому поводу уполномоченные духовенства прибыли въ Буду (1380). Людовикъ вмѣсто того, чтобы поступить по справедливости, отпустилъ ихъ съ отвѣтомъ, что вскорѣ назначитъ народный съѣздъ, на которомъ разсмотритъ всѣ эти дѣла. Созваніе съѣзда сдѣлалось неизбѣжною необходимостію послѣ смерти Елисаветы (29 дек. 1380), бывшей до того времени правительницей Польши. Но вмѣсто того, чтобы прибыть въ Польшу, король при-

гласилъ коронныхъ обывателей въ Буду (въ концѣ марта 1381). Не удовлетворивъ никого, какъ того требовала справедливость, Людовикъ назначилъ въ должность правителей: краковскаго епископа Завишу изъ Курозвенка, его отца, краковскаго каштеляна Добѣслава и Сендзивоя изъ Шубина, обнародовавъ, что этимъ тремъ лицамъ, онъ поручаетъ разрѣшать по взаимному соглашенію, всѣ дѣла въ государствѣ отъ его имени. Жаловавшихся на беззаконія старостъ, Людовикъ отослалъ ко вновь назначеннымъ своимъ намѣстникамъ.

Первымъ изъ этихъ трехъ намѣстниковъ былъ епископъ Завиша, титуловавшійся также вице-королемъ, и оба соправители не могли ничего рѣшать безъ него. Самымъ вопіющимъ дѣломъ, требовавшимъ безотлагательнаго рѣшенія, былъ вопросъ о земляхъ, составлявшихъ наслѣдственную собственность обывателей и неправильно у нихъ отнятыхъ. Но какъ, благодаря этой системѣ, доходы значительно увеличились, то Людовикъ неохотно возвращалъ забранное у кого бы то ни было, подъ предлогомъ, будто бы, эти родовыя помѣстья составляли нѣкогда собственность казны. Всѣ три намѣстника (тріумвиры), не были въ состояніи долѣе откладывать разсмотрѣнія множества подобныхъ дѣлъ, и когда они, будто бы, съ полномочія короля предприняли судебное путешествіе (въ іюнѣ 1381),—Людовикъ былъ крайне недоволенъ этимъ шагомъ. Вотъ почему Завиша, по совершеніи нѣсколькихъ судебныхъ дѣлъ въ Малопольшѣ, отдѣлился отъ своихъ соправителей и когда послѣдніе отправились въ Великопольшу, онъ остался въ своихъ епископскихъ помѣстьяхъ. Работа не могла продолжаться, ибо въ его отсутствіи нельзя было рѣшать столь важныхъ дѣлъ. Между тѣмъ Завиша, предавшись свѣтскимъ удовольствіямъ, поплатился жизнію за поведеніе, несогласное съ достоинствомъ духовнаго сана. Когда онъ хотѣлъ силою похитить дочь одного крестьянина и для этого, вломившись ночью въ его дворъ, взобрался по лѣстницѣ на стогъ сѣна, раздраженный отецъ столкнулъ его оттуда и епископъ переломивъ себѣ кости, чрезъ нѣсколько дней умеръ (12 янв. 1382). Братъ покойнаго, сандецкій каштелянъ Кржеславъ, устроилъ великолѣпные похороны. Но народное преданіе, не взирая на похо-

ронную роскошь, запятнало позоромъ память о развратномъ епископѣ. Со смертію Завиши, пало правленіе тріумвировъ и то въ минуту, когда общее настроеніе умовъ далеко не благопріятствовало двору, въ особенности въ Великопольшѣ.

Во главѣ партіи, недовольной политикою двора, партіи, которая называла себя національною, находился Бартошъ изъ Венцборга герба Наленчъ, вельможа и, съ недавняго времени, одоляновскій староста. Онъ захватилъ какихъ то французскихъ пильгримовъ, шедшихъ въ Пруссію съ цѣлью вести борьбу съ литовскими язычниками. Заключивъ своихъ плѣнниковъ въ замкѣ, онъ потребовалъ отъ нихъ значительнаго выкупа. Но они обратились къ покровительству короля Людовика, который велѣлъ великопольскому генералу Домарату принудить Бартоша силою возвратить выкупъ, ибо сдѣланныя предварительно увѣщанія на него не подѣйствовали. Собралось многочисленное рыцарство, но вмѣсто того, чтобы идти къ Одолянову, оно вторглось въ помѣстья гнѣзненскаго архіепископства и причинило тамъ бездну убытковъ. Съ Бартошемъ были начаты переговоры. Каждая сторона избрала четырехъ судей, которые должны были опредѣлить, сколько король обязанъ заплатить Бартошу за Одоляновъ, за вычетомъ 18,000 злотыхъ, слѣдовавшихъ помянутымъ французамъ. Людовикъ не хотѣлъ подтвердить этого условія, оскорблявшаго, будто бы, его королевское достоинство.

И такъ дѣло это, а равно замѣщеніе вакантныхъ трехъ каѳедръ—архіепископства гнѣзненскаго и епископствъ краковскаго и познанскаго вызвали столкновенія партіи двора съ національною партіею. Каждая изъ этихъ партій была въ особенности заинтересована назначеніемъ гнѣзненскаго архіепископа. Въ Великопольшѣ противъ двора были Наленчи, между тѣмъ какъ Гржималиты держали его сторону. Первые входили даже въ тайныя сношенія съ Земовитомъ, мазовецкимъ княземъ въ Плоцкѣ, который, тотчасъ же послѣ смерти архіепископа Яна изъ Стржельчи, вторгнувшись съ войскомъ въ архіепископскія помѣстья, заставилъ капитулъ

избрать краковскаго декана Доброгоста изъ Новаго двора. Познанскій же капитулъ избралъ своего схоластика Николая. Людовикъ былъ противъ обоихъ выборовъ, и когда оба вновь избранные отправились въ Римъ, онъ велѣлъ ихъ арестовать въ дорогѣ. Познанское епископство досталось племяннику Владислава Опольца силезскому князю Яну, прозванному Кропильницею, а архіепископство получилъ Бодзанта, управляющій королевскими помѣстьями въ Малопольшѣ.

Желая угомонить Бартоша изъ Одолянова и верховную власть въ Польшѣ передать обрученному съ Маріею, четырнадцатилѣтнему Сигизмунду, Людовикъ пригласилъ (въ концѣ іюля 1382) въ венгерское мѣстечко Зволень, кромѣ старостъ и нѣкоторыхъ вельможъ. Представивъ собранію своего будущаго зятя, онъ потребовалъ чтобы оно сперва само принесло ему присягу въ вѣрности, а за тѣмъ склонило бы къ тому же весь народъ. Первое требованіе было удовлетворено, послѣ чего Сигизмундъ отправился въ Польшу, въ сопровожденіи участниковъ зволенскаго съѣзда и значительной венгерской дружины. Въ Краковѣ принесена дань покорности безъ препятствій. Отсюда Сигизмундъ направился въ Великопольшу и, имѣя многочисленное войско, приступилъ къ осадѣ Одолянова, занявъ предварительно укрѣпленную резиденцію Бартоша—Козминъ и замки его въ Козминкѣ и Набѣжицахъ. Староста защищался упорно въ теченіи осьми дней, какъ вдругъ гонецъ принесъ Сигизмунду вѣсть о смерти Людовика (послѣдовавшей въ Тырнавѣ 11 сент. 1832 г.). Не распуская этой новости, Сигизмундъ, согласно мнѣнію своихъ совѣтниковъ, вошелъ въ переговоры съ Бартошемъ, обѣщавшему возвратить Одоляновъ, какъ скоро ему будетъ уплачена сумма, которую должны были назначить полюбовные судьи, избранные обѣими сторонами, въ равномъ числѣ.

Сигизмундъ распустилъ теперь войско, и, во главѣ блестящей свиты, спѣшилъ въ великопольскіе города, чтобы по очереди, принять отъ нихъ дань покорности и присягу въ вѣрности. Въ городахъ это совершалось безпрепятственно и даже въ Познани, собравшееся въ большомъ числѣ рыцарство, заявило полную готов-

ность присягать, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы Сигизмундъ отрѣшилъ отъ должности ненавистнаго генеральнаго старосту Домарата. Отрицательный отвѣтъ побудилъ землевладѣльцевъ рѣшительно объявить, что до тѣхъ поръ, пока Домаратъ будетъ генераломъ, они не намѣрены приносить присягу. Уполномоченные рыцарства высказали такое же желаніе въ Гнѣзнѣ и Брестѣ, и выведенный изъ терпѣнія, Сигизмундъ, выступилъ съ угрозою, что подвергнетъ строгой отвѣтственности зачинщиковъ этого сопротивленія. Раздраженные этимъ великопольскіе противники двора, собрались въ Милославѣ и назначили (на 25 ноября) въ Радомскѣ большой съѣздъ всѣхъ обывателей королевства. На этомъ съѣздѣ были одни великополяне и, не смотря на присутствіе калишскаго воеводы Сендзивоя изъ Шубина, гнѣзненскаго архіепископа Бодзанты и Домарата, состоялась конфедерація, которая дала подъ присягою обѣтъ малопольскимъ сословіямъ, постоянно быть на сторонѣ той изъ дочерей покойнаго короля, которая поселится съ мужемъ въ Польшѣ и будетъ управлять согласно мѣстнымъ уставамъ. Сверхъ того состоялось обязательство защищать цѣлость правъ и границъ королевства, во время всего междуцарствія, противъ всякаго непріязненнаго покушенія. Оговоркою, на счетъ мѣстопребыванія королевы, устранена Марія отъ престола, ибо провозглашенная уже однажды королевою въ Венгріи, она не могла, ни въ какомъ случаѣ, постоянно жить въ Польшѣ. Бодзанта и Домаратъ поняли это и, заслоняясь уже принесенною Сигизмунду присягою, не хотѣли примкнуть къ конфедераціи. Домаратъ угрожалъ даже сдачею своихъ замковъ Сигизмунду. Не смотря на это актъ конфедераціи, снабженный многими печатями, былъ препровожденъ ко всѣмъ сословіямъ польскаго королевства, съѣхавшимся въ Вислицѣ (6 дек.). Здѣсь, кромѣ краковцевъ и сендомірцевъ, находились также послы и сановники другихъ польскихъ земель. Явился также Сигизмундъ, а королева Елисавета прислала двухъ епископовъ и двухъ венгерскихъ магнатовъ, которые предварительно сообщили сословіямъ, что королева подвергла уже строгой отвѣтственности венгерскихъ старостъ въ галицкой Руси за измѣнническую продажу

Любарту главнѣйшихъ городовъ и замковъ. Уполномоченные поблагодаривъ, затѣмъ, народъ за постоянство чувствъ въ отношеніи обѣихъ королевенъ, требовали отъ имени королевы, чтобы сословія въ отношеніи Сигизмунда ни къ чему не обязывались до тѣхъ поръ, пока Елисавета не объявитъ какой именно изъ дочерей предназначаетъ польскій престолъ. Вислицкій съѣздъ присоединился къ радомской конфедераціи, а одобренный объявленіемъ венгерскихъ пословъ, велѣлъ Сигизмунду тотчасъ же выѣхать изъ королевства, королеву же мать умолялъ, во имя блага страны, поспѣшить исполненіемъ общихъ желаній народа. Бодзанта и Домаратъ хотѣли оправдываться. Послѣднему объявили, что если онъ хочетъ быть выслушаннымъ, то долженъ сперва сложить съ себя генеральство. Генералъ, разсчитывавшій на помощь Гржималитовъ, угрожалъ германскими полками, съ помощію которыхъ полагалъ дать такой урокъ шляхтѣ, чтобы цѣлыя два столѣтія его помнили въ Великопольшѣ.

Великополяне, съ своей стороны, объявили, что никто, подъ опасеніемъ утраты честнаго имени, не долженъ обращаться къ суду Домарата. Сверхъ того Наленчи, рѣшились взяться за оружіе при содѣйствіи Земовита, который намѣренъ былъ домогаться короны и имѣлъ достаточно сторонниковъ въ Великопольшѣ. Бартошъ Одоляновскій хотѣлъ послѣ возвращенія изъ Мазовіи, осадить Калишъ, но оттѣсненный оттуда, занялъ Козминекъ и Ходзецъ, а потомъ соединился съ великопольскимъ рыцарствомъ, собраннымъ познанскимъ воеводою Викентіемъ изъ Кенпы. Городъ Пыздры былъ взятъ и когда самъ воевода осадилъ Калишъ, накельскій каштелянъ Сендзивой Свидва двинулся къ Познани. Оба города отворили свои ворота конфедератамъ, и такъ защищались лишь одни гарнизоны замковъ, въ которые Домаратъ и его клевреты ввели даже иностранныя подкрѣпленія. Обѣ сражавшіяся стороны имѣли одинъ общій боевой лозунгъ: имя королевы Маріи. Эта борьба опустошила край, и была, собственно, междоусобною войною, затѣянною двумя могущественнѣйшими родами въ Великопольшѣ—Наленчами и Гржималами.

Малополяне, встревоженные великопольскими волненіями и, къ

тому же, опасаясь козней Земовита, собрались на новый съѣздъ въ Сѣрадзѣ (въ концѣ февраля 1383). Послы Елисаветы объявили, что она назначаетъ па польскій престолъ свою младшую дочь Ядвигу, и вскорѣ пришлетъ ее, если только сословія дадутъ увѣреніе, что позволятъ юной королевѣ послѣ коронаціи, возвратиться къ матери, еще на три года, для воспитанія. Собравшіеся на съѣздъ отвѣтили, что, за отсутствіемъ великополянъ ничего не могутъ рѣшить въ этомъ отношеніи, а потому отсрочили все дѣло до новаго съѣзда, который долженъ былъ собраться черезъ мѣсяцъ также въ Сѣраздѣ. Но для осуществленія этого съѣзда въ Великопольшу были отправлены четыре посредника, которые заключили перемиріе (8 марта) по день св. Яна. Новый съѣздъ въ Сѣрадзѣ (28 марта) отличался многочисленностію. Кромѣ магнатовъ и множества шляхты, прибылъ также Владиславъ Опольскій. Громадное большинство собравшихся, имѣя во главѣ гнѣзненскаго архіепископа Бодзанта, прибыло съ намѣреніемъ превозгласить королемъ Земовита. Когда, затѣмъ, венгерскіе послы сообщили вышеприведенную волю Елисаветы, мазовецкая партія отозвалась, что было бы лучше всего женить Земовита на Ядвигѣ. Противъ этого рѣшительно возсталъ Владиславъ Опольскій. Раздраженная шляхта хотѣла его схватить и, быть можетъ нанесла бы ему чувствительное оскорбленіе, если бы его не защитили малопольскіе магнаты. Мазовецкая партія до того имѣла перевѣсъ, что архіепископъ Бодзанта прямо спросилъ, желаетъ ли собраніе имѣть Земовита королемъ? Всѣ отвѣтили единогласнымъ восклицаніемъ: „*хотимъ*“, и, даже, требовали безотлагательнаго совершенія коронаціи. Въ эту критическую минуту раздался голосъ войницкаго каштеляна Яська изъ Тенчина, который сказалъ, что народъ, однажды обѣщавшій вѣрность Ядвигѣ, не вправѣ такъ внезапно избирать новаго короля. Онъ сказалъ собранію, что слѣдуетъ дождаться троицына дня, къ которому должна прибыть Ядвига и окончательно поселиться съ мужемъ въ Польшѣ, и только въ случаѣ невыполненія этого условія, можно было бы думать о выборѣ другаго короля. Смѣлыя слова каштеляна произвели самое благопріятное впечатлѣніе. Собраніе объявило венгерскимъ

посламъ, что народъ признаетъ Ядвигу королевою, но съ условіемъ, чтобы она прибыла къ троицыну дню въ Краковъ, и поселилась съ мужемъ на всю жизнь въ Польшѣ. Сверхъ того требовали возвращенія русскихъ земель и владѣній которыя Людовикъ незаконно даровалъ князю Опольскому. Въ случаѣ невыполненія условій поляки угрожали выборомъ другаго короля.

Партія Земовита согласилась на этотъ отвѣтъ, въ надеждѣ, что бракъ этого князя съ Ядвигою, устранитъ всѣ недоумѣнія. Но въ этомъ отношеніи встрѣтилось препятствіе. Еще при жизни отца, Ядвига была торжественно обручена (1378) въ Гаймбургѣ съ Вильгельмомъ Ракузскимъ, причемъ было выговорено условіе, что сторона нарушающая договоръ, обязана уплатить 200,000 венгерскихъ злотыхъ и именно тогда наступило время свадьбы. Желая помѣшать этому, сторонники Земовита, посовѣтовавшись съ архіепископомъ Бодзантою рѣшились похитить Ядвигу, во время ея проѣзда и даже, силою обвѣнчать ее съ мазовецкимъ княземъ. Когда съ приближеніемъ троицына дня, магнаты выѣхали на встрѣчу Ядвиги въ Сончъ,—Бодзанта съ 500 копейщиковъ подъ командою Бартоша Одоляновскаго, собрался въ дорогу подъ тѣмъ же предлогомъ. Въ свитѣ его находился секретно самъ Земовитъ. Блокада Кракова и замка не удалась, ибо, мѣщане всполошенные этимъ извѣстіемъ, велѣли удалиться Бодзантѣ, который и занялъ позицію вблизи Новаго Корчина и здѣсь поджидалъ проѣзда Ядвиги.

Между тѣмъ, вмѣсто Ядвиги прибылъ въ Сончъ, сейчасъ же, послѣ троицына дня, Сендзивой изъ Шубина съ вѣстію, что Елисавета пріѣхала уже съ дочерью въ Кошицы, но по поводу разлива рѣкъ, не можетъ предпринять дальнѣйшаго путешествія, а потому приглашаетъ къ себѣ польскихъ магнатовъ для совѣщаній съ цѣлью окончить всякія по этому дѣлу соглашенія. Надежда на награды была до того обольстительна, что магнаты успѣли склонить собравшуюся въ Сончѣ шляхту исполнить требованіе Елисаветы. Вслѣдъ за тѣмъ было снаряжено въ Кошицы блестящее посольство. Такъ какъ большинство пословъ принадлежало къ усерднымъ сторонникамъ двора, то они согласились на отсрочку пріѣзда

Ядвиги до дня св. Мартина. Мало того. Они ввели въ прежній договоръ новое условіе, по которому, въ случаѣ смерти Ядвиги, польскій престолъ переходилъ къ Маріи, и, въ свою очередь, поляки не помѣшаютъ Ядвигѣ принять верховную власть въ Венгріи, если бы умерла Марія. Это соединеніе обѣихъ коронъ должно было сохраниться до тѣхъ поръ, пока одна изъ королевъ не получитъ потомства, что далобы возможность возобновить прежній раздѣлъ обоихъ королевствъ. Елисавета же дала письменное увѣреніе въ томъ, что Ядвига выберетъ себѣ будущаго мужа единственно по указанію и совѣту самихъ сословій. Нѣкоторые изъ пословъ противились требованіямъ Елисаветы, но когда большинство взяло верхъ, Ядвига, среди шумныхъ придворныхъ празднествъ, была превозглашена королевою. Елисавета отрѣшила тотчасъ же Домарата отъ должности, а генеральство передала Перегрину изъ Вонглешина. Не довѣряя также правителямъ Куявъ—Петру изъ Голухова и Войтку изъ Косцѣльца, она назначила намѣстникомъ этой провинціи усерднаго сторонника двора, Сцибора Мосцица.

Земовитъ, обманутый въ надеждѣ придержать Ядвигу, рѣшился силою оружія добиваться короны. Его воевода Со́ха предупредилъ Сцибора и овладѣлъ Куявами, а Земовитъ въ это время старался заманить по дорогѣ на свою сторону ленчицкую шляхту. Послѣ этого онъ издалъ универсалъ, сзывающій всѣхъ на земскій съѣздъ въ Сѣрадзъ (15 іюня). Шляхта, собравшаяся въ огромномъ числѣ въ доминиканскомъ костелѣ, единогласно превозгласила Земовита королемъ и требовала даже, чтобъ Бодзанта совершилъ коронацію. Но вслѣдствіе сопротивленія архіепископа съ одной стороны и разныхъ противудѣйствій съ другой, съѣздъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ. Изъ Сѣрадза Земовитъ направился съ Бартошемъ Одоляновскимъ къ Калишу, которымъ хотѣлъ овладѣть. Междоусобная война снова вспыхнула въ Великопольшѣ, когда неприязненные Наленчамъ—Гржималиты, тоже взялись за оружіе. То силою, то хитростію вырывали другъ у друга замки, форты, нападали на волости и не проходило почти дня безъ какого либо вопіющаго насилія.

И Бодзанта, поплатился за свое двусмысленное поведеніе. Кончилось тѣмъ, что онъ вооружилъ противъ себя обѣ партіи.

Малопольскіе магнаты, требовавшіе прежде отъ Елисаветы вооруженной помощи для подавленія мазовецкой партіи, заманили теперь Бодзанту и Земовита на переговоры въ Краковъ и заключили (28 іюля) двухмѣсячное перемиріе. Земовитъ послалъ изъ Кракова приказъ войскамъ, находившимся подъ Калишемъ, пріостановить дальнѣйшую осаду города и когда, не смотря на это, Бартошъ продолжалъ военныя дѣйствія, онъ прибылъ самъ и распустилъ свое и союзное войска. Въ это время подступилъ Сигизмундъ съ 12-ти тысячнымъ отрядомъ. Не смотря на сопротивленіе многихъ малополянъ, называвшихъ низкимъ коварствомъ появленіе войскъ послѣ заключенія перемирія, — Сигизмундъ вторгнулся съ венгерцами и малопольскимъ рыцарствомъ въ плоцкую землю и опустошивъ ее, двинулся въ Куявы. При содѣйствіи Владислава Опольскаго въ лагерѣ подъ Брестомъ (въ октябрѣ) состоялось шестимѣсячное перемиріе, по которому Земовитъ удержалъ за собою завоеванную часть Куявъ. Венгерцы воротились домой съ своими военачальниками, напутствуемые проклятіями жителей.

Сендзивой изъ Шубина, взявъ съ собою много избранной молодежи, отправился къ Елисаветѣ, гостившей въ Ядрѣ. Когда королевѣ вздумалось вновь отсрочить отъѣздъ Ядвиги въ Польшу, Сендзивой припомнилъ ей угрозы сѣрадзкаго съѣзда и требовалъ исполненія обѣщанія, тѣмъ болѣе, что прибывшая съ нимъ молодежь должна была остаться въ Венгріи до тѣхъ поръ, пока Ядвига, согласно договору, не возвратится, послѣ коронаціи къ матери. Елисавета рѣшила удержать Сендзивоя и молодежь, а Яську изъ Тарнова поручить, съ возможною поспѣшностію, занять Краковъ и отдать его въ руки венгерцевъ. Извѣщенный объ этомъ планѣ, Сендзивой снарядилъ гонца съ приказомъ, ни подъ какимъ предлогомъ не впускать венгерцевъ въ краковскій замокъ, а между тѣмъ самъ уѣхалъ тайно и, благодаря разставленнымъ по дорогѣ лошадямъ, явился въ Краковѣ прежде Тарновскаго и, даже, прежде своего гонца. Малополяне помышляли именно созвать съѣздъ въ

Лелёвѣ, но по требованію Сендзивоя, отказались отъ этой мысли и назначили новый съѣздъ въ Радомскѣ (на 2 мар. 1384). Не смотря на всеобщее раздраженіе противъ Елисаветы, сторонники двора убѣдили собравшихся сдѣлать ей въ послѣдній разъ увѣщаніе на счетъ доставленія Ядвиги непремѣнно къ 8-му мая, если она не желаетъ, чтобы избрали другаго короля. Съ такимъ увѣщаніемъ былъ отправленъ въ Венгрію Пржецлавъ Ванвельскій, который долженъ былъ сверхъ того объявить, что на съѣздѣ всѣ рѣшительно дали честное, рыцарское слово, никого уже не посылать къ королевѣ и признать человѣкомъ безчестнымъ всякаго, который осмѣлился бы посовѣтовать или принять на себя подобное посольство.

Именитѣйшіе магнаты собрались въ Сончѣ (въ началѣ мая) для привѣтственной встрѣчи Ядвиги. Но здѣсь они узнали, что вмѣсто Ядвиги, прибываетъ съ войскомъ Сигизмундъ, съ цѣлію вступить въ намѣстническое управленіе Польшею. Раздраженные этимъ, они призвали шляхту къ оружію и, устроивъ укрѣпленный лагерь подъ Сончемъ, объявили Сигизмунду чрезъ своихъ уполномоченныхъ, что, въ случаѣ перехода польской границы, его ожидаетъ вооруженное сопротивленіе. Сигизмундъ, расположенный подъ Любовлею на Спижѣ, въ отвѣтъ, просилъ, между прочимъ, чтобы къ нему прибыло нѣсколько магнатовъ для совѣщаній, относительно польской молодежи, заарестованной Елисаветою въ Ядрѣ. Требованіе это было удовлетворено и послѣ долгихъ переговоровъ дана новая трехнедѣльная отсрочка Ядвигѣ, за что Елисавета должна была освободить заложниковъ. Собравшіеся въ Сончѣ подтвердили этотъ договоръ и, даже, хотѣли отправить къ Елисаветѣ двухъ депутатовъ съ извѣщеніемъ, что, въ случаѣ неприбытія Ядвиги къ означенному сроку, они безотлагательно приступятъ къ выбору новаго короля. Отправленію новаго посольства воспротивился Пржецлавъ Ванвельскій. Какъ аргументъ онъ привелъ то обстоятельство, что ему поручено было уже однажды возвѣстить Елисаветѣ, что она не увидитъ болѣе пословъ изъ Польши. Снаряженіе новаго посольства въ Венгрію поставило бы его и участниковъ радом-

скаго съѣзда въ ложное положеніе. Рѣшеніе было затѣмъ отмѣнено и даже объявлено запрещеніе, по которому никто отнюдь не смѣлъ отправляться въ Венгрію. Но краковскій воевода Спытко изъ Мельштына, по-мимо запрещенія, поѣхалъ къ Елисаветѣ, съ намѣреніемъ обо всемъ извѣстить ее.

Когда же минулъ срокъ прибытія Ядвиги, малополяне съѣхались вновь въ Краковѣ, и рѣшили, для положенія конца междуцарствію, собраться на большой земскій сеймъ 8-го сентября. Великополяне не согласились на этотъ общій сеймъ и должны были съѣхаться отдѣльно 22 сентября, и уже послѣ этого приступить къ выбору короля. Елисавета увидѣла теперь, что дальнѣйшая проволочка можетъ подвергнуть Ядвигу утратѣ короны, а потому отправила ее въ Польшу подъ опекою кардинала стрыгоньскаго архіепископа Димитрія и чанадскаго епископа Яна. Сама же, по причинѣ венгерскихъ безпорядковъ, должна была остаться при Маріи. Многочисленный и блестящій дворъ сопровождалъ юную королеву, и, едва она переступила польскую границу, тысячи обывателей спѣшили къ ней на встрѣчу. Тотчасъ же, по прибытіи въ Краковъ (16-го октяб.), происходила коронація и этимъ обрядомъ заключилось бурное и продолжительное междуцарствіе.

Хотя съ коронаціею Ядвиги, противная сторона была лишена возможности выступить съ другимъ кандидатомъ, тѣмъ не менѣе не были еще устранены всѣ трудности. Въ Великопольшѣ кипѣла еще междоусобная война, и Земовитъ, все еще владѣлъ Куявами. Въ то же время завязалось дѣло и о будущемъ супругѣ королевы. Нѣкоторые магнаты были противъ замужества, другіе же, зная о ея привязанности къ Вильгельму, желали поддержаніемъ этого брака заслужить милость юной государыни. Были и такіе, которые называли Земовита или даже Владислава Опольскаго. Наконецъ нѣкоторые магнаты, мечтая о соединеніи Польши съ Литвою, работали въ тайнѣ надъ осуществленіемъ брачнаго союза, между Ядвигою и великимъ княземъ литовскимъ Ягелло. По этому поводу намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться надъ литовскими дѣлами.

Первобытныя дѣянія Литвы скрываются во мракѣ неизвѣстности и догадокъ. Литовцы, куровцы, пруссы, жмудины и другіе соплеменники поселились, съ незапамятныхъ временъ, близь береговъ балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ славянами и, въ отношеніи общественной и религіозной организаціи, развились своеобразно, почерпая однакожь не мало отъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ сосѣдей. Весьма долго не было никакихъ свѣдѣній объ этихъ народахъ, ибо, раздѣленные на многія общины и княжества, они были до того безсильны, что не могли розыгривать замѣтной роли въ прежнія времена. Только въ концѣ XII столѣтія, въ борьбѣ съ вновь образовавшимся въ Инфлентахъ [1]), орденомъ рыцарей меченосцевъ и съ сосѣдними русскими и польскими князьями, выступаютъ литовцы на поприще исторіи. Постепенное слитіе отдѣльныхъ литовскихъ княжествъ въ одно государство возвысило могущество цѣлаго народа. Къ этому стремился Утенесъ (1212), но титулъ литовскаго великаго князя принялъ лишь сынъ Альгимунда Рингольдъ (1230). Расширяя границы своего государства на счетъ сосѣдей, Рингольдъ побѣдилъ надъ Дзитвою (1235) союзныхъ князей русскихъ, а въ войнѣ съ орденомъ меченосцевъ, одержалъ (1236) рѣшительную побѣду. Послѣ его смерти (1240) государство было раздѣлено между двумя сыновьями—Мендогомъ и Эрдзивилломъ. Когда послѣдній, сражаясь удачно съ татарами, погибъ однакожъ на Волыни въ бою подъ Ратно,—братъ его Мендогъ принялъ (1242) верховную власть надъ Литвою, а племянникамъ — Товцивилу, Довмунду и Тройнату Эрдзивилловичамъ назначилъ особые независимые отъ него удѣлы. Когда крестоносцы слились съ орденомъ меченосцевъ, Мендогъ съ одной стороны помогалъ прусскимъ инсургентамъ, а съ другой хотѣлъ отнять у крестоносцевъ запятую ими Куронію. Онъ воевалъ также довольно удачно съ татарами, къ которымъ обратились за помощію (1249—1250)

---

[1]) Инфлентами называются и нынѣ четыре уѣзда Витебской губерніи.
Прим. перев.

русскіе князья, желавшіе одолѣть Мендога. Но столкновеніе съ родными племянниками, которыхъ онъ, наконецъ, изгналъ изъ края, вовлекли его въ тяжкую войну одновременно и съ орденомъ и съ Даніиломъ галицкимъ (1251). Неудачи и пораженія принудили Мендога войти въ переговоры съ крестоносцами, которымъ онъ не только сдѣлалъ большія уступки, но и обязался принять христіанскую вѣру. При содѣйствіи ордена, папа Иннокентій IV признал за Мендогомъ титулъ короля и коронація происходила съ большою торжественностію въ Новогрудкѣ литовскомъ (8-го сент. 1252). Миръ съ крестоносцами и Русью поддерживался едва нѣсколько лѣтъ. Въ самомъ краѣ языческіе священники возбуждали волненія, а съ другой стороны и племянники хотѣли отстоять свои права. Столкновенія съ крестоносцами были снова устранены временнымъ договоромъ (1260), по которому Мендогъ, въ случаѣ неимѣнія мужескаго потомка, завѣщалъ свое королевство ордену. Корыстолюбіе крестоносцевъ возбудило новую войну, въ продолженіе которой, они претерпѣли страшное пораженіе подъ Дурбою (13 іюля 1261). Вскорѣ Мендогъ возвратился къ языческимъ обрядамъ своихъ предковъ (1262) и, когда помышлялъ уже о примиреніи съ церковью, былъ измѣннически умерщвленъ 13 сент. (1263) по внушеніямъ Тройната и Довмунда, жену котораго онъ удержалъ при своемъ дворѣ. Съ нимъ вмѣстѣ умерщвлены два его сына, Рукля и Рекипасъ. Третій сынъ Мендога — Войселкъ, жилъ въ лаврищевскомъ монастырѣ, изъ котораго, на вѣсть о смерти отца и братьевъ, бѣжалъ въ другой монастырь, подъ самый Пинскъ.

Тройнатъ принялъ верховную власть и подозрѣвая въ измѣнѣ роднаго брата Товцивила, князя полоцкаго, велѣлъ его умертвить (1264). Онъ одновременно поддерживалъ возстаніе пруссовъ и нападалъ на польскія земли. Овладѣвъ, во время одного изъ своихъ походовъ Оржимовымъ въ Мазовіи, онъ велѣлъ перерѣзать все мужеское населеніе, но здѣсь и самъ погибъ отъ руки двухъ неизвѣстныхъ литовскихъ убійцъ (1265). Войселкъ, единственный оставшійся сынъ Мендога, не хотѣлъ принять власти и пере-

далъ свои права Сварну Даниловичу. Но и правленіе послѣдняго продолжалось не долго ибо онъ умеръ по возвращеніи изъ прусскаго похода. Теперь великокняжескій престолъ занялъ самъ Войселкъ. Столкновенія съ Львомъ Даниловичемъ, вызвали сперва войну, а потомъ переговоры. Съ этою цѣлью Войселкъ прибылъ въ Владиміръ, но здѣсь, послѣ трапезы, былъ умерщвленъ Львомъ (1267). Литовцы превозгласили великимъ княземъ стараго Свинторога, которому наслѣдовалъ (1270) Гермунтъ. Послѣдній воевалъ удачно съ Русью и крестоносцами, и умеръ послѣ пятилѣтняго царствованія, оставивъ трехъ сыновей. Изъ нихъ Трабусъ нанесъ крестоносцамъ сильное пораженіе подъ Ашеродомъ (9 марта 1279) и принудилъ ихъ заключить четырехлѣтній миръ. Послѣ Трабуса царствовали — Наримунтъ и Тройденъ, изъ которыхъ послѣдній умерщвленъ (1283) по наущенію своего брата Довмунда. Послѣ смерти Тройдена, великимъ княземъ избранъ Лютоворъ, долженствовавшій бороться со всѣми силами ордена. Именно послѣ завоеванія Пруссіи, крестоносцы вздумали овладѣть Литвою и частые ихъ походы сильно истощили населеніе и опустошили всю страну. Литовцы отплатили крестоносцамъ не менѣе частыми набѣгами и обѣ стороны не отличались излишнею гуманностію. Всѣ эти походы были такъ похожи другъ на друга, что вся разница состояла лишь въ перемѣнѣ мѣстъ и личностей и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Лютоворъ умеръ около 1292 года и съ этихъ поръ владѣлъ Литвою его сынъ Витенесъ. И онъ воевалъ съ крестоносцами, но что важнѣе всего, заключилъ противъ нихъ союзъ съ рижскимъ архіепископомъ и Ригою. Поочередно побѣдитель и побѣжденный, Витенесъ удержалъ въ цѣлости свое государство, которое послѣ его смерти (1315) досталось сыну его Гедимину. Послѣдній принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ князьямъ Литвы. Въ началѣ его царствованія крестоносцы овладѣли (1316) Жмудью. Но когда они претерпѣли сильное пораженіе близь озера Бержули (1320) Жмудины взялись за оружіе и изгнали изъ своей земли притѣсни-

телей. Это пораженіе вызвало двухлѣтнее перемиріе съ орденомъ, въ теченіи котораго Гедиминъ завоевалъ значительную часть доднѣпровской Руси. Отстроивъ Троки, разрушенные крестоносцами, онъ основалъ Вильно (1322). Не смотря на успѣхи своего оружія, Гедиминъ чувствовалъ, что борьба съ цѣлымъ христіанскимъ міромъ, который крестовыми походами не разъ поддерживалъ крестоносцевъ, угрожала Литвѣ неминуемою опасностію. По этому поводу онъ вошелъ, при содѣйствіи рижскаго архіепископа Фридриха Лобенстата, въ сношенія съ папою Яномъ XXII (1323) и заявилъ готовность принять, вмѣстѣ съ народомъ, христіанскую вѣру. Крестоносцы всѣми силами препятствовали осуществленію этого плана, а ихъ клеветы и уловки сдѣлали то, что Гедиминъ прервалъ всякія связи съ апостольскою столицею. За то онъ вступилъ въ дружественныя и родственныя сношенія съ Владиславомъ Локеткомъ (1325) и выдалъ свою дочь Альдону, названную при крещеніи Анною, за его сына Казиміра. На другой его дочери Маріи женился князь мазовецкій—Болеславъ Тройденовичъ. Хотя Гедиминъ не препятствовалъ введенію христіанской вѣры въ Литвѣ, тѣмъ не менѣе папа дозволялъ превозглашать противъ него крестовые походы. Такихъ походовъ, въ большихъ размѣрахъ, было нѣсколько, не считая меньшихъ, повторявшихся почти ежегодно. Когда въ одномъ изъ бо̀льшихъ походовъ крестовыя войска осадили Веллону (1339), Гедиминъ поспѣшилъ на помощь крѣпости, но во время усиленнаго натиска на укрѣпленный лагерь крестоносцевъ, погибъ отъ выстрѣла изъ орудія. Гедиминъ оставилъ семь сыновей. Изъ нихъ Монтвидъ умеръ годомъ позже отца. На великокняжескій престолъ вступилъ самый младшій братъ Явнутъ, но, собственно, защитниками Литвы были Ольгердъ и Кейстутъ. Наконецъ Кейстутъ свергнулъ съ престола неспособнаго Явнута (1345), возвелъ на него Ольгерда, а самъ взялся продолжать борьбу съ крестоносцами.

Дружба и согласіе Ольгерда съ Кейстутомъ, не смотря на неизбѣжныя часто бѣдствія, поддерживали могущество Литвы въ

борьбѣ со всѣми сосѣдями. Самое трудное положеніе Литвы, было въ отношеніи ордена, который, подкрѣпляемый всею Европою, все болѣе и болѣе впивался въ ея внутренній организмъ. Кейстутъ, помимо своего рыцарскаго характера, не былъ въ состояніи справиться съ столь трудною задачею и хотя, по видимому, не было недостатка въ блестящихъ успѣхахъ литовскаго оружія, тѣмъ не менѣе сопротивленіе съ каждымъ днемъ становилось слабѣе, ибо и отдѣльные члены царствующей династіи искали пріюта и помощи у враговъ отечества. Въ числѣ прочихъ бѣжали къ крестоносцамъ родные сыновья Ольгерда — Коригелло и Бутавъ. Мужество Ольгерда и Кейстута и взаимная совокупность дѣйствій во всѣхъ случаяхъ парализировали, правда, усилія ордена и другихъ враговъ Литвы, но когда умеръ Ольгердъ (1377), а великокняжескій престолъ достался, при помощи дяди, одному изъ 12 его сыновей — Ягелло, возникли снова злосчастные споры. Ягелло, дѣйствуя сперва по совѣтамъ и мнѣніямъ опытнаго Кейстута, началъ впослѣдствіи подчиняться вліянію своихъ придворныхъ льстецовъ и не разъ приходилось ему услышать отъ дяди строгій выговоръ за излишнюю страсть къ развлеченіямъ. Мало по малу возрастало неудовольствіе Ягеллы, весьма искусно поджигаемое крестоносцами. Они встрѣтили поддержку въ лицѣ любимца великаго князя — Войдылло, котораго Ягелло, на перекоръ волѣ дяди, женилъ на своей сестрѣ Маріи (1279). Войдылло уговорилъ Ягелло войти въ тайныя соглашенія съ орденомъ и, подъ предлогомъ охоты, на которую пригласили и сына Кейстута Витольда, состоялся въ Давидишкахъ съѣздъ съ уполномоченными крестоносцевъ. Здѣсь Ягелло (1280) заключилъ съ орденомъ союзъ, къ которому не былъ причастенъ Кейстутъ. Крестоносцы начали съ успѣхомъ нападать на земли Кейстута, между тѣмъ походы послѣдняго были всегда неудачны. Кейстутъ подозрѣвалъ дворъ Ягеллы въ тайныхъ сношеніяхъ съ орденомъ и когда мазовецкая княгиня извѣстила его, что Войдылло измѣняетъ ему въ интересѣ крестоносцевъ, — подозрѣніе это обратилось въ

увѣренность. Но Витольдъ, жившій въ дружбѣ съ Ягелло, называлъ эти донесенія клеветою и удерживалъ отца, до поры до времени, отъ рѣшительнаго шага. Вскорѣ выяснилось все: Ягелло, желая отнять у другаго сына Кейстута — Андрея горбатаго, княжество полоцкое, съ тѣмъ, чтобы даровать его своему брату Скиргеллѣ, призвалъ на помощь крестоносцевъ. Раздраженный Кейстутъ окружилъ, безъ вѣдома своего сына Вильно, арестовалъ Ягелло съ матерью и дворомъ и приставилъ къ нимъ стражу. Захваченныя бумаги убѣдили даже Витольда, подоспѣвшаго изъ Гродно, въ измѣнническихъ сношеніяхъ Ягеллы съ крестоносцами. Кейстутъ овладѣлъ великимъ княжествомъ (1381), а Ягеллѣ, который явился съ повинною и присягнулъ повиноваться, отдалъ кревскій удѣлъ.

Теперь возобновились взаимные набѣги Литвы и крестоносцевъ, съ которыми, при содѣйствіи брата Свидригайло, Ягелло вошелъ въ тайные переговоры. Свидригайло обѣщалъ ордену отъ своего и брата имени уступить часть Литвы и принять латинскую вѣру, если Ягеллѣ будетъ оказана помощь въ его возстановленіи на великокняжескомъ престолѣ. Планъ этотъ не успѣлъ еще окончательно созрѣть, какъ вдругъ Кейстутъ, предпринявъ походъ противъ другаго брата Ягеллы Димитрія Корибута, велѣлъ повѣсить, содержавшагося до того времени въ тюрьмѣ, Войдылло. Жена Войдыллы Марія и многіе придворные, пылая мщеніемъ, уговорили Ягелло напасть на Вильно во время отсутствія Кейстута, который двинулся противъ Димитрія, и оставилъ въ столицѣ Витольда съ малочисленнымъ войскомъ. Ягелло аттаковалъ неожиданно Витольда, разгромилъ его войска и, овладѣвъ Вильно, заставилъ его отступить къ Гродно. Крестоносцы также поспѣшили на помощь. Прежде нежели Кейстутъ успѣлъ возвратиться въ Гродно и вызвалъ свѣжее войско изъ Жмуди, Ягелло занялъ совокупно съ крестоносцами Троки. Подъ этимъ городомъ расположились другъ противъ друга оба войска, но дѣло не доходило до боя, ибо Ягелло, притворившись склоннымъ къ миру, пригласилъ въ посредники Витольда. Послѣдній, прибывъ въ лагерь, согласился на представлен-

ный ему планъ договора, по которому слѣдовало пріостановить пролитіе братней крови и, даже, обѣщалъ явиться съ отцомъ для окончательнаго соглашенія, если только Ягелло торжественно поклянется въ ихъ безопасности. Не смотря на эту присягу Ягелло велѣлъ приставить стражъ къ Кейстуту и Витольду, и заключилъ обоихъ въ отдѣльныя тюрьмы. Кейстута отвезли въ Крево, гдѣ послѣ нѣсколькихъ дней заточенія, онъ былъ насильственно умерщвленъ (въ авг. 1382). Витольдъ же, при содѣйствіи жены, бѣжалъ изъ тюрьмы и нашелъ вмѣстѣ съ братомъ Сигизмундомъ убѣжище въ Мазовіи.

Пріобрѣтя вновь, съ помощію крестоносцевъ, великокняжескій престолъ, Ягелло съѣхался съ уполномоченными ордена для конфиденціональной бесѣды на островѣ Дубиссѣ. Послѣ шестидневныхъ совѣщаній заключенъ былъ договоръ. Ягелло, вмѣстѣ съ братьями и цѣлымъ государствомъ, подчинился верховной опекѣ ордена, обѣщалъ послѣднему помощь во всѣхъ войнахъ и обязался въ то же время не предпринимать наступательной войны безъ его вѣдома, совѣта и дозволенія. Сверхъ того онъ далъ слово принять, въ теченіи четырехъ лѣтъ, со всею семьею и народомъ христіанскую вѣру и, наконецъ, уступилъ ордену Жмудь отъ моря вплоть до Дубиссы. Но и такими тяжкими условіями онъ не устранилъ сношеній Витольда съ крестоносцами. Витольдъ переѣхалъ вскорѣ въ земли ордена, и поселился въ Мальборгѣ. Новый съѣздъ въ Дубиссѣ, на которомъ долженъ былъ креститься Ягелло, не состоялся и обѣ стороны обвиняли себя взаимно и въ неосуществленіи съѣзда, и въ нарушеніи условій, недавно заключеннаго договора. И такъ снова возгорѣлась война. Многочисленное войско крестоносцевъ вторгнулось, вмѣстѣ съ вспомогательнымъ литовско-жмудскимъ отрядомъ въ Литву (въ іюлѣ 1383), взяло Троки и сожгло Вильно. Послѣ этого похода крестоносцы окрестили Витольда въ Таплавѣ, давъ ему при крещеніи имя Виганда, а нѣсколько позже (30 янв. 1384) новокрещенный далъ письменное обязательство уступить ордену Жмудь и половину собственно Литвы,

если съ его помощію овладѣетъ великимъ княжествомъ. Витольдъ заявилъ въ обязательствѣ готовность принять лишь остальную часть государства, въ видѣ лена отъ ордена, который долженъ перейти къ его брату, если онъ самъ не дождется мужескаго потомства. Какъ видно крестоносцы, за труды при крестинахъ литовскихъ князей, требовали весьма полновѣснаго вознагражденія.

Самъ гроссмейстеръ Конрадъ Кольнеръ предпринялъ походъ въ Литву (весною 1384), ведя съ собою, кромѣ множества рыцарей, 60,000 людей и 80,000 штукъ рабочаго скота. Онъ намѣревался на мѣстѣ разрушеннаго Ковна, воздвигнуть крѣпость Маріенвердеръ. По истеченіи шести недѣль постройка была окончена, гроссмейстеръ оставилъ здѣсь достаточный гарнизонъ, а самъ возвратился съ войскомъ домой. Въ отношеніи же Витольда онъ торжественно обязался оказать въ самомъ непродолжительномъ времени, возможное содѣйствіе къ занятію великокняжескаго престола. Сынъ Кейстута убѣдился, наконецъ, что обѣщаніямъ крестоносцевъ довѣрять нельзя, а потому охотно согласился на примиреніе съ Ягелло, какъ только послѣдній объявилъ ему секретно, что отдастъ все трокское княжество, съ условіемъ прервать сношенія съ орденомъ и возвратиться въ отечество. Подъ предлогомъ защиты границъ ордена, Витольдъ выступилъ съ своею дружиною и дворомъ, хитростію овладѣлъ Юрборгомъ и Байернбургомъ и, разрушивъ эти два укрѣпленія, соединился съ войскомъ Скиргеллы. Съ прибытіемъ Ягелло, было приступлено къ осадѣ Маріенвердера, который сдался послѣ осьминедѣльной мужественной обороны (въ нояб.). Ягелло далъ Витольду (1385), въ замѣнъ трокскаго удѣла, которымъ надѣлилъ своего брата Скиргелло, гродненское княжество и Полѣсье. Для обезпеченія Литвы, Ягелло нуждался въ мирѣ съ Витольдомъ, ибо въ противномъ случаѣ, ему нельзя было приступить къ переговорамъ на счетъ руки польской Ядвиги.

Конфиденціальныя заявленія нѣкоторыхъ малопольскихъ

магнатовъ, склонили Ягелло снарядить блестящее посольство (въ янв. 1315), во главѣ котораго находились два его брата Скиргелло и Борисъ. Послы изложили Ядвигѣ, во время торжественной аудіенціи, желанія великаго князя, и обѣщали отъ его имени, что какъ скоро королева рѣшится отдать ему свою руку, Ягелло приметъ вмѣстѣ съ народомъ христіанскую вѣру, соединитъ Литву и Русь на вѣчныя времена съ короною, освободитъ всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, доставитъ 200,000 венгерскихъ злотыхъ, которые придется уплатить по смыслу гаймбургскаго договора Леопольду ракузскому и, наконецъ, возвратитъ собственными средствами земли захваченныя у Польши. Весь почти коронный совѣтъ былъ въ пользу предложеній Ягелло, но Ядвига отвѣтила, что, безъ вѣдома и дозволенія матери, не можетъ дать по этому дѣлу никакого рѣшительнаго слова. Литовскіе послы отправились за тѣмъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, къ Елисаветѣ, предъявили ей тѣ же условія и изложили всѣ выгоды, какія пріобрѣтетъ Польша и все христіанство если великій князь со всѣмъ народомъ приметъ христіанскую вѣру. Елисавета медлила долго съ отвѣтомъ, но наконецъ подъ вліяніемъ польскихъ пословъ объявила, что предоставляетъ все благоусмотрѣнію дочери и коронныхъ вельможъ, въ надеждѣ, что они поступятъ такъ, какъ того потребуетъ благо королевства и церкви. Съ литовско-польскимъ посольствомъ отправились два венгерскіе уполномоченные, которые должны были словесно устроить все дѣло съ Ягелло. Посольство по пріѣздѣ въ Краковъ, созвало на съѣздъ обывателей и, не смотря на различіе мнѣній, было рѣшено, какъ скоро Ягелло подтвердитъ обѣщаніе своихъ пословъ, торжественно пригласить его на престолъ. Это словесное и письменное подтвержденіе Ягеллы получили венгерско-польскіе послы въ Кревѣ (14 авг. 1385).

Казалось, что уже болѣе не будетъ препятствій къ осуществленію этого брака. Между тѣмъ возникли разныя затрудненія. Крестоносцы, которымъ не нравился этотъ союзъ, увѣдомили во время Леопольда о намѣреніяхъ Ягеллы. Едва затѣмъ уѣхала отъ Ели-

саветы литовско-польская депутація, прибылъ въ Буду Леопольдъ, и поддержанный Владиславомъ Опольскимъ, добился отъ Елисаветы обѣщанія (27 іюля), что въ теченіе трехъ недѣль, въ силу гаймбургскаго договора, Вильгельмъ и Ядвига будутъ обвѣнчаны. Владиславъ Опольскій долженъ былъ въ Краковѣ дождаться исполненія этого обязательства. Это извѣстіе наполнило отрадою сердце Ядвиги, не желавшей брака съ Ягеллою, и нѣсколько придворныхъ отправилось, по ея порученію, въ Вѣну, но безъ вѣдома короннаго совѣта, для приглашенія Вильгельма на свадьбу. Въ Вѣнѣ приняли депутацію за пословъ польскаго народа. Вильгельмъ собрался тотчасъ же въ Краковъ съ блестящею свитою и съ хорошо снабженною казною, а въ тоже время крестоносцы, желая воспрепятствовать Ягеллѣ домагаться руки Ядвиги, вторгнулись въ его земли. Вильгельмъ по прибытіи въ Краковъ, остановился въ гостинницѣ, ибо въ замокъ не допустилъ его краковскій каштелянъ Добѣславъ. Коронный совѣтъ ни за что не хотѣлъ согласиться на бракъ Ядвиги съ Вильгельмомъ. И когда королева, послѣ довольно частыхъ прогулокъ съ женихомъ по столовой францисканскаго монастыря, рѣшила, при содѣйствіи нѣкоторыхъ придворныхъ, во что бы то ни стало тайно обвѣнчаться, и для этого велѣла впустить его секретно въ замокъ, дѣло приняло такой комическій оборотъ, что Вильгельмъ вынужденъ былъ, чрезъ замковую ограду, совершить путешествіе въ корзинѣ, а Ядвигѣ воспрещено было удаляться изъ замка. Наконецъ молодой ракузскій герцогъ, присутствіе котораго въ Краковѣ сдѣлалось для него не вполнѣ безопаснымъ, долженъ былъ уѣхать домой, а его невѣсту, желавшую силою покинуть замокъ, удержалъ отъ поступка безумнаго отчаянія Димитрій изъ Горая.

Среди этихъ происшествій прибыли польскіе послы изъ Крева, и коронный совѣтъ, не взирая на присутствіе Вильгельма, и на перекоръ желаніямъ Ядвиги, отправилъ (въ декабрѣ) къ Ягеллѣ приглашеніе на престолъ. Уполномоченные совѣта заключили съ нимъ окончательно договоръ (12 янв. 1386) въ Вилковискѣ, по

которому, отдавая ему, какъ избранному королю, руку Ядвиги, пригласили его на съѣздъ въ Люблинъ (2 февр.). Между тѣмъ епископы усердно дѣйствовали на убѣжденія Ядвиги, желая привести ее къ сознанію необходимости вытти за мужъ за Ягелло, въ виду блага королевства и церкви, увѣряя, что обрученіе съ Вильгельмомъ, совершенное во время малолѣтства, отнюдь не обязательно. Ядвига успокоила такимъ образомъ свою совѣсть и въ тоже время узнала отъ курьера Завиши, что тотъ языческій князь, которымъ пугали ея почти дѣтское воображеніе, былъ красавцемъ и вообще человѣкомъ возбуждающимъ полное уваженіе. Окруженный блестящею свитою князей и литовскихъ бояръ, а равно и польскихъ магнатовъ, Ягелло совершилъ торжественный въѣздъ въ Краковъ (12 февр.), и въ доказательство выполненія обязательствъ, далъ предварительно заложниковъ. Спустя три дня происходило торжественное крещеніе Ягеллы, родныхъ братьевъ — Вигунда, Коригеллы и Свидригеллы, двоюроднаго брата Витольда, который приступалъ къ этому обряду уже въ третій разъ. Гроссмейстеръ Кольнеръ, приглашенный въ крестные отцы Ягеллы вовсе не явился, извиняясь невозможностію пускаться въ столь дальній путь. Вскорѣ послѣ крещенія Владиславъ былъ обвѣнчанъ съ Ядвигою, которая предварительно, по собственной волѣ, потребовала отъ мѣстной духовной власти объявленія брака заключеннаго въ дѣтствѣ съ Вильгельмомъ недѣйствительнымъ. Въ день свадьбы (18-го февраля) Владиславъ издалъ ко всему земскому сословію грамоту, по которой обязался раздавать почести и должности въ каждой землѣ лишь мѣстнымъ землевладѣльцамъ и то по приговору мѣстнаго земства, а замки, гроды и староства, людямъ рыцарскаго званія, уроженцамъ королевства. Онъ обязался вознаградить землевладѣльцевъ за всѣ издержки, понесенныя ими во время заграничныхъ походовъ, а также главные убытки, причиненные войною внутри края, заплатить выкупъ за плѣнныхъ, ограничиться податью въ размѣрѣ двухъ грошей съ каждаго осѣдлаго лана и, наконецъ, упразднить навсегда королевскія должности

такъ называемыхъ *окравцевъ* (orrawcy, наличники, городскіе служители), имѣющихъ судебную власть въ дѣлахъ исправительныхъ, и особенно въ дѣлахъ по воровству. Спустя двѣ недѣли происходила коронація (4 мар.), во время которой Ягелло присягнулъ исполнить самымъ добросовѣстнымъ образомъ всѣ свои обѣщанія и обязательства.

Вскорѣ послѣ коронаціи, королевская чета отправилась въ сопровожденіи многочисленнаго двора и войска, въ Великопольшу. По дорогѣ она не встрѣчала, со стороны народа, особыхъ заявленій радости, а въ Гнѣзнѣ, ей отказали даже въ доставленіи провизіи изъ ближайшихъ церковныхъ имѣній. Когда же Владиславъ велѣлъ занять силою имущество непослушныхъ деревень, гнѣзненскій пробощъ наложилъ на городъ интердиктъ, передъ самыми праздниками Пасхи. Ядвига уговорила мужа возвратить заграбленное, а когда ее утѣшали тѣмъ, что обида уже совершенно заглажена, она возразила съ чувствомъ: „знаю, что имъ возвратили имущество, но ктожъ возвратитъ имъ слезы?“ Въ Познани Владиславъ пробылъ нѣсколько долѣе, чтобы успокоить Великопольшу. Бартошъ изъ Одолянова, не хотѣвшій явиться въ судъ, былъ заочно приговоренъ къ утратѣ Одолянова и къ изгнанію. Но вымоливъ у короля прощеніе, онъ не только былъ помилованъ, но получилъ еще познанское воеводство. Другіе подверглись строгому наказанію, но въ тоже время были отмѣнены несправедливые приговоры познанскаго судьи Яна изъ Черникова, прозваннаго кровавымъ венеціянскимъ сатаною. Успокоивъ Великопольшу, Владиславъ возвратился съ женою въ Краковъ (въ концѣ іюля), откуда отправился на съѣздъ въ Новый Корчинъ. На этомъ съѣздѣ, послѣ утвержденія всѣхъ льготъ, онъ былъ признанъ королемъ.

Въ то время когда король былъ занятъ успокоеніемъ Великопольши, крестоносцы воевали въ Литвѣ, а бывшій съ ними въ соглашеніи смоленскій князь Святославъ, двоекратно вторгался въ ея владѣнія съ противоположной стороны. Высланныя изъ Польши

подкрѣпленія, соединившись съ литовскимъ рыцарствомъ, удачно отразили непріятеля. Крестоносцы сражались еще другимъ оружіемъ. Когда Вильгельмъ ракузскій, послѣ возвращенія изъ неудачной поѣздки за женою, обратился ко всѣмъ европейскимъ дворамъ съ жалобою на нанесенную ему, будто бы, въ Польшѣ обиду, крестоносцы сочли его дѣло своимъ собственнымъ и обвинили Владислава въ незаконномъ похищеніи жены и короны. Кромѣ того они хотѣли увѣрить весь свѣтъ, что коварное крещеніе Ягеллы угрожаетъ большою опасностію всему христіанству, что затѣмъ, всѣ должны поддерживать орденъ въ войнѣ съ такимъ врагомъ вѣры. Предвидя отчаянную борьбу, гроссмейстеръ заключилъ наступательно-оборонительные союзы съ померанскими князьями.

Между тѣмъ въ Венгріи произошли важныя перемѣны. Елисавета, не сочувствовавшая зятьямъ, которыхъ избралъ ея мужъ, хотѣла отдѣлаться отъ Сигизмунда, а Марію выдать замужъ за французскаго принца. Изгнавъ два раза Сигизмунда, она должна была вскорѣ сражаться съ болѣе страшнымъ врагомъ, именно съ неаполитанскимъ королемъ Карломъ Дураццо, котораго возвела на престолъ враждебная ей партія. Карлъ былъ превозглашенъ королемъ и короновался почти безъ сопротивленія (въ концѣ дек. 1385). Но царствованіе его было кратковременно, ибо, по внушеніямъ Елисаветы, онъ палъ подъ ножемъ убійцы (24 февр. 1386). Избавившись отъ зятя и узурпатора, Елисавета заключила наступательно-оборонительный договоръ съ Владиславомъ (9 іюня), что уравновѣшивало союзы крестоносцевъ. Что же касается брака Ядвиги, то не смотря на жалобы Вильгельма и арестованіе въ Вѣнѣ польскаго посла Николая Тронбы, на дѣло это смотрѣли въ Римѣ гораздо лучшими глазами, нежели того желали противники Владислава.

Вѣрный данному обѣту, король отправился (въ концѣ окт.) въ Литву, чтобы ввести въ ней христіанство. Прежде однакожъ онъ убѣждалъ гроссмейстера въ необходимости упрочить миръ. Послѣдній отвѣчалъ, что во все время обращенія литовцевъ, охотно

пріостановитъ непріязненныя дѣйствія, но о безотлагательномъ заключеніи постояннаго мира и рѣчи быть не можетъ. По прибытіи въ Вильно, Владиславъ созвалъ князей и именитѣйшихъ бояръ для обсужденія средствъ, къ какимъ слѣдуетъ прибѣгнуть, желая народъ склонить принять римско-католическую вѣру. Состоялось рѣшеніе принуждать лишь природныхъ литовцевъ перемѣнить вѣру, русинамъ же предоставить свободное исповѣданіе православія. Для бо̀льшаго поощренія, Владиславъ призналъ (20 марта 1387) за боярами, принимающими латинское исповѣданіе, нѣкоторыя льготы коронныхъ землевладѣльцевъ. Каждый изъ нихъ могъ отнынѣ распоряжаться своимъ имуществомъ, выдавать дочерей замужъ по своему усмотрѣнію, былъ свободенъ отъ личныхъ повинностей, за исключеніемъ помощи при сооруженіи за̀мковъ, а также отъ военной службы на собственный счетъ, и, наконецъ, пріобрѣталъ право требовать въ своемъ собственномъ уѣздѣ самаго поспѣшнаго дѣйствія правосудія. Съ отступленіемъ отъ латинскаго обряда терялись эти льготы. Сопротивлявшихся принятію католической вѣры, можно было принуждать къ тому тѣлесными наказаніями. Король воспретилъ послѣдователямъ римскаго обряда заключать браки съ иновѣрцами, постановивъ при этомъ, что если одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ латинскую вѣру, другой долженъ также непремѣнно сдѣлаться ея послѣдователемъ. Простолюдинамъ обѣщали новую одежду изъ бѣлаго сукна, какъ скоро примутъ крещеніе. Король основалъ тотчасъ же въ Вильнѣ латинское епископство и семь приходскихъ костеловъ, а затѣмъ уже приступилъ къ самому дѣлу обращенія. Собравшемуся въ столицѣ многочисленному народу объясняли главныя основанія вѣры, въ чемъ принималъ усердное участіе и самъ Владиславъ. Онъ велѣлъ также разрушать языческіе храмы, срубать деревья и священныя рощи, убивать змѣи и всякихъ животныхъ, считавшихся священными, разбивать, топить или сжигать идоловъ. Никто не отваживался сопротивляться, а толпы народа, убѣжденныя въ безсиліи прежнихъ боговъ, спѣшили на крещеніе. Когда по причинѣ давки невоз-

можно было крестить каждаго въ отдѣльности, составлялись мужескія и женскія группы и, по окропленіи ихъ святою водою, давали каждой группѣ общее имя. Только болѣе зажиточныхъ гражданъ крестили отдѣльно. Изъ Вильно Владиславъ предпринялъ миссіонерское путешествіе по странѣ, во время котораго крещеніе массъ было явленіемъ, едва ли не ежедневнымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ приняла христіанство почти вся Литва, за исключеніемъ Жмуди. Передавъ управленіе Литвою своему брату Скиргеллѣ, Владиславъ возвратился (въ іюлѣ) въ Краковъ и снарядилъ, не медля, посольство къ папѣ по дѣлу своего бракосочетанія и съ донесеніемъ объ обращеніи Литвы.

Пока Владиславъ находился въ Литвѣ, положеніе дѣлъ въ Венгріи нѣсколько измѣнилось. Непріязненные Елисаветѣ Герваты схватили ее вмѣстѣ съ Маріею во время путешествія и помѣстивъ въ Новомъ градѣ, хотѣли вывезти въ Неаполь. Пользуясь этимъ, Сигизмундъ, прогнанный уже два раза, возвратился въ Венгрію и, при содѣйствіи своего брата Вячеслава, овладѣлъ королевствомъ. Елисавету же Герваты велѣли умертвить (9 февр. 1387) въ глазахъ ея родной дочери. Эти венгерскія смуты представили весьма удобный случай возвратить Червонную Русь, а потому Ядвига двинулась во главѣ короннаго рыцарства (около половины февр. 1387) въ русскія земли. Вся Русь сдалась почти безъ сопротивленія, за исключеніемъ Галича, защиту котораго взялъ на себя какой-то Венедиктъ. Отмѣнивъ въ Львовѣ всѣ повинности, пошлины и дани, которыми жителей обложилъ или Владиславъ Опольскій или Венгрія, Ядвига возвратила русскимъ землямъ права и льготы, установленныя Казиміромъ.

Владиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, направился тотчасъ же въ Галицкую Русь и, подтвердивъ права тамошнихъ жителей, принудилъ Венедикта къ сдачѣ Галича. Владиславъ роздалъ при этомъ случаѣ значительныя пространства русскихъ земель малопольскимъ магнатамъ, вознаграждая ихъ заслуги по дѣлу его бракосочетанія съ Ядвигою. Въ Львовъ прибылъ также воевода мол-

давскій Петръ и принесъ (въ концѣ окт.) Владиславу и польской коронѣ присягу въ вѣрности.

Галицкая Русь много выиграла отъ этого соединенія съ Польшею. Обширныя пустыни начали теперь заселяться, жители стали получать разныя права и льготы. Вѣрѣ и древнимъ обычаямъ была предоставлена полная терпимость и дозволено было употреблять мѣстный языкъ во всѣхъ оффиціальныхъ дѣлахъ. Жители до того были довольны своимъ новымъ положеніемъ, что извѣстіе, будто бы, Русь, снова отойдетъ къ Венгріи, заставило ихъ снарядить посольство къ Владиславу и Ядвигѣ съ просьбою не отдѣлять ихъ. Владиславъ далъ посламъ въ Люблинѣ письменное увѣреніе (30 сент. 1388), что никому не уступитъ Червонной Руси, а удержитъ ее вмѣстѣ съ польскимъ королевствомъ для себя, жены и дѣтей. Но подобно тому какъ русины желали дальнѣйшаго союза съ Польшею, — Сигизмундъ съ Маріею пытались оторвать Русь, считая ее собственностію венгерской короны. Возникли угрозы и недоразумѣнія. Владиславъ согласился охотно на посредничество папскаго легата. Послѣдній устроилъ перемиріе на годъ, по которому окончательное разрѣшеніе дѣла о Руси отложено на будущее время.

Супружескія отношенія Владислава и Ядвиги нѣсколько охладѣли, по поводу низкаго наушничества Гнѣвоша изъ Далевицъ. Послѣдній, бывъ сперва довѣреннымъ лицомъ Вильгельма, чернилъ теперь Ядвигу въ глазахъ Владислава, говоря, будто бы, она секретно принимаетъ въ замкѣ Вильгельма. Королевѣ же доносилъ, будто бы, Владиславъ завелъ на сторонѣ любовныя связи. Это подало поводъ къ весьма неназидательнымъ сценамъ и Ядвига не хотѣла даже смотрѣть на мужа. Польскіе магнаты, опасаясь расторженія брака и, слѣдовательно, ослабленія союза Литвы съ короною, работали весьма усердно надъ примиреніемъ супруговъ. Гнусный доносчикъ былъ открытъ и, потребованный по волѣ Ядвиги, въ открытый судъ въ Вислицѣ, долженъ былъ, лежа подъ скамьею, во все продолженіе суда, повторить свою клевету громко [1]).

---

[1]) Это называлось на польскомъ судебномъ языкѣ «odszczekać pod ławą»,

Владиславъ, сдѣлавшись польскимъ королемъ и великимъ княземъ Литвы, поддерживалъ польскимъ оружіемъ свое отечество въ войнахъ съ крестоносцами. Орденъ жаловался громко папѣ и императору, что польскій король, не смотря на принятіе христіанской вѣры, покровительствуетъ язычникамъ. Но такъ какъ папа склонялъ орденъ къ миру съ Польшею, то гроссмейстеръ и начиналъ нѣсколько разъ переговоры съ этою цѣлію съ польскими уполномоченными въ Торунѣ, Раціонжѣ, Сольцѣ и Нидборѣ (1388 — 9). Переговоры эти ни къ чему не повели, ибо крестоносцы не переставали требовать, чтобы поляки не давали вооруженной помощи Литвѣ, а для себя требовали гарантіи такихъ правъ, по которымъ орденъ заявлялъ притязанія едва ли не на всѣ литовскія владѣнія. Литовско-польскіе уполномоченные весьма основательно отвѣтили, что орденъ имѣетъ въ виду не распространеніе вѣры, но расширеніе своихъ земель на счетъ Литвы. И когда, на основаніи подобныхъ условій, они не хотѣли вступать въ переговоры, орденъ началъ разглашать по всей Европѣ, что послѣ истощенія всевозможныхъ средствъ склонить Владислава къ миру, онъ долженъ взяться за оружіе, въ виду собственной защиты и защиты всего христіанства.

Въ Литвѣ, угрожаемой безпрестанно со стороны крестоносцевъ, возникли вновь несогласія въ великокняжеской семьѣ. Витольдъ, жаждавшій великокняжеской власти, принялъ близко къ сердцу назначеніе Скиргеллы правителемъ Литвы. Желая, съ помощію постороннихъ связей, проложить себѣ дорогу къ великокняжескому престолу, Витольдъ обручилъ свою дочь Анастасію съ сыномъ великаго князя московскаго Димитрія Іоанновича — Василіемъ. Эти хлопоты возбудили подозрѣніе въ Владиславѣ и онъ поручилъ Скиргеллѣ не только строго слѣдить за всѣми его дѣйствіями и не допускать отправленія посольствъ за границу, но также гон-

---

т. е. *лаять подъ скамьею* и считалось весьма позорнымъ наказаніемъ.

Примѣч. перев.

цовъ, прибывающихъ отъ него съ оправданіемъ, подвергать пыткамъ, для узнанія отъ нихъ тайныхъ намѣреній Витольда. Послѣдній, раздраженный до крайности, рѣшился, послѣ соглашенія съ нѣкоторыми виленскими мѣщанами, аттаковать виленскій замокъ. Но когда покушеніе не удалось, а личности его угрожала опасность, онъ волею не волею, долженъ былъ призвать на помощь крестоносцевъ, которые всегда были готовы поддержать враговъ Владислава. Прежде нежели орденъ приступилъ къ переговорамъ съ Витольдомъ, онъ потребовалъ всевозможныхъ ручательствъ, что онъ не обманетъ ихъ вторично. Витольдъ долженъ былъ отдать заложниками жену, дѣтей, братьевъ, нѣсколькихъ родственниковъ и болѣе ста бояръ, далѣе впустить ихъ гарнизоны въ главнѣйшіе города и замки и наконецъ возобновить прежнее обязательство — подчиняться ордену, вмѣстѣ со всѣмъ великимъ княжествомъ, въ качествѣ вассала. Имѣя уже заложниковъ, которыхъ крестоносцы размѣстили по разнымъ крѣпостямъ, они заключили (въ началѣ 1390) договоръ съ Витольдомъ, по которому обязались всѣмъ могуществомъ ордена помочь ему завладѣть Литвою. При его содѣйствіи приступили къ союзу и жмудскіе язычники, которымъ, за оказываемую вооруженную помощь противъ Владислава, онъ дозволилъ оставаться и впредь въ язычествѣ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ заключенія этого союза, 40,000 войско вторглось въ Литву, но, послѣ сожженія нѣсколькихъ замковъ, возвратилось домой съ 2000 плѣнныхъ. Гораздо ловче распорядился Владиславъ. Получивъ извѣстіе о соглашеніяхъ Витольда съ крестоносцами, онъ вторгнулся съ польскимъ рыцарствомъ (въ февр. 1390) въ Полѣсье, взялъ Брестъ-Литовскій, Каменецъ, и послѣ болѣе продолжительной осады и Гродно. Управленіе отнятыхъ у Витольда крѣпостей, Владиславъ ввѣрилъ польскимъ старостамъ, а въ Вильнѣ оставилъ Николая изъ Москоржева, съ значительнымъ отрядомъ польскаго рыцарства.

Крестоносцы предприняли (въ авг.) вторичный походъ въ Литву. Ихъ полчища, подкрѣпленныя рыцарями-волонтерами изъ

разныхъ странъ Европы и отрядами Витольда, были весьма многочисленны. Разгромивъ войско Скиргеллы, желавшее имъ воспрепятствовать переправу черезъ Нѣманъ, крестоносцы подступили къ Вильно, который имѣлъ три укрѣпленные форта. Одинъ изъ нихъ, называвшійся Крживо-гродомъ, крестоносцы взяли силою, въ чемъ имъ помогла измѣна нѣсколькихъ русиновъ, произведшихъ пожаръ внутри форта. Но оборона верхняго замка, гдѣ командовалъ Москоржевскій, была столь мужественна, что не смотря на громадныя усилія и сильную артиллерію, крестоносцы не могли имъ овладѣть и, послѣ 50-ти дневной осады, по поводу распутицы, вынуждены были сняться лагеремъ и отправиться во свояси. На возвратномъ пути они отмѣчали свое шествіе ужасными опустошеніями. Потери литовцевъ убитыми и плѣнными были весьма значительны. Въ числѣ убитыхъ былъ Коригелло, братъ Владислава и князь Наримунтъ. И у крестоносцевъ не мало убыло изъ строя. Послѣ ихъ ухода былъ такой страшный голодъ въ Литвѣ, что Владиславъ долженъ былъ доставлять изъ Польши огромные запасы продовольствія. Сверхъ того онъ снабжалъ Литву оружіемъ и принадлежностями обмундированія. Убѣдившись въ неспособности Скиргеллы, который, къ тому же, предавался пьянству, Владиславъ назначилъ его правителемъ кіевской Руси, съ титуломъ великаго князя, а намѣстничество въ Литвѣ ввѣрилъ другому своему брату Виганду (Александру). Послѣ Москоржевскаго виленскимъ старостою былъ Ясекъ изъ Олесницы — человѣкъ, отличавшійся мужествомъ и хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ.

Когда крестоносцы возвратились изъ похода, они не застали уже въ живыхъ гроссмейстера Конрада Кольнера († 20 авг.). Заступившій его мѣсто великій командоръ ордена Конрадъ Валленродъ дѣлалъ видъ, будто бы, желаетъ мира съ Владиславомъ. Онъ обращался, даже, къ посредничеству Ядвиги, мазовецкихъ князей и польскихъ магнатовъ, утверждая, что орденъ охотно передастъ свои требованія относительно Литвы на обсужденіе людей, компетентныхъ въ юридическомъ дѣлѣ. Но не смотря на это, въ земляхъ

ордена дѣлались большія приготовленія къ войнѣ. А между тѣмъ когда великій князь московскій Василій Дмитріевичъ женился на дочери Витольда, слѣдовало опасаться также, что, въ случаѣ новаго нападенія крестоносцевъ, великій князь будетъ помогать своему тестю. Вотъ почему Владиславъ также не оставался безмолвнымъ зрителемъ и заключилъ наступательно - оборонительный союзъ противъ крестоносцевъ (въ нояб. 1390) съ поморскими князьями — Вартиславомъ, Богуславомъ и Барнимомъ, которые и принесли ленную присягу въ Пыздрахъ.

Едва послѣдовало избраніе Валленрода въ гроссмейстеры (12 мар. 1391) начались вновь переговоры. Польскіе уполномоченные прибыли въ Мальборгъ и согласились (8 апр.) на перемиріе до конца іюля. Далѣе было условлено, чтобы уполномоченные со стороны поляковъ и крестоносцевъ прибыли до истеченія перемирія (13 іюля) въ Злоторію, и по разсмотрѣніи, въ продолженіе 10 дней, всѣхъ споровъ и составленіи условій постояннаго мира, должно было происходить, въ удобномъ мѣстѣ, свиданіе короля съ гроссмейстеромъ, для окончательнаго утвержденія всего договора. Подобными переговорами орденъ хотѣлъ лишь отуманить Европу, ибо, въ дѣйствительности, въ тайнѣ работалъ надъ неосуществленіемъ мира. И теперь уполномоченные крестоносцевъ, обѣщаніемъ великолѣпныхъ празднествъ, заманивали рыцарскихъ гостей, а когда послѣдніе явились съ многочисленными дружинами, орденъ оправдывался тѣмъ, что, уступая ихъ требованіямъ, вынужденъ предпринять походъ въ земли язычниковъ. Кромѣ того гроссмейстеръ принималъ у себя всѣхъ недовольныхъ Владиславомъ, къ числу которыхъ примкнулъ теперь куявскій епископъ, силезскій князь Янъ, прозванный *кропильницею*. Послѣдній выпросилъ для себя, послѣ смерти Бодзанты, у папы Бонифація IX гнѣзненское архіепископство, но Владиславъ отдалъ его Доброгосту, а Яна велѣлъ арестовать и, даже, удалить изъ куявскаго епископства. Янъ обратился къ крестоносцамъ, съ которыми входилъ въ тайные переговоры и дядя Яна — Владиславъ Опольскій, заложившій имъ, даже, неза-

конно Злоторію. Все это происходило во время перемирія. Къ этому времени собрались также и рыцарскіе гости въ Пруссіи. Валленродъ хотѣлъ выждать окончанія перемирія, но кровопролитныя стычки, возникшія между прибывшими, заставили его поспѣшить походомъ. На этотъ разъ собравшееся войско простиралось до 70,000 человѣкъ. Близь Ковно былъ приготовленъ съ неслыханнымъ великолѣпіемъ прощальный пиръ, и затѣмъ войско двинулось къ Вильно, но когда узнали, что Олесницкій опустошилъ весь край на пространствѣ пяти миль вокругъ столицы, войско направилось въ другія стороны. Весь походъ ограничился взятіемъ нѣсколькихъ замковъ и сооруженіемъ трехъ новыхъ, которые были отданы Витольду, но тѣмъ не менѣе, для большей безопасности, заняты гарнизонами крестоносцевъ. Вскорѣ гроссмейстеръ снарядилъ значительный отрядъ, съ помощію котораго Витольдъ взялъ Гродно, ибо большинство гарнизона, составленное изъ русиновъ и литовцевъ, вошло съ нимъ въ переговоры, а поляковъ, желавшихъ защищаться до послѣдней крайности, передало въ руки враговъ.

Уступка Злоторіи крестоносцамъ до того раздражила короля и магнатовъ, что рѣшено было отнять у вѣроломнаго ленника, не принесшаго до сихъ доръ, даже, покорности — добржинскую и гнѣвковскую земли и изгнать его изъ края. Владиславъ Опольскій, взявъ отъ крестоносцевъ деньги, отправился въ Венгрію, а польскій отрядъ вступилъ подъ начальствомъ Кржона изъ Козихгловъ, въ добржинскую землю. Отрядъ взялъ Рыпинъ и приступилъ къ осадѣ Бобровника. Начальникъ гарнизона Шарый защищался мужественно 12 недѣль, послѣ чего сдалъ замокъ крестоносцамъ, съ которыми Кржонъ не хотѣлъ вступать въ бой, не имѣя на то яснаго полномочія. Занятіе Бобровника прямо указало, что крестоносцы имѣютъ притязаніе не только на Литву, но и на Польшу, что затѣмъ противъ нихъ слѣдуетъ сосредоточить всѣ силы, а для этого необходимо соглашеніе съ Витольдомъ. Соглашеніе это вскорѣ состоялось, такъ какъ Владиславъ предложилъ

Витольду, въ случаѣ совершеннаго разрыва его съ орденомъ, великокняжеское званіе, сдѣлавшееся вакантнымъ послѣ недавно умершаго Виганды. Перевезя жену и часть заложниковъ въ Риттерсвердеръ, Витольдъ обезоружилъ (въ концѣ іюня 1392) гарнизонъ крестоносцевъ, и овладѣвъ также другими замками, занятыми частію крестоносцами, поспѣшилъ въ Вильно, гдѣ Олесницкій принялъ его съ почестью. Вскорѣ прибылъ Владиславъ съ Ядвигою въ Островъ, близь Лиды, и окончательно помирился съ Витольдомъ, который, получивъ великокняжеское званіе, далъ обѣтъ Ядвигѣ (4 авг.), помогать въ борьбѣ со всѣми врагами Польши, въ силу вѣчнаго союза, заключеннаго съ польскимъ королевствомъ. Ядвига же обѣщала строго слѣдить за мужемъ, по исполненію принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Нѣсколько позже, при посредничествѣ Владислава и Ядвиги, Витольдъ и Скиргелло примирились также и обѣщали другъ другу взаимную любовь и братскую помощь. Скиргелло призналъ Витольда великимъ литовскимъ и трокскимъ княземъ, а за то Витольдъ съ своей стороны, уступилъ ему всѣ свои прежнія владѣнія на Волыни.

Крестоносцы, раздраженные отступничествомъ Витольда, заключили въ тюрьму его брата Сигизмунда, отравили сыновей и распустили въ Европѣ слухъ, что онъ обратился вновь въ язычество. Сверхъ того они вошли въ соглашеніе съ венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ, который хотѣлъ имъ продать не только бранденбургскую мархію, но даже Куявы и добржинскую землю. Самъ магистръ пришелъ въ изумленіе отъ дерзости Сигизмунда, желавшаго продать чужую собственность, безъ малѣйшаго на то права. Онъ не уклонялся, однакожъ, отъ переговоровъ, лишь бы венгерскій король представилъ свои права на помянутыя земли. Вскорѣ явился къ Валленроду самъ Владиславъ Опольскій и заложилъ ему Добржинскую землю за 50,000 венгерскихъ злотыхъ. Жители должны были тотчасъ же принести присягу въ вѣрности. Уладивъ это дѣло, Владиславъ Опольскій сознался гроссмейстеру, что венгерскій король, совмѣстно съ нимъ, моравскимъ маркграфомъ, гор-

лицкимъ княземъ и ракузскимъ архіепископомъ замышляетъ свергнуть съ престола Владислава, а Польшу раздѣлить и для этой цѣли приглашаетъ крестоносцевъ приступить къ союзу. Согласно этому плану крестоносцамъ предназначались Литва, Мазовія и часть Польши къ сѣверу отъ Калиша. Краковская и сендомирская земли, также Русь, должны были достаться Венгріи, а край по ту сторону Варты — императору и моравскому маркграфу. Видя всю несообразность этого плана, гроссмейстеръ не хотѣлъ вступать въ переговоры и обѣщалъ только какъ скоро Сигизмундъ начнетъ войну съ Владиславомъ, одновременно вступить въ Польшу, если только будетъ предупрежденъ за 14 дней. Получивъ извѣстіе о занятіи добржинской земли, коронныя сословія отправили строгую декларацію къ магистру и ордену, называя этотъ поступокъ беззаконіемъ. Но магистръ отвѣтилъ польскому уполномоченному, что, взявъ однажды въ залогъ землю, онъ отдастъ ее лишь съ разрѣшенія Опольскаго князя и по полученіи обратно ссуженной суммы.

Въ этомъ году крестоносцы вторгались два раза въ Литву. Во время перваго похода они сожгли Суражъ, а потомъ Гродно, изъ обоихъ же городовъ вывели не мало плѣнныхъ. Папа, увѣщавшій крестоносцевъ заключить миръ съ Владиславомъ, прислалъ, наконецъ, своего легата (6 февр. 1393). Послѣдній убѣдился лично въ Литвѣ въ усердіи короля въ дѣлѣ распространенія христіанства и, пріѣхавъ въ Мальборгъ, работалъ надъ осуществленіемъ мира. И дѣйствительно, въ Торунѣ начались переговоры, но прекратились послѣ 10-ти дневныхъ споровъ, не приведя ни къ какому результату. Когда Владиславъ замѣтилъ, что крестоносцы умышленно предлагаютъ условія, на которыя никакимъ образомъ нельзя согласиться, онъ не медля прервалъ переговоры. Вскорѣ потомъ отрядъ крестоносцевъ напалъ на Злоторію, замокъ Януша мазовецкаго, схватилъ самаго князя и, разграбивъ всѣ драгоцѣнности, отпустилъ его на свободу. Эти рыцари-грабители двинулись за тѣмъ къ Гродно, который не успѣлъ еще

оправиться отъ пожара, сожгли его вновь, и послѣ этого поспѣшили обратно въ Пруссію, ибо во время похода дошло до нихъ извѣстіе, что магистръ Валленродъ, послѣ непродолжительной болѣзни, скончался среди самыхъ ужасныхъ мученій (въ іюлѣ 1393). Его преемникъ Конрадъ Юнгингенъ былъ человѣкъ съ весьма мирными наклонностями и когда Ядвига удерживала своего мужа и его братьевъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій, казалось, что на нѣкоторое время съ обоихъ сторонъ, прекратятся военныя дѣйствія. Даже съ Владиславомъ Опольскимъ было заключено перемиріе, хотя этотъ онѣмеченный князь уклонился отъ принесенія Владиславу должной ленной присяги и, въ довершеніе, взялъ отъ крестоносцевъ, на счетъ добржинской земли, значительную сумму.

Наплывъ рыцарскихъ гостей принудилъ (1394) гроссмейстера предпринять два похода въ Литву. Во время перваго похода было взято нѣсколько замковъ, а во время втораго былъ вновь отстроенъ Риттерсвердеръ. Витольдъ пытался воспрепятствовать этому и, когда значительныя потери заставили его отступить, магистръ направился къ Вильно, рѣшившись взять силою этотъ городъ. Мужественная оборона гарнизона и быстрое приближеніе Витольда съ литовско-польскимъ войскомъ, парализировали всякія усилія крестоносцевъ, которымъ пришлось испытать страшнѣйшій голодъ. Усомнившись въ возможности взять Вильно, Юнгингенъ возвратился во свояси изъ неудачнаго похода, съ сильно порѣдѣвшими полчищами, и, убѣжденный что не завоюетъ Литвы, соединенной съ Польшею, началъ совмѣстно съ орденомъ усердно работать надъ разрушеніемъ этого союза. Прежде всего пытались незамѣтно склонить Витольда къ заключенію договора, желая такимъ образомъ поссорить его съ подозрительнымъ Владиславомъ. Витольдъ сначала не поддавался искушенію и во время съѣзда (1395) на островѣ Дубиссѣ, гдѣ происходилъ обмѣнъ плѣнныхъ, ни за что не хотѣлъ входить въ переговоры съ орденомъ, не смотря на всѣ уловки, къ которымъ прибѣгали. Впрочемъ онъ не могъ тогда еще противиться Владиславу, потому что желалъ полу-

чить послѣ Скиргеллы (отравленнаго въ концѣ 1394) кіевскую Русь.

Уловки и старанія крестоносцевъ не были чужды польскому правительству, а потому Владиславъ старался оградить себя союзами, чтобы уравновѣсить могущество противниковъ. Смерть венгерской королевы Маріи (17 мая 1395) измѣнила во многомъ отношенія всѣхъ сосѣдей. Сражаясь съ непріязненною партіею въ самой Венгріи, Сигизмундъ долженъ былъ сблизиться съ Владиславомъ и Ядвигою, а потому прервать, по крайней мѣрѣ на время, союзъ съ орденомъ. Старшій его братъ, чешскій король Вячеславъ, заключилъ даже (11 іюня) союзъ съ польскимъ королемъ и первымъ результатомъ этого союза было предложеніе крестоносцамъ, въ виду существующаго между Польшею и орденомъ мира, не нападать на Литву, которая включена въ земли польскаго короля. Магистръ убѣждалъ императора, а еще болѣе германскихъ князей, въ томъ, что въ никакомъ случаѣ не можетъ отказаться отъ походовъ въ земли язычниковъ, ибо миръ съ Польшею заключенъ только по наружности и что отнюдь нельзя разсчитывать на обѣщанія и обязательства литовцевъ и русиновъ. Всѣ эти уловки сходили съ рукъ до поры до времени.

Владиславъ рѣшился наказать сперва князя Опольскаго, который не только не принесъ ленной присяги, но сносился и явно и скрытно съ врагами Польши. Въ тайномъ совѣтѣ, составленномъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, былъ начертанъ планъ похода и, когда всѣ приготовленія были кончены, два польскіе отряда внезапно вторглись въ велюньскую и остржешовскую земли. Въ теченіи одной недѣли взяты всѣ замки и форты въ обоихъ этихъ владѣніяхъ Владислава Опольскаго, за исключеніемъ Болеславца. Одновременно овладѣли и частью Кујавъ, такъ что изъ всѣхъ владѣній за Владиславомъ Опольскимъ остались одни лишь Болеславце. Хотя пунктъ этотъ былъ по положенію своему весьма укрѣпленъ, но и онъ не избѣгнулъ осады. Такъ какъ опольскіе князья помогали своему дядѣ и этимъ затрудняли взятіе Боле-

славца, король (1396) выступилъ противъ нихъ лично и занятіемъ княжества заставилъ ихъ дать обѣщаніе не снабжать замка подкрѣпленіями. Не смотря на это Болеславецъ защищался еще шесть лѣтъ и Оффка сдала его королю, лишь послѣ смерти мужа.

Побѣдивъ Опольскаго князя, потребовали отъ крестоносцевъ возвращенія добржинской земли, и когда письменные переговоры не привели къ цѣли, былъ назначенъ съѣздъ въ Иновроцлавѣ (къ троицыну дню 1397), на который явилась сама Ядвига, ибо можно было серьезно опасаться, что вспыльчивый Владиславъ, объявитъ войну ордену. Но и Ядвига ни въ чемъ не успѣла и съѣздъ остался безъ послѣдствій. Магистръ оправдывался тѣмъ, что безъ разрѣшенія Опольскаго князя не можетъ отдать добржинской земли, но обѣщалъ пригласить его къ безотлагательному выкупу этой земли. Это была грубая насмѣшка, до того раздражившая Ядвигу, что она предсказала магистру тяжелую кару, ожидающую орденъ, послѣ ея смерти, за всѣ беззаконія къ какимъ онъ прибѣгалъ въ отношеніи къ Польшѣ.

Пораженіе христіанъ и Сигизмунда подъ Никополемъ (27-го сент. 1396), претерпѣнное въ битвѣ съ турецкимъ султаномъ Баязитомъ, было главною причиною пріостановленія военныхъ дѣйствій противъ коварнаго ордена, который также воздержался на время отъ походовъ въ Литву и только временами снаряжалъ мелкіе отряды въ языческую Жмудь. Цѣль такой политики была очевидна. Съ одной стороны приходилось туманить Европу, будто бы орденъ ведетъ постоянную борьбу съ язычниками, а съ другой была надежда принудить Витольда къ заключенію особаго мира. Вотъ поводъ, по которому велись постоянные переговоры и было множество съѣздовъ. Устроивъ свиданіе съ Витольдомъ въ Дубиссѣ (28 іюля 1396), магистръ требовалъ отъ него въ доказательство его истинно христіанскаго настроенія, чтобы онъ: 1) присягнулъ на вѣрность папѣ и германскому союзу; 2) выстроилъ вновь замки, разрушенные имъ при измѣнническомъ прекращеніи дружественныхъ сношеній съ орденомъ; 3) далъ заложниками на нѣсколько

лѣтъ дѣтей именитѣйшихъ бояръ; 4) сдержалъ все, къ чему обязался прежде въ отношеніи ордена или, другими словами, чтобы онъ призналъ себя ленникомъ крестоносцевъ. Магистръ оправдывалъ требованіе такихъ доказательствъ христіанства тѣмъ, что, если только поляки гласятъ міру, будто бы орденъ воюя съ Литвой, нападаетъ на страну уже христіанскую, то слѣдуетъ убѣдиться дѣйствительно ли Литва христіанская страна? Витольдъ не видѣлъ надобности въ такого рода доказательствахъ и такъ дѣло окончилось временнымъ перемиріемъ. Въ послѣдующіе съѣзды также не состоялось тотчасъ перемирія, ибо Владиславъ весьма усердно заботился, чтобы Витольдъ не заключалъ отдѣльнаго мира. Во время переговоровъ съ Витольдомъ выступилъ, сперва въ качествѣ посредника Вячеславъ чешскій и пригласилъ магистра (1397) на общій съѣздъ въ Бреславль, требуя при этомъ возвращенія бывшаго въ заложничествѣ брата Витольда. Магистръ отказался отъ съѣзда подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы долженъ сперва выждать отвѣта изъ апостольской столицы, а между тѣмъ передъ германскими князьями обвинялъ Владислава въ желаніи, при содѣйствіи императора, принудить орденъ къ договору, угрожавшему гибелью христіанству. Простирая далѣе свое обвиненіе, магистръ говорилъ, будто бы Владиславъ не дозволяетъ Витольду заключать мира, а связываясь съ язычниками противъ христіанъ, поддерживаетъ даже подозрительныя сношенія съ турками и татарами. Уклонившись, такимъ образомъ отъ посредничества Вячеслава, желавшаго вызвать миръ между Польшею и Литвою съ одной, и орденомъ съ другой стороны, наперекоръ крестоносцамъ, желавшимъ отдѣльнаго мира съ Литвою, — магистръ обратился самъ къ посредничеству Сигизмунда венгерскаго. Но когда послѣдній принялъ приглашеніе и сообщилъ, что и Владиславъ соглашается на его посредничество и когда далѣе приглашалъ на съѣздъ въ Гнѣзно, — Магистръ началъ придумывать тысячи затрудненій и даже доказывалъ приглашенному посреднику, что постоянный миръ ордена съ Витольдомъ можетъ подвергнуть все христіанство, а въ особенности Венгрію,

самой большой опасности, ибо Витольдъ, не тревожимый Орденомъ, готовъ захватить восточную Русь, чрезъ что его могущество приняло бы для сосѣдей грозные размѣры.

Витольдъ дѣйствительно мечталъ о созданіи подобнаго могущества и хотѣлъ, даже, подчинить своему господству татаръ, между которыми проявлялись кое какія несогласія. Удачный походъ къ Азову, въ которомъ Витольдъ побѣдилъ татарское войско и забралъ множество плѣнныхъ, овладѣніе Смоленскомъ, просьбы и обѣщанія хитраго хана Тохтамыша, безпрестанно подстрекали литовскаго князя предпринять войну противъ татаръ въ большихъ размѣрахъ. Но предварительно слѣдовало заключить миръ съ крестоносцами, къ чему впрочемъ его побуждали и нѣкоторыя посторонніе соображенія. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести союзъ зятя его, московскаго великаго князя Василія съ тверскимъ княземъ, заключенный противъ всѣхъ враговъ Руси, а слѣдовательно и противъ Литвы, и домогательство Ядвиги (1398) уплатить ей доходъ съ Литвы и литовской Руси, предоставленный ей Владиславомъ, по смыслу свадебнаго договора. Раздраженный Витольдъ, котораго къ тому же увѣряли бояре, что ихъ предки никогда не были данниками польскихъ королей, поспѣшилъ въ Гродно на новый съѣздъ съ уполномоченными ордена, гдѣ и были составлены (23 апр. 1398) предварительныя условія мира. Витольдъ уступилъ крестоносцамъ Жмудь, обѣщалъ помощь въ сооруженіи двухъ или трехъ пограничныхъ замковъ и овладѣніи плешевскою землею, затѣмъ покорность папѣ и римскому государству въ той степени, къ какой чувствуютъ себя обязанными прочіе независимые монархи. Сверхъ того онъ обязался не производить нападеній на земли ордена и христіанскихъ державъ, не принимать у себя бѣжавшихъ ленниковъ ордена и не пропускать чрезъ свои владѣнія его враговъ. Крестоносцы съ своей стороны, обязались освободить Сигизмунда, помочь Витольду овладѣть Новогородомъ и не давать убѣжища литовскимъ бѣглецамъ. Кромѣ того было предположено, что князь съѣдется (въ концѣ сентяб.) съ гроссмейстеромъ на островѣ

Солинѣ для заключенія постояннаго мира, принявъ за основаніе эти предварительныя условія. Этотъ миръ дѣйствительно состоялся (14 окт.), а о Польшѣ не было въ немъ и помину. Во время празднества, по поводу окончанія переговоровъ, русскіе и литовскіе бояре хотѣли превозгласить Витольда королемъ.

Не смотря на увѣщанія Ядвиги, предсказывавшей неудачу, Витольдъ сталъ готовиться къ большому походу противъ татаръ. Обезпечивъ себѣ помощь ордена, въ размѣрѣ 500 копьевъ [1]), онъ собралъ значительное войско, а изъ Польши прибыло въ его лагерь подъ Кіевъ множество охотниковъ. Великій князь до того былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что далъ надменный отвѣтъ татарскимъ посламъ, требовавшимъ выдачи бѣжавшаго хана Тохтамыша. Изъ подъ Кіева, все войско направилось къ Ворсклѣ, по ту сторону которой были расположены лагеремъ многочисленныя татарскія полчища хана Тимуръ-Кутлука. Ханъ открылъ переговоры о мирѣ и, не смущаясь гордыми отвѣтами Витольда, продолжалъ эти переговоры до тѣхъ поръ, пока не прибыли изъ-за Дона ожидаемыя подкрѣпленія, подъ начальствомъ мужественнаго Эдигея. Теперь измѣнился неожиданно тонъ татарской рѣчи. Прося только что мира, даже на тягостныхъ условіяхъ, они вдругъ сами начали заговаривать дерзко и ставить требованія, на которыя Витольдъ не могъ согласиться безъ униженія своего достоинства. Прекративъ переговоры, онъ велѣлъ своимъ воинамъ готовиться къ борьбѣ, хотя краковскій воевода Спытекъ изъ Мельштына совѣтовалъ воздержаться отъ боя. Опасенія воеводы вскорѣ оправдались, ибо войско Витольда претерпѣло совершенное пораженіе (12 авг. 1399). Въ числѣ множества убитыхъ былъ и Спытекъ, предсказавшій этотъ исходъ. Послѣ пораженія, Витольдъ занялъ берега Днѣпра, а татары взявъ съ Кіева выкупъ возвратились въ свои степи. [2])

---

[1]) *Копьемъ* называлась у крестоносцевъ небольшая кавалерійская единица. *Примѣч. перев.*

[2]) Пораженіе подъ Ворсклою слѣдуетъ приписать исключительно самонадѣянности Витольда и излишней горячности польскаго рыцарства. Когда Ти-

Ядвига, не имѣвшая весьма долго потомства, родила, наконецъ дочь Елисавету-Бонифацію (22 іюня), но ребенокъ вскорѣ умеръ, а три дня спустя скончалась и сама Ядвига (13 іюля 1399). Заботясь о благѣ своего новаго отечества, она основала совмѣстно съ Ягелло въ Краковѣ монастырь венедиктинцевъ, отправлявшихъ литургію на польскомъ языкѣ. Въ виду распространенія христіанства въ Литвѣ, Ядвига основала въ чешской Прагѣ заведеніе въ которомъ 12 литовцевъ должны были быть приготовляемы къ священническому сану. Она рѣшилась также поднять академію, основанную Казиміромъ великимъ и дать ей болѣе широкое развитіе, прибавленіемъ богословскаго факультета. Совмѣстно съ Владиславомъ, Ядвига приняла по этому дѣлу соотвѣтственныя мѣры въ апостольской столицѣ. Но не дождавшись результата, она завѣщала будущей краковской академіи свои драгоцѣнности, а Владислава назначила своимъ душеприкащикомъ [1]).

Вѣсть о смерти юной королевы глубоко огорчила всю Польшу. Владиславъ, бывшій въ то время въ отсутствіи, по полученіи извѣстія объ опасной болѣзни жены, поспѣшилъ въ столицу, но прибылъ едва на похороны Ядвиги, совершившіяся съ замѣчательнымъ великолѣпіемъ. Король хотѣлъ оставить Польшу, въ томъ убѣжденіи, что пріобрѣлъ власть лишь въ качествѣ мужа Ядвиги

муръ-Кутлукъ спрашивалъ Витольда чрезъ пословъ: отчего, не будучи самъ угрожаемъ, онъ вторгается въ его земли, Витольдъ отвѣтилъ: «мнѣ суждено господствовать надъ міромъ, покорись и плати дань». Когда же съ приближеніемъ полчищъ Эдигея, Спытекъ изъ Мельштына посовѣтовалъ вступить въ переговоры, Петръ Щекоцкій подтрунивалъ надъ нимъ, говоря, что онъ хочетъ отвлечь отъ боя изъ желанія увидѣть скорѣе свою жену. «Уповаю на Бога, возразилъ Спытекъ, что ты убѣжишь со срамомъ, а я погибну со славою». Предсказаніе Спытка сбылось дѣйствительно. *Примѣч. перев.*

[1]) Исполняя въ точности волю покойной королевы, Владиславъ Ягелло купилъ въ Краковѣ домъ для богословской коллегіи, и другой для коллегіи юристовъ и въ эти новыя убѣжища науки перенесъ торжественно, въ годовщину смерти Ядвиги (въ іюлѣ 1400), академію изъ деревни Баволъ. Краковская академія, въ весьма короткое время, достигла цвѣтущаго состоянія. Уже въ 1427 г., она была снабжена значительною библіотекою и ей Польша была обязана въ теченіи XV вѣка рядомъ философовъ, богослововъ и многихъ извѣстныхъ ученыхъ. *Примѣч. перев.*

и что послѣ ея смерти, власть эта ему уже принадлежать не можетъ. Но магнаты отклонили его отъ этого намѣренія и уговорили вступить въ бракъ съ Анною — внучкою Казиміра великаго, дочерью графа цылейскаго Вильгельма и Анны Казиміровны. Анна вызванная въ Краковъ, должна была сперва долго обучаться польскому языку и только послѣ этого послѣдовали бракъ и коронація. Въ это же время бывшій женихъ Ядвиги, — князь ракузскій Вильгельмъ, тайно хлопоталъ получить польскую корону. Но народъ не обращалъ вниманія на эти хлопоты, а равно и на его сношенія съ крестоносцами, и призналъ королемъ Владислава, желая, чтобы столь счастливо составленный союзъ съ Литвою, продолжался ненарушимо и въ будущемъ.

Открывъ торжественно краковскую академію (1400), Владиславъ хотѣлъ уладить мирнымъ образомъ возникавшія несогласія съ крестоносцами, а потому избѣгалъ новыхъ столкновеній. Витольдъ помогалъ даже ордену въ вооруженномъ походѣ (1400) противъ Жмуди, пытавшейся освободиться отъ господства ордена. Но для утвержденія союза Литвы съ Польшею, король созвалъ князей и литовскихъ вельможъ въ Вильно (18 янв. 1401), гдѣ всѣ присутствующіе обѣщали, въ случаѣ смерти Витольда, подчиниться королю и безъ вѣдома Польши, никогда не назначать великаго князя. Съ своей стороны поляки обязались, въ случаѣ бездѣтной смерти Владислава, не выбирать короля безъ вѣдома и совѣта Витольда и литовцевъ. Это возобновленіе союза обоихъ народовъ было тѣмъ необходимѣе, что съ одной стороны возбуждалъ безпрестанныя волненія родной братъ короля Свидригелло, вступая въ сношенія со всѣми его противниками, а съ другой и отношенія къ крестоносцамъ, по поводу вопроса о добржинской землѣ и Жмуди, были крайне натянуты. Для успокоенія Свидригеллы, ему была уступлена Подолія, а съ гроссмейстеромъ Владиславъ съѣхался на островѣ вблизи Злоторіи. Но временное устраненіе споровъ не могло повести къ постоянному миру. Гроссмейстеръ обвинялъ Витольда въ подстрекательствѣ жмудиновъ къ неповиновенію, а короля

въ содѣйствіи двоюродному брату. Витольдъ же упрекалъ орденъ въ нарушеніи условій договора и въ страшныхъ притѣсненіяхъ Жмуди, а также въ доставленіи убѣжища Свидригеллѣ. Отъ жалобъ дѣло дошло до военныхъ приготовленій. Крестоносцы, пользуясь отсутствіемъ Витольда, вторглись (къ зимѣ 1401) въ Литву, и опустошили ее до самаго Гродно. Съ Свидригелло же заключили союзъ (2 мар. 1402), по которому онъ призналъ себя ихъ ленникомъ и обѣщалъ отдать имъ западную часть Литвы, если съ ихъ содѣйствіемъ достигнетъ великокняжескаго престола.

Предупреждая замыслы крестоносцевъ, Витольдъ склонилъ жмудиновъ предпринять походъ и въ то время когда инсургенты уничтожали Мемель, онъ самъ взялъ и сжегъ замокъ Готтесвердеръ. Этимъ шагомъ онъ поколебалъ господство ордена на Жмуди. Гроссмейстеръ отмстилъ походомъ (въ концѣ іюля 1402) предпринятымъ во главѣ 40,000 вооруженныхъ людей. Перейдя Вилію, онъ дошелъ до самаго Вильно, но не могъ однакожъ взять этого города. Послѣ трехнедѣльнаго опустошенія Литвы, крестоносцы возвратились во свояси съ плѣнными и добычею. Борьба продолжалась и въ слѣдующемъ году: на Литвѣ — оружіемъ, а при дворахъ европейскихъ князей — взаимными обвиненіями. Благодаря вмѣшательству папы и другихъ посредниковъ, переговоры начались въ Дубиссѣ (лѣтомъ 1403), но эти переговоры ни къ чему не повели, ибо Владиславъ не прибылъ лично и, даже, не снабдилъ своихъ посланныхъ достаточнымъ полномочіемъ. Вскорѣ возобновились переговоры въ Вильнѣ (въ концѣ 1403), вслѣдствіе которыхъ состоялось перемиріе на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ теченіе этого перемирія предположено было условиться на счетъ постояннаго мира. Свидригелло, бывшій лично въ Вильнѣ, примирился съ королемъ и получилъ въ содержаніе нѣкоторые литовскіе города и волости. По истеченіи перемирія послѣдовалъ съѣздъ въ Раціонжѣ (въ маѣ 1404), гдѣ окончательно и заключенъ миръ. Жмудь снова примкнула къ ордену, а Витольдъ обязался, даже, совѣтомъ и оружіемъ помочь овладѣть ею. Съ своей стороны гроссмейстеръ обѣщалъ от-

дать Польшѣ добржинскую землю и Злоторію, какъ скоро Владиславъ внесетъ, въ видѣ залога, сумму въ 50,000 венгерскихъ червонцевъ и 2,400 копъ прагскихъ грошей. Король подтвердилъ не только условія мира, заключеннаго въ 1343 г. между орденомъ и Казиміромъ, но также и договоръ Витольда 1398 г. При этомъ обѣ стороны поклялись взаимно забыть прежнія обиды и жить въ дружбѣ, что, впрочемъ, было гарантировано отдѣльными актами.

Такъ какъ въ казнѣ не было денегъ на выкупъ добржинской земли, то король созвалъ коронныхъ (жителей собственной Польши) обывателей на сеймъ въ Новый Корчинъ [1]). Здѣсь было опредѣлено порадльное въ размѣрѣ 12 грошей съ лана, изъ чего составился капиталъ въ 100,000 гривенъ [2]). Получивъ требуемые залоги, крестоносцы возвратили помянутую землю (1405). Витольдъ добросовѣстно выполнялъ свои обязательства, ибо съ такимъ усердіемъ помогалъ крестоносцамъ на Жмуди, что вскорѣ несчастные жмудины, не смотря на мужественную оборону, уступили передъ силою и не только должны были признать власть ордена, но и доставить много заложниковъ. Приписывая свою неволю преимущественно Витольду, жмудины страшно его возненавидѣли. Крестоносцы были весьма рады этому обстоятельству, ибо льстили себя надеждою, сохранить Жмудь навсегда въ своей власти. Въ замѣнъ этихъ услугъ, они снабдили Витольда подкрѣпленіями въ войнѣ его съ великимъ княземъ московскимъ и не хотѣли входить ни въ какія сношенія съ изгнаннымъ имъ княземъ смоленскимъ [3]), который искалъ у нихъ пріюта. Но эта дружба и согласіе продолжались не долго.

Первымъ поводомъ къ новымъ спорамъ было занятіе дрезденскаго замка, принадлежавшаго, будто бы, къ новой Мархіи, которую

---

[1]) Этотъ общій сеймъ, которому предшествовали *провинціальные съѣзды*, происходилъ въ 1404 г. Провинціальные же сеймики начались, собственно, со временъ Казиміра Ягеллона, т. е. съ 1468 г. *Примѣч. перев.*

[2]) Польская гривна въ эпоху корчинскаго сейма на теперешнюю монету составляла около 7 руб. сереб. *Примѣч. перев.*

[3]) Здѣсь говорится о князѣ Юріѣ Святославичѣ. *Примѣч. перев.*

орденъ, послѣ долгихъ переговоровъ, взялъ, въ видѣ залога, отъ венгерскаго короля Сигизмунда. Замокъ этотъ, бывшій первоначально польскимъ, захватили бранденбургскіе маркграфы, во время распаденія Польши на удѣлы и отдали его на ленныхъ правахъ братьямъ фонъ деръ-Остъ. Во времена Казиміра великаго Осты подчинились Польшѣ, но впослѣдствіи, во время великопольскихъ замѣшательствъ, послѣ смерти Людовика, вновь перешли подъ власть маркграфовъ. Только Ульрихъ фонъ деръ-Остъ призналъ власть Владислава (1402) съ тою оговоркою, что въ случаѣ его бездѣтной смерти, дрезденскій замокъ со всѣми принадлежностями переходитъ въ собственность Польши. Такъ какъ именно въ это время гроссмейстеръ пріобрѣлъ отъ Сигизмунда новую Мархію, то и настаивалъ у Ульриха о выдачѣ ордену въ залогъ, дрезденскаго замка. Владиславъ хотѣлъ предотвратить это, но крестоносцы распорядились такъ ловко, что вмѣстѣ съ Дрезденкомъ захватили и Сантокъ (1405). Разгнѣванный король потребовалъ полюбовнаго суда, на что гроссмейстеръ отвѣтилъ, что безъ точнаго разрѣшенія Сигизмунда не можетъ входить ни въ какіе переговоры на счетъ уступки замковъ и городовъ новой Мархіи. Частая переписка, вызванная этимъ поводомъ, увеличивала лишь раздраженіе короля, который, оскорбленный насмѣшливыми вараженіями въ письмѣ магистра (30 іюня 1406), подъ вліяніемъ увлеченія, вздумалъ угрожать ордену. Магистръ разсказывалъ всѣмъ, что совѣтники короля умышленно истолковали въ дурную сторону содержаніе письма и заявляя притворно готовность порѣшить споръ мирнымъ образомъ, приглашалъ въ посредники и судьи Витольда, по дѣлу о Дрезденкѣ и Сантокѣ, обѣщая, что орденъ подчинится его приговору. Кромѣ того онъ старался убѣдить Владислава въ особенномъ письмѣ, въ искреннемъ желаніи сохранить дружественныя съ нимъ сношенія. Онъ предъявилъ единственно права ордена на спорныя волости, отнюдь не думая прибѣгать къ насмѣшкамъ. Вскорѣ послѣ отправленія этого письма умеръ (40 марта 1407) Конрадъ Юнгингенъ, завѣщая передъ смертію старшинамъ ордена не выби-

рать въ гроссмейстеры Ульриха, обнаруживавшаго столь неумѣренныя склонности къ войнѣ.

Послѣ смерти Конрада нѣкоторое время была надежда на миръ, ибо Владиславъ объявилъ въ Злоторіи уполномоченнымъ ордена, что желаетъ сохранить съ нимъ дружественныя сношенія. Какъ скоро въ общемъ собраніи орденскаго капитула, Ульрихъ Юнгингенъ былъ избранъ въ гроссмейстеры (26 іюня), король отправилъ къ нему посольство для привѣтствованія его въ этомъ новомъ санѣ, а также съ просьбою поддержать на будущее время согласіе и дружбу, столь необходимыя между сосѣдями, но новый гроссмейстеръ, уклоняясь отъ пріема польскихъ пословъ, уѣхалъ, подъ предлогомъ важныхъ дѣлъ изъ Мальборга, а чрезъ свое посольство объявилъ королю свою готовность сохранить миръ до тѣхъ поръ, пока послѣдній будетъ согласоваться съ достоинствомъ ордена. Владиславъ счелъ все это новымъ оскорбленіемъ, но не уклоняясь отъ мира, согласился на свиданіе съ гроссмейстеромъ въ Ковнѣ (въ янв. 1408). Здѣсь Витольдъ, въ качествѣ третейскаго судьи, объявилъ, что права Польши болѣе дѣйствительны, нежели права ордена. Гроссмейстеръ не раздѣлялъ этого мнѣнія, а потому переговоры не имѣли успѣха. Взаимныя обвиненія возобновились снова, а когда, къ тому же, и жмудины отправили жалобу къ европейскимъ дворамъ на ужасныя притѣсненія крестоносцевъ, надежда на миръ становилась все болѣе и болѣе сомнительною. Ни одна изъ сторонъ не хотѣла первая взяться за оружіе, а потому могло казаться, что все уладится мирнымъ образомъ. Въ это время гроссмейстеръ увѣдомилъ короля (1 авг.), что орденъ долженъ непремѣнно купить въ полную собственность Дрезденко, а Сантока ни въ какомъ случаѣ уступить не можетъ, ибо противъ такой уступки возстаютъ Сигизмундъ и ленники въ Мархіи. Спустя мѣсяцъ пришло извѣстіе, что купчая Дрезденка уже совершена. Владиславъ, сочтя это новою обидою, объявилъ въ увлеченіи, что долѣе не стерпитъ такой дерзости гордыхъ монаховъ и прибѣгнетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Витольдъ также упрекалъ

гроссмейстера въ участіи въ измѣнѣ и бѣгствѣ Свидригеллы въ Москву. Правда, сношенія совершенно не прекращались, но взаимныя военныя приготовленія свидѣтельствовали, что малѣйшій поводъ можетъ вызвать вооруженное столкновеніе. — И этотъ поводъ открылся въ весьма скоромъ времени. Неурожаи въ Литвѣ и Жмуди были причиною страшнаго голода. Это заставило короля выслать изъ Куявъ 20 барокъ съ хлѣбомъ. Крестоносцы, желавшіе дорого продать свои хлѣбы или запасы, задержали въ Рагнетѣ польскія шкуты, подъ предлогомъ будто бы въ нихъ скрыто оружіе, назначенное для снабженія жмудиновъ, помышлявшихъ о возстаніи. Этотъ насильный поступокъ справедливо раздражилъ короля, а потому онъ съѣхался (въ концѣ 1408) съ Витольдомъ въ Новогрудкѣ съ цѣлію согласиться на счетъ отнятія у ордена Жмуди. Вскорѣ вспыхнуло въ этомъ краѣ возстаніе (1409) и хотя крестоносцы обвиняли Витольда въ тайной поддержкѣ, тѣмъ не менѣе они обращались къ нему за совѣтомъ, относительно способовъ къ подавленію мятежа жмудиновъ. Витольдъ отвѣтилъ, что такъ какъ орденъ пренебрегъ уже однажды его совѣтами, то было бы крайне безразсудно, давать ихъ теперь. Онъ объявилъ также открыто, что долѣе не стерпитъ германскаго наплыва въ чужія земли. Сдѣлавъ всѣ необходимыя военныя приготовленія, онъ отправилъ въ Жмудь опытныхъ военныхъ людей, которые приняли начальство надъ инсургентами и вскорѣ изгнали крестоносцевъ изъ страны. Гроссмейстеръ, въ виду неизбѣжной войны съ Витольдомъ, потребовалъ отъ Владислава чрезъ пословъ рѣшительнаго заявленія, будетъ ли онъ поддерживать Витольда и жмудиновъ. Король отвѣтилъ, что послѣ совѣщанія съ сословіями королевства, извѣститъ гроссмейстера о своемъ рѣшеніи. Послы недовольные такимъ отвѣтомъ, грозили объявленіемъ войны. Послѣ оконченнаго совѣщанія (въ іюлѣ 1409), Владиславъ отправилъ къ гроссмейстеру гнѣзненскаго архіепископа Куровскаго съ увѣдомленіемъ, что готовъ въ случаѣ нужды поддерживать Витольда, какъ родственника и подвластное себѣ лицо, но однакожъ, приметъ на себя охотно по-

средничество, если орденъ пожелаетъ уладить этотъ споръ путемъ мира. Гроссмейстеръ возразилъ съ гнѣвомъ, что не вступая ни въ какіе переговоры, самъ вторгнется въ Литву. И когда архіепископъ, дѣйствуя крайне неблагоразумно, погрозилъ ему вторженіемъ въ земли крестоносцевъ, Ульрихъ отправилъ его съ словеснымъ объявленіемъ войны Польшѣ. Впрочемъ такое объявленіе было вскорѣ доставлено королю и письменно (6 авг.). Владиславъ извѣстилъ европейскіе дворы довольно подробно о своемъ дѣлѣ съ орденомъ, а войска крестоносцевъ, вторгнувшись не медля въ добржинскую землю, овладѣли Добржиномъ, Липно и Рыпиномъ и осадили Бобровники. Король велѣлъ собраться рыцарству и пригласилъ Витольда прибыть, какъ можно поспѣшнѣе, съ своими полками. Но во время похода къ Вислѣ, онъ получилъ отвѣтъ, что великій князь ранѣе зимы ни въ какомъ случаѣ прибыть не можетъ. Между тѣмъ крестоносцы взяли Бобровники и разрушили Злоторію. Начатые же переговоры о перемиріи прекратились. Какъ скоро Владиславъ явился съ войскомъ подъ Быдгощею, къ нему прибыли послы чешскаго короля Вячеслава, котораго крестоносцы уплатою суммы въ 60,000 злотыхъ, склонили быть посредникомъ. При ихъ содѣйствіи состоялось девятимѣсячное перемиріе, въ продолженіе котораго Вячеславъ, въ качествѣ полюбовнаго судьи, долженъ былъ произнести окончательный приговоръ по дѣлу короля съ орденомъ. Въ силу условій перемирія, крестоносцы удерживали только что завоеванныя земли, а Владиславъ далъ обѣтъ не поддерживать ни жмудиновъ, ни ихъ помощниковъ. Перемиріе было до того невыгодно для Польши, что носилась молва, будто бы крестоносцы подкупили королевскихъ совѣтниковъ.

Ни одна изъ сторонъ не вѣрила въ возможность мира. Когда за тѣмъ, по заключеніи перемирія, король съѣхался съ Витольдомъ, и въ тайномъ совѣщаніи проектировалъ планъ будущаго похода, крестоносцы хлопотали о помощи въ цѣлой Европѣ, а у Сигизмунда купили наступательно-оборонительный союзъ противъ Польши и Литвы за 40,000 червонцевъ. Польскіе и орденскіе

уполномоченные хлопотали при европейскихъ дворахъ, и военныя приготовленія не останавливались, не смотря на то, что Вячеславъ, въ качествѣ полюбовнаго судьи, приступилъ къ Прагѣ (15 февр. 1410) къ обнародованію приговора уполномоченнымъ спорящихъ сторонъ. Жмудь должна была возвратиться къ ордену, а добржинская земля къ Польшѣ, но до заключенія уполномоченными, на новомъ съѣздѣ въ Бреславлѣ вѣчнаго мира, обѣ стороны должны были временно оставаться подъ чешскимъ управленіемъ. Что касается до обоюдныхъ убытковъ, то о нихъ Вячеславъ долженъ былъ постановить рѣшеніе впослѣдствіи, теперь же объявилъ, что Владиславъ не будетъ употреблять титула поморскаго князя. Польскіе послы не приняли такого пристрастнаго приговора, а на бывшій впослѣдствіи съѣздъ въ Бреславлѣ (въ маѣ) изъ Польши никто не явился.

Связанный союзомъ съ крестоносцами, Сигизмундъ, подъ предлогомъ переговоровъ о мирѣ, пригласилъ (въ концѣ марта) въ Кисмаркъ, Владислава и Витольда. Польскіе магнаты, бывшіе съ королемъ въ Сончѣ, сочли опасною его поѣздку съ Витольдомъ въ Венгрію. Слѣдуя ихъ совѣту, Владиславъ отправилъ одного Витольда, но и теперь переговоры ни къ чему не повели, какъ скоро Сигизмундъ заявилъ, что до тѣхъ поръ не заключитъ отдѣльнаго мира съ Польшею, пока король не перестанетъ воевать съ орденомъ. Къ тому же обѣщаніемъ титула литовскаго короля онъ хотѣлъ поссорить Витольда съ Владиславомъ. Но великій князь не допустилъ опутать себя и неожиданно, не простившись, выѣхалъ изъ Кисмарка. Не смотря на прерваніе переговоровъ, Сигизмундъ предложилъ свое посредничество, требуя свободнаго проѣзда для себя и своей свиты. Но впослѣдствіи онъ измѣнилъ планъ и передалъ это дѣло своимъ уполномоченнымъ палатину Гарѣ и седмиградскому воеводѣ Сцибору, которые однакожъ, ничего не добились, ибо крестоносцы упорно настаивали на признаніи Жмуди за орденомъ, въ случаѣ заключенія мира.

Во время этихъ переговоровъ обѣ стороны не переставали

вооружаться. Владиславъ имѣлъ часто свиданія съ Витольдомъ и только самыя довѣренныя лица были допускаемы къ совѣщаніямъ. По истеченіи срока перемирія, начали собираться польскія войска, но при содѣйствіи венгерскихъ пословъ, Владиславъ продлилъ еще на двѣ недѣли это перемиріе въ лагерѣ подъ Вольборжемъ (до 10 іюля). Когда и этотъ срокъ минулъ, а крестоносцы оставались при своихъ прежнихъ требованіяхъ, король, соединившись съ литовско-русскими и татарскими полками, предводимыми Витольдомъ, велѣлъ открыть непріязненныя дѣйствія. Это вызвало со стороны венгерскихъ уполномоченныхъ объявленіе войны Польшѣ, котораго однакожъ въ лагерѣ не обнародовали, для того, чтобы войско не упало духомъ. Между Таненбергомъ и Грюнвальдомъ произошла битва (15 іюля). Польско-литовское войско превосходило числомъ, крестоносцы же вооруженіемъ и качествомъ людей. Бой былъ кровопролитный. Правое крыло, занимаемое литовцами и татарами, выступило сперва въ дѣло, подъ начальствомъ Витольда, но не могло устоять противъ рыцарей ордена и, послѣ отчаяннаго сопротивленія, совершенно разсѣялось. Лѣвое же крыло, составленное изъ поляковъ и бывшее подъ командою короннаго мечника Зындріяна изъ Машковицъ [1], должно было выдержать весь натискъ крестоносцевъ, и послѣ двукратнаго столкновенія, одержало достопамятную побѣду. Орденъ претерпѣлъ громадное пораженіе. Все его войско было уничтожено и что не пало на полѣ битвы, взято въ плѣнъ, только небольшая горсть успѣла спастись. Убитыхъ насчитывали до 40,000 человѣкъ. Въ томъ числѣ былъ Ульрихъ и много сановниковъ ордена. Въ плѣнъ взято около 20,000. Король отпустилъ ихъ на свободу, взявъ съ нихъ

[1]) Трудно опредѣлить время, когда установилось званіе мечника, который въ Польшѣ именовался великимъ короннымъ. На томъ основаніи, что во время коронаціи Казиміра великаго, сендомірскій воевода *несъ мечъ*, польскіе писатели относятъ появленіе мечниковъ къ эпохѣ Ягеллоновъ. Собственно обязанность мечника состояла въ несеніи передъ королемъ меча во время торжественныхъ церемоній. Но мечники занимали въ тоже время и другія военныя должности. *Примѣч. перев.*

рыцарское слово, что они прибудутъ къ опредѣленному времени въ Краковъ и представятъ выкупъ. Король удержалъ лишь однихъ орденскихъ рыцарей и нѣсколькихъ именитыхъ плѣнниковъ. Непріятельскій лагерь былъ захваченъ со всѣми принадлежностями. Полякамъ побѣда обошлась весьма дорого: ихъ уронъ и въ особенности литовцевъ, былъ очень значителенъ. Успѣхъ сраженія слѣдуетъ приписать мужеству Витольда и разумнымъ распоряженіямъ Зындріяна изъ Машковицъ. Король же, сначала молился весьма долго [1]) и только прибытіе орденскихъ герольдовъ съ двумя мечами и насмѣшливымъ вызовомъ къ бою, а также настойчивыя напоминанія Витольда, склонили его, наконецъ, дать приказаніе начать битву. Надменность крестоносцевъ, увѣренныхъ въ побѣдѣ, была жестоко наказана въ этотъ памятный день.

Грюнвальдское пораженіе совершенно ослабило духъ крестоносцевъ, и если бы Владиславъ воспользовался побѣдою, то имѣлъ бы возможность разъ навсегда сокрушить ихъ могущество. Ближайшіе замки и города сдавались ему безъ выстрѣла. Болѣе удаленные города, также свѣтское рыцарство, епископы и капитулы добровольно являлись къ нему, какъ къ своему повелителю съ готовностію принести ленную присягу. Оставалось только предпринять съ возможною поспѣшностію движеніе къ столицѣ ордена Мальборгу, прежде нежели крестоносцы успѣютъ опомниться отъ страха. Но Владиславъ остался на нѣсколько дней вблизи поля сраженія, и потомъ болѣе двухъ недѣль, двигался къ Мальборгу. Между тѣмъ подоспѣлъ свѣтскій командоръ Генрихъ Прейссъ-де-Плауенъ, со-

---

[1]) «Ты, которому доступны самыя потаенныя мысли прежде нежели онѣ поселятся въ умѣ смертнаго, о всемогущій Боже», молился Ягелло, «ты видишь, что я неохотно начинаю настоящую войну. Я хотѣлъ сохранить миръ со всѣми государствами, въ особенности съ крестоносцами, не смотря на множество обидъ и захватовъ ими моихъ владѣній. Они по своей гордости отвергли справедливыя условія, затѣмъ только силою оружія мы можемъ добыть себѣ миръ. Ты, праведный Боже, будь защитникомъ и поборникомъ праваго дѣла, а отвѣтственность за пролитую кровь да падетъ всей тяжестію на нашихъ враговъ».

Примѣч. перев.

бралъ остатки разбитаго войска и, провозглашенный преемникомъ гроссмейстера, началъ поощрять всѣхъ къ отчаянной оборонѣ. Не смотря на всѣ его усилія, положеніе крестоносцевъ было до того безнадежно, что даже и мужественный Плауенъ, усомнившись въ возможности успѣха, хотѣлъ мира съ королемъ и готовъ былъ на значительныя жертвы. Въ это время явился Владиславъ и осадилъ Мальборгъ. Плауенъ лично прибылъ въ польскій лагерь съ объявленіемъ, что орденъ возвратитъ Польшѣ, тотчасъ же, поморскую хелминскую, михаловскую и добржинскую земли, если только король заключитъ миръ. Владиславъ требовалъ сперва сдачи Мальборга и, только послѣ этой сдачи, согласился открыть переговоры. Плауенъ возразилъ, что считая переговоры прерванными, будетъ защищаться до послѣдней крайности. Съ этой минуты поляки начали испытывать неудачи. Осада Мальборга продлилась до сентября, и Витольдъ, не желавшій совершеннаго уничиженія ордена, умѣлъ довольно ловко воспрепятствовать этому и наконецъ воротился съ своимъ отрядомъ. Владиславъ оставался еще нѣкоторое время подъ Мальборгомъ, но получивъ извѣстіе о вторженіи венгерцевъ въ сандецкую землю, снялъ осаду. Пока онъ успѣлъ прибыть на помощь угрожаемой южной границѣ государства, мѣстное рыцарство само остановило наѣздниковъ.

Избранный въ гроссмейстеры (9 нояб.) Плауенъ, въ весьма непродолжительное время, возвратилъ всѣ владѣнія ордена, за исключеніемъ нѣсколькихъ замковъ. На съѣздѣ въ Раціонжѣ начались переговоры о мирѣ. Послѣ долгихъ совѣщаній и неоднократнаго прерванія переговоровъ, миръ окончательно состоялся въ Торунѣ (1 февр. 1411). Гроссмейстеръ призналъ добржинскую землю вѣчною собственностію Польши, но Жмудь, послѣ смерти короля и Витольда, долженствовала войти въ составъ орденскихъ владѣній. Споръ о Сантокѣ и Дрезденкѣ былъ подчиненъ приговору полюбовнаго суда. Военноплѣнные съ обѣихъ сторонъ освобождены безъ выкупа, за что гроссмейстеръ обязался уплатить въ три срока 100,000 копъ грошей. По этому миру Владиславъ отказался отъ

всѣхъ выгодъ, которыя ему обѣщала прошлогодняя побѣда и блистательный его въѣздъ въ Краковъ съ знаменами, взятыми подъ Грюнвальдомъ, былъ, можно сказать, почти единственнымъ результатомъ этой побѣды. Быть можетъ онъ хотѣлъ обезпечить себя со стороны крестоносцевъ, чтобы отомстить Сигизмунду за объявленіе войны и за наѣздъ на сандецкую землю.

По видимому мысль эта занимала короля, ибо когда съ одной стороны венеціянцы обѣщали значительныя суммы, если король начнетъ войну съ Сигизмундомъ, съ другой прибылъ въ Краковъ ракузскій эрцгерцогъ Эрнестъ Желѣзный и, женившись на королевской племянницѣ Цимбаркѣ Земовитовнѣ, заключилъ союзъ съ Владиславомъ. Валахія также искала польскаго покровительства противъ Сигизмунда. Но король, не слишкомъ склонный къ войнѣ, не былъ прочь отъ соглашенія. При содѣйствіи венгерскихъ магнатовъ состоялось временное перемиріе, по которому было условлено съѣхаться обоимъ королямъ въ Любомлѣ. На этомъ съѣздѣ, безъ вѣдома польскихъ магнатовъ, былъ заключенъ миръ (15 марта 1412) болѣе выгодный для Сигизмунда нежели для Польши. Владиславъ удерживалъ за собою червонную Русь, Подолію и Молдавію, а черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти, собраніе составленное изъ польскихъ и венгерскихъ магнатовъ, должно было разрѣшить: которому государству законно принадлежатъ обѣ послѣднія земли. Сигизмундъ обязался помогать королю, совершенно уничтожить крестоносцевъ, владѣнія которыхъ должны были раздѣлить между собою оба союзника. Въ заключеніе, была обѣщана постоянная дружба и взаимная выдача дезертировъ. Сигизмундъ пригласилъ короля изъ Любомли въ Кошицы, гдѣ уговорили польскихъ магнатовъ согласиться на упомянутый миръ. Заманивъ за тѣмъ своего гостя въ глубь Венгріи, Сигизмундъ добился отъ него отреченія отъ условія, касательно крестоносцевъ. Въ замѣнъ этого Сигизмундъ обязался быть посредникомъ въ его тяжбѣ съ орденомъ, а Владиславъ, въ свою очередь, взялъ на себя посредничество между Сигизмундомъ и венеціянцами. Владиславъ пробылъ въ Венгріи

до іюля, послѣ чего, получивъ отъ Сигизмунда, независимо отъ другихъ подарковъ, и отнятыя нѣкогда Людовикомъ короны, возвратился въ отечество и торжественно въѣхалъ въ Краковъ. Передъ колесницею короля везли съ церемоніею привезенныя изъ Венгріи короны.

Король, не любившій по обыкновенію долго сидѣть на мѣстѣ, осенью предпринялъ путешествіе по русинскимъ землямъ. Къ нему явились въ Медику послы Сигизмунда съ просьбою ссудить ихъ государя 40,000 копъ прагскихъ грошей, подъ залогъ тринадцати спискихъ городовъ [1]). Владиславъ охотно согласился на это требованіе и, имѣя въ виду получить именно такую сумму отъ крестоносцевъ, перевелъ ее на Сигизмунда. Заложенные города остались съ этихъ поръ при Польшѣ, подъ именемъ спискаго староства до 1771 года, ибо венгерское правительство никогда не возвращало занятой суммы. Во время пребыванія въ Перемышлѣ, въ присутствіи венгерскихъ пословъ, король отнялъ у послѣдователей восточнаго обряда замковую церковь и отдалъ ее латинскому епископу. Такимъ насильственнымъ и противозаконнымъ поступкомъ онъ хотѣлъ вѣроятно убѣдить пословъ, въ особенности старшаго изъ нихъ, гранскаго архіепископа, въ своемъ усердіи къ вѣрѣ, и чрезъ это ослабить упреки крестоносцевъ. Но этотъ шагъ былъ нарушеніемъ правъ, торжественно гарантированныхъ землямъ русинскимъ Казиміромъ и Ядвигою.

Союзъ Польши съ Литвою все еще былъ шатокъ, ибо съ одной стороны Витольдъ желалъ имѣть удѣлъ на правахъ леннаго владѣльца, а съ другой—не было недостатка и во внѣшнихъ подстрекательствахъ, имѣвшихъ цѣлію, если не разорвать, то, по крайней мѣрѣ, поколебать этотъ союзъ. Сверхъ того Владиславъ и Витольдъ не имѣли мужескаго потомства, а потому слѣдовало опасаться, что смерть одного изъ нихъ можетъ вызвать разрывъ обоихъ народовъ, соединившихся

---

[1]) Страна извѣстная подъ именемъ *списcкой* земли или Спижа, ограничена съ юго-востока и запада Венгріею, а на сѣверѣ рѣка Попрадъ отдѣляетъ ее отъ краковскаго воеводства. *Примѣч. перев.*

такъ недавно. Желая предотвратить такую случайность, король назначилъ съѣздъ въ Городлѣ, куда, кромѣ польскихъ и литовскихъ магнатовъ, прибыли также съ Витольдомъ всѣ жившіе тогда Гедиминовичи. Послѣ долгихъ совѣщаній, было рѣшено (2 окт. 1413), чтобы литовцы, въ случаѣ бездѣтной смерти Витольда, избрали себѣ великаго князя, только съ разрѣшенія короля и короннаго совѣта, а также, чтобы въ свою очередь и поляки, въ случаѣ смерти Владислава, совмѣстно съ ними и Витольдомъ назначили наслѣдника престола. При этомъ случаѣ король подтвердилъ и распространилъ дарованныя 26 лѣтъ тому назадъ литовской шляхтѣ права и льготы, и, освободивъ ее на вѣчныя времена отъ прежняго подданства, выговорилъ лишь для себя дань, военную службу и помощь при сооруженіи замковъ. Сверхъ того онъ обѣщалъ устроить Литву, по образцу Польши и раздѣлить ее на воеводства и каштеляніи. Поляки же, въ доказательство вѣчнаго братства, заключили съ присутствовавшими на съѣздѣ литовскими магнатами родовой союзъ, надѣливъ ихъ своими собственными гербами. Изъ Городла Владиславъ отправился въ языческую еще Жмудь и какъ нѣкогда Литву, такъ теперь склонилъ жмудиновъ частію угрозами, частію увѣщаніями и подарками, принять христіанскую вѣру, которая съ того времени окончательно утвердилась въ этой странѣ.

Крестоносцы не выполняли условій торунскаго мира, ибо разсчитывали на Сигизмунда, входившаго съ ними въ тайныя сношенія. Пока Плауенъ оставался гроссмейстеромъ, миръ явно не былъ нарушенъ. Но недоразумѣнія приняли довольно значительные размѣры, какъ только крестоносцы, подъ предлогомъ тайныхъ сношеній магистра съ Владиславомъ, слѣдуя наущеніямъ Михаила Кухельмейстера, отрѣшили Плауена отъ должности, а на его мѣсто избрали въ гроссмейстеры самаго обвинителя. Новый гроссмейстеръ съѣхался съ королемъ въ Слонскѣ, но здѣсь только и было постановлено, что Сигизмундъ, провозглашенный уже тогда германско-римскимъ императоромъ, долженъ полюбовно кончить весь споръ. Съ этою

цѣлію польское посольство отправилось въ Буду, гдѣ, въ отсутствіе Сигизмунда, назначенные имъ судьи рѣшили довольно пристрастно, что слѣдуетъ свято выполнять условія торунскаго мира. Король согласился и на это, но крестоносцы, употребляя во зло его терпѣніе, сильно тревожили пограничные пункты, причиняли убытки польскимъ землевладѣльцамъ, подсылали поджигателей въ польскіе города и деревни. Владиславъ, раздраженный такими поступками, сосредоточилъ въ Вольборжѣ (въ іюлѣ 1414) польское рыцарство, и, соединившись съ Витольдомъ подъ Закрочимомъ, вступилъ съ многочисленнымъ войскомъ во владѣнія ордена. Крестоносцы, между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы дать требуемое удовлетвореніе, хотѣли положиться на полюбовный судъ мисненскаго маркграфа. Взявъ нѣсколько незначительныхъ замковъ, поляки подступили къ Бродницѣ, въ надеждѣ овладѣть ею безъ большаго труда. Но осада этой крѣпости заняла много времени и когда еще въ началѣ осады Витольдъ отступилъ съ своимъ войскомъ, крестоносцы хотѣли помочь гарнизону, но замѣтя въ полякахъ готовность къ бою, отказались отъ своего намѣренія. Осаждая Бродницу до самой осени, король хотѣлъ взятіемъ ея окончить походъ съ нѣкоторою славою, но въ лагерь явился папскій легатъ, и при его содѣйствіи состоялось двухлѣтнее перемиріе. Владиславъ предоставилъ свое дѣло съ крестоносцами приговору вселенскаго собора, назначеннаго именно къ тому времени въ Констансѣ. Онъ снарядилъ на этотъ соборъ блестящее посольство, подъ начальствомъ гнѣзненскаго архіепископа Николая Тромбы.

Константскій соборъ долженъ былъ съ одной стороны успокоить христіанскій міръ, въ которомъ одновременно было трое папъ, а съ другой—удовлетворить общему желанію народовъ, требовавшихъ исправленія церковныхъ уставовъ латинства. На этомъ соборѣ рѣшено также дѣло Іоанна Гусса, который, проникнувшись убѣжденіями Виклефа, рѣзко выступилъ въ Чехіи противъ злоупотребленій церковныхъ властей, требовалъ важныхъ перемѣнъ въ латинской церкви, и, между прочимъ, причащенія св. Таинъ въ

обоихъ видахъ, и совершенія богослуженія на народномъ языкѣ. Его ученіе нашло въ Чехіи послѣдователей и Гуссъ обезпеченный охранною грамотою Сигизмунда, въ сопровожденіи двухъ чешскихъ магнатовъ, данныхъ ему для защиты, явился на соборъ, чтобы доказать справедливость и истину своихъ доводовъ. Соборъ не входя ни въ какія разсужденія, велѣлъ ему отречься отъ его ученія, но встрѣтя съ его стороны упорство, заключилъ его въ тюрьму и приговорилъ къ сожженію, какъ равно и друга его Іеронима Прагскаго. Польскіе послы протестовали противъ подобнаго приговора, возбуждавшаго лишь страшную религіозную войну, соединенную почти съ бо̀льшимъ кровопролитіемъ, нежели современныя нашествія татаръ при Тимуръ-ханѣ. Эти религіозныя смуты въ Чехіи, вызванныя неблагоразумнымъ дѣйствіемъ собора, отразились и на сосѣдней Польшѣ.

Вѣчно путешествующій Владиславъ прибылъ (въ маѣ 1415) въ Снятынъ, гдѣ молдаванскій господарь принесъ ему ленную присягу. Такъ какъ во время перемирія дѣла съ орденомъ не были покончены, то по истеченіи его онъ отправился въ Велюнь на съѣздъ съ гроссмейстеромъ (окт. 1416). Заносчивыя требованія гроссмейстера парализировали всякіе переговоры и хотя впослѣдствіи, при посредничествѣ Сигизмунда и французскаго короля, перемиріе было еще продолжено на два года, тѣмъ не менѣе отношенія къ ордену были постоянно натянутыми. Эти отношенія сдѣлались еще болѣе неблагопріятными послѣ появленія пасквиля доминиканца Фалькенберга, который, будучи подкупленъ крестоносцами, взвелъ тысячи клеветъ на Владислава, и, даже уговаривалъ христіанскихъ монарховъ уничтожить совершенно польское королевство. Польскіе послы подали на соборѣ жалобу на негодяя и добились того, что Фалькенберга приговорили къ вѣчному изгнанію. Вновь избранный папа Мартинъ V освободилъ однакожъ виновнаго, но послѣдній, обманувшись въ надеждѣ получить отъ гроссмейстера щедрую награду, сочинилъ на него и на орденъ еще гнуснѣйшій пасквиль, нежели прежній на короля. Владислава до

того взорвалъ этотъ пасквиль, что онъ назначилъ, даже, особенный съѣздъ въ Ленчицѣ, на которомъ магнаты присовѣтовали ему подарить презрѣніемъ и сочиненіе и самого автора.

По смерти королевы Анны (21 мая 1416) Владиславъ хотѣлъ вступить въ бракъ съ вдовою князя брабантскаго Анною, но получивъ отказъ, влюбился въ Елисавету Грановскую, съ которой, не смотря на сопротивленія магнатовъ, обвѣнчался въ Санокѣ (2 мая 1417). Коронація происходила въ Краковѣ (19 нояб.). Елисавета имѣла значительное потомство отъ прежняго брака, а потому многіе съ завистью смотрѣли на это возвышеніе, открывавшее ея дѣтямъ дорогу къ королевскимъ милостямъ.

Между тѣмъ, общественныя дѣла шли своимъ порядкомъ. Неувѣренность въ мирѣ съ крестоносцами, которые снова, подъ вліяніемъ корыстолюбія и тщеславной гордости, предлагали оскорбительныя для короля и народа условія, вызвала сперва безуспѣшный съѣздъ (1418) въ Велюнѣ короля и магистра, а впослѣдствіи посредничество папскихъ легатовъ. Не признавая законности польскихъ правъ, легаты хотѣли обнародовать пристрастный приговоръ; Владиславъ протестовалъ. Съѣхавшись потомъ въ Кошицахъ (въ маѣ) съ императоромъ, онъ отдалъ на его судъ дѣло съ орденомъ, но уполномоченные крестоносцевъ не хотѣли на это согласиться. Сигизмундъ, притворяясь сильно раздраженнымъ, обѣщалъ Владиславу помочь всѣми силами въ борьбѣ съ орденомъ, но едва король, по возвращеніи въ свою столицу, приступилъ къ вооруженію и даже, велѣлъ собраться войску подъ Вольборжемъ, Сигизмундъ хотѣлъ отдѣлаться отъ похода, обѣщаніемъ покончить все дѣло полюбовно и склонить крестоносцевъ къ принятію приговора. Не смотря на старанія Сигизмунда, поляки, вмѣстѣ съ литовцами, вторглись въ орденскія владѣнія. Устрашенные крестоносцы обѣщали подчиниться суду императора, который, дѣйствительно, при посредничествѣ Витольда, уговорилъ короля заключить въ Бендзинѣ двухлѣтнее перемиріе (въ концѣ іюля 1419), не смотря на ропотъ со стороны войска и коронпаго совѣта. На но-

вомъ съѣздѣ съ императоромъ, въ Сончѣ, было рѣшено (8 сент.), что Сигизмундъ въ качествѣ посредника, рѣшитъ всю тяжбу къ крещенскому празднику (1420). Если къ тому времени онъ не произнесетъ приговора, то судебная его власть потеряетъ свою силу.

Король сильно ошибся въ своемъ довѣріи къ императору. Послѣдній, не выслушавъ даже польскихъ уполномоченныхъ, ожидавшихъ его въ Бреславлѣ, рѣшилъ помянутое дѣло въ пользу ордена. Приведенные въ негодованіе такою несправедливостію, польскіе уполномоченные выѣхали безъ прощанія, а короля, гостившаго въ Литвѣ, извѣстили обо всемъ чрезъ гонца. Владиславъ потребовалъ отъ Сигизмунда отмѣны приговора, но получивъ отказъ, рѣшился воспользоваться первымъ попавшимся предлогомъ и начать войну, чтобы уничтожить этотъ несправедливый приговоръ. Это была главная причина, вслѣдствіе которой польскіе уполномоченные не хотѣли, при наступленіи перваго срока платежа, принимать отъ крестоносцевъ вмѣсто золота — серебро, ссылаясь на договоръ, въ которомъ было ясно сказано, что орденъ обязанъ платить за военные убытки золотомъ.

Вскорѣ представился королю случай отмстить Сигизмунду за всѣ оскорбленія. Чехи раздраженные его надменностію и требовательностію, въ минуту когда онъ готовился вступить на чешскій престолъ, послѣ только что умершаго брата Вячеслава, — предложили корону Владиславу. Польскій король отвѣтилъ посламъ, что прежде долженъ узнать мнѣніе короннаго совѣта. Созванный для этой цѣли съѣздъ въ Ленчицѣ, находясь подъ вліяніемъ епископовъ, объявилъ себя противъ принятія короны, но въ тоже время совѣтовалъ дать уклончивый отвѣтъ. Вотъ почему явилось вскорѣ второе, третье и даже четвертое чешское посольство съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы или король, или великій князь Витольдъ приняли чешскую корону, но съ условіемъ гарантировать жителямъ свободу вѣроисповѣданія. Подъ вліяніемъ духовенства, данъ былъ рѣшительный отказъ, сперва въ Неполомицахъ (1420), а впослѣдствіи (лѣтомъ 1421) на люблинскомъ

съѣздѣ, съ увѣреніемъ, что король употребитъ всевозможныя усилія для облегченія дѣла примиренія чеховъ съ церковью и Сигизмундомъ. Такимъ образомъ удобный случай взаимнаго соединенія двухъ родственныхъ племенъ былъ устраненъ, что слѣдуетъ считать большимъ политическимъ промахомъ со стороны тогдашнихъ государственныхъ коноводовъ. Посольство, снаряженное къ Сигизмунду отъ люблинскаго съѣзда, должно было повторить ему отвѣтъ, сообщенный чехамъ, а также потребовать, чтобы онъ, согласно прежнимъ обѣщаніямъ, соединилъ свои силы съ польскими войсками для нанесенія окончательнаго удара крестоносцамъ, не соблюдающимъ никакихъ договоровъ. Но какъ императоръ не выполнилъ прежнихъ въ этомъ отношеніи обязательствъ, то Владиславъ потребовалъ отъ него, въ видѣ залога, на время войны, Силезію. Сигизмундъ уклонился отъ уступки Силезіи, но предложилъ королю, бывшему уже въ третій разъ вдовцомъ, жениться на своей единственной 11-ти лѣтней дочери Елисаветѣ или на свояченицѣ Оффкѣ, а съ ней предложилъ, въ видѣ приданаго, Силезію и 100,000 венгерскихъ злотыхъ. Бракъ короля съ Оффкою показался коронному совѣту, собранному въ Неполомицахъ до того выгоднымъ, что для этой цѣли снаряжено посольство къ Сигизмунду подъ предводительствомъ Завиши чернаго изъ Гарбова. Но когда, послѣ пораженія Сигизмундовыхъ войскъ въ Чехіи, посолъ попался въ руки гусситовъ, планъ этого брака разстроился, а Владиславъ женился вскорѣ (1422) на русской княжнѣ Софіи. Свою дочь, Ядвигу, онъ обручилъ предварительно съ сыномъ бранденбургскаго маркграфа, обезпечивъ за нимъ, на случай своей бездѣтной смерти, наслѣдство польскаго престола. Если увѣренія Сигизмунда были коварны, то не было искренности и въ отношеніяхъ съ орденомъ, который не переставалъ вредить Польшѣ на всякомъ шагу. Не смотря на то, что при содѣйствіи иностранныхъ дворовъ перемиріе было продлено, война должна была возникнуть неизбѣжно, какъ скоро сдѣлалось невозможнымъ достигнуть цѣли путемъ переговоровъ. Но прежде открытія непріязненныхъ дѣй-

ствій, Сигизмунду Корибуту было дозволено хлопотать о чешской коронѣ, чтобы затруднить этимъ императора и, такимъ образомъ, лишить орденъ его помощи. Затѣмъ король вторгнулся съ многочисленнымъ войскомъ въ земли крестоносцевъ (30 іюля 1422) и послѣ двухмѣсячной войны заключилъ (27 сент.) надъ озеромъ Мельномъ постоянный миръ. Крестоносцы отреклись отъ всякихъ правъ на Жмудь и судавскую землю и уступили Польшѣ нешавскій уѣздъ. Владиславъ же призналъ за ними права на владѣніе землями поморскою, хелминскою и михаловскою. Сверхъ того состоялось взаимное обязательство забыть прежнія оскорбленія и оставаться, на будущее время, добрыми сосѣдями. Но едва польскія войска выступили изъ Пруссіи, крестоносцы, кажется, по внушенію Сигизмунда, начали нарушать условія мира. Это подало поводъ къ свиданію короля съ Сигизмундомъ въ Кешмаркѣ (весною 1423), гдѣ и былъ заключенъ вѣчный миръ. Владиславъ строжайше приказалъ Корибуту очистить Чехію, а Сигизмундъ совѣтовалъ крестоносцамъ выполненіе всѣхъ условій мира. На этотъ разъ удовлетворены были оба требованія. Коронные обыватели, собравшіеся въ отсутствіи короля въ Вартѣ, составили много важныхъ уставовъ, дополняющихъ вислицкій кодексъ Казиміра Великаго. Присутствовавшій на этомъ съѣздѣ Корибутъ требовалъ для себя добржинскую землю, но получивъ отказъ, началъ возбуждать волненія, не имѣвшія, однакожъ, никакихъ послѣдствій.

Король хотѣлъ короновать свою четвертую жену съ наибольшимъ, по возможности, великолѣпіемъ. На этотъ обрядъ прибыли въ Краковъ (въ началѣ марта 1424) императоръ Сигизмундъ, датскій король Эрихъ и много иностранныхъ князей. Витольдъ не явился, не смотря на приглашеніе. Во время празднествъ происходили совѣщанія о всеобщемъ европейскомъ мирѣ и о средствахъ подавить гусситовъ. Владиславъ обѣщалъ выставить въ помощь Сигизмунду 5000 войска. Вскорѣ послѣ выѣзда императора прибыли въ Вислицу чешскіе послы съ просьбою къ королю о дозволеніи Корибуту отправиться въ Чехію и принять тамъ верховную

власть. Владиславъ рѣшительно объявилъ, что ни за что на это не согласится и если чехи будутъ упорствовать въ своемъ отступничествѣ, то онъ на погибель имъ заключитъ союзъ съ императоромъ. Желая показать посламъ, что эта угроза не пустой звукъ, онъ велѣлъ заточить въ тюрьму одного гуссита проповѣдывавшаго публично, а по отъѣздѣ пословъ отправилъ Сигизмунду (въ маѣ) обѣщанныя подкрѣпленія подъ начальствомъ Петра изъ Недзвѣдзья. Этотъ отрядъ, проведя три недѣли подъ Ольмюцомъ, возвратился домой, не завязывая нигдѣ боя. Корибутъ же, не смотря на запрещеніе короля, отправился въ Чехію, въ надеждѣ возложить на свою голову корону.

Владиславъ дождался на старости лѣтъ сына, который (родил. 31 октяб. 1424), получилъ при крещеніи имя отца; теперь настала для короля забота—упрочить за новорожденнымъ сыномъ наслѣдство престола. Для этой цѣли онъ назначилъ съѣздъ въ Брестѣ куявскомъ (25 апр. 1425). Съѣхавшіеся на сеймъ обѣщали удовлетворить требованіе Владислава, если онъ съ своей стороны подтвердитъ и распространитъ права Польши и отдѣльныхъ земель. Письменное обязательство, составленное по этому случаю, было вручено на храненіе краковскому епископу Збигнѣву Олесницкому, которому предоставлено выдать его лишь тогда, когда король выполнитъ требуемое отъ него условіе. Вскорѣ послѣ этого состоялся въ Ленчицѣ провинціальный синодъ, на которомъ папскій легатъ потребовалъ отъ духовенства 20,000 злотыхъ субсидіи, для веденія войны съ гусситами, на что однакожъ не получилъ согласія. На этомъ синодѣ, уполномоченный плоцкаго епископа объявилъ, что Мазовія, имѣющая собственныхъ князей, вовсе не зависитъ отъ короны (Польши). Король раздраженный этимъ заявленіемъ рѣшилъ принудить плоцкаго князя Зимовита признать зависимость отъ короны и назначилъ новый съѣздъ въ Брестѣ Литовскомъ (на 11 нояб.), куда пригласилъ и Зимовита; князь извинился болѣзнію, но его сыновья дали подписку, что по приказанію

отца свидѣтельствуютъ о принесенiи имъ ленной присяги и о готовности возобновить таковую лично, когда и гдѣ король укажетъ.

Изъ Бреста король отправился на съѣздъ въ Гродно, гдѣ совмѣстно съ Витольдомъ и гроссмейстеромъ ордена, Павломъ Русдорфомъ, обсуживалъ и уладилъ разныя недоразумѣнiя, касательно условiй мильненскаго мира. Именно Владиславъ, при содѣйствiи Витольда, согласился на возвращенiе ордену любичской мельницы, которую по сказанному миру, крестоносцы уступили Польшѣ. Проведя большую часть зимы въ Литвѣ, король долженъ былъ прибыть (въ серединѣ поста 1426) на генеральное вече въ Варту, но не могъ исполнить своего намѣренiя, ибо на охотѣ въ Бѣловѣжской пущѣ сломалъ себѣ ногу. По этому совѣщанiя происходили въ его отсутствiе. Собравшiеся не хотѣли утвердить уступки Любича и объявили гроссмейстеру, что, настаивая на условiяхъ мира, они не думаютъ приносить какiя либо жертвы въ пользу ордена. Выздоровѣвъ, Владиславъ прибылъ въ Ленчицу (на троицынъ день), гдѣ вновь собрался коронный совѣтъ. Отъ него потребовали, во исполненiе прошлогодняго обязательства, утвержденiя прежнихъ и дарованiя новыхъ льготъ короннымъ обывателямъ. Король, предварительно настроенный Сигизмундомъ, отнюдь не дѣлать никакихъ уступокъ, а напротивъ добиваться отъ отдѣльныхъ магнатовъ подписокъ, касательно наслѣдства престола—отвѣчалъ совершеннымъ отказомъ. Это вызвало всеобщее раздраженiе, и когда Олесницкiй отдалъ магнатамъ ихъ прошлогоднюю запись, они изрубили ее саблями въ присутствiи короля. Сильно опечаленный этимъ событiемъ, король оставилъ собранiе. Не теряя однако надежды, онъ началъ дѣйствовать по совѣту Сигизмунда и нашелъ довольно сторонниковъ, которые, увлекаясь личными выгодами, пренебрегали общимъ благомъ. Правда, ленчицкiй съѣздъ утвердилъ, по просьбѣ короля, уступку Любича, но въ тоже время послалъ къ Витольду Олесницкаго съ объявленiемъ, чтобы на будущее время не давать ни крестоносцамъ, ни кому бы то ни было обѣщанiй, направленныхъ ко вреду короны.

Владиславъ дождался и втораго сына (17 мая), Казиміра, который, впрочемъ не прожилъ и года. Но когда стало вѣроятнымъ рожденіе ему новаго потомка, то старый Витольдъ не на шутку встревожился, и на съѣздѣ въ Городлѣ (1427) искусно возбудилъ подозрѣніе въ сердцѣ короля на счетъ вѣрности жены. Это подало поводъ къ весьма неназидательнымъ сценамъ. Нѣсколько молодыхъ рыцарей арестованы по подозрѣнію въ тайныхъ связяхъ съ королевою, нѣкоторыя изъ ея фрейлинъ были отвезены въ Литву, гдѣ ихъ подвергали пыткамъ, но не добились показаній, обвиняющихъ королеву. Нѣкоторые магнаты и ихъ жены, смущенные подобнымъ поведеніемъ, выступили въ защиту чести королевы, что имѣло вліяніе на возстановленіе супружескаго согласія. Во время этихъ домашнихъ замѣшательствъ родился третій сынъ короля (29 нояб.), названный также при крещеніи Казиміромъ.

Въ странахъ сосѣднихъ съ Польшею, шла ужасная война. Побѣжденный гусситами, Сигизмундъ предпринялъ не менѣе злосчастный походъ противъ турокъ, въ которомъ погибъ знаменитый польскій рыцарь Завиша черный изъ Гарбова, и неудачу котораго императоръ приписывалъ частію Владиславу, на томъ основаніи, будто бы послѣдній не прислалъ обѣщанныхъ подкрѣпленій. Дѣйствуя всегда съ хитростію, онъ хотѣлъ и теперь поссорить короля съ Витольдомъ, который, послѣ удачныхъ походовъ противъ Пскова и Новгорода, распространилъ свое могущество и пріобрѣлъ даже рѣшительное вліяніе на татаръ. И такъ, подъ предлогомъ соглашенія всякихъ взаимныхъ отношеній, онъ устроилъ съѣздъ въ Луцкѣ (6 янв. 1429); на этотъ съѣздъ прибыли также, приглашенные Сигизмундомъ, уполномоченные крестоносцевъ. Переговоры были открыты требованіемъ императора предпринять, совокупно съ королемъ, походъ противъ валаховъ, для опустошенія ихъ земли. Но на это требованіе послѣдовалъ отказъ. Обманутый въ своихъ надеждахъ, въ отношеніи этого плана, онъ приступилъ къ главному предмету, который хотѣлъ провести на луцкомъ съѣздѣ. Онъ уговорилъ Витольда домогаться литовской короны и самъ усер-

дно настаивалъ у Владислава, не препятствовать этой попыткѣ. Король, волею-неволею, согласился, наконецъ, на все, но коронный совѣтъ, по внушеніямъ Збигнѣва Олесницкаго, не далъ своего дозволенія и побудилъ короля къ внезапному выѣзду изъ Луцка. Не смотря на это, Витольдъ не разстался съ своимъ намѣреніемъ и, подстрекаемый Сигизмундомъ, хотѣлъ подкупить отдѣльныхъ коронныхъ магнатовъ. Нѣкоторые поддались искушенію, но когда въ новомъ Корчынѣ собралось вече, Олесницкій былъ тотчасъ же отправленъ къ Витольду съ предложеніемъ отказаться отъ намѣренія, грозившаго разрывомъ союза Литвы съ короною. Тщетны были усилія посла, ибо Витольдъ извинялся тѣмъ, что какъ скоро онъ рѣшился, по настоянію самого короля, принять этотъ титулъ и уже это сдѣлалось гласнымъ, то всякое отреченіе было бы теперь несовмѣстно съ его достоинствомъ. Затѣмъ онъ отправилъ къ Сигизмунду своего повѣреннаго съ просьбою о доставленіи обѣщанной короны. Поляки, зная очень хорошо, кто всему дѣлу зачинщикъ, хотѣли уладить все съ Сигизмундомъ, но не смотря на двукратный съѣздъ польскихъ уполномоченныхъ, переговоры не состоялись, ибо никто не явился со стороны Сигизмунда. Эти дѣла, а равно и настоянія папы, чтобы Владиславъ выступилъ съ оружіемъ противъ гусситовъ, подали поводъ къ новому съѣзду въ Сендомирѣ. Здѣсь же окончательно удостовѣрились, что Сигизмундъ явный врагъ Польши. Теперь все дѣло состояло въ томъ, чтобы выбить изъ головы Витольда несчастную мысль о коронѣ. Владиславъ изъявилъ готовность уступить ему польскую корону, лишь бы онъ пересталъ мечтать о литовской. Съ этимъ предложеніемъ было вновь снаряжено къ нему посольство. Витольдъ не принялъ уступаемой ему короны и даже хотѣлъ отрѣчься отъ всякаго дальнѣйшаго искательства, но Сигизмундъ и крестоносцы поколебали его въ этомъ намѣреніи, не смотря на то, что и папа, сильно осуждалъ его честолюбивые замыслы.

Владиславъ назначилъ вновь съѣздъ въ Едльнѣ (въ концѣ февр. 1430), на которомъ освободилъ церковныя помѣстья отъ

такъ называемой *стацiи* или обязанности принимать на собственный счетъ королевскiй дворъ во время проѣздовъ, а также пояснилъ смыслъ нѣкоторыхъ льготъ, возбуждавшихъ сомнѣнiе [1]). За обѣщанiе провозгласить королемъ одного изъ его сыновей, который окажется наиболѣе способнымъ къ правленiю, онъ подтвердилъ прежнiя права, обязался не чеканить новой монеты безъ разрѣшенiя магнатовъ и освободить крестьянъ въ духовныхъ и свѣтскихъ помѣстьяхъ отъ всякихъ податей, за исключенiемъ налога— двухъ грошей съ лана. Сверхъ того онъ обязался не подвергать никого аресту, не лишать имущества безъ приговора суда и въ отношенiи правъ и привиллегiй сравнять всѣ коронныя земли. Витольду, который жаловался, что король несправедливо его обвиняетъ передъ папою и князьями въ честолюбiи, ибо самъ уговаривалъ его искать короны, отвѣтили чрезъ пословъ, что необычайное требованiе отъ литовскихъ и русскихъ бояръ присяги, набросило тѣнь подозрѣнiя на дѣйствительную цѣль его плановъ.

Какъ съ одной стороны Витольдъ, подстрекаемый Сигизмундомъ, хотѣлъ во чтобы то ни стало получить титулъ литовскаго короля, такъ съ другой стороны польскiе обыватели употребляли всѣ усилiя, чтобы воспрепятствовать осуществленiю этого плана. Когда затѣмъ, познанскiй *подкоморiй* [2]), Янъ Чарнковскiй, аресто-

---

[1]) Согласно привиллегiи, данной еще въ 1286 г. сѣрадзкимъ княземъ Лешкомъ, князю полагалось доставлять во время проѣзда лѣтомъ одну корову, двухъ овецъ, а въ зимнее время тридцать куръ, сто яицъ, пол-мѣры гороху, пол-мѣры крупъ и мѣрку соли. По показанiю Чацкаго (см. его сочиненiе O litewskich i polskich prawach, примѣчанiе 342), дань доставлялась въ столицу, какъ скоро путешествiя не предпринималось. Монастыри не были освобождены отъ *стацiи*, но могли, какъ свидѣтельствуетъ Кромеръ, замѣнять эту повинность ежегоднымъ денежнымъ взносомъ. Въ одномъ лишь сходятся всѣ польскiе ученые, что стацiя считалась всегда одною изъ самыхъ тягостныхъ повинностей. *Примѣч. перев.*

[2]) По вислицкому статуту *подкоморiи* имѣли какую-то власть надъ войскомъ, управляли рудниками и имѣли въ своемъ вѣдѣнiи всѣ пограничные споры. Впослѣдствiи подкоморiи получили значенiе камергеровъ. Во время торжественныхъ выходовъ, они являлись въ королевской свитѣ, докладывали королю о прибытiи пословъ и сопровождали ихъ на аудiенцiю до предпо-

валъ гонцовъ Сигизмунда и захватилъ у нихъ важныя бумаги, относившіяся къ предположенной коронаціи (8 сент.), на которую Витольдъ уже пригласилъ множество гостей, — великополяне рѣшились стеречь всѣ дороги, чтобы не пропустить пословъ императора, везшихъ короны. Эта бдительность заставила пословъ просидѣть два мѣсяца вблизи польской границы и возвратиться къ Сигизмунду съ пустыми руками. Обманутый въ надеждахъ Витольдъ согласился на свиданіе съ королемъ, собравшимся ѣхать (въ окт.) въ Вильно. Короля сопровождалъ Збигнѣвъ Олесницкій, которому коронный совѣтъ поручилъ всѣми мѣрами препятствовать коронаціи Витольда. На случай, если бы на нее согласился король, Олесницкаго уполномочили протестовать отъ имени всѣхъ поляковъ. Присутствіе Олесницкаго оказалось вовсе не лишнимъ, ибо вновь начались переговоры о коронаціи и только его энергіи слѣдуетъ приписать, что Витольдъ, наконецъ отказался отъ своего намѣренія. Изъ Вильно всѣ отправились въ Троки, но дорогою Витольдъ упалъ съ лошади, сильно захворалъ, и спустя нѣсколько дней, умеръ (28 окт.) въ Трокахъ.

Сейчасъ же послѣ его смерти, король секретно передалъ управленіе Литвою Свидригейлѣ, который занялъ безотлагательно Троки, Вильно и другіе города, даже не хотѣлъ впустить въ нихъ Владислава. Не довольствуясь этимъ, онъ требовалъ отъ брата возвращенія всѣхъ земель, принадлежавшихъ Литвѣ. Когда же пришло извѣстіе, что Бучацкіе овладѣли отъ имени Польши Каменцомъ и Подоліею, то Свидригейло до того забылся, что вздумалъ угрожать королю и короннымъ совѣтникамъ тюрьмою и смертію. Владиславъ былъ уже готовъ удовлетворить всѣ его желанія, но бывшіе при немъ совѣтники воспротивились тому, и созвали коронныхъ обывателей на съѣздъ въ Варту (8 дек.) для принятія энергическихъ мѣръ къ освобожденію короля изъ-подъ вліянія Свид-

---

слѣдней залы, въ которой находился маршалъ. Принадлежностію подкоморія былъ золотой ключъ, который вручалъ ему самъ король, послѣ принесенія присяги. *Примѣч. перев.*

ригейлы. Съѣздъ отправилъ къ Свидригейлѣ Олесницкаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, съ рѣшительнымъ требованіемъ освободить короля и его дворъ и назначилъ всеобщее ополченіе, долженствовавшее собраться въ Кіянахъ на Вепржѣ, для поддержки, въ случаѣ надобности, этихъ требованій оружіемъ. Свидригейло, устрашенный вооруженіями короны, позволилъ брату и его двору уѣхать въ Польшу.

Дерзкое поведеніе Свидригейлы вызвало въ Польшѣ всеобщее раздраженіе. На съѣздѣ въ Сендомирѣ (великимъ постомъ 1431) было рѣшено принудить его къ покорности и предпринять походъ противъ Луцка, а Подолію признать собственностію короны. Владиславу удалось, однакожъ, выговорить, чтобы предварительно были отправлены къ Свидригейлѣ послы съ требованіемъ возвратить луцкую землю и подольскіе зàмки, вести себя мирно и съѣхаться съ королемъ для окончательнаго разрѣшенія споровъ и соглашенія на счетъ устройства Литвы. Свидригейло не хотѣлъ удовлетворить этимъ требованіямъ и обѣщалъ назначить особенное посольство для ближайшаго разсмотрѣнія дѣла. Но какъ и этого онъ не исполнилъ, то рѣшено было двинуть войско на Луцкъ. Убѣжденный, что король, по родственнымъ соображеніямъ, не захочетъ его погубить, Свидригейло объявилъ, что не откроетъ переговоровъ, пока ему не будетъ возвращена вся Подолія. Прусскій магистръ притворялся, правда, посредникомъ между поссорившимися братьями, но нѣкоторые утверждали, будто бы, самъ король тайно вызвалъ крестоносцевъ помочь Свидригейлѣ, если бы дѣло дошло до войны. Какъ скоро войско стянулось къ Бугу, Владиславъ отправилъ брату объявленіе войны, обвиняя его въ присвоеніи великаго княжества литовскаго, непринесеніи присяги въ вѣрности, наѣздѣ на Подолію, оскорбленіи пословъ и т. д. Вмѣсто того, чтобы начать непріязненныя дѣйствія, Владиславъ медлилъ, ибо былъ противъ войны съ братомъ и приступилъ къ ней единственно по настоянію короннаго совѣта. Время проходило во взаимныхъ посольствахъ и только тогда подступили къ Луцку,

когда дальнѣйшая проволочка сдѣлалась невозможною. Осада за̀мка заняла нѣсколько недѣль, ибо король соглашался на частыя перемирія. Наконецъ (8 сент.) было заключено временное перемиріе, причемъ было выговорено: при свиданіи короля съ Свидригейлою въ Парчевѣ, условиться на счетъ вѣчнаго мира. Во время осады Луцка, съ одной стороны вторглись въ Куявы и добржинскую землю крестоносцы, а съ другой въ Подолію и галицкую землю проникъ молдавскій воевода Александръ. Наѣздники были оттѣснены въ обоихъ пунктахъ, но дѣло не обошлось безъ чувствительныхъ потерь.

Разсчитывая на помощь императора Сигизмунда и крестоносцевъ, Свидригейло не прислалъ къ назначенному времени въ Парчевъ своихъ уполномоченныхъ. Слѣдовало, затѣмъ, подумать о болѣе дѣйствительныхъ средствахъ, для принужденія его къ покорности. Этимъ занялся въ Серадзѣ, сеймъ польскихъ вельможъ, который, признавъ наслѣдство престола за старшимъ сыномъ короля Владислава, рѣшилъ собрать войско, и всѣми силами ударить на непріятеля, болѣе другихъ угрожавшаго коронѣ. Предложенія гусситскихъ пословъ, обѣщавшихъ вооруженную помощь на случай войны съ крестоносцами, были приняты какъ нельзя лучше, и Владиславъ сильно разсердился на Збигнѣва Олесницкаго, когда послѣдній, по поводу присутствія этихъ пословъ, наложилъ на Краковъ интердиктъ. Отправленный, вслѣдъ за тѣмъ въ Литву Заремба, вошелъ въ соглашеніе съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и литовскими боярами. Свидригейло былъ изгнанъ и бѣжалъ въ Русь. Исповѣдуя одну вѣру съ жителями этой страны, онъ нашелъ въ ней много сторонниковъ, Сигизмундъ же безъ труда овладѣлъ литовскими за̀мками и городами и какъ Владиславъ, призналъ его великимъ княземъ литовскимъ, то онъ согласился на присоединеніе къ Польшѣ Подоліи и Волыни. Свидригейло пытался правда съ помощію своихъ приверженцовъ возвратить Литву и Подолію, но вездѣ въ рѣшительныхъ сраженіяхъ былъ разбитъ и поневолѣ пріутихъ на нѣкоторое время.

Покончивъ съ Свидригейлою, рѣшено было на съѣздѣ въ Сендомирѣ (1433) начать войну съ крестоносцами. Въ концѣ іюня собралось польское рыцарство, чтобы совмѣстно съ гуситами открыть непріязненныя дѣйствія. Въ Косцянахъ выѣхали на встрѣчу къ королю послы базельскаго собора съ донесеніемъ, что крестоносцы согласны на переговоры, вслѣдствіе чего соборъ вызывалъ обѣ стороны на съѣздъ въ Слонскъ, близъ Раціонжа. Король согласился на это требованіе и немедля отправилъ своихъ уполномоченныхъ. Но крестоносцы не явились къ двумъ срокамъ и потому снова пришлось взяться за оружіе. Поляки вмѣстѣ съ чехами опустошили новую Мархію, потомъ вторгнулись въ Померанію. Передавъ главное начальство надъ войскомъ Николаю изъ Михалова, король приказалъ ему не добывать зàмковъ и городовъ, но огнемъ и мечемъ опустошать земли крестоносцевъ до тѣхъ поръ, пока орденъ не будетъ просить мира. Но поляки, овладѣвъ безъ труда Тчевомъ и Ясенцемъ, приступили къ осадѣ Хойницъ, продолжавшейся цѣлыхъ 7 недѣль. Наконецъ заключено было на нѣсколько мѣсяцевъ перемиріе съ оговоркою, что уполномоченные обѣихъ сторонъ должны съѣхаться (30 нояб.) въ Брестѣ куявскомъ, для окончательнаго соглашенія на счетъ условій постояннаго мира. Переговоры въ Брестѣ не имѣли успѣха, а король рѣшился по истеченіи срока перемирія (янв. 1434) предпринять новый походъ противъ крестоносцевъ. Войско начинало уже сосредоточиваться, что заставило устрашенныхъ крестоносцевъ заключить, на этотъ разъ, 12 лѣтнее перемиріе.

Одновременно возникли волненія въ Валахіи, въ которой, по смерти господаря Александра, вспыхнула борьба между двумя его сыновьями Стефаномъ и Ильей. Послѣдній претерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ въ Польшу, но вмѣсто помощи нашелъ тамъ тюрьму. Король посадилъ его подъ стражу и тѣмъ до того обязалъ Стефана, что тотъ не только обѣщалъ исполнить присягу вѣрности, но защищалъ съ успѣхомъ Подолію отъ наѣздовъ татаръ и Свидригейлы. Владиславъ отправился послѣ Святой въ

Галичъ, гдѣ Стефанъ долженъ былъ принести ленную присягу, но простудился, „слушая пѣнье соловьевъ въ Медыцѣ“, заболѣлъ въ Гродкѣ и вскорѣ послѣ того (31 мая 1434) скончался. Умирая, онъ ввѣрилъ своихъ сыновей, въ особенности старшаго, опекѣ присутствовавшихъ сановниковъ, которые тотчасъ же извѣстили о его смерти королеву и весь край, а придворное войско отправили на защиту Подоліи.

Владиславъ, 48 лѣтнее царствованіе котораго было столь благопріятно для Польши, принадлежитъ къ числу людей пользовавшихся общимъ сочувствіемъ, даже выше своихъ заслугъ. Не отличаясь ни блистательными способностями, ни отличительнымъ знаніемъ правительственной машины, не будучи къ тому же ни дипломатомъ, ни знаменитымъ полководцемъ, онъ тѣмъ не менѣе, во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ былъ необыкновенно счастливъ, и успѣлъ заслужить всеобщее уваженіе. Хотя онъ проводилъ большую часть времени въ охотахъ, пиршествахъ, въ хожденіи по церквамъ и въ непрестанныхъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, но правительственныя дѣла оттого не залеживались, благодаря энергіи и благоразумію королевскихъ совѣтниковъ. Въ его царствованіе Польша могла похвалиться многими знаменитыми государственными людьми, которые много сдѣлали для ея усиленія и процвѣтанія, тогда какъ въ то же время краковская академія распространяла въ ней науки и просвѣщеніе. Король не могъ сравняться съ своими совѣтниками, и потому волею-неволею, совершенно подчинился ихъ вліянію и такимъ образомъ поддерживалъ могущество свѣтской и духовной аристократіи, во вредъ остальнымъ сословіямъ. Добрый и мягкій отъ природы, онъ не умѣлъ никому ни въ чемъ отказать, чѣмъ пользовались всѣ имѣвшіе къ нему доступъ и въ особенности придворные. Онъ роздалъ множество коронныхъ помѣстій, бывшихъ собственностію рѣчипосполитой и замѣтно обезсилилъ чрезъ это государственную казну. Онъ былъ вспыльчивъ и подозрителенъ, но его легко можно было разувѣрить. Впрочемъ иногда случалось ему прибѣгать къ насиліямъ совершенно не со-

гласнымъ съ понятіями о справедливости. Можно было также сдѣлать ему упрекъ, что легковѣріе, съ которымъ онъ поддался мнѣнію и увѣреніямъ императора Сигизмунда причинило не мало вреда государству. Не смотря затѣмъ на всѣ отрицательныя свойства его характера, нужно однакожъ согласиться, что избраніе его въ короли было для Польши событіемъ необыкновенно счастливымъ, ибо вызвало союзъ съ Литвою. Даже его безпрестанныя путешествія по странѣ, хотя связанныя съ временнымъ притѣсненіемъ населенія, долженствовавшаго кормить многочисленный дворъ, имѣли ту хорошую сторону, что удерживали мѣстныя власти отъ злоупотребленій и самоуправства.

Хотя коронные обыватели и обѣщали признать наслѣдство престола за однимъ изъ сыновей умершаго короля, все таки не обошлось безъ оппозиціи, когда пришлось рѣшить это дѣло на краковскомъ сеймѣ (18 іюня). Никто не оспаривалъ у старшаго королевича права на престолъ, но недоразумѣніе заключалось въ томъ, приступить ли тотчасъ къ коронованію или же, ожидать совершеннолѣтія Владислава. Свѣтскіе и духовные сановники, а въ особенности краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій, который, ѣдучи на базельскій соборъ, воротился съ дороги, узнавъ о смерти короля, — были въ пользу немедленной коронаціи, но Спытко изъ Мельштына, Дерславъ Рытвянскій и значитильная часть простаго рыцарства, хотѣли непремѣнно отсрочки, утверждая, что, возложивъ корону на малолѣтняго Владислава, пришлось бы, быть можетъ, разстаться съ національными льготами, ибо никто не можетъ поручиться, утвердитъ ли таковыя Владиславъ по достиженіи совершеннолѣтія, когда и безъ того онъ будетъ уже королемъ. Они требовали затѣмъ, чтобы коронація была отложена до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны гарантіи, вполнѣ обезпечивающія народъ въ этомъ отношеніи. Когда же краковскій съѣздъ, составленный преимущественно изъ аристократовъ, почти единогласно рѣшилъ совершить обрядъ безотлагательно, именно 29 іюня, Мельштынскій съ своей стороны созвалъ множество рыцарей на съѣздъ въ Опа-

товъ, чтобы воспрепятствовать этому рѣшенію. Олесницкій успѣлъ своими интригами парализировать дѣйствія опатовскаго съѣзда. Въ день св. Іакова, съѣхались въ Краковъ на коронацію не только государственные сановники, но и послы отъ разныхъ земель. Оппозиціонная партія выступила въ такомъ огромномъ числѣ, что коронація состоялась лишь тогда, когда королева Софія, родственные князья и наиболѣе значительные магнаты дали торжественное увѣреніе, что Владиславъ, достигнувъ совершеннолѣтія, утвердитъ всѣ права и привиллегіи народа. По совершеніи обряда, установлено было временное правительство изъ такъ называемыхъ *провизоровъ* для каждой области, которые должны были разрѣшать общественныя дѣла, но въ болѣе важныхъ случаяхъ обращаться къ коронному совѣту.

Вскорѣ послѣ коронаціи жители галицкой Руси и Подоліи просили молодаго короля и его совѣтъ признать за ними тѣ же права, которыми пользовались остальные его подданные. Просьба эта была удовлетворена. Нѣкоторые роптали противъ такого королевскаго постановленія, утверждая, что покойный король никогда и не думалъ надѣлять русиновъ столь обширными правами, какія имъ достались теперь.

Царствованіе *Владислава III* было сначала довольно бурно, по поводу споровъ частію между магнатами, частію же и вмѣшательства духовенства въ дѣла частныхъ лицъ, между рыцарствомъ и духовенствомъ. Коронный совѣтъ хотѣлъ, чрезъ бракъ юнаго короля съ внучкою императора Сигизмунда и дочерью ракузскаго эрцгерцога Альбрехта, отнять у крестоносцевъ всякую надежду на германскую помощь и съ этою цѣлію отправилъ къ Сигизмунду пословъ. Но Петръ Шафранецъ, чтобы воспрепятствовать этому, уговорилъ Гамрата, отправленнаго впередъ за охранною грамотою для пословъ, объявить императору, что его пригласятъ управлять Польшею въ качествѣ опекуна малолѣтняго короля. Сигизмундъ весьма обрадовался этому извѣстію, но когда послы объяснили ему настоящую цѣль своего прибытія и сказали, что на счетъ управленія

Польшею они не имѣютъ никакихъ полномочій, онъ сильно разсердился и не хотѣлъ входить ни въ какіе переговоры о бракѣ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшатся его споры съ Польшею. Этимъ долженъ былъ заняться съѣздъ польскихъ и венгерскихъ уполномоченныхъ, но и онъ кончился ничѣмъ.

Не взирая на перемиріе, крестоносцы вторгнулись въ Жмудь, но претерпѣвъ значительное пораженіе, обнаружили готовность заключить вѣчный миръ, для чего и былъ назначенъ съѣздъ въ Брестѣ куявскомъ (4 мая 1435); переговоры были весьма долго безуспѣшны и только съ полученіемъ извѣстія о новомъ пораженіи ордена великимъ княземъ литовскимъ Сигизмундомъ, уполномоченные крестоносцевъ выказали нѣсколько болѣе умѣренности: назначенъ былъ новый съѣздъ въ Брестѣ (7 дек.), на которомъ, послѣ долгихъ споровъ и преній, заключенъ окончательно (31 дек.) вѣчный миръ. По этому миру, между прочимъ выговорено совершенное забвеніе взаимныхъ обидъ, отмѣна всѣхъ приговоровъ, произнесенныхъ въ пользу той или другой стороны, а взамѣнъ этого, дружба въ полномъ значеніи этого слова. Орденъ отрекался отъ своихъ правъ на нешавскій уѣздъ, на Муржиновъ и Орловъ, далѣе на Жмудь, Судавію и Литву, а Польша въ свою очередь, отрекалась отъ правъ на поморскую, хелминскую и михаловскую области. Было выговорено также, что ни одно вліятельное лицо, свѣтское или духовное, не вправѣ нарушить условій этого мира и подобно тому, какъ орденъ не долженъ ни явно, ни тайно связываться съ Свидригейлою и другими врагами Польши и Литвы, точно также и Польша не будетъ входить въ сношенія съ его врагами. Магнаты, города и рыцарство обѣихъ сторонъ обязались отказать въ повиновеніи своимъ правительствамъ, какъ скоро которое-либо изъ нихъ, наперекоръ заключенному миру, вздумало бы начать войну. Далѣе включено въ условія: обоюдная выдача дезертировъ и полная свобода заниматься всякому торговлею, а также свобода путешествовать безъ платежа стѣснительныхъ пошлинъ и податей. Насилія и наѣзды, совершаемые отдѣльными гражданами одной стороны въ вла-

дѣніяхъ другой не будутъ считаться поводомъ къ нарушенію мира, но виновные подвергнутся карѣ по приговору судей, назначенныхъ въ равномъ числѣ отъ обѣихъ сторонъ. Обоюдныя границы должны быть точно обозначены, на основаніи прежнихъ договоровъ и присяжныхъ показаній достовѣрныхъ свидѣтелей. Права епископовъ, капитуловъ, церквей и монастырей сохраняются въ цѣлости. Обѣ стороны объявляютъ совершенную амнистію всѣмъ тѣмъ, которые въ теченіе послѣднихъ войнъ принимали сторону противниковъ, а также освобождаютъ всѣхъ плѣнныхъ. Орденъ уплачиваетъ королю 9500 червонцевъ въ два срока, а куявскому епископу 1200. Кромѣ того обѣ стороны должны были, по условленной формѣ, присягнуть по всѣмъ параграфамъ мира. Коронныя сословія подтвердили всѣ эти пункты на съѣздѣ въ Сѣрадзѣ, какъ скоро гроссмейстеръ съ своей стороны ратификовалъ его (18 мар. 1436). Во время столкновеній и переговоровъ съ крестоносцами, коронные совѣты съѣзжались весьма часто для разрѣшенія другихъ важныхъ дѣлъ. Разсматривавшихся на разныхъ съѣздахъ десятинныхъ тяжебъ нельзя было покончить, а на сѣрадзскомъ съѣздѣ (8 мая 1436) было рѣшено бѣжавшаго въ Польшу, еще при прежнемъ королѣ, господаря Илію держать и впредь подъ стражею. Но Петръ Шафранецъ позволилъ ему скрыться, что вызвало вновь междоусобную войну въ Валахіи. Отправленные нарочно королевскіе послы склонили къ примиренію обоихъ братьевъ, которые раздѣлили между собою Валахію. Король потребовалъ отъ обоихъ покорности и съ этою цѣлію прибылъ въ Львовъ. Но только одинъ Илія подчинился этому (29 сент. 1436) и обязался платить подать, за что получилъ отъ короля галицкій замокъ для храненія своихъ сокровищъ и для убѣжища, въ случаѣ надобности.

Желая, во чтобы то ни стало, пріобрѣсти вновь великое княжество Литовское, Свидригейло началъ войну съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ (лѣтомъ 1436). Войскомъ командовалъ Корибутъ, который долженъ былъ оставить Чехію послѣ пораженія Таборитовъ (1434). Король отправилъ къ Сигизмунду значительныя подкрѣп-

ленія подъ начальствомъ Іакова изъ Кобылянъ. Подъ Вилкомиромъ произошла битва (1 сент.), въ которой Свидригейло претерпѣлъ совершенное пораженіе и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Взятаго же въ неволю Корибута, вмѣстѣ съ другими плѣнными, свирѣпый Сигизмундъ велѣлъ умертвить. Побѣжденный Свидригейло потерялъ, наконецъ, надежду достигнуть своей цѣли силою. Онъ рѣшился испросить прощеніе у короля и, дѣйствительно, получилъ таковое; тотчасъ же по прибытіи въ Краковъ (13 авг. 1437) Владиславъ, совмѣстно съ коронnымъ совѣтомъ, обратился къ Сигизмунду, желая примирить его съ Свидригейлою. Но великій князь уклонился отъ соглашенія и въ силу прежняго договора съ покойнымъ королемъ, удержалъ за собою въ пожизненномъ владѣніи всю Литву, съ предупрежденіемъ, что по смерти его великое княжество подчинится коронѣ, а сынъ его Михаилъ удовольствуется родовымъ достояніемъ.

Съ императоромъ Сигизмундомъ, который только что возвратилъ себѣ чешское королевство и подтвердилъ договоръ между базельскимъ соборомъ и умѣренною партіею гусситовъ, предположено (1436) было согласиться на счетъ брака Владислава и брата его Казиміра съ ракузскими княжнами, внучками императора. Но Сигизмундъ отвѣтилъ посламъ, чтобы они обратились къ нему для окончательныхъ переговоровъ, когда, послѣ окончанія чешскихъ дѣлъ, онъ пріѣдетъ въ Венгрію или Ракузу. Эта отсрочка парализировала весь планъ, и уже переговоры по этому дѣлу не возобновлялись, хотя Сигизмундъ почти на смертномъ одрѣ просилъ Владислава поспѣшить отправкою своихъ уполномоченныхъ. Сигизмундъ умеръ вскорѣ (9 дек. 1437) и Альбертъ ракузскій, по смыслу завѣщанія долженъ былъ вступить въ управленіе Германіею, Венгріею и Чехіею. Въ Германіи и Венгріи Альбертъ имѣлъ успѣхъ, но большинство чеховъ, не желая признать его королемъ, избрало 13 лѣтняго Казиміра Ягеллона и снарядило пословъ въ Польшу. Владиславъ созвалъ высшіе чины на совѣтъ въ Новый Корчинъ (4 мая 1438), чтобы спросить ихъ мнѣнія: слѣдуетъ ли согласиться

съ требованіемъ чеховъ или же дать отрицательный отвѣтъ? Старики и высшее духовенство были противъ принятія чешской короны, но вся молодая партія, а также великій князь литовскій Сигизмундъ, объявили себя въ пользу принятія. Когда послѣднее мнѣніе взяло верхъ, король отправилъ своего брата въ Чехію съ значительнымъ войскомъ. Вскорѣ прибыли послы Альберта и, заявивъ права его на чешскую корону, требовали рѣшительно отозванія Казиміра и грозили войною, въ случаѣ отказа короля. Владиславъ отвѣтилъ, что братъ его, приглашенный на престолъ народомъ, законно вступитъ въ управленіе Чехіею, какъ скоро чехи примирятся съ церковью, угрозъ же отнюдь не страшится и правъ Альберта не признаетъ дѣйствительными. Послѣ этого отзѣта Альбертъ вступилъ въ Прагу, и по совершеніи коронаціи вызвалъ на помощь войска изъ Венгріи и Германіи. Соединившись съ чешскою партіею, враждебною Альберту, поляки заняли укрѣпленную позицію подъ городомъ Таборомъ, гдѣ вскорѣ Альбертъ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, расположился лагеремъ. Послѣ мелкихъ стычекъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, оба войска, безъ рѣшительнаго боя, разошлись, за недостаткомъ продовольствія. Увѣдомленный о превосходномъ числѣ войскъ Альберта, а слѣдовательно и объ опасности угрожавшей брату, Владиславъ обнародовалъ всеобщее ополченіе и самъ двинулся въ Чехію. Занявъ часть Силезіи, онъ узналъ о временномъ пріостановленіи войны и потому воротился домой.

Въ то время, когда правительство было занято этими дѣлами, татары вторглись въ Подолію. Мѣстное и русинское рыцарство собралось въ огромномъ числѣ, но наткнувшись на татарскія засады, претерпѣло ужасное пораженіе. Здѣсь погибъ Михаилъ Бучацкій и много извѣстныхъ рыцарей и сверхъ того множество плѣнниковъ досталось въ руки татаръ. Къ бѣдствіямъ страны слѣдуетъ причислить страшную дороговизну, вызванную всеобщимъ неурожаемъ и появленіе въ огромномъ количествѣ фальшивой монеты. Нужно было принять какія либо мѣры, а потому назначенъ былъ съѣздъ

въ Піотрковѣ (8 дек. 1438). Признанный здѣсь совершеннолѣтнимъ, Владиславъ подтвердилъ всѣ права и льготы народа и, съ этихъ поръ, началъ царствовать самостоятельно. На этомъ съѣздѣ состоялось много полезныхъ постановленій, между прочимъ мѣра о совершенномъ исключеніи фальшивой монеты изъ обращенія. Сверхъ того были избраны уполномоченные на бреславльскій конгрессъ, долженствовавшій заняться упроченіемъ всеобщаго мира.

Этотъ конгрессъ дѣйствительно состоялся (6 янв. 1439). Альбертъ явился лично и, послѣ двухнедѣльныхъ безуспѣшныхъ переговоровъ, польскіе уполномоченные предложили, чтобы оба избранные чешскіе короля отреклись отъ своихъ правъ, послѣ чего чехи должны избрать себѣ короля путемъ свободной подачи голосовъ. Это предложеніе встрѣтило всеобщую поддержку. Но Альбертъ, въ конфиденціальномъ разговорѣ склонилъ гнѣзненскаго архіепископа взять назадъ свое предложеніе, торжественнымъ обѣщаніемъ выдать своихъ дочерей за Владислава и Казиміра, а послѣднему, въ видѣ приданаго, дать Чехію. Впослѣдствіи однакожъ, подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ, онъ уклонился отъ исполненія словеснаго обѣщанія. Раздраженные поляки выѣхали изъ Бреславля, прервавъ, такимъ образомъ, дальнѣйшіе переговоры. Настоянія папскаго нунція, бывшаго посредникомъ тяжущихся сторонъ, убѣдили ихъ съѣхаться съ уполномоченными Альберта въ Намысловѣ, гдѣ и было заключено временное перемиріе, въ продолженіе котораго Альбертъ долженъ былъ сойтись съ Владиславомъ на венгерской границѣ и окончательно порѣшить споръ.

На короля, которому, не смотря на признанное совершеннолѣтіе, было едва 15 лѣтъ, имѣлъ громадное вліяніе совѣтъ вельможъ. Этотъ совѣтъ управлялъ его именемъ страною почти самовластно. Особенное значеніе въ этомъ совѣтѣ имѣло духовенство, что сильно не нравилось рыцарскому сословію, которое замѣтно прониклось гусситскими понятіями. Недовольныхъ было множество, а десятинныя тяжбы, не порѣшенныя на многократныхъ съѣздахъ, содѣйствовали къ увеличенію неудовольствія. Когда за тѣмъ

коронный совѣтъ собрался (весною 1439 г.) въ Новомъ Корчинѣ, значительный отрядъ войска, подъ начальствомъ Спытка изъ Мельштына, вторгнулся въ этотъ городъ. Король выступилъ самъ, въ главѣ своего двора, противъ мятежниковъ и побѣдилъ ихъ въ кровопролитномъ сраженіи подъ Гротникомъ на Нидѣ. Въ этомъ сраженіи погибъ также храбрый Спытекъ. Послѣ этой побѣды, духовенство смѣлѣе выступило противъ гусситизма. Познанскій епископъ Андрей Гнинскій принудилъ оружіемъ Авраама изъ Збоншина выдать гусситскихъ проповѣдниковъ и пятерыхъ изъ нихъ велѣлъ живыхъ сжечь въ Познани.

Условленный съѣздъ польскихъ и венгерскихъ уполномоченныхъ въ Намысловѣ состоялся въ Любомлѣ, но послѣ продолжительныхъ преній дѣло кончилось назначеніемъ новой конференціи изъ однихъ только монарховъ. Владиславъ долженъ былъ прибыть въ Бечь, а Альбертъ въ Бардіовъ. Польскій король прибылъ въ условленное время (8 сент.), но Альбертъ, занятый турецкою войною, пріѣхалъ нѣсколько позже и вскорѣ (27 окт.) умеръ. Къ тому же времени явился къ Владиславу посолъ отъ турецкаго султана Амурата, съ предложеніемъ союза противъ Альберта, съ обязательствомъ доставить 100 тысячный вспомогательный кавалерійскій корпусъ. Король удержалъ посла до окончанія венгерскихъ дѣлъ.

Смерть Альберта, не имѣвшаго мужескаго потомка, поколебала господство Габсбурговъ въ Венгріи. Правда вдова его Елисавета Сигизмундовна, была въ то время беременна, но венгерскіе магнаты, на съѣздѣ въ Будѣ, признали весьма опаснымъ дѣломъ всякую отсрочку въ выборѣ короля или введеніе правительственной опеки, почти всѣ согласились, что во вниманіе къ опасности, грозившей со стороны турокъ, необходимо, не медля избрать короля и выборъ палъ на Владислава. Даже Елисавета не сопротивлялась такому выбору, ибо было оговорено, что вновь избранный король долженъ жениться на ней и если бы она родила сына, то таковой, какъ законный потомокъ Альберта, получитъ Австрію и Чехію. Съ такими условіями прибыло (въ началѣ 1440) въ Краковъ вен-

герское посольство. Созванный коронный совѣтъ расходился въ мнѣніяхъ. Большинство, вмѣстѣ съ королемъ, объявило себя въ пользу принятія венгерской короны и все уже было порѣшено, какъ вдругъ явился новый посолъ изъ Венгріи съ донесеніемъ, что Елисавета родила сына Владислава, а это, во многомъ измѣнило и самый порядокъ вещей. Король замѣтно поколебался въ своемъ рѣшеніи и даже, не хотѣлъ принимать короны. Но настойчивость венгерскихъ пословъ взяла верхъ и большинство короннаго совѣта, послѣ долгихъ преній, было опять въ пользу принятія короны и то на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Владиславъ будетъ защищать Венгрію противъ турокъ, 2) женившись на Елисаветѣ, выдастъ за мужъ дочерей Альберта, а новорожденному Владиславу, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, обѣщалъ содѣйствіе къ полученію чешской короны, 3) престолъ Венгріи должны наслѣдовать его сыновья отъ Елисаветы, если же бы онъ потомства отъ нее не имѣлъ, то на венгерскій престолъ послѣ его смерти вступаетъ сынъ Альберта. Венгерскіе уполномоченные присягнули, въ присутствіи турецкаго посла, на вѣрность Владиславу. Нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили къ Елисаветѣ съ донесеніемъ о совершившемся въ Краковѣ и о скоромъ прибытіи польскаго посольства. Но Елисавета велѣла ихъ заключить въ тюрьму, и обнародовала чрезъ универсалъ, что не соглашаясь на выборъ Владислава Ягеллона, будетъ всѣми силами защищать права новорожденнаго. Венгерцы раздѣлились на два лагеря, а польскіе послы, не взирая на охранительныя грамоты, не отважились явиться къ Елисаветѣ. Получивъ извѣстіе о происходившемъ въ Венгріи, многіе совѣтовали королю отказаться отъ искательства венгерской короны, но Владиславъ не хотѣлъ послѣдовать этому спасительному совѣту, полагая, что будучи приглашенъ на престолъ сосѣдней страны и принявъ предложеніе, онъ уже не вправѣ отказаться.

Въ то время, какъ въ Краковѣ дѣлались приготовленія къ выѣзду, въ Литвѣ произошли важныя событія. Сигизмундъ Кейстутовичъ ознаменовалъ свое господство ужасами, не щадя крови

всѣхъ тѣхъ, которые чѣмъ либо навлекли на себя его гнѣвъ. Будучи усерднымъ сторонникомъ римско-католическаго исповѣданія, онъ хотѣлъ силою ввести въ литовской Руси флорентинскую унію, заключенную въ 1439 году съ цѣлію соединенія западно-латинской церкви съ греко-восточною. Все это вооружило противъ него русиновъ, да и въ самой Литвѣ число недовольныхъ было весьма значительно. Иванъ Чарторижскій, которому лично грозила опасность, составилъ заговоръ противъ жизни Сигизмунда и умертвилъ его въ самое вербное воскресенье. По смерти великаго князя часть Литвы и Руси была въ пользу передачи правленія въ руки Владислава, другіе же хотѣли имѣть княземъ сына Сигизмунда—Михаила. Пользуясь этими замѣшательствами, Свидригейло овладѣлъ Луцкомъ и окрестными землями. Дѣла Литвы требовали быстраго разрѣшенія, но король, согласно съ мнѣніемъ коронныхъ сановниковъ, отправилъ въ Литву своего брата, въ качествѣ намѣстника, и предполагалъ обдумать для Литвы что либо положительное, тотчасъ по окончаніи венгерскихъ недоразумѣній.

Наконецъ (послѣ святой) Владиславъ собрался въ Венгрію. Въ Сончѣ происходили еще совѣщанія по дѣламъ Польши и Литвы, король, на время своего отсутствія изъ Польши, назначилъ намѣстниковъ, а уѣзжавшему въ Литву брату поручилъ серьезно и добросовѣстно работать надъ поддержаніемъ дѣла единства съ короною. Прибывъ въ Кесмаркъ (13 апр.), онъ узналъ что Елисавета отдала по всѣмъ городамъ строжайшій приказъ не впускать его и вывезла изъ Вышеграда корону и всѣ драгоцѣнности. Король, видя возможность междоусобной войны, поколебался въ своемъ рѣшеніи, но Збигнѣвъ Олесницкій уговорилъ его не отказываться отъ предпріятія, не смотря на то, что многіе венгерскіе магнаты перешли на сторону Елисаветы. Онъ совѣтывалъ дѣйствовать съ возможною поспѣшностію, чѣмъ единственно можно было, по его мнѣнію, вновь привлечь къ себѣ прежнихъ сторонниковъ. Результатъ подтвердилъ справедливость этого совѣта. Какъ скоро отрядъ войска занялъ Буду, а вслѣдъ за нимъ подошелъ къ городу и самъ король, явилось мно-

жество магнатовъ, не смотря на то, что Елисавета уже велѣла короновать своего сына. Владиславъ возбудилъ всеобщее сочувствіе своимъ великодушіемъ, прощая даже тѣхъ, которые въ отношеніи къ нему поступили вѣроломно. За неимѣніемъ обычной короны рѣшено было снять корону съ останковъ св. Стефана, и воспользоваться сю во время обряда, который и былъ совершенъ въ Бѣлоградѣ (17 іюля).

Коронація однакожъ не успокоила Венгріи. Елисавета выѣхала изъ края, но увезя съ собою сына и корону, передала его опекѣ брата покойнаго мужа, императора Фридриха III, а наемные ея полки и нѣкоторые венгерскіе магнаты, завязывали почти ежедневныя стычки съ войскомъ и сторонниками Владислава и именно, въ такой моментъ, когда слѣдовало обратить всѣ силы государства противъ турецкаго султана. Положеніе короля въ Венгріи было затѣмъ весьма затруднительное и даже, опасное. Ему достался титулъ безъ дѣйствительной власти и, въ довершеніе всего, это имѣло весьма вредное вліяніе на Польшу. Множество польскихъ рыцарей сопровождало короля въ Венгрію въ надеждѣ получить вознагражденіе за ихъ пожертвованія и услуги. Юный король въ самомъ дѣлѣ награждалъ очень щедро, но на счетъ казны и имуществъ рѣчипосполитой, хотя послѣдняя не получала отъ этого ни малѣйшей выгоды, а напротивъ того даже сильно страдала. Страна лишилась своихъ естественныхъ защитниковъ, пріютившихся около короля. Притомъ совершались большія злоупотребленія при раздачѣ наградъ, ибо не разъ дарились помѣстья, арендуемыя кѣмъ либо другимъ, что давало поводъ къ замѣшательствамъ и столкновеніямъ. И такъ Польша должна была дорого заплатить за новый титулъ своего короля. Сношенія ея съ Литвою становились также день ото дня болѣе запутанными. Когда Казиміръ прибылъ въ Литву въ сопровожденіи многочисленнаго польскаго рыцарства, литовцы приняли его очень хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали отъ бывшихъ съ нимъ коронныхъ сановниковъ дозволенія провозгласить его великимъ княземъ. Хотя польскіе магнаты, ссылаясь на

положительное запрещеніе короля, не хотѣли согласиться на это, Литва тѣмъ не менѣе провозгласила Казиміра великимъ князёмъ и добилась удаленія польскихъ вельможъ. Это до того раздражило Владислава, что не смотря на многократныя просьбы брата, онъ ни за что не хотѣлъ утвердить выбора.

Таковы были послѣдствія, съ самаго начала, отъѣзда короля въ Венгрію, гдѣ междоусобная война была въ полномъ разгарѣ. Желая обезпечить за королемъ побѣду, Збигнѣвъ Олесницкій поспѣшилъ въ Польшу за подкрѣпленіями. Съѣхавшіеся на съѣздъ въ Новый Корчинъ, постановили новую подать съ лана, отъ которой освобождались лишь служившіе въ войскѣ короля въ Венгріи. Собранныя, такимъ образомъ, силы значительно увеличили полки Владислава. Превосходство оружія было очевидно на его сторонѣ и Елисавета неминуемо должна бы была уступить, если бъ не интриги кардинала Юліяна де Цезаринисъ, котораго папа Евгеній IV отправилъ въ Венгрію, для прекращенія междоусобной войны. При содѣйствіи легата начались (1442) переговоры. Елисавета требовала, чтобы Владиславъ отрекся отъ титула венгерскаго короля и, женившись на ея дочери, управлялъ Венгріею въ качествѣ опекуна, до тѣхъ поръ, пока сыну ея минетъ 15 лѣтъ. Она соглашалась, въ видѣ вознагражденія военныхъ издержекъ, отдать ему спискую землю и признать Русь и Валахію, на вѣчныя времена, владѣніями Польши. Въ приданое за старшею дочерью она обѣщала Силезію, а младшую хотѣла выдать за брата его Казиміра, назначивъ въ приданое 100,000 червонцевъ. Въ заключеніе она объявила, что въ случаѣ преждевременной смерти ея сына, Владиславъ наслѣдуетъ престолъ въ Венгріи. На основаніи этихъ условій легатъ устроилъ свиданіе короля съ Елисаветою въ Яринѣ (25 нояб. 1442), гдѣ и былъ заключенъ миръ, съ единственною оговоркою, что Владиславъ удержитъ титулъ венгерскаго короля, а Австрію и Чехію обезпечитъ за сыномъ Альберта, котораго обязался вырвать изъ рукъ корыстолюбиваго Фридриха. Но Елисавета скончалась спустя нѣсколько дней послѣ заключенія

мира, и междоусобная война загорѣлась снова, ибо ея приверженцы соединились съ императоромъ Фридрихомъ. Отъ Амурата явился также посолъ съ извѣщеніемъ, что султанъ готовъ за годовую дань заключить съ Венгріею или вѣчный или временной миръ. На Владиславъ отвѣтилъ, что съумѣетъ обезпечить себѣ миръ силою оружія.

Между тѣмъ въ Польшѣ, лишенной защитниковъ, дѣла шли далеко неутѣшительно. Взаимные наѣзды силезцевъ и великополянъ терзали западныя ея мѣстности, а въ тоже время татары жестоко опустошали ея русинскія земли. Не смотря на пышныя рѣшенія піотрковскаго и сѣрадзскаго съѣздовъ, не существовало надлежащей обороны, ибо не кому было ею заняться. Магнаты спѣшили въ Венгрію, чтобы тамъ выманивать у короля значительныя записи, и не помышляли о защитѣ собственнаго отечества. Съ ихъ помощію Владиславъ успокоилъ Венгрію, послѣ чего рѣшился предпринять походъ противъ турокъ (1443). Онъ приглашалъ къ участію императора Фридриха и крестоносцевъ, но оба отказались. Не смотря на это Владиславъ вторгнулся съ венгерско-польскимъ войскомъ въ турецкія владѣнія, побѣдилъ турокъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и возвратился (въ концѣ декабря) изъ удачнаго похода. Многочисленныя посольства со всѣхъ сторонъ, въ особенности отъ папы и венеціянцевъ, поощряли славолюбиваго короля къ новой борьбѣ съ врагами вѣры, обѣщали сильную поддержку людьми и деньгами, лишь бы только изгнать турокъ изъ Европы. Изъ Польши прибыли однакожъ (1444) уполномоченные короннаго совѣта съ просьбою, удержаться послѣ столь блестящаго успѣха, отъ вторичнаго похода. Они убѣждали лучше подумать объ упроченіи королевской власти, а потому совѣтовали посѣтить какъ можно скорѣе свое родное королевство и ничего не предпринимать противъ турокъ, безъ вѣдома и мнѣнія короннаго совѣта. Они доказывали при этомъ, что его пріѣздъ крайне необходимъ и вслѣдствіе столкновеній съ Силезіею и татарскими ордами, и вслѣдствіе натянутыхъ отношеній между его братомъ Казиміромъ и кня-

земъ мазовецкимъ Болеславомъ. Король самъ чувствовалъ необходимость своего пребыванія въ Польшѣ, но уговариваемый со всѣхъ сторонъ къ дальнѣйшему веденію войны, назначилъ съѣздъ венгерскихъ магнатовъ въ Будѣ (на 24 апр.), полякамъ же объявилъ, что послѣ этого съѣзда прибудетъ въ королевство и окончательно приведетъ все въ порядокъ.

Съѣздъ въ Будѣ успокоилъ на нѣкоторое время Венгрію и обсудилъ средства дальнѣйшаго веденія войны съ турками. Когда же король, согласно данному обѣщанію, хотѣлъ посѣтить Польшу, венгерцы умоляли его не оставлять въ столь важную минуту ихъ страны и онъ, волею-неволею, согласился на это. Начались въ большихъ размѣрахъ приготовленія къ войнѣ, среди которыхъ Янъ Гуніадъ открылъ съ Амуратомъ переговоры о мирѣ и согласился на съѣздъ въ Шегединѣ. Здѣсь должно было также собраться войско, чтобы въ случаѣ безуспѣшности переговоровъ, тотчасъ же открыть военныя дѣйствія. Король съѣхался въ Шегединѣ съ кардиналомъ Юліяномъ и когда турецкіе уполномоченные предложили отъ имени султана возвращеніе Расціи и части Албаніи, то всѣ признали, что на такихъ выгодныхъ условіяхъ нельзя отказаться отъ мира. Владиславъ согласился (въ іюлѣ) на 10 лѣтній миръ, выговоривъ себѣ только, что въ теченіи 8 дней, со дня ратификаціи, ему будутъ выданы всѣ исчисленные зàмки и города. Король присягнулъ на евангеліи, что свято выполнитъ всѣ условія договора.

Едва только былъ онъ заключенъ, какъ были получены отъ венеціянцевъ, отъ папы и изъ разныхъ странъ Европы письма, въ которыхъ убѣждали короля продолжать войну и обѣщали значительныя сухопутныя и морскія подкрѣпленія. При этомъ увѣряли, что такъ какъ султанъ занятъ войною въ малой Азіи, то весьма удобно изгнать турокъ изъ Европы. Король и венгерскіе магнаты не на шутку начали раскаяваться въ заключеніи мира и кардиналу Юліяну не трудно было затѣмъ убѣдить Владислава въ необходимости нарушить этотъ миръ. Предлогомъ могло служить то обстоятельство,

что нѣкоторые города въ Расціи не были еще сданы, хотя уже минулъ условленный срокъ. Затѣмъ (4 авг.), рѣшено было, войну возобновить и до истеченія мѣсяца король долженъ былъ явиться съ войскомъ на Дунаѣ. Поляки были противъ нарушенія только что заключеннаго мира и на съѣздѣ въ Піотрковѣ (28 авг.) рѣшено было отвлечь короля при содѣйствіи пословъ отъ подобнаго намѣренія, а также просить возвратиться какъ можно скорѣе въ Польшу. Но Владиславъ объявилъ собравшимся, что не откажется отъ предпріятія и поручаетъ своимъ коронным совѣтамъ поддержать Болеслава, если бы дѣло дошло до войны съ Литвою и Казиміромъ. Посредники, отправленные отъ піотрковскаго съѣзда успѣли отклонить разрывъ и возстановили было согласіе, но Казиміръ его не поддержалъ.

Побуждаемый со всѣхъ сторонъ къ войнѣ, Владиславъ двинулся (20 сент.) къ берегамъ Дуная, и разсчитывая на ожидаемыя подкрѣпленія, въ особенности на помощь итальянскаго флота, вторгнулся съ весьма небольшими силами въ Болгарію. Не теряя времени въ походѣ на взятіе крѣпостей, онъ хотѣлъ съ возможною быстротою достигнуть Галиполи, гдѣ были расположены христіянскіе флоты. Занятый войною въ малой Азіи, Амуратъ поспѣшилъ въ Европу, какъ только получилъ извѣстіе о вторженіи Владислава въ его земли и въ виду итальянскаго флота переправилъ все свое войско безъ малѣйшей потери, въ чемъ помогли ему вѣроломные союзники польскаго короля. Владиславъ, отнюдь не смущаясь этимъ обстоятельствомъ, двигался все впередъ и (9 нояб.) подошелъ къ Варнѣ. Одновременно подоспѣлъ и Амуратъ съ своими полчищами и на другой день произошла битва, въ которой христіанское войско претерпѣло совершенное пораженіе [1]). Юный король погибъ въ этой памятной битвѣ смертію храбрыхъ, а съ нимъ

[1]) Воспоминаніе о злосчастномъ боѣ съ турками сохранилось въ прозвищѣ данномъ королю Владиславу. Польскіе историки, въ томъ числѣ и Шмиттъ, называютъ его Владиславомъ Варнскимъ или просто королемъ Варнскимъ (król warneńczyk). *Примѣч. перев.*

вмѣстѣ и кардиналъ Юліянъ, главный виновникъ нарушенія мира. Янъ Гуніадъ довольно удачно возвратился домой съ частью венгерскаго войска, что подало современникамъ поводъ обвинять его въ измѣнѣ.

Когда вѣсть объ этомъ пораженіи пришла въ Польшу, долго не хотѣли вѣрить гибели короля и ожидали его скораго возвращенія въ отечество. Между тѣмъ проходили недѣли и мѣсяцы и собираемыя свѣдѣнія все болѣе и болѣе утверждали, что Владиславъ дѣйствительно погибъ. Нужно было подумать объ избраніи новаго короля, ибо и венгерцы избрали королемъ сына Альберта— Владислава. Созванъ былъ съѣздъ въ Сѣрадзѣ (23 апр. 1445) и хотя меньшинство настаивало на томъ, чтобы еще выждать вѣрныхъ доказательствъ о смерти короля, все-таки рѣшено было вручить бразды правленія Казиміру. Къ нему было отправлено посольство изъ четырехъ рыцарскихъ сановниковъ, которымъ королевичъ объявилъ, что не должно спѣшить выборомъ, если ходятъ слухи, что братъ его еще живъ. По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ состоялся новый съѣздъ въ Піотрковѣ (24 августа) и постановилъ чрезъ торжественное посольство пригласить Казиміра на престолъ, угрожая ему въ тоже время выборомъ другаго короля, если бы онъ вздумалъ медлить согласіемъ. Будучи подъ исключительнымъ вліяніемъ литовцевъ, не желавшихъ его возвышенія на польскій престолъ, Казиміръ отдѣлался отъ уполномоченныхъ обѣщаніемъ, дать отвѣтъ съ особымъ посольствомъ и въ самомъ дѣлѣ литовскіе послы прибыли на съѣздъ въ Піотрковъ (янв. 1446) и объявили, что великій князь все еще надѣется на возвращеніе брата, а потому не можетъ и даже не желаетъ принять польской короны и всякаго, кто бы принялъ ее, будетъ преслѣдовать силою оружія. Онъ совѣтовалъ при этомъ пріостановить выборъ, предоставляя управленіе страною намѣстнику назначенному Владиславомъ. Подобный отвѣтъ указалъ коронным сановникамъ, что этимъ путемъ они не достигнутъ цѣли. И вновь былъ назначенъ съѣздъ въ Піотрковѣ и когда коронные обыватели явились на немъ въ огром-

номъ числѣ (28 марта), было приступлено къ выбору другаго короля. Краковскій епископъ Збигнѣвъ совѣтовалъ избрать бранденбургскаго маркграфа Фридриха, который получилъ воспитаніе въ Польшѣ, во времена Владислава Ягеллы, усвоилъ себѣ польскій языкъ и польскіе обычаи, а потому казался ему самымъ приличнымъ кандидатомъ на польскій престолъ; съ этимъ мнѣніемъ соглашались всѣ прочіе епископы, за исключеніемъ плоцкаго, который хлопоталъ за одного изъ мазовецкихъ князей; свѣтскіе сановники и большинство присутствовавшихъ на съѣздѣ рыцарей объявило себя въ пользу Болеслава мазовецкаго, а когда послѣдовало всеобщее согласіе, то гнѣзненскій архіепископъ Викентій Котъ, провозгласилъ его королемъ. Торжественное посольство отправилось къ вновь избранному съ приглашеніемъ на престолъ.

Упрямство Казиміра или скорѣе его литовскихъ совѣтниковъ, могло совершенно разорвать союзъ Литвы съ короною. Чтобы этому воспрепятствовать, его предупредили, что на престолъ можетъ быть избранъ Болеславъ, который былъ въ родствѣ съ Михаиломъ, сыномъ отравленнаго не задолго передъ тѣмъ, великаго князя литовскаго Сигизмунда. Хотѣли показать Казиміру, что при дальнѣйшей проволочкѣ, онъ можетъ потерять не только Польшу, но и Литву, ибо легко было предвидѣть, что какъ скоро Владиславъ сдѣлается главою Польши, то навѣрное захочетъ помочь Михаилу пріобрѣсть обратно великое княжество. Мать Казиміра, королева Софія, предвидя самыя невыгодныя послѣдствія, употребляла всевозможныя усилія, чтобы разстроить помянутый выборъ. Она нашла усердныхъ помощниковъ во всѣхъ тѣхъ, которые, имѣя въ рукахъ помѣстья коронной казны, опасались ихъ отнятія съ воцареніемъ Болеслава. Общими усиліями имъ удалось внушить на особенномъ вѣчѣ малополянъ въ Бѣлжицахъ рѣшеніе, по которому слѣдовало просить посольство, отправляющееся къ Болеславу, пріостановиться выѣздомъ до тѣхъ поръ, пока отъ Казиміра не получится окончательный отвѣтъ на новое приглашеніе, съ которымъ высланъ къ нему Куровскій. Великій князь на этотъ разъ обнаружилъ ме-

нѣе упорства и оправдывая свое предшествовавшее поведеніе, требовалъ главнымъ образомъ, чтобы прежде нежели онъ приметъ корону, всѣ недоразумѣнія между Литвою и Польшею были устранены. Малополяне въ Краковѣ, а великополяне въ Колѣ обсуживали средства къ устраненію затрудненій. Кольскій сеймъ призналъ самымъ приличнымъ порѣшить дѣло на общемъ съѣздѣ съ Литвою въ Парчевѣ [1]). Когда малопольскіе магнаты приняли въ своемъ собраніи въ Новомъ Корчинѣ кольское рѣшеніе, Казиміръ получилъ приглашеніе прибыть въ Парчевъ. На съѣздъ явились въ большомъ числѣ польскіе магнаты (въ концѣ сент.), а Казиміръ остановился съ своимъ литовскимъ совѣтомъ въ Брестѣ. Переговоры начались при посредствѣ взаимныхъ посольствъ, ибо ни одна изъ сторонъ не хотѣла приблизиться къ другой и недовѣріе дошло до такой степени, что коронный совѣтъ, встревоженный вѣстію, будто бы литовцы намѣрены напасть на Парчевъ, велѣлъ оберегать рѣшительно всѣ тропинки. Соглашеніе было весьма трудно, ибо литовцы требовали, чтобы Польша возвратила Литвѣ Подолію и Волынь, а въ свою очередь польскіе магнаты ни за что не хотѣли допустить такой уступки. Не смотря на всѣ хлопоты королевы Софіи, переговоры едва не были прерваны. Нѣкоторые польскіе магнаты уладили дѣло, указавъ литовцамъ всю несообразность ихъ настойчивости, такъ какъ Казиміръ, сдѣлавшись королемъ, будетъ въ состояніи присоединить спорныя земли къ какой странѣ ему заблагоразсудится. Убѣдившись этими доводами, литовцы прибыли наконецъ въ Парчевъ и, послѣ долгихъ споровъ и преній, Казиміръ согласился на принятіе польской короны.

И такъ была надежда, что съ прекращеніемъ столь продолжительнаго междуцарствія, окончатся всѣ сопровождавшія его невзгоды. Въ условленное время прибылъ Казиміръ въ Краковъ на

---

[1]) *Парчевъ* мѣстечко, на рѣчкѣ Пивоніи, въ нынѣшней Люблинской губерніи, въ трехъ миляхъ къ юго-востоку отъ Радзына. Еще во время съѣзда въ Городлѣ, въ 1413 г., было рѣшено избрать или Люблинъ или *Парчевъ* мѣстомъ общихъ совѣщаній польскаго и литовскаго народовъ. *Примѣч. перев.*

коронацію, которая и совершилась (26 іюня 1447) съ обычною торжественностію [1]). Но церемонію омрачили плачъ и ропотъ крестьянъ помѣстій Тынецкаго игуменства [2]), у которыхъ новый король велѣлъ разграбить инвентарь и имущество за отказъ въ *стаціи;* съ другой стороны возникли споры за первенство между мазовецкими князьями и епископами. Все это, а также столкновенія съ Литвою, не сулили странѣ благоденствія въ царствованіе Казиміра. Послѣ коронаціи возникъ вопросъ: котораго изъ обоихъ папъ слѣдуетъ признать главою церкви, назначеннаго базельскимъ соборомъ, Феликса, или же напротивъ избраннаго въ Римѣ, Николая V? Король объявилъ себя въ пользу послѣдняго и, отправивъ къ нему посольство, просилъ разрѣшить десятинный сборъ съ церковныхъ доходовъ, и право раздачи всѣхъ духовныхъ должностей въ Польшѣ. Помянутая подать должна была служить на защиту королевства противъ татаръ. Когда король въѣхалъ въ Великопольшу, къ нему явился Михаилъ Сигизмундовичъ съ просьбою о возвращеніи отнятаго у него родоваго наслѣдства, причемъ бросился даже королю въ ноги. Но Казиміръ нисколько не смягчился и, называя его своимъ врагомъ, отпустилъ безъ всякаго

---

[1]) Трехлѣтнимъ междуцарствіемъ воспользовался хитрый Збигнѣвъ. На съѣздѣ въ Вартѣ (въ началѣ 1447), онъ уладилъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и шляхты, иначе вопросъ о *десятинахъ.* Для сообщенія этому важному документу бо̂льшаго авторитета, ему дали видъ распоряженія, сдѣланнаго будто бы покойнымъ королемъ Варнскимъ. Извѣстный польскій ученый изслѣдователь Бандтке ввелъ этотъ документъ, подъ ошибочнымъ заглавіемъ «Lauda cracoviensia», въ «Jus polonicum». Эти «лауды» можно считать окончаніемъ упорной тяжбы, веденной съ 1435. И такъ § 21 постановляетъ, вслѣдствіе усиленныхъ требованій шляхты краковской епархіи, что въ случаѣ внезапной военной потребности, и духовныя лица, владѣющія крестьянами, обязаны высылать таковыхъ на войну, отнюдь не нарушая чрезъ это привилегіи, освобождающія ихъ отъ всякихъ военныхъ походовъ. Параграфъ 22 устанавливаетъ смѣшанную коммисію для разсмотрѣнія всѣхъ десятинныхъ дѣлъ въ люблинской землѣ, въ которой споры о десятинахъ продолжались болѣе сорока лѣтъ. *Примѣч. перев.*

[2]) Деревня *Тынецъ* лежитъ на правомъ берегу Вислы, въ 10-ти верстахъ отъ Кракова. Тынецкое игуменство было самымъ богатымъ во всей Польшѣ. Оно состояло изъ пяти мѣстечекъ и болѣе 100 деревень. *Примѣч. перев.*

удовлетворенія. Во время пребыванія Казиміра въ Познани, пожаръ уничтожилъ весь городъ, а королевская свита вмѣсто оказанія жителямъ помощи, запятнала себя позорнымъ грабежемъ. Посѣтивъ всю Великопольшу, король отправился на съѣздъ (24 авг.) въ Піотрковъ. Здѣсь было издано много спасительныхъ постановленій, но когда король не согласился на нѣкоторыя просьбы сословій и уклонился отъ присяги на коронныя права и привилегіи, и наконецъ, по совѣту литовцевъ, уѣхалъ въ великое княжество,— всѣ эти постановленія остались мертвою буквою. Казиміръ уклонялся отъ присяги, говоря, что уже присягалъ въ Литвѣ, а потому не можетъ обязываться новою, противоположною присягою. Послѣ внезапнаго его выѣзда, дѣла администраціи шли въ Польшѣ какъ нельзя хуже, ибо коронные магнаты не хотѣли составлять судовъ отъ имени короля, который не утвердилъ еще за народомъ его правъ и привилегій. Они хотѣли такимъ образомъ, заставить его исполнить всеобщее желаніе, но Казиміръ отнюдь не торопился, хотя, благодаря безнаказанности, злоупотребленія и разбои принимали громадные размѣры.

Заявленіе Казиміра, что, исполнивъ однажды присягу въ Литвѣ, онъ не можетъ нарушить ее исполненіемъ новой, указывало очевидно на необходимость устранить сперва недоразумѣнія между Литвою и Польшею. Это должно было составить предметъ занятій общаго съѣзда въ Люблинѣ (въ маѣ 1448). Но и на этомъ съѣздѣ цѣль не была достигнута, ибо литовцы не хотѣли сдѣлать ни малѣйшей уступки въ своихъ требованіяхъ. Они требовали, чтобы въ актѣ городельской уніи пропустить тѣ выраженія, которыя говорили о включеніи ихъ отечества въ предѣлы Польши и чтобы имъ возвратили Волынь и Подолію. Послѣ долгихъ споровъ, съѣздъ разошелся безъ всякихъ послѣдствій. Во время люблинскаго съѣзда прибылъ папскій легатъ съ донесеніемъ, что папа разрѣшаетъ духовенству вручить королю 10,000 злотыхъ для веденія войны съ татарами и даетъ королю право раздать въ Польшѣ 90 духовныхъ должностей, раздача которыхъ прежде исключительно зави-

сѣла отъ апостольской столицы. Когда король отправился вмѣстѣ съ легатомъ въ Краковъ, гдѣ ихъ встрѣтили самымъ радушнымъ образомъ, отъ участія въ пріемѣ уклонилась одна краковская академія, на томъ основаніи, что, признавъ однажды авторитетъ собора въ отношеніи папы, она считала законнымъ папою лишь Феликса, избраннаго на базельскомъ соборѣ. Раздраженный легатъ хотѣлъ наказать краковскихъ педагоговъ, но Збигнѣвъ Олесницкій не допустилъ до этого.

Волненія въ Молдавіи, въ которой Петръ, поддержанный Гуніадомъ, изгналъ въ Подолію господаря Романа, а затѣмъ пріютилъ у себя Михаила Сигизмундовича, склонили Казиміра къ выѣзду въ галицкую землю. Въ дорогѣ получено было извѣстіе, что Романъ, котораго онъ хотѣлъ поддержать оружіемъ, отравленъ. Вступивъ съ войскомъ въ Каменецъ, онъ началъ съ Петромъ переговоры: требовалъ ленной присяги и выдачи Михаила Сигизмундовича. Петръ былъ готовъ на первое, но выдать Михаила не хотѣлъ, и только обѣщалъ приказать ему выѣхать изъ Молдавіи; но прежде нежели онъ могъ прибыть для личнаго принесенія присяги, Казиміръ, послѣ свиданія съ татарскимъ посломъ, поспѣшилъ въ Литву на съѣздъ въ Новогрудокъ, а окончаніе дѣла съ Петромъ передалъ уполномоченнымъ.

Въ то время, когда король совѣщался съ литовцами, въ русскія земли вторгнулись татары, къ которымъ бѣжалъ теперь изъ Молдавіи Михаилъ. Подольскій староста Теодоръ Бучацкій отбилъ у наѣздниковъ плѣнныхъ и добычу, но не могъ воспрепятствовать опустошенію края. Въ Польшѣ же подозрѣвали Казиміра, а по крайней мѣрѣ литовцевъ, въ возбужденіи этого татарскаго нашествія. По всей вѣроятности Михаилъ склонилъ татаръ къ набѣгу, ибо вскорѣ съ ихъ помощію онъ овладѣлъ (1449) Стародубомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ и другими литовско-русскими крѣпостями, которыя однакожъ тотчасъ же перешли въ руки Казиміра.

Въ это же время правитель Венгріи Янъ Гуніадъ предпринялъ экспедицію противъ турокъ и претерпѣлъ совершенное пораженіе, ибо одновременно долженъ былъ бороться съ партіею

германскаго императора Фридриха III, который не хотѣлъ выдать венгерцамъ своего племянника Владислава, избраннаго ими въ короли. Коронные магнаты, къ посредничеству которыхъ обратились венгерскія сословія, отправили пословъ въ Венгрію и, благодаря ихъ усиліямъ, волненія на время пріутихли.

Къ существовавшимъ уже поводамъ внутреннихъ неурядицъ въ Польшѣ, прибавился новый, когда Збигнѣвъ Олесницкій получилъ кардинальское званіе. Нужно сознаться, что этотъ краковскій епископъ и по своему образованію, и по характеру, заслуживалъ такого отличія. Онъ былъ вѣрнымъ сыномъ родины и покровителемъ наукъ; но достовѣрно и то, что своею надменностію, желаніемъ вездѣ руководить и излишнимъ религіознымъ рвеніемъ онъ значительно умалялъ спасительныя послѣдствія своего вліянія на общественныя дѣла. Это обозначилось особенно рѣзко, тотчасъ же послѣ полученія кардинальства. Когда собрался съѣздъ въ Піотрковѣ (дек. 1449), Збигнѣвъ хотѣлъ занять первое мѣсто въ сенатѣ, которое по праву принадлежало гнѣзненскому архіепископу. Возникъ споръ тѣмъ болѣе вредный, что великополяне горячо держали сторону своего архіепископа и настаивали на прежнемъ обычаѣ, а главное усматривали явное стремленіе малополянъ лишить ихъ провинцію всякаго почета. Послѣ долгихъ и жаркихъ совѣщаній, на которыя не являлись ни архіепископъ, ни кардиналъ, окончательное разрѣшеніе спора было отложено до слѣдующаго съѣзда, а потому перешли къ обсужденію другихъ очередныхъ вопросовъ. Результатомъ занятій были многія благодѣтельныя постановленія, имѣвшія въ виду положить предѣлъ всякому беззаконію и разбоямъ. Но когда король опять уклонился отъ предложенной ему присяги, вся работа съѣзда оказалась безполезною. Равно безуспѣшно окончился малопольскій съѣздъ въ Краковѣ (весною 1450), ибо тоже препятствіе не было устранено. Отъ этого общая безопасность сильно страдала, ибо безнаказанность поощряла къ ужаснѣйшимъ насиліямъ и мошенничествамъ. Къ королю поступали тысячи жалобъ на разбои и грабежи, но магнаты

не хотѣли составлять судовъ, пока король присягою не гарантируетъ правъ и привилегій. Между тѣмъ вспыхнули вновь волненія въ Молдавіи, какъ скоро Богданъ присвоилъ себѣ власть и изгналъ сына Ильи, малолѣтняго Александра, вмѣстѣ съ матерью. Польское рыцарство изгнало, въ свою очередь, узурпатора и возвратило Александра, но едва оно отправилось домой, послѣдній долженъ былъ вновь бѣжать изъ Молдавіи. Въ Краковѣ начались совѣщанія, какимъ образомъ устранить эти безпорядки, и нѣкоторые заявили мнѣніе, что лучше всего соединить Молдавію съ Польшею. Большинство однакожъ воспротивилось этому, не желая накликать на рѣчпосполитую безпрестанную войну съ турками, которые владѣли уже сосѣднею Болгаріею. Король отправилъ за тѣмъ львовскаго воеводу Петра Одровонжа и Пржедборжа Конецпольскаго съ приказаніемъ успокоить Молдавію. Какъ скоро поляки появились съ оружіемъ въ рукахъ въ этомъ краѣ, Богданъ отступилъ въ лѣса и желая погубить ихъ, коварно открылъ переговоры. Заключенъ былъ миръ, по которому онъ обѣщалъ управленіе Молдавіей передать Александру, какъ только онъ достигнетъ совершеннолѣтія. Но какъ скоро поляки, полагаясь на договоръ, двинулись во-свояси, Богданъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу въ лѣсахъ и завязалъ (6 сент.) упорный кровопролитный бой. Побѣда склонилась наконецъ на сторону поляковъ, но она была куплена дорогою цѣною: Петръ Одровонжъ, Бучацкій и многіе замѣчательные люди пали въ бою. Въ тоже время татары вторгнулись въ Подолію и Галицію и кромѣ доставшейся имъ огромной добычи, увели въ неволю тысячи плѣнниковъ, а король продолжалъ совѣтоваться съ литовцами, какимъ образомъ отдѣлить отъ Польши Волынь и Подолію. Западныя части королевства не мало страдали отъ силезскихъ наѣздовъ и множества разбоевъ, въ которыхъ, въ особенности, обвиняли краковскаго подкоморія Петра Шафранца.

Всѣ эти затрудненія долженъ былъ снова устранить съѣздъ въ Піотрковѣ (въ троицынъ день 1451), но все окончилось однимъ лишь разрѣшеніемъ спора между кардиналомъ Збигнѣвомъ и гнѣз-

ненскимъ архіепископомъ. Постановлено, что только одинъ изъ нихъ будетъ являться въ засѣданіе сената, а отсутствующій долженъ присылать свое мнѣніе, и что съ этихъ поръ ни одинъ изъ епископовъ не можетъ, безъ вѣдома короля и коронпаго совѣта, хлопотать о кардинальскомъ званіи. Всѣ другія дѣла отложены на время. Изъ Піотркова Казиміръ отправился на малопольскій сеймъ въ Краковъ, гдѣ были изданы постановленія противъ мошенниковъ и грабителей, но онѣ не вошли въ дѣйствіе, ибо король вновь отсрочилъ гарантированіе коронныхъ правъ до слѣдующаго общаго съ Литвою сейма въ Парчевѣ, который долженъ былъ собраться въ началѣ сентября. Приглашенные литовцы отложили его до дня св. Михаила, желая доказать, что они не признаютъ польскихъ постановленій. Вскорѣ собрался вновь въ Корчинѣ малопольскій сеймъ и для веденія войны съ татарами наложилъ подать, сборъ и соотвѣтственное употребленіе которой было поручено уполномоченнымъ, а не королю. На этомъ сеймѣ Збигнѣвъ Олесницкій изобразилъ предъ Казиміромъ довольно рѣзко излишнюю строгость, съ какою обошлись съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ, который, будучи лишенъ своего родоваго имущества, принужденъ былъ скитаться за границею. Збигнѣвъ заявилъ королю жалобы о тяжкихъ невзгодахъ, которыя накликало на все королевство существовавшее прежде безначаліе.

Съ этого сейма король поѣхалъ въ Галицію, и когда онъ прибылъ въ Самборъ [1]), малопольскіе магнаты и королева Софія увѣдомили его чрезъ гонца о близкой кончинѣ Свидригеллы и за тѣмъ о необходимости принять заранѣе мѣры, чтобы по смерти его литовцы не овладѣли Луцкомъ. Успокоивая малополянъ, Казиміръ обѣщалъ имъ рѣшить это дѣло по справедливости на съѣздѣ въ Пар-

---

[1]) *Самборъ* или Самбортъ городъ бывшаго Галицкаго княжества, на рѣкѣ Днѣстрѣ. Съ именемъ Самбора соединенъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній. Здѣсь, между прочимъ родилось болѣе 50 лицъ, занимающихъ почетное мѣсто въ польской литературѣ. Достаточно вспомнить извѣстнаго латинскаго поэта, Григорія Вигиланція, или какъ его называли обыкновенно — Самборца (Samboritanus, Roxolanus, Ruthenus). *Примѣч. перев.*

чевѣ, куда и отправился къ опредѣленному времени. Коронные магнаты явились въ огромномъ числѣ, но литовскіе, остановившись въ Брестѣ, потребовали охранныхъ грамотъ, какъ будто бы, собирались ѣхать въ непріятельскую страну. Раздраженные поляки рѣшительно отказали въ этомъ требованіи, утверждая, что такія грамоты вовсе не нужны. Видя, что это не удалось, литовцы прибыли наконецъ на съѣздъ, потребовали снова возвращенія Подоліи и Волыни и исправленія акта городельской уніи, ссылаясь на то обстоятельство, что такъ какъ унія совершилась помимо ихъ воли, то она и не можетъ ихъ обязывать къ чему бы то ни было. Напрасно поляки старались доказать литовцамъ тѣ мнимыя благодѣянія, которыя принесла Литвѣ унія; послѣ долгихъ споровъ пришлось опять все дѣло отложить до будущаго общаго съѣзда. По внушеніямъ литовцевъ, король собрался въ Литву, а въ отношеніи польскихъ дѣлъ, ограничился тѣмъ, что поручилъ нѣкоторымъ малопольскимъ магнатамъ, позаботиться объ успокоеніи Молдавіи, въ которой власть присвоилъ себѣ Петръ, умертвивъ сначала хитрымъ образомъ Богдана. Казиміръ оставался въ Литвѣ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ свирѣпствовало повѣтріе и быть можетъ съ неменьшимъ ожесточеніемъ совершались насилія, разбои и другія беззаконія.

Дѣла запутывались все болѣе и болѣе, неудовольствіе возрастало съ каждымъ днемъ, ибо подозрѣвали, что король болѣе сочувствуетъ Литвѣ, нежели Польшѣ. Вдругъ получено было одновременно извѣстіе (въ началѣ 1452), что Михаилъ Сигизмундовичъ умеръ вчужѣ отъ яда, а Свидригелло въ Луцкѣ. Сверхъ того король хотѣлъ силою посадить на перемышльскомъ епископствѣ своего секретаря Николая изъ Блашковицъ, чѣмъ вооружилъ противъ себя малополянъ и жителей галицкой Руси. Это раздраженіе обнаруживалось на съѣздахъ землевладѣльцевъ, и уже коронный совѣтъ хотѣлъ снарядить посольство къ Казиміру по дѣламъ Луцка, перемышльскаго епископства и гарантированія національныхъ правъ и привилегій, какъ вдругъ получено извѣстіе что литовцы, съ его

вѣдома и разрѣшенія, заняли Луцкъ. Раздраженіе приняло громадные размѣры. Благодаря инициативѣ кардинала Збигнѣва, краковскаго и сендомирскаго воеводъ, малополяне собрались на съѣздъ, гдѣ было рѣшено, что городъ Владиміръ слѣдуетъ укрѣпить, а Луцкъ отнять даже оружіемъ, если бы литовцы не захотѣли выступить изъ него добровольно. Кромѣ того строжайше приказано подскарбію [1]) и велицкимъ жупникамъ [2]), не поддерживать Луцка оружіемъ, хотя бы то приказывалъ самъ король. Эти постановленія остались тщетными, потому что не было недостатка въ мирныхъ людяхъ, не желавшихъ воспротивиться королю.

Между тѣмъ собрался и въ Великопольшѣ провинціональный сеймъ. Великополяне, со времени кардинальства Збигнѣва, съ завистью смотрѣли на малополянъ и даже выговаривали послѣднимъ желаніе присвоить себѣ какое-то старшинство надъ всею Польшею. Казиміръ пользовался такимъ настроеніемъ умовъ. Его посолъ обвинилъ на сеймѣ Збигнѣва, а также краковскаго и сендомирскаго воеводъ въ произвольномъ вмѣшательствѣ въ права короны и не только въ противозаконномъ созываніи съѣздовъ, но и въ задер-

[1]) Званіе *подскарбія* въ общихъ чертахъ соотвѣтствовало нынѣшней должности министра финансовъ, кромѣ *придворнаго подскарбія*, управлявшаго сперва исключительно королевскими помѣстьями, а впослѣдствіи завѣдывавшаго и продовольствіемъ наемныхъ войскъ. Были еще двое, такъ называемые, *великіе подскарбіи*, одинъ коронный, а другой литовскій. Впервые слово подскарбій упоминается въ 1360 году въ ординаціи соляныхъ копей, въ эпоху Казиміра великаго. Обязанности подскарбія описаны въ литовскомъ статутѣ отъ 1504 г. Къ его вѣдѣнію относились лишь доходы и расходы одной рѣчипосполитой, а не королей. Главная ихъ задача была удовлетвореніе войска жалованьемъ, но всякую уплату они совершали не иначе, какъ по письменной авизаціи сейма или, по крайней мѣрѣ, сената. *Примѣч. перев.*

[2]) *Жупаномъ* или *жупникомъ* называлось у западныхъ славянъ еще въ IX и X столѣтіяхъ лице, стоявшее на челѣ одной жупы или окрестности. Жупаны встрѣчаются у всѣхъ западныхъ славянъ, за исключеніемъ кажется однихъ чеховъ. Латинскіе лѣтописцы обозначали ихъ словомъ *comes*. Собственно въ Польшѣ встрѣчаются очевидные слѣды жупниковъ не только въ XIII, но и въ XIV столѣтіи, когда землями управляли начальники городовъ или каштеляны. Въ чемъ собственно состояли тогда обязанности жупника, мы не могли отыскать ни въ одномъ изъ множества находящихся передъ нами историческихъ сочиненій. *Примѣч. перев.*

жаніи доходовъ королевской казны. Изложивъ эти обвиненія, онъ пригласилъ собравшихся отъ имени короля на новый съѣздъ въ Сендомиръ, который долженъ былъ состояться въ троицынъ день. Великополяне были рады воспользоваться униченіемъ малополянъ и явились въ Сендомиръ въ огромномъ числѣ. Король пригласилъ только немногихъ малополянъ, нѣкоторые же вовсе не были допущены къ совѣщаніямъ, такъ какъ явились на съѣздъ незванными. Не смотря на это обстоятельство, не состоялось никакого рѣшенія, ибо, за отсутствіемъ многихъ коронныхъ совѣтовъ, всякія постановленія были бы противозаконны. Когда король прибылъ въ Краковъ, обвиненные высказались въ своей защитѣ довольно рѣзко, ставя королю въ упрекъ, что онъ предпочитаетъ Польшѣ Литву, притѣсняетъ монастыри и бѣдныхъ и не утверждаетъ за подданными его правъ и льготъ. Збигнѣвъ и оба воевода объявили при этомъ, что не желая принимать участія въ пристрастномъ управленіи, они выходятъ изъ короннаго совѣта, чтобы избѣгнуть отвѣтственности за вредныя дѣйствія, отклонить которыя они не въ состояніи. Весь коронный совѣтъ поддерживалъ эти обвиненія и Казиміръ, волёю-неволею долженъ былъ успокоить всѣхъ обѣщаніемъ выполнить на сеймѣ въ Сѣрадзѣ данныя обязательства.

Прежде нежели собрался съѣздъ, Казиміръ отправился въ Нешаву, гдѣ принималъ у себя прусскаго гроссмейстера Людвига Эрлихгаузена, а за тѣмъ самъ посѣтилъ его въ Торунѣ. Во время этихъ посѣщеній, татары опустошили Подолію и сосѣднюю галицкую Русь, а князь опольскій Болеславъ вторгнулся въ сѣверскую и велюнскую земли. Противъ дерзкаго силезца король отправилъ свою придворную дружину и обнародовалъ всеобщее ополченіе въ Великопольшѣ. Но вслѣдствіе моровой язвы въ Силезіи дѣло не дошло до оружія и вся экспедиція окончилась заключеніемъ годоваго перемирія именно тогда, когда уже собрался съѣздъ въ Сѣрадзѣ (24 авг.). Совѣщанія были довольно бурны; литовцы упорно настаивали на своихъ требованіяхъ, а поляки въ свою очередь торопили короля обязаться сохранить земскія права и привилегіи.

Доведенный до крайности, Казиміръ требовалъ годовой отсрочки, но встрѣтивъ неодолимое сопротивленіе, объявилъ, что избраннымъ восьми сенаторамъ откроетъ, подъ строжайшею тайною, поводы этой отсрочки. Когда собраніе согласилось на это, а избранные подъ присягою обязались сохранить тайну, Казиміръ представилъ имъ всю опасность, угрожавшую ему лично, если бы, на перекоръ желанію литовцевъ, онъ исполнилъ требованіе короннаго совѣта. Онъ объявилъ также, что прежде всего долженъ занять важнѣйшіе литовскіе города вѣрными людьми и вывезти изъ Литвы свою казну, а для этого ему нужно сроку годъ. Поводы были признаны уважительными, но потребовали ручательства, что король сдержитъ слово. Онъ долженъ былъ, за тѣмъ, дать письменно торжественное увѣреніе въ томъ, что по истеченіи года клятвенно обѣщаетъ сохранить неприкосновенность земскихъ правъ и льготъ.

Во время этихъ совѣщаній получено было донесеніе о новомъ нашествіи татаръ. Король отправилъ противъ нихъ краковскаго каштеляна и сендомірскаго воеводу, а самъ поспѣшилъ въ Литву, откуда открылъ переговоры, имѣвшіе цѣлію вступленіе его въ бракъ съ ракузскою княжною Елисаветою Альбертовною. Дѣло это отложено до съѣзда уполномоченныхъ въ Бреславлѣ (1453 г.), гдѣ оно и было окончательно разрѣшено. Король долженъ былъ получить въ приданое 100,000 червонцевъ, но это условіе осталось лишь обѣщаніемъ. Польша переживала весьма тяжелую эпоху: съ одной стороны силезскіе князья тревожили западныя границы, съ другой — татары въ непрестанныхъ наѣздахъ захватывали тысячи плѣнныхъ и опустошали обширныя пространства. На люблинскомъ съѣздѣ обсуживались средства помочь этому горю и рѣшено было предпринять походъ противъ силезцевъ и въ тоже время старостамъ восточныхъ провинцій поручено имѣть большую бдительность. Походъ въ Силезію имѣлъ послѣдствіемъ занятіе Освѣцима. Князь освѣцимскій былъ вынужденъ продать свою землю за 20,000 копъ грошей. Съ татарами же, вновь опустошившими Подолію, завязали дѣло подъ Краснымъ, близь Острога, Янъ Лащъ, Янъ Нѣмецъ и

Мацѣекъ изъ Мендзыборжа и, отнявъ плѣнныхъ и добычу, разбили ихъ на голову.

Связанный прошлогоднимъ обѣщаніемъ, король назначилъ общій съѣздъ представителей Польши и Литвы въ Парчевѣ (3 іюня 1453). Польскіе магнаты прибыли въ большомъ числѣ, но литовскіе, остановившись въ Брестѣ, объявили, что вслѣдствіе предостереженія друзей, объ ожидавшихъ ихъ въ дорогѣ засадахъ, явиться не могутъ. Раздраженіе въ Парчевѣ было весьма сильное: всѣ обвиняли короля въ излишней уступчивости литовцамъ, что замѣтно поддерживало ихъ дерзость. Но когда лотовскіе послы прибыли на съѣздъ съ прежними притязаніями и въ довершеніе всего, король отказалъ уполномоченнымъ мазовецкихъ князей, требовавшихъ возвращенія Гоніондза и Тыкоцина, насильно захваченныхъ Литвою, на него посыпались самые рѣзкіе упреки. Ему угрожали даже, что въ случаѣ войны Литвы съ Мазовіею, обыватели Польши окажутъ всякую вооруженную помощь мазовецкимъ князьямъ. При этомъ потребовали, чтобы король, послѣ столькихъ отсрочекъ, коль скоро исчезла возможность предварительнаго рѣшенія спора съ Литвою, далъ уже однажды клятвенное обѣщаніе сохранить цѣлость земскихъ правъ и льготъ. Казиміръ еще разъ отсрочилъ это дѣло до съѣзда въ Піотрковѣ (24 іюня). Собраніе было многочисленно и тотчасъ же въ первое засѣданіе прочитано публично прошлогоднее королевское обязательство, которому суждено было теперь осуществиться. Казиміръ потребовалъ день на размышленіе и за тѣмъ объявилъ, что принесетъ присягу единственно какъ король, съ исключеніемъ титула великаго князя литовскаго. Это вызвало пятидневные споры. Собраніе, предполагая въ этомъ какую-то скрытую цѣль, не хотѣло согласиться на это, даже и тогда, когда Казиміръ изъявилъ согласіе назваться великимъ правителемъ Литвы. Раздраженіе сдѣлалось всеобщимъ и нѣкоторые стояли на томъ, чтобы Казиміръ отказался отъ престола и чтобы на его мѣсто былъ избранъ другой король. Болѣе умѣренные умы предложили раздѣлить собраніе на двѣ части, на сенаторовъ и рыцарство. Совѣщанія происходили въ каждой части

отдѣльно, а потому съ меньшею запальчивостью, но обѣ стороны соглашались въ томъ, что слѣдуетъ составить конфедерацію, если король не исполнитъ общихъ желаній. Сверхъ существовавшаго уже обязательства охраненія земскихъ правъ и льготъ, было постановлено, что при королѣ будутъ состоять всегда четыре коронные совѣтника, безъ согласія которыхъ онъ не можетъ рѣшать общественныхъ дѣлъ. Все сдѣланное безъ ихъ согласія будетъ признаваемо недѣйствительнымъ. Затѣмъ онъ обязывался удалить всѣхъ литовцевъ, жить постоянно въ Польшѣ, а Литву ввѣрить своему намѣстнику, не притѣснять жителей требованіями стацій и подводъ, сверхъ установленныхъ издавна на этотъ предметъ правилъ. Предложеніе конфедераціи склонило Казиміра къ уступкамъ и наконецъ клятвеннымъ обѣщаніемъ онъ подтвердилъ безусловно, данныя права и льготы въ присутствіи 12 коронныхъ сановниковъ, послѣ чего къ осени уѣхалъ въ Литву.

Умиротвореніе Польши было какъ нельзя болѣе своевременно. Въ сосѣдней Пруссіи возникали важныя событія. Этотъ приморскій край, составленный частію изъ земель пріобрѣтенныхъ оружіемъ крестоносцевъ отъ пруссовъ, частію же изъ отнятыхъ у Польши въ эпоху ея ослабленія, былъ во власти германскаго ордена, гроссмейстеръ котораго, съ 1309 г. проживалъ постоянно въ Мальборгѣ. Коренное прусское и польское населеніе играло второстепенную роль при господствѣ германскаго элемента, проникшаго во многіе города и деревни. Поддерживаемый крестоносцами, элементъ этотъ сообщалъ странѣ совершенно германскій характеръ, значеніе его возрастало до тѣхъ поръ, пока орденъ поставленъ былъ въ необходимость сражаться съ язычниками, и тѣмъ самымъ, хотя наружно, выполнялъ свою цивилизаціонную миссію въ Пруссіи. Земли крестоносцевъ населялись все болѣе и болѣе, ибо надежда льготъ, подъ управленіемъ ордена, привлекала безпрестанно германскихъ переселенцевъ. Должно отдать справедливость крестоносцамъ въ томъ, что они хорошо понимая собственныя выгоды, заботились о благосостояніи края, что свидѣтельствуютъ и современные польскіе писа-

тели; но когда язычество исчезло, а разбогатѣвшій орденъ началъ помышлять только о своемъ могуществѣ, въ немъ мало по малу обнаружились начала деморализаціи, что имѣло самое вредное вліяніе на управленіе страною. Грабежи и злоупотребленія, насилія и разнаго рода беззаконія сильно тревожили жителей, а несправедливыя войны ордена съ Польшею отзывались на безвинной странѣ жестокими опустошеніями. Въ особенности со времени грюнвальдскаго пораженія, съ каждымъ днемъ возрастало притѣсненіе всѣхъ подданныхъ ордена, что, въ свою очередь, постоянно увеличивало число недовольныхъ.

Въ исходѣ XIV в., свѣтское рыцарство образовало въ Пруссіи тайное общество, которое, по союзной эмблемѣ, было прозвано „обществомъ ящерицы“. Члены общества дали клятву оказывать другъ другу взаимную помощь, въ случаѣ нанесенія имъ какой либо обиды или оскорбленія. Дѣятельность этого союза, первоначально незамѣтная, впослѣдствіи приняла болѣе широкіе размѣры, особенно съ той минуты, когда орденъ вздумалъ восполнить свою кассу, опустѣвшую отъ раззорительныхъ войнъ съ Польшею и началъ стѣснять права всѣхъ жителей. Общее недовольство открыло членамъ этого общества болѣе обширное поле дѣйствій и ихъ усиліямъ слѣдуетъ приписать возникновеніе союза городовъ и рыцарства или прусскихъ сословій, для противодѣйствія злоупотребленіямъ ордена. Недоразумѣнія между гроссмейстеромъ Павломъ Русдорфомъ и сановниками ордена были для членовъ союза весьма удобнымъ предлогомъ, ибо магистръ, разсчитывая на ихъ помощь, утвердилъ общество и призналъ за нимъ право на нѣкоторое соучастіе въ правленіи. При Конрадѣ Эрлихгаузенѣ, союзъ сословій пріобрѣлъ еще большее значеніе и хотя, по смерти магистра, орденскіе сановники хотѣли распустить этотъ союзъ, но всѣ ихъ попытки были неудачны. Союзъ былъ силенъ: въ средѣ его значились главные прусскіе города, поэтому онъ могъ даже отказать новому магистру, Людвигу Эрлихгаузену, въ обычной ленной присягѣ, впредь до утвержденія за сословіями прежнихъ правъ и

льготъ. Магистръ прибѣгалъ ко всевозможнымъ стараніямъ, чтобы поколебать союзъ, но энергія противниковъ одержала верхъ. Эрлихгаузенъ долженъ былъ, такъ или иначе, удовлетворить требованіямъ союза и подтвердить основанія его. Но въ дѣлѣ этомъ не доставало искренности, а потому вскорѣ возникли недоразумѣнія. Крестоносцы выхлопотали себѣ помощь въ Римѣ, которая грозила союзнымъ даже отлученіемъ отъ церкви, въ случаѣ дальнѣйшаго ихъ упорства и непокорности ордену. Союзные не убоялись угрозы и довели дѣло до императора Фридриха, какъ свѣтскаго главы ордена. Ихъ уполномоченные получили, за деньги, изъ императорской канцеляріи подтвержденіе своихъ орденскихъ правъ. Крестоносцы однакожъ увѣряли, будто бы это подтвержденіе было подложное и когда не было возможности разрѣшить дѣла на мѣстѣ, обѣ стороны обратились къ суду императора. Въ извѣтахъ и происках не было недостатка. Орденъ, а равно и союзные, старались во время люблинскаго съѣзда (1453) пріобрѣсть поддержку Казиміра. Король совѣтовалъ примириться, но прямо не хотѣлъ помогать ни одной изъ тяжущихся сторонъ.

Въ это время полномочные собрались въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ происходить судъ. Представители ордена явились вò-время, но на пословъ союза напалъ въ дорогѣ, близь Берна, моравскій господарь Мальтицъ, и захватилъ всѣхъ, за исключеніемъ Гавріила Байзена, успѣвшаго скрыться, не смотря на полученную рану. Союзные изобразили крестоносцевъ зачинщиками этого насилія, справедливо обвиняя ихъ въ намѣреніи вызвать, такимъ образомъ, заочный приговоръ. Императорскій судъ, послѣ довольно продолжительныхъ преній, рѣшилъ, что союзъ городовъ не имѣетъ законнаго основанія, что затѣмъ ему нельзя существовать, а жители въ отношеніи къ ордену обязаны безусловною покорностію. Сверхъ того союзники городовъ были приговорены къ уплатѣ большаго денежнаго штрафа. Такимъ образомъ императоръ уничтожилъ всѣ права сословій и подчинилъ всѣхъ жителей зависимости ордена.

Вѣсть о такомъ судѣ возбудила въ Пруссіи всеобщее раздраженіе. На общемъ съѣздѣ членовъ союза послѣдовало рѣшеніе: отложиться отъ ордена и подчиниться польскому королю, если только послѣдній согласится на присоединеніе Пруссіи къ Польшѣ, на точно-опредѣленныхъ условіяхъ. Къ нему отправили пословъ въ то самое время, когда онъ, на обратномъ пути изъ Литвы, прибылъ, для обрученія своего съ Елизаветою, въ Сендоміръ (янв. 1454), и здѣсь совѣщался съ коронными сановниками о дѣлахъ общественныхъ. Уполномоченные ордена получили отвѣтъ, что король въ столь важномъ дѣлѣ, безъ дозволенія всего короннаго совѣта, самъ ничего не рѣшится сдѣлать, и по этому требуетъ, чтобы прусскія сословія прислали своихъ уполномоченныхъ въ Краковъ, гдѣ, по поводу его бракосочетанія (въ нач. февр.), соберется весь совѣтъ въ полномъ составѣ.

Во время свадебныхъ празднествъ, на которыя явился съ деньгами и посолъ крестоносцевъ, желавшій подкупить совѣтниковъ короля, а чрезъ то привлечь на свою сторону и его самаго обѣщаніемъ покорности со стороны магистра и ордена, прибыли также въ Краковъ и уполномоченные прусскихъ сословій [1]. Тотчасъ начались совѣщанія о томъ, принять или нѣтъ готовность Пруссіи подчиниться польской державѣ? Збигнѣвъ Олесницкій былъ противъ, но большинство свѣтскихъ лицъ и нѣкоторые духовные подали голосъ въ пользу принятія. Споры по этому предмету продолжались 15 дней. Краковскій воевода Янъ Тенчинскій, предложилъ отложить дѣло до общаго съѣзда и предварительно войти въ соглашеніе съ Литвою. Прусскіе уполномоченные уклонились однакожъ отъ отсрочки, говоря, что ихъ дѣло не терпитъ проволочки и что если Казиміръ не отвѣтитъ сейчасъ же рѣшительно, то они будутъ вынуждены подчиниться другому сосѣднему государю и даже, быть можетъ, чешскому королю. Это заявленіе подѣйствовало довольно удачно. Король не колебался долѣе и безотлагательно принялъ (21

[1]) Прусское посольство, предводимое Яномъ Байзеномъ, состояло изъ четырехъ депутатовъ отъ шляхты, трехъ бургомистровъ и четырехъ городскихъ совѣтниковъ. *Примѣч. перев.*

февр.) подданство прусскихъ сословій, уполномоченные которыхъ принесли ему, въ присутствіи всего совѣта, присягу въ вѣрности и повиновеніи какъ своему государю. Включая Пруссію на вѣчныя времена въ число коронныхъ владѣній, Казиміръ тотчасъ же уничтожилъ обременительныя пошлины и подати, а также не человѣческое право, введенное крестоносцами — отбирать въ свою собственность грузы кораблей, претерпѣвшихъ крушеніе у прусскихъ береговъ. Онъ даровалъ пруссакамъ тѣ же права, какими пользовались его польскіе подданные, далъ обѣтъ раздавать должности и званія только природнымъ пруссакамъ, рѣшать мѣстныя дѣла исключительно въ прусскихъ совѣтахъ, сохранить въ цѣлости права и льготы всѣхъ жителей, защищать ихъ и во всемъ поступать по справедливости. Сверхъ того онъ предоставилъ прусскимъ купцамъ самую неограниченную свободу торговли въ Польшѣ и провоза товаровъ чрезъ коронныя земли. Раздѣливъ Пруссію на 4 воеводства, онъ назначилъ не медля воеводъ, а Яна Байзена сдѣлалъ тамъ своимъ намѣстникомъ.

Въ то время, когда въ Краковѣ увѣнчались успѣхомъ переговоры съ прусскими уполномоченными, прусскія сословія отказали гроссмейстеру и ордену въ повиновеніи, а Казиміръ, съ своей стороны, тотчасъ же поддержалъ этотъ отказъ объявленіемъ войны. Во всей Пруссіи вспыхнуло возстаніе. Изъ всѣхъ крѣпостей и замковъ только немногіе остались въ рукахъ ордена, который непремѣнно потерялъ бы свое значеніе, еслибы Казиміръ энергично взялся за дѣло. Правда, онъ отправилъ въ помощь инсургентамъ вооруженные отряды, занявшіе Тухоле и Слуховъ, но Генрихъ-де-Плауенъ, во главѣ подкрѣпленій, прибывшихъ изъ Германіи, предупредилъ ихъ въ овладѣніи Хойницами. Между тѣмъ король, извѣстивъ дипломатическимъ путемъ европейскіе дворы о принятіи подъ свой скипетръ всей Пруссіи, а также о несомнѣнныхъ правахъ польской короны на этотъ край, поспѣшилъ (въ концѣ марта) въ Брестъ литовскій на съѣздъ съ литовскими магнатами, которымъ повелѣлъ: во первыхъ не впускать въ Пруссію войскъ ливонскаго магистра, а во вторыхъ выставить къ лѣту войско въ по-

мощь коронѣ. Изъ Бреста онъ отправился на коронный съѣздъ въ Ленчицу (3 мая). Изъ Малопольши, кромѣ каштеляна и краковскаго воеводы, никого не было на съѣздѣ, но за то явились въ большомъ числѣ великополяне. По просьбѣ прусскихъ пословъ было рѣшено, чтобы ополченіе изъ Великопольши вторгнулось въ Пруссію, съ цѣлію овладѣть Мальборгомъ, Штумомъ и Хойницами, бывшими еще въ рукахъ ордена. Отвергнувъ предложеніе крестоносцевъ, желавшихъ, при посредничествѣ чешскаго и венгерскаго короля Владислава, заключить миръ, съ обязательствомъ уплатить 50,000 злотыхъ военныхъ издержекъ и 10,000 ежегодной дани, король, сопровождаемый блестящимъ дворомъ, въѣхалъ въ Торунь, гдѣ, съ соблюденіемъ полной церемоніи, ему была принесена присяга въ вѣрности. Тѣ же самыя сцены возобновлялись въ Эльбингѣ и Данцигѣ, а король болѣе помышлялъ объ удовольствіяхъ, нежели о дѣлахъ общественныхъ. Наконецъ Казиміръ созвалъ въ Грудзіонжѣ [1]) прусскій сеймъ (13 іюля), на которомъ была утверждена подать на удовлетвореніе наемныхъ войскъ и избрано 16 лицъ, для нахожденія безотлучно при королѣ. Казиміръ отправилъ къ Мальборгу свою придворную дружину, составленную изъ 12 *хоругвей* [2]), а когда пришла вѣсть о значительномъ нѣмецкомъ войскѣ, спѣшившемъ на помощь крестоносцамъ, онъ двинулъ изъ Великопольши ополченіе и велѣлъ ему собраться подъ Цереквицею, недалеко отъ Хойницъ.

Великопольское рыцарство явилось въ лагерь въ огромномъ числѣ, но вмѣсто того, чтобы идти къ Хойницамъ, предварительно требовало отъ короля утвержденія правъ и льготъ, а также устраненія всякаго рода злоупотребленій. Требованія эти были изложены въ 35 пунктахъ. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: 1) король можетъ назначать подати и ополченіе, а также объявлять законы лишь съ разрѣшенія землевладѣльческихъ съѣздовъ; 2) сзывая рыцарство для похода за предѣлы Польши, онъ долженъ прежде уплатить каждому рыцарю по 5 гривенъ съ копья; 3) высшія ко-

---

[1]) Нынѣ Граудендъ.

[2]) Извѣстная боевая единица, въ родѣ теперешняго баталіона или эскадрона.

ронныя должности будетъ раздавать, какъ великополянамъ, такъ и малополянамъ, смотря по способностямъ, земскія же исключительно мѣстнымъ обывателямъ; 4) старостъ городскихъ не будетъ раздавать воеводамъ и каштелянамъ, не дозволитъ городскимъ судамъ рѣшать дѣла, относящіяся до земскихъ судовъ, и обратно; 5) обязывается строго наблюдать, чтобы судьи произносили приговоры согласно постановленіямъ вартскаго статута, а также не дозволитъ кого бы то ни было арестовать или лишать имущества безъ судебнаго приговора; 6) подвергаетъ строгой отвѣтственности старостъ и арендаторовъ коронныхъ помѣстій за всякую обиду, нанесенную сосѣднимъ землевладѣльцамъ. Словомъ, король обязывался, въ виду доставленія всѣмъ охраны и правосудія, искоренить всѣ злоупотребленія должностныхъ лицъ и судовъ, заставивъ ихъ въ точности держаться коронныхъ постановленій [1]). Король долженъ былъ согласиться (15 сент.) на всѣ требованія рыцарства, послѣ чего раздѣлилъ войско на семь отрядовъ. Но вмѣсто того, чтобы передать начальство надъ этими отрядами людямъ, знакомымъ съ военнымъ дѣломъ, онъ избралъ преимущественно однихъ магнатовъ, не умѣвшихъ поддержать должную дисциплину. Съ полученіемъ извѣстія о приближеніи непріятельскихъ войскъ, поляки выступили къ Хойницамъ. Германское войско считало въ своихъ рядахъ 15,000, а польское около 40,000 чел. Нѣкоторые совѣтовали не начинать боя, но впустивъ нѣмцевъ въ Хойницы, обложить затѣмъ городъ и голодомъ заставить ихъ положить оружіе. Противное мнѣніе взяло верхъ и бой завязался. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ поляковъ и они могли даже одержать совершенную побѣду, если бы отряды, назначенные для прикрытія, не разсѣялись. Это обстоятельство вы-

---

[1]) *Цереквицкая* привилегія очевидно носитъ на себѣ печать эгоистическихъ притязаній великопольской мелкой шляхты, въ особенности калишскаго и познанскаго воеводствъ. Преслѣдуемая съ давнихъ поръ, отодвинутая малопольскими магнатами на задній планъ, эта шляхта чувствовала себя обманутою прошлогоднею привилегіею. Воспользовавшись затѣмъ благопріятнымъ моментомъ, она похитила, можно сказать, у короля актъ, въ которомъ, на ряду съ важными домогательствами, дѣло шло о соли, дровахъ, медѣ и мелкихъ судебныхъ издержкахъ. *Примѣч. перев.*

звало бѣгство всего войска и доставило непріятелю весь оставленный по дорогѣ обозъ. Потеря убитыми и плѣнными была незначительна, но тѣмъ не менѣе велики были послѣдствія этого пораженія. Нѣкоторые города, какъ только король отступилъ къ Нешавѣ, сдались опять крестоносцамъ. Въ Нешавѣ, уполномоченные прусскихъ сословій объявили ему, что не смотря на хойницкое пораженіе, они не нарушатъ данной присяги. Отозвавъ свою дружину изъ подъ Мальборга, король поручилъ ей оборону замковъ, а коронному рыцарству велѣлъ приготовиться къ походу къ Опокамъ. Отъ этого похода онъ освободилъ лишь подольскихъ и русинскихъ землевладѣльцевъ, которые должны были оберегать границы отъ крымскихъ татаръ.

Ободренные побѣдою подъ Хойницами, крестоносцы хотѣли привлечь на свою сторону прусскія сословія, обѣщая имъ забвеніе обидъ и самыя обширныя льготы. Но ихъ усилія были безуспѣшны, ибо никто не довѣрялъ уже болѣе ихъ обѣщаніямъ. Съѣздъ коронныхъ магнатовъ въ Брестѣ куявскомъ, нѣсколько ободрилъ короля и всѣ желали какъ можно скорѣе изгладить впечатлѣніе хойницкой катастрофы. Не смотря на позднее время года, войско собралось подъ Опоками. Но король, до вторженія въ Пруссію, долженъ былъ утвердить и расширить національныя права и привилегіи. Весь походъ ограничился занятіемъ двухъ городовъ, послѣ чего король распустилъ войско (янв. 1455), а оборону Пруссіи предоставилъ наемнымъ войскамъ. За скудостью общественной казны, ленчицкій съѣздъ постановилъ (въ концѣ янв.) новую подать съ лана, собственно для веденія прусской войны.

Въ это время получены были извѣстія изъ Литвы, что Гастольдъ, заодно съ крестоносцами, возбуждаетъ тамъ безпорядки. Казиміръ долженъ былъ поспѣшить въ Литву, гдѣ ему удалось подавить движеніе и даже взять съ литовцевъ обѣщаніе, въ случаѣ надобности, помогать ему противъ крестоносцевъ. Предложенія крымскаго хана, желавшаго прислать въ Пруссію значительное войско, онъ не принялъ, чтобы не навлечь на край и другія коронныя владѣнія страшныхъ грабежей татаръ. Война въ Пруссіи не прерывалась, хотя собс-

твенно происходили только небольшія стычки, но страна, отъ безпрестанныхъ грабежей съ обѣихъ сторонъ, страдала ужаснѣйшимъ образомъ. Все это требовало присутствія короля, который, побуждаемый со всѣхъ сторонъ, прибылъ наконецъ, на съѣздъ въ Піотрковъ (15 мая). Нужны были деньги для удовлетворенія наемныхъ войскъ, и собственно для этой цѣли была установлена новая подать. Но когда собравшіеся объявили, что не могутъ сами принять на себя отвѣтственности за этотъ шагъ, то король согласился созвать земское вече, послѣ чего долженъ былъ состояться генеральный съѣздъ (24 іюня) въ Піотрковѣ. Послѣ многихъ хлопотъ, собраніе согласилось на лановую подать и даже предполагалось объявить всеобщее ополченіе. Послѣднее распоряженіе не состоялось, ибо прошелъ ложный слухъ, будто бы польское войско, явясь на выручку осажденному крестоносцами Королевцу (Кенигсбергу), одержало знатную побѣду. Вѣра въ ложное извѣстіе вызвала переходъ Королевца подъ власть ордена, что могло имѣть самыя дурныя послѣдствія.

Не смотря на кажущійся перевѣсъ, пріобрѣтенный орденомъ, положеніе его было отчаянное. Ему слишкомъ дорого обходились наемныя войска, и когда казна опустѣла, магистръ отдалъ въ залогъ этимъ защитникамъ ордена почти всѣ замки и города, не занятые поляками, съ оговоркою, что, по истеченіи срока уплаты, они могутъ передать эти замки кому пожелаютъ. Положеніе поляковъ тоже немногимъ было лучше: наемные отряды, не получая во̀-время жалованья, часто нарушали дисциплину, и въ рѣшительныя минуты, вмѣсто того, чтобы сражаться, заявляли непомѣрныя требованія и даже грозили передать непріятелю занимаемыя ими мѣста. Этой причинѣ, по преимуществу, слѣдуетъ приписать взятіе Королевца, которому грозилъ продолжительный голодъ.

Чтобы возвысить нравственный духъ въ Пруссіи, сильно поколебавшійся послѣ паденія Королевца, король обнародовалъ всеобщее ополченіе. Войско собралось къ осени, не смотря на общій ропотъ на то, что рыцарству велѣно выступить въ походъ въ столь позднее время; король повелъ его въ Пруссію, но едва переправился черезъ Вислу, какъ вступилъ съ згоржелицкимъ маркгра-

фомъ Фридрихомъ въ переговоры, которые впрочемъ кончились ничѣмъ, ибо крестоносцы требовали возвращенія всѣхъ забранныхъ земель. Потерявъ не мало времени на переговоры, Казиміръ двинулся къ Оссѣ, гдѣ также ничего не успѣлъ сдѣлать. Послѣ нѣсколькихъ недѣль осады жалкаго городишка Лашина, онъ возвратился въ Грудзіонжъ, безъ всякихъ трофеевъ, взамѣнъ того, значительное пространство края было опустошено. Это такъ вооружило прусскія сословія, что они уже помышляли о возвращеніи подъ власть ордена.

Въ Грудзіонжѣ король собралъ совѣтъ, чтобы рѣшить, какимъ образомъ вести далѣе войну и въ особенности гдѣ достать денегъ. Землевладѣльцы, составлявшіе большинство въ этомъ совѣтѣ, въ своемъ рѣшеніи свалили почти всю тягость подати на церковныя помѣстья и на королевщизну, главнѣйшимъ образомъ потому, что на этихъ имуществахъ не тяготѣла обязанность всеобщаго ополченія. Съѣздъ въ Піотрковѣ (6 янв. 1456) отмѣнилъ грудзіонжское рѣшеніе, но, признавая крайность положенія, назначилъ лѣтомъ ополченіе со всѣхъ воеводствъ и весьма значительныя подати. Послѣднія были тѣмъ необходимѣе, что наемное войско крестоносцевъ заявило готовность уступить всѣ находившіеся въ его рукахъ замки и города, какъ только король выплатитъ имъ заслуженное жалованье. Въ этомъ смыслѣ были начаты переговоры и хотя войска требовали не менѣе какъ 476,000 злотыхъ, но эта сумма была имъ обѣщана. Дѣло останавливалось за однимъ: не откуда было взять столько денегъ, тѣмъ болѣе, что и собственныя наемныя войска требовали уплаты не меньшей суммы. Король безпрестанно созывалъ съѣзды, но свѣтскія и духовныя власти, а также и рыцарство, сваливая съ себя всѣ невзгоды, не хотѣли согласиться на новыя подати до тѣхъ поръ, пока не будетъ приступлено къ преобразованіямъ и улучшеніямъ. На съѣздѣ въ Піотрковѣ (8 сент.) состоялось рѣшеніе о всеобщей подати, которую великополяне приняли тотчасъ же, а малополяне только на послѣдовавшихъ послѣ съѣзда земскихъ совѣщаніяхъ и то назначивъ

особую коммисію, которая бы слѣдила за обращеніемъ собранныхъ денегъ на общественныя нужды и на прусскія дѣла.

Литву безпрерывно волновалъ Гастольдъ. Когда Казиміръ совѣщался съ коронными магнатами въ Ленчицахъ, къ нему явились литовскіе послы съ требованіемъ возвратить Литвѣ Волынь и Подолію, угрожая въ противномъ случаѣ присвоить эти области силою оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они убѣждали короля оставить Польшу, въ которой нельзя ожидать ничего хорошаго и прибыть на постоянное и мирное жительство въ Литву. Это посольство, вызвавшее общее раздраженіе, а равно и позднѣйшія донесенія, будто бы партія Гастольда хочетъ предложить великокняжескій престолъ кіевскому князю, заставили Казиміра, устроивъ кое-какъ дѣла въ Польшѣ, поспѣшить (осенью 1456) въ Литву, гдѣ своимъ присутствіемъ онъ возстановилъ порядокъ.

Дѣла въ Пруссіи шли далеко неблагопріятно. Бѣдность и опустошеніе края, грозныя воззванія императора и германскихъ князей, папское проклятіе и вялое веденіе войны имѣли слѣдствіемъ то, что орденъ привлекъ на свою сторону много пруссаковъ. Даже въ Торунѣ и Данцигѣ возникли безпорядки, возбужденные сторонниками ордена. Эти волненія успѣли прекратить, но присутствіе короля было все таки необходимо. Его просили поспѣшить возвращеніемъ изъ Литвы, тѣмъ болѣе, что и деньги были собраны для удовлетворенія наемныхъ войскъ ордена. Возвратившись, онъ отправился въ Пруссію, посѣтилъ Торунь и Данцигъ, и прибылъ (8 іюня 1457) въ Мальборгъ, который только что былъ возвращенъ польскому войску наемными отрядами ордена, получившими до полумилліона червонцевъ. Половину этой суммы внесли прусскія сословія, другую половину Польша. Съ утратой Мальборга магистръ перенесъ столицу ордена въ Королевецъ.

Кавка, Свѣборовскій и другіе предводители наемныхъ полчищъ, которымъ король не выплатилъ жалованья, оставили Пруссію и овладѣли въ краковской землѣ Мысленицами, намѣреваясь опустошеніями принудить Казиміра къ уплатѣ. Съ ними соединился и князь освѣцимскій Янушъ, въ надеждѣ воротить свою проданную

землю. Ихъ разбои и беззаконія вызвали (сент.) созваніе ополченія въ трехъ воеводствахъ, которое, опустошивъ на походѣ родную страну, вернулось во-свояси безъ всякаго практическаго результата. Въ тоже время татары вторглись въ Подолію, но обремененные добычею, были настигнуты на обратномъ пути поляками, предводимыми Варфоломеемъ Бучацкимъ и Яномъ Лащемъ. Поляки проиграли дѣло: вмѣстѣ съ вождями погибло не мало храбрыхъ воиновъ, но и татары, ослабленные кровавою битвою, стоившею имъ много плѣнныхъ и добычи, поспѣшили отступить въ свои степи. Въ Пруссіи дѣла шли тоже не совсѣмъ удачно. Войско осаждавшее Гнѣвъ отступило безъ приказанія начальниковъ, что внушило крестоносцамъ смѣлость не только опустошить добржинскую землю, но даже занять города Мальборгъ и Хелмно. Въ Мальборгѣ замокъ остался въ рукахъ поляковъ, и Казиміръ, устрашенный всѣмъ этимъ, поспѣшилъ отправить изъ Великопольши на защиту этой важной крѣпости около 6000 рыцарей. Желая удовлетворить всѣмъ потребностямъ Польши, онъ созвалъ (25 нояб.) въ Піотрковъ генеральный съѣздъ, на которомъ, однакожъ, ничего не рѣшили, и все было отложено до будущихъ провинціональныхъ съѣздовъ. Послѣдніе собрались, дѣйствительно въ Колѣ и за тѣмъ въ Новомъ Корчинѣ, куда прибыли также послы изъ Великопольши. Совѣщанія были необыкновенно бурны. Всѣ бѣдствія и все неустройство приписывали королю, заявляли желаніе избрать правителя и едва согласились на подать, для уплаты жалованья войскамъ. Завѣдываніе общественными доходами было предоставлено вновь назначенному краковскому старостѣ Николаю Пеніонжку. Король обѣщалъ улучшенія въ рѣчипосполитой и утвердилъ права русинскихъ земель, сравнявъ ихъ во всемъ съ Польшею.

Внезапная смерть бездѣтнаго венгерскаго и чешскаго короля Владислава, дала поводъ Казиміру предъявить свои права на оба королевства, между тѣмъ какъ онъ не могъ управиться съ дѣлами собственнаго государства. Но венгерцы признали королемъ сына Яна Гуніада — Матвѣя; чехи же избрали въ короли Юрія Падѣбрада, что возбудило замѣшательство въ обоихъ

королевствахъ, ибо непріязненныя партіи обоихъ владѣтелей находили поддержку извнѣ. Казиміръ не согласился признать королями ни Матвѣя, ни Юрія, имѣя въ виду, обезпечить этимъ права своихъ сыновей рожденныхъ отъ Елисаветы Альбертовны.

Проведя зиму въ Литвѣ, онъ прибылъ только къ веснѣ въ Польшу и созвалъ съѣздъ въ Піотрковѣ (4 мая 1458). На этомъ съѣздѣ были постановлены не только значительная подать для удовлетворенія войска жалованьемъ за прежнее время, но и народное ополченіе во всей Польшѣ, которое должно было собраться лѣтомъ подъ Гнѣвковомъ. Во время совѣщаній пріѣхалъ изъ Венгріи Искра, извѣстный антагонистъ Владислава Варнскаго и Гуніада, сторонникъ ракузской династіи. Онъ убѣждалъ Казиміра оружіемъ отстаивать свои права на венгерскій престолъ. Когда ему отвѣтили, что сперва слѣдуетъ окончить войну въ Пруссіи, онъ тотчасъ же объявилъ, что своимъ вліяніемъ привлечетъ на сторону короля чеховъ, служащихъ подъ знаменами ордена, такъ что война прекратится сама собою. Онъ дѣйствительно отправился въ Пруссію и открылъ переговоры. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ стягивались ополченія и когда всѣ отряды прибыли къ Гнѣвкову, король ввѣрилъ главное начальство Петру изъ Шамотулъ и вторгнулся въ Пруссію. Пановъ былъ взятъ силою, но такъ какъ главный военачальникъ спасъ весь гарнизонъ крестоносцевъ, а магнаты хотѣли присвоить себѣ всѣ запасы замка, то раздраженное войско зажгло взятую крѣпость. Отсюда король двинулся къ Мальборгу и какъ только онъ началъ осаду, Искра выступилъ въ качествѣ посредника; переговоры продолжались, съ небольшими промежутками, цѣлыхъ семь недѣль. Войско, выведенное изъ терпѣнія и испытывая самыя тяжкія лишенія, требовало отъ короля или дозволенія возвратиться домой, или же приказанія вступить въ бой съ непріятелемъ. Тщетны были эти требованія, ибо Казиміръ мечталъ только о скорѣйшемъ достиженіи своей цѣли путемъ переговоровъ. Все окончилось 9-ти мѣсячнымъ перемиріемъ въ продолженіи котораго 16 судей, избранныхъ по-ровну отъ обѣихъ сторонъ, должны были (въ половинѣ великаго поста 1459) разрѣшить въ Хелмнѣ

споръ между Польшею и орденомъ. Въ случаѣ разнорѣчія судей, окончательный приговоръ долженъ былъ произнести эрцгерцогъ ракузскій, а въ случаѣ уклоненія послѣдняго—Искра, которому, на врѣмя перемирія былъ отданъ городъ Мальборгъ. По заключеніи перемирія на столь оригинальныхъ условіяхъ, король хотѣлъ остаться съ войскомъ подъ Мальборгомъ, пока магистръ утвердитъ перемиріе. Но войско, раздраженное до нельзя потерею множества людей и лошадей, погибшихъ отъ голода и заразы, не смотря на запрещеніе, возвратилось домой. Казиміръ объявилъ, что никогда болѣе не выступитъ въ поле съ такимъ непокорнымъ войскомъ, рыцарство же, съ своей стороны, отозвалось угрозою никогда болѣе не сражаться подъ его начальствомъ. Зачатки неудовольствія по поводу правленія Казиміра обнаружились и на воеводскихъ вечахъ. Почти на всѣхъ было постановлено, что землевладѣльцы не могутъ долѣе оставаться безучастными къ разоренію, до котораго они доведены безпрестанными податями и поднятіемъ ополченій. Король дѣйствительно былъ виноватъ; уже давно, благодаря численному превосходству войскъ, можно было окончить войну въ Пруссіи, если бы ее вели умно и энергически.

Раздраженіе умовъ обнаружилось и на генеральномъ съѣздѣ въ Піотрковѣ (15 янв. 1459); приписывая королю неудачу прошлогодняго похода, землевладѣльцы не хотѣли согласиться ни на ополченія, ни на подати. Неожиданно явилось посольство отъ прусскихъ сословій съ извѣстіемъ о состоявшемся на сеймѣ рѣшеніи, по которому они готовы подвергнуть себя всѣмъ случайностямъ, лишь бы не возвратиться подъ власть ордена. Магистръ объявилъ съ своей стороны королю, что уплатитъ за военныя издержки 100,000 злотыхъ, ежегодно будетъ вносить 20,000 зл., по каждому востребованію будетъ выставлять двѣ панцырныя хоругви и принесетъ ленную присягу, какъ скоро ему будутъ возвращены всѣ земли, бывшія до войны въ рукахъ ордена. Король и большинство совѣта были готовы согласиться съ предложеніями магистра, но меньшинство все таки одержало верхъ и вызвало рѣшеніе, достойное похвалы. Было постановлено принять лишь такія условія мира,

на которыя согласятся и прусскія сословія, ибо не приходилось за привязанность, оказанную Польшѣ, подвергать ихъ мщенію ордена.

Назначенный мальборгскимъ перемиріемъ судъ, долженъ былъ собраться въ Хелмнѣ. Поляки съѣхались въ Нешаву, пригласивъ въ этотъ городъ и судей крестоносцевъ; пренія продолжались 3 недѣли и все таки ни чѣмъ не кончились, ибо крестоносцы не согласились на оговорки, которыя поляки требовали включить въ глейтовыя грамоты [1]). Это обстоятельство понудило ихъ прервать дальнѣйшіе переговоры и публично обнародовать въ Торунѣ законность и справедливость войны съ орденомъ; окончательный приговоръ по этому дѣлу долженъ былъ произнести эрцгерцогъ ракузскій Альбертъ.

До истеченія перемирія (13 іюля), необходимо было обдумать средства къ дальнѣйшему веденію войны. Великополяне согласились въ Колѣ на подати и ополченіе, но малополяне рѣшительно объявили, что сначала король долженъ приступить къ преобразованіямъ въ рѣчипосполитой и потребовали съ этою цѣлію, генеральнаго съѣзда въ Піотрковѣ (24 іюня). Увѣренный въ помощи великополянъ, король отвергнулъ требованіе, а нѣкоторыхъ малопольскихъ магнатовъ называлъ по-просту врагами Польши, чѣмъ еще болѣе вооружилъ ихъ противъ себя. Многія сходбища по воеводствамъ приняли довольно грозный характеръ и потому принудили короля, наконецъ, объявить генеральный съѣздъ въ Піотрковѣ (на 1 сент.). По истеченіи срока перемирія, онъ послалъ, правда, великопольское ополченіе въ Пруссію, но и эта экспедиція, подобно всѣмъ предшествовавшимъ, почти ни чѣмъ не кончилась. Желая тѣмъ сильнѣе выступить противъ недовольныхъ, король предполагалъ заключить миръ съ магистромъ, но тотъ объявилъ, что находится въ зависимости отъ наемныхъ войскъ и не имѣетъ ни малѣйшей власти, поэтому переговоры прекратились. Въ это время

---

[1]) Это были охранные листы для свободнаго слѣдованія въ Хелмно, такъ названные отъ нѣмецкаго слова «Geleit» — т. е. проводы, провожатые.

Примѣч. перев.

(28 авг.) уполномоченные отъ городовъ Бреславля и Намыслова обратились къ королю съ просьбою, принять эти города подъ свою власть, такъ какъ они не желаютъ долѣе оставаться подъ властію чеховъ. Изъ этого видно, что если бы Казиміръ обладалъ нѣсколько большею энергіею, Польша могла бы безъ труда возвратить въ его царствованіе Силезію и такимъ образомъ замѣтно возвысить свое могущество.

Между тѣмъ наступило время генеральнаго съѣзда въ Піотрковѣ. Король и его сторонники, намѣреваясь парализировать всякую попытку къ сопротивленію, явились съ значительными вооруженными дружинами. Малопольскіе послы, въ главѣ которыхъ находились сендомирскій староста Янъ Рытвяньскій, Янъ Тарновскій и Янъ Мельштынскій, потребовали отъ короля и совѣта охранительныхъ листовъ и не прибыли на съѣздъ до тѣхъ поръ, пока не получили требуемаго обезпеченія. Не довѣряя однакожъ увѣреніямъ, они пріѣхали вооруженные. Рытвяньскій выступилъ въ засѣданіи смѣло противъ короля и его правительства, указывая на разныя злоупотребленія, а также его неблагодарность въ отношеніи всего, сдѣланнаго Польшею для его рода со столькими пожертвованіями. Онъ увѣщевалъ его прекратить разъ на всегда преслѣдованія поляковъ въ пользу Литвы и предпринять въ самомъ способѣ управленія коренныя преобразованія. Казиміръ обѣщалъ удовлетворить такимъ желаніямъ, лишь бы все было сдѣлано для веденія дальнѣйшей войны въ Пруссіи. Предполагалось назначить большую податъ съ лана, но малополяне не хотѣли на нее согласиться и требовали особеннаго веча въ Корчинѣ (25 нояб.). Когда же и тамъ возникли разногласія, то король созвалъ новый съѣздъ (7 дек.) въ Піотрковѣ. Здѣсь были ему предъявлены всѣ жалобы поляковъ въ 12-ти пунктахъ. Казиміръ пытался было оправдать свое поведеніе, но, уступая обстоятельствамъ, долженъ былъ обѣщать совершенное преобразованіе государственнаго устройства и согласиться на избраніе 20 совѣтниковъ, для совмѣстнаго съ ними рѣшенія всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Только теперь послѣдовало

согласіе на *лановое*, пошлины и подоходныя подати, чтобы изъ этого источника удовлетворить наемныя войска.

Папа Пій II непремѣнно хотѣлъ склонить къ примиренію всѣ государства Европы, чтобы потомъ общими силами изгнать турокъ. Съ этою цѣлію онъ созвалъ конгрессъ въ Мантуѣ, на который явились и послы изъ Польши съ предложеніемъ, какъ скоро Пруссія будетъ включена въ польскія владѣнія, поселить крестоносцевъ на островахъ греческаго архипелага, чтобы тамъ, согласно постановленіямъ своего ордена, они постоянно сражались съ невѣрными въ защиту христіанства. Всѣ признали основательность польскаго предложенія, но уполномоченные ордена съумѣли парализировать всѣ попытки къ его осуществленію. Крестоносцы прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы сохранить свою самостоятельность; въ Германіи и Римѣ умоляли о поддержкѣ и покровительствѣ, въ тоже время старались возбудить войну между Польшею и Чехіею и, какъ кажется, подослали въ Чехію поджигателей. Послѣдніе, будучи схвачены по горячимъ слѣдамъ, объявили, что рѣшились на это преступленіе по наущенію Казиміра. Но всѣ ихъ усилія оказались безуспѣшными. Альберту ракузскому, который требовалъ, чтобы на него, какъ на посредника обѣ стороны положились безусловно, король, съ согласія вельможъ, отвѣтилъ такимъ образомъ: если герцогъ произнесетъ сперва свое мнѣніе о главномъ предметѣ, т. е. объ уступкѣ Польшѣ орденомъ захваченныхъ земель, то онъ, король, во всемъ остальномъ совершенно положится на его судъ. Папскіе же легаты, заподозрѣнные въ сочувствіи къ крестоносцамъ, не признаны посредниками и не впущены въ Польшу. Съ богемцами заключенъ былъ миръ въ Бытомѣ (25 нояб. 1460), что окончательно отняло у крестоносцевъ надежду воспользоваться замѣшательствами обоихъ одноплеменныхъ народовъ.

Война въ Пруссіи длилась; положеніе страны было самое бѣдственное. Ни одна изъ воюющихъ сторонъ не пріобрѣла рѣшительнаго перевѣса, а оба наемныя войска опустошали все огнемъ и мечемъ. Судьбы войны безпрерывно мѣнялись. Крестоносцы захватили Валчъ, изъ котораго не могло ихъ изгнать снаряженное про-

тивъ нихъ великопольское ополченіе. За то, послѣ 4-хъ мѣсячной осады, полякамъ сдался Мальборгъ. Всѣ усилія магистра выручить осажденныхъ или, по крайней мѣрѣ, снабдить ихъ продовольствіемъ, кончались весьма чувствительными пораженіями. Мѣщанамъ было прощено ихъ вѣроломство, за исключеніемъ бургомистра Блюма и одного изъ его сообщниковъ, наказанныхъ смертію. Валчъ[1]) былъ тоже возвращенъ, но потерянъ Голубъ и понесены пораженія въ разныхъ пунктахъ.

Литва, требовавшая возвращенія Подоліи и Волыни, угрожала Польшѣ даже войною, и хотя король уладилъ это дѣло на съѣздѣ въ Брестѣ литовскомъ (апр. 1460), но замѣшательства не прекращались. На съѣздѣ же въ Вильнѣ (на святой 1461) литовцы вновь требовали, чтобы онъ постоянно жилъ въ Литвѣ, или же отдалъ великое княжество Симеону Олельковичу. И въ самой Польшѣ спокойствіе не водворялось. Борживой изъ Скржинна, собравъ вооруженную банду, осадилъ Туржу[2]) и Живецъ[3]) и грабилъ окрестныя земли. Посланные противъ него, краковскій староста Пеніонжекъ и Комаровскій, взяли силою оба пункта и только послѣ этого очистили отъ грабителей всю освѣцимскую землю. Болѣе важныя замѣшательства возникли по поводу вакантнаго краковскаго епископства, послѣ смерти Ѳомы Стржемпинскаго. Король хотѣлъ отдать его куявскому епископу Яну Грущинскому; капитулъ же избралъ короннаго вице-канцлера Яна изъ Бржезя, а папа, въ свою очередь, назначилъ Іакова изъ Сѣнна: вице-канцлеръ за куявское епископство отказался отъ краковскаго въ пользу Грущинскаго, но Сѣниньскій, будучи посвященъ въ епископы въ замкѣ Пинчовѣ и поддержанный папою, противился почти два года. Не смотря на интриги и угрозы папы, высылавшаго даже, по этому дѣлу, особыхъ

---

[1]) Уѣздный городъ бывшаго познанскаго воеводства.

[2]) Гора въ западной части познанскаго воеводства, покрытая густымъ лѣсомъ. Здѣсь, во времена Владислава Ягеллы (1430), великопольская шляхта нѣсколько недѣль стерегла дорогу, чтобы задержать пословъ отъ императора Сигизмунда, ѣхавшихъ съ короною къ Витольду. *Примѣч. перев.*

[3]) Мѣстечко въ бывшемъ краковскомъ воеводствѣ и освѣцимскомъ княжествѣ. *Примѣч. перев.*

легатовъ, Казиміръ не хотѣлъ уступить и карая изгнаніемъ и захватомъ помѣстій всѣхъ сторонниковъ Сѣниньскаго, принудилъ его наконецъ на съѣздѣ въ Піотрковѣ (17 янв. 1463) отрѣчься отъ своего права. Этимъ дѣломъ занимались нѣсколько генеральныхъ съѣздовъ, пренебрегая болѣе важными предметами. Въ Краковѣ возникло вновь вооруженное движеніе мѣщанъ противъ Андрея Тенчинскаго, который нанесъ оскорбленіе оружейнику, за несвоевременное исполненіе заказа. Разъяренная чернь умертвила Тенчинскаго въ ризницѣ. Этотъ поступокъ раздражилъ все рыцарское сословіе и когда вооруженныя его толпы собрались для похода подъ Иновроцлавомъ (авг. 1461), королю представили о строгомъ взысканіи съ виновныхъ. Казиміръ торжественно обѣщалъ исполнить требованіе и дѣйствительно шестерыхъ преступниковъ приговорилъ къ смерти (1462), а городъ къ уплатѣ значительной суммы сыновьямъ убитаго. Во время этихъ внутреннихъ смутъ война въ Пруссіи не прерывалась. Состоялись постановленія о податяхъ и ополченіяхъ, но король дѣйствовалъ безъ должной энергіи и потому трудно было ожидать важныхъ результатовъ. Выступивъ (въ авг. 1461) изъ Иновроцлава, онъ не направился, какъ ему совѣтовали, къ Торуню и восточной Пруссіи, чтобы хоть разъ покончить войну рѣшительнымъ шагомъ, но вторгнулся въ Поморье, гдѣ хотѣлъ взять Фридландъ и Хойнице, а также наказать вѣроломство поморскаго князя Эрика изъ Слупецъ. Начальствованіе надъ войскомъ онъ поручилъ Петру изъ Шамотулъ и Зарембѣ, людямъ неспособнымъ, что возбудило неудовольствіе въ войскѣ и жалобы на дурное управленіе. Фридландъ былъ правда занятъ и земли Эрика опустошены, но войско, наскучивъ продолжительнымъ стояніемъ на бивакахъ подъ Хойницами, увлекло короля (29 сент.) возвратиться. Предварительно однакожъ былъ установленъ налогъ съ доходовъ на содержаніе 2,000 наемныхъ солдатъ, отправленныхъ тотчасъ же въ Пруссію. Весь этотъ, дорого стоившій походъ, оказался безуспѣшнымъ, что повлекло за собою дурныя послѣдствія. Двухтысячный отрядъ не могъ дѣйствовать рѣшительно и въ руки крестоносцевъ перешли многіе замки и города, какъ то Бродница, Фридландъ, Моронгъ, Браунсбергъ и

другіе. Жители Пруссіи, испытывая всю тяжесть столь продолжительной войны, сильно вооружились противъ короля, а потому секретно впускали крестоносцевъ въ города и замки. Орденъ имѣлъ своихъ сторонниковъ, даже въ Данцигѣ и Торунѣ, и только энергіи магистратовъ слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что крестоносцы, при содѣйствіи заговорщиковъ, не овладѣли этими обоими важными городами.

Чтобы окончательно разрѣшить всѣ недоумѣнія, прусскія сословія снарядили къ королю пословъ съ просьбою (февр. 1462) прибыть на болѣе продолжительное время въ Мальборгъ и энергически заняться окончаніемъ войны. Они принимали въ тоже время на себя обязательство уплатить хотя половину жалованья, слѣдовавшаго наемному войску. Казиміръ обѣщалъ исполнить ихъ просьбу, послалъ даже деньги и подкрѣпленія въ Пруссію, но пріѣздъ свой на нѣкоторое время отложилъ, ибо предварительно отправился въ большой Глоговъ (15 мая) на свиданіе съ Юріемъ Падѣбрадскимъ, долженствовавшимъ быть посредникомъ между нимъ и орденомъ. Крестоносцы, возгордившись временнымъ успѣхомъ своего оружія, не захотѣли принять посредничества Юрія и съѣздъ окончился только утвержденіемъ союза Польши съ Чехіею. Возвратившись изъ Глогова, Казиміръ поспѣшилъ въ Торунь, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, чтобы ускорить окончаніе войны въ Пруссіи. Полякамъ дѣйствительно, удалось занять Вармію, а въ Поморьи Петръ Дунинъ одержалъ подъ Пуцкомъ совершенную побѣду надъ 5,000 войскомъ крестоносцевъ, которымъ предводительствовали Фрицъ Раунеке и Касперъ Ноствицъ. Дунинъ, съ вдвое меньшими силами, уничтожилъ весь непріятельскій отрядъ, 2,000 пало на полѣ битвы, 600 взято въ плѣнъ, а остальные разсѣялись. Сверхъ того поляки захватили 15 орудій и весь обозъ. Одновременно былъ занятъ Голубъ и разбитъ флотъ крестоносцевъ подъ Эльбингомъ.

Смерть бездѣтнаго Владислава, князя мазовецкаго изъ Плоцка побудила соединить эту часть Мазовіи съ короною, хотя на наслѣдство послѣ покойнаго князя претендовали князь варшавскій Конрадъ и князь олесницкій Конрадъ черный. Казиміръ занялъ

Белзъ, а также гостыньскій и сохачевскій уѣзды, но собственно плоцкую землю занялъ, въ качествѣ опекуна покойнаго князя, плоцкій епископъ Гижицкій. Дѣло объ этой части Мазовіи было возбуждено на съѣздѣ въ Піотрковѣ (10 ноябр.). Судъ, составленный изъ польскихъ магнатовъ, рѣшительно постановилъ, что плоцкая земля, какъ коронный ленъ, возвращается къ Польшѣ по смерти Владислава, не оставившаго мужескаго потомства. Напрасны были происки обоихъ Конрадовъ. Казиміръ далъ впослѣдствіи денежное вознагражденіе князю олесницкому, который былъ женатъ на сестрѣ Владислава, а князь варшавскій Конрадъ, уступилъ силѣ и отказался отъ своихъ правъ.

На белзкую землю объявила притязаніе и Литва, при чемъ требовала возвращенія Подоліи и иныхъ русскихъ земель. Требованія эти сопровождались угрозами. Піотрковскій съѣздъ (17 янв. 1463) отправилъ особое посольство въ Литву, чтобы обнаружить всю неосновательность подобныхъ требованій, а для поддержки или вѣрнѣе окончанія войны въ Пруссіи, установилъ подати и всеобщее ополченіе. Вѣроятно предполагалось склонить магистра къ переговорамъ о мирѣ: папскій легатъ, предназначенный въ посредники, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ проживалъ въ Польшѣ. Магистръ въ самомъ дѣлѣ испугался и пригласилъ легата къ себѣ, но хитрый итальянецъ вмѣсто того, чтобы склонять крестоносцевъ къ уступчивости, подстрекалъ ихъ къ сопротивленію, чѣмъ заискивалъ расположеніе папы и императорскаго двора. Когда, по его приглашенію, съѣхались въ Брестъ куявскій (1 мая) уполномоченные обѣихъ сторонъ, онъ обнародовалъ интердиктъ, на томъ будто бы основаніи, что тутъ присутствовали послы прусскихъ сословій, отлученныхъ отъ церкви. Поляки раздраженные поступкомъ легата, говорили ему прямо, что вмѣсто мира, онъ возбуждаетъ войну, а рыцарство, не стѣсняясь интердиктомъ, принудило духовенство къ торжественному богослуженію и къ пѣнію «Te Deum». Легатъ разсердился и уѣхалъ въ Бреславль, такъ какъ ему не позволили отправиться въ Краковъ; переговоры же отложены были до возвращенія короля изъ Литвы. Казиміръ, тотчасъ по возвращеніи (въ іюнѣ) созвалъ все-

общее ополченіе. Однакожъ въ Ленчицахъ большинство короннаго совѣта указало ему на всю несообразность похода въ этомъ году, а рыцарство громко роптало, что король сзываетъ ихъ не для войны, а для переговоровъ. Нужно было назначать новые съѣзды, на которыхъ всеобщее ополченіе было замѣнено податью для найма войска, а легата спросили чрезъ пословъ, будетъ ли онъ и впредь посредникомъ въ переговорахъ. Король объявилъ, что какъ скоро легатъ выхлопочетъ отъ крестоносцевъ уступку поморской, хелминской и михаловской земель и откажется отъ преслѣдованія прусскихъ пословъ во время переговоровъ, онъ во всемъ остальномъ совершенно ввѣрится его суду. Легатъ не согласился на такія условія и уѣхалъ въ Римъ. Пруссаки обвиняли короля въ томъ, что замѣною всеобщаго ополченія налогомъ онъ вновь отдалилъ окончаніе столь тягостной войны. Въ Данцигѣ былъ открытъ весьма важный заговоръ и вообще неудовольствіе росло и въ другихъ мѣстностяхъ. Не смотря на то крестоносцы понесли весьма чувствительную потерю подъ Эльбингомъ: у нихъ затопили и захватили 20 судовъ, притомъ они потеряли убитыми 1000 и плѣнными 600 человѣкъ. Подобная же участь постигла флотъ, снаряженный ливонскимъ магистромъ, а Гнѣвъ сдался (26 декаб.) послѣ двѣнадцатимѣсячной осады.

По отъѣздѣ легата, уполномоченный города Любека выразилъ готовность быть посредникомъ, и взявъ себѣ въ помощь уполномоченныхъ другихъ ганзейскихъ городовъ, началъ (въ іюлѣ 1464) переговоры въ Торунѣ. Отъ обѣихъ сторонъ прибыло множество повѣренныхъ. Доказывая права короны, поляки предъявили 15 пунктовъ, но переговоры не могли имѣть успѣха: крестоносцы не соглашались на уступку Мальборга и на принесеніе магистромъ ленной присяги, сверхъ того, они требовали отъ короля, уплаты жалованья наемному войску за прошлое время, что составляло нѣсколько милліоновъ. Послѣ семинедѣльныхъ совѣщаній, уполномоченные разъѣхались, не прійдя ни къ какому насущному результату. Едва прекратились переговоры, война вспыхнула снова, и поляки осадили Новое, Пуцкъ и другіе замки. Бѣдствія Пруссіи достигли вы-

сшей степени: и вѣрные доселѣ подданные ордена и наемные его солдаты умоляли магистра заключить, во что бы то ни стало, миръ. Съ этою цѣлію три раза возобновлялись переговоры въ Мальборгѣ и Штумѣ, но безуспѣшно. Наконецъ магистръ хотѣлъ-было согласиться на условія предъявленныя въ Торунѣ и просилъ назначить новый съѣздъ въ Мальборгѣ, но на этотъ разъ господствовавшая въ Пруссіи язва помѣшала собраться уполномоченнымъ.

Въ это время въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ, провозглашали крестовый походъ противъ турокъ. Отрядъ такихъ крестоносцевъ, въ числѣ 12,000, собравшись въ Краковѣ, бросился на евреевъ и умертвилъ изъ нихъ болѣе 30 человѣкъ. Остальные, пріютившись въ домѣ Тенчинскихъ, успѣли спастись. Король и магнаты приписывая смерть стольких невинныхъ безпечности магистрата, приговорили городъ къ значительной пени въ гривнахъ.

Послѣ генеральнаго съѣзда въ Піотрковѣ (15 окт.) Казиміръ отправился въ Парчевъ на общій съѣздъ съ Литвою (10 нояб.). Литовцы снова не хотѣли прибыть, и хотя согласились на избраніе уполномоченныхъ, которые, совмѣстно съ польскими уполномоченными, подъ предсѣдательствомъ короля должны были заняться въ Ломазахъ разрѣшеніемъ спора, однакожъ дѣло не состоялось и рѣшеніе отложено на годъ. Столкновенія съ Литвою сильно замедляли окончаніе войны въ Пруссіи. А все таки перевѣсъ оружія былъ на польской сторонѣ. Сдача Новаго (1-го февр. 1465) прервала сношенія крестоносцевъ съ нѣмцами, а на съѣздахъ въ Львовѣ, Корчинѣ и Колѣ установлены значительные налоги для уплаты жалованья войску и найма новыхъ отрядовъ. Теперь сами крестоносцы спѣшили переговорами о мирѣ. Уполномоченныя королемъ прусскія сословія выслали (31 авг.) депутатовъ въ Нерги, но черезъ шесть дней переговоры были вновь прерваны. Крестоносцы, обольщая себя надеждою на значительныя подкрѣпленія изъ Германіи, не соглашались на предъявленныя имъ условія. Раздраженные жители Королевца и многіе землевладѣльцы рѣшили — изгнать крестоносцевъ. Магистръ открылъ однако покушеніе, арестовалъ нѣсколько десятковъ участниковъ, шестерымъ велѣлъ отру-

бить головы, остальные же вмѣстѣ съ городомъ дорого поплатились за свое намѣреніе.

Папа Павелъ II, желая поднять всеобщій крестовый походъ противъ турокъ, поручилъ своему легату, жившему въ Бреславлѣ, употребить всевозможныя усилія для установленія мирныхъ отношеній между Польшею и орденомъ. Но такъ какъ не было недостатка въ тайныхъ проискахъ со стороны Рима и Германіи, то магистръ медлилъ принятіемъ условій, а чрезъ это и самые переговоры о мирѣ оказались безплодными. Упрямство магистра поколебалось только тогда, когда получено было извѣстіе, что буря затопила 40 кораблей, которые везли подкрѣпленія изъ Германіи (1466), а отрядъ шедшій изъ Ливоніи разбитъ жмудинами. Когда же варминскій епископъ, соблюдавшій до того строгій нейтралитетъ, объявилъ ордену войну, а генеральный съѣздъ въ Піотрковѣ (14 марта) рѣшилъ, чтобы король отправился въ Мальборгъ, съ значительнымъ войскомъ — магистру нельзя было долѣе медлить. Король прибылъ въ Брестъ куявскій (въ маѣ). Легатъ обѣщалъ ему добросовѣстно исполнить обязанности безпристрастнаго посредника и не преслѣдовать представителей прусскихъ сословій. Теперь желательно было какимъ нибудь рѣшительнымъ дѣйствіемъ одолѣть противниковъ. Прежде нежели король обдумалъ средства, къ нему явилось отъ прусскихъ сословій посольство съ просьбою прибыть въ Пруссію и окончить тягостную для всѣхъ войну, ибо настоящее положеніе дѣлалось рѣшительно невыносимымъ. Сверхъ того короля просили не отдавать въ управленіе замки и мѣстечки чужестранцамъ, которые, пренебрегая мѣстнымъ населеніемъ, разнаго рода грабежемъ истощаютъ край и королевскую казну. Во главѣ посольства находился Сциборъ Байзенъ, который обратился къ королю съ довольно рѣзкою рѣчью и даже, заявилъ, что прусскія сословія не потерпятъ долѣе подобныхъ злоупотребленій, но просятъ, согласно выговореннымъ въ актѣ условіямъ, раздать всѣ должности и званія исключительно кореннымъ жителямъ страны. Казиміръ отвѣчалъ посольству весьма мягко, что по прибытіи въ Пруссію, уладитъ рѣшительно всѣ недоразумѣнія.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Брестѣ, король выступилъ наконецъ въ Пруссію. Въ Быдгощѣ онъ получилъ извѣстіе, что крестоносцы заняли Слуховъ. На тайномъ совѣтѣ было рѣшено, что вмѣсто Мальборга, король направится къ Хойницамъ. Пруссаки были противъ этого, ссылаясь на піотрковское рѣшеніе, но король настоялъ на своемъ. Войско его открыло осаду Хойницъ (28 іюля). Осажденные сопротивлялись съ замѣчательнымъ мужествомъ и даже, частыми вылазками, не мало наносили вреда полякамъ, но трудно было имъ удержаться, тѣмъ болѣе что вскорѣ послѣдовала сдача Старгарда, Слухова, Фридланда и Гаммерштайна. Доведенный до крайности, магистръ прислалъ къ королю парламентера съ просьбою о назначеніи времени и мѣста для веденія переговоровъ о мирѣ. Король отвѣтилъ, что безъ вѣдома прусскихъ сословій не можетъ ничего сдѣлать, но черезъ недѣлю не преминетъ объявить магистру свое рѣшеніе. Въ указанный срокъ послѣдовало соглашеніе. Королю былъ отведенъ Торунь, а магистру Хелмно, переговоры же уполномоченныхъ должны были открыться 7 сент. въ Хелмжѣ или въ какомъ нибудь другомъ удобномъ пунктѣ. Дѣйствительно, когда папскій легатъ прибылъ въ Торунь и добросовѣстно принялъ на себя роль посредника, а также пришло извѣстіе о сдачѣ Хойницъ, переговоры начались (14 сент.) довольно серьезно въ Нешавѣ. Не смотря на язву, король не хотѣлъ оставить Торуня до тѣхъ поръ, пока миръ не состоялся (19 окт.) и не былъ подкрѣпленъ съ обѣихъ сторонъ присягою. Обѣ стороны предавали забвенію взаимныя обиды. Поморская, хелминская и михаловская земли, далѣе Эльбингъ, Мальборгъ, Штумъ и другіе города и замки, вмѣстѣ съ варминскимъ епископствомъ, перешли во владѣніе Польши. Остальныя земли были оставлены за орденомъ, въ видѣ лена, составлявшаго нераздѣльную часть рѣчипосполитой и каждый магистръ, спустя шесть мѣсяцевъ по вступленіи въ этотъ санъ, обязывался принести королю ленную и обыкновенную присягу па подданство и засѣдать въ сенатѣ въ качествѣ коронпаго совѣтника на первомъ мѣстѣ съ лѣвой стороны. Въ орденъ предполагалось принимать и поляковъ, а часть его сановниковъ должна была засѣдать въ коронномъ совѣтѣ. Гросс-

мейстера, однажды избраннаго, нельзя отрѣшать отъ должности, безъ вѣдома и разрѣшенія короля. Орденъ обязывался доставлять Польшѣ вооруженную помощь противъ всѣхъ враговъ. Сверхъ того выговорена совершенная амнистія всѣмъ тѣмъ, которые въ теченіе этой войны провинились въ чемъ нибудь въ отношеніи той или другой стороны. Обѣ стороны должны хлопотать въ Римѣ объ утвержденіи этого мира, и не должно быть ни свѣтскаго, ни духовнаго авторитета, который бы могъ разрѣшить нарушеніе какого либо изъ изложенныхъ условій. Наконецъ обѣщана взаимная свобода торговли, которую ни одна изъ сторонъ не должна отягощать новыми пошлинами.

Уже издавна пошатнувшійся въ своихъ основахъ, орденъ окончательно подчинился послѣ 13 лѣтъ войны. Подобно тому какъ орденъ водворялъ свою власть въ Пруссіи путемъ опустошенія, такъ и возвращалъ теперь эту страну раззоренною. Тысячи деревень представляли однѣ развалины, въ остальныхъ большею частію, уже не было населенія. Нищета, въ продолженіе этой войны, приняла такіе размѣры, что и по заключеніи мира ежедневно умирало множество людей отъ голода. Въ безпрестанныхъ битвахъ погибло болѣе 300,000 человѣкъ, и гораздо болѣе сдѣлалось жертвою или голода или заразы. Обширныя пространства превратились почти въ пустыни и если орденъ истратилъ на войну нѣсколько милліоновъ, — то не менѣе издержекъ понесли поляки, прусскіе города и сословія. Нужно было прибѣгнуть къ самымъ страшнымъ усиліямъ, чтобы нѣсколько поднять совершенно опустошенную страну. Дѣло не дошло бы до этого, если бы Казиміръ, съ самаго начала, съумѣлъ дать войнѣ лучшее направленіе. Но онъ вооружилъ противъ себя рыцарское сословіе, и потому принужденъ былъ бороться съ большими трудностями, хотя и имѣлъ передъ собою весьма слабаго противника.

Нѣкоторые коронные магнаты и почти всѣ пруссаки были недовольны условіями мира, потому что разсчитывали на совершенное изгнаніе крестоносцевъ. Король, однакожъ былъ до того обрадованъ, что сжалившись надъ бѣдностію гроссмейстера, сверхъ бога-

тыхъ подарковъ, далъ ему запись на 15000 венгерскихъ злотыхъ, чтобы ему было изъ чего удовлетворить жалованьемъ наемныхъ солдатъ.

Едва былъ заключенъ миръ съ крестоносцами, легатъ предъявилъ въ конфиденціональной бесѣдѣ желаніе папы, чтобы Казиміръ для себя или одного изъ своихъ сыновей, овладѣлъ Чехіею и возсоединилъ эту страну съ римскою церковью. Король отложилъ рѣшительный отвѣтъ до піотрковскаго сейма. Онъ впрочемъ, не спѣшилъ заявлять готовность управлять Чехіею и тогда, когда папа отрѣшилъ Юрія, какъ еретика совсѣмъ потомствомъ отъ престола, а чешскіе католики на съѣздѣ въ Иглавѣ (1467) провозгласили его королемъ. Онъ не хотѣлъ, тотчасъ по окончаніи войны, сильно разстроившей средства Польши, вовлечь себя въ новую войну.

Нужно было къ тому же подумать объ уплатѣ войску жалованья, на что требовалось около 200,000 червонцевъ, а также покончить разныя другія дѣла. Генеральный съѣздъ былъ снова созванъ въ Піотрковѣ (3 мая 1467) и туда прибыли не только магнаты и землевладѣльцы, но и представители значительнѣшихъ городовъ. Собраніе утвердило всѣ условія торунскаго мира, а послы отъ городовъ, не принимавшіе участія въ торунскихъ переговорахъ, скрѣпили теперь условія этого мира присягою. Король раздѣлилъ вновь присоединенныя къ Польшѣ земли на 3 воеводства: поморское, мальборгское и хелминское и организовалъ ихъ совершенно по образцу польскихъ. Онъ роздалъ тотчасъ же всѣ должности. Однако главнымъ предметомъ совѣщаній было изысканіе способа уплатить жалованье. Король требовалъ налоговъ, но на сеймикахъ не состоялось ни одного рѣшенія по этому вопросу, а потому и магнаты постарались не возбуждать его въ Піотрковѣ, опасаясь вооружить противъ себя рыцарское сословіе. Рѣшено было затѣмъ созвать новые съѣзды въ Колѣ для великополянъ и въ Корчинѣ для малополянъ. На послѣдній долженъ былъ прибыть самъ король. Войско старались успокоить уплатою небольшой части жалованья. Не смотря на то, Влодко изъ Домоборжа при-

ступилъ къ составленію военной конфедераціи, съ цѣлію вызвать скорѣйшее удовлетвореніе войска, но каштелянъ и познанскій староста, Петръ Шамотульскій, велѣлъ его схватить и казнить въ Калишѣ (14 мая).

Чешскія дѣла запутывались все болѣе и болѣе, и Юрій, а равно и католическая партія, поддерживаемая папою, желая вовлечь въ эти дѣла Казиміра, снаряжали къ нему частыя посольства. Король не объявлялъ себя рѣшительно въ пользу которой либо стороны, но употреблялъ всѣ усилія къ ихъ примиренію. Эта попытка удалась ему на столько, что въ Чехіи было заключено временное перемиріе. Папа настаивалъ, чтобы онъ принялъ чешскую корону, и только на этомъ условіи соглашался утвердить миръ съ крестоносцами. Король постоянно уклонялся, а потому прибѣгли къ инымъ пружинамъ: начали убѣждать императора Фридриха и Матвѣя начать войну съ Чехіею. Ихъ посолъ, ольмюцскій епископъ, прибывъ въ Краковъ, объявилъ желаніе, чтобы Казиміръ, совмѣстно съ ними, выступилъ противъ Юрія и принялъ бразды правленія въ Чехіи и къ тому же, старшую изъ своихъ дочерей, выдалъ за мужъ за Матвѣя, а младшую за Максимиліана, сына Фридриха. Откладывая все до сейма, король объявилъ только, что не отрекается отъ своихъ правъ на чешскій престолъ, и будетъ защищать ихъ. Вскорѣ Матвѣй, заодно съ чешскими католиками, провозгласившими его въ Ольмюцѣ (1464) королемъ, началъ въ самомъ дѣлѣ войну съ Юріемъ. Принятіе титула короля было также поводомъ къ позднѣйшей войнѣ Казиміра съ Матвѣемъ. Юрій будучи доведенъ до крайности, призналъ право наслѣдства, помимо своихъ собственныхъ сыновей, за старшимъ сыномъ Казиміра — Владиславомъ и желалъ только, чтобы королевичъ женился на его дочери — Людмилѣ. Эта оговорка не нравилась польскимъ епископамъ, которые, слѣдуя внушеніямъ римскаго двора, отклонили это условіе.

Крайняя нужда удовлетворить войско заставляла Казиміра сзывать частые съѣзды землевладѣльцевъ, которые, постепенно увлекаясь понятіемъ о своихъ правахъ, сопротивлялись власти короля и обезпечили себѣ самое обширное участіе въ правленіи.

Составившееся такимъ путемъ преобразованіе устройства совершилось преимущественно во времена Казиміра, когда рядомъ съ сенаторами начали засѣдать на сеймахъ и депутаты отъ землевладѣльцевъ. Первый подобный сеймъ состоялся въ Піотрковѣ (9 окт. 1468). На этомъ сеймѣ было изъ каждой области по два посла отъ рыцарства, что постоянно соблюдалось и впослѣдствіи. Рыцарское сословіе выступило рѣзко противъ Шамотульскаго за незаконную казнь Влодка изъ Домоборжа и требовало преданія старосты суду, по вопросу же о налогахъ, послы землевладѣльцевъ объявили, что не имѣютъ на это никакого полномочія отъ своихъ избирателей. Поэтому король долженъ былъ сзывать сеймики (въ дек.) въ Колѣ и Корчинѣ, на которыхъ окончательно согласились на подать въ размѣрѣ 12 грошей съ лана. Еще до этого, Казиміръ поѣхалъ въ Пруссію, и устраивая тамошнія дѣла, установилъ на сеймикахъ отдѣльныхъ воеводствъ осьмилѣтнюю подать на уплату жалованья войску, а для рѣшенія дѣлъ общихъ съ землями оставшимися въ рукахъ крестоносцевъ, онъ установилъ въ Эльбингѣ ежегодный съѣздъ изъ 24 уполномоченныхъ, по 12 съ каждой стороны.

Господарь молдавскій Стефанъ признавалъ верховную власть Казиміра, но когда господарь Валахіи — Дракулъ, объявилъ себя ленникомъ Турціи, то Стефанъ, не смотря на запрещеніе короля, послѣдовалъ его примѣру. Впослѣдствіи онъ захватилъ у Дракула Килію и удачно воевалъ не только съ султаномъ, но и съ Венгріею. Желая удержать Стефана въ зависимости, Казиміръ прибылъ въ Львовъ (весною 1469) и чрезъ пословъ потребовалъ, чтобы онъ не медля явился въ этотъ городъ для принесенія ленной присяги на подданство. Опасаясь тюрьмы за беззаконное и жестокое обращеніе съ подданными, господарь присягнулъ на вѣрность въ присутствіи пословъ, королю же обѣщалъ возобновить присягу въ Каменцѣ, Снятыняхъ или Коломьи, какъ скоро будетъ вызванъ за два мѣсяца впередъ.

Папа отлучилъ отъ церкви Юрія и даже допустилъ провозгласить противъ него крестовый походъ, но, Казиміръ, не прекращалъ

сношеній съ Юріемъ; свѣтскіе же сановники, собравшіеся на съѣздѣ въ Радомѣ (24 іюня), сильно вооружились противъ епископовъ, которые хотѣли, въ бытность тамъ пословъ Юрія, наложить интердиктъ. Въ Польшѣ не было дозволено объявлять крестоваго похода противъ Чехіи. Но епископы, отнюдь не смущаясь этимъ, убѣдили Казиміра на сеймѣ въ Піотрковѣ (въ окт.) объявить посламъ Юрія, просившимъ о помощи и о союзѣ противъ Матвѣя, что король не можетъ предпринять ничего такого, что противилось бы желаніямъ папы. На этомъ сеймѣ новый гроссмейстеръ крестоносцевъ, Генрихъ Плауенъ, совершилъ, согласно условіямъ торунскаго мира, присягу на вѣрность и занялъ мѣсто въ сенатѣ.

Римъ, желая съ одной стороны побудить католическихъ князей къ общему походу противъ турокъ, а съ другой — ускорить подавленіе движеній гусситовъ, не переставалъ убѣждать Казиміра вступить въ союзъ съ венгерскимъ королемъ. Не желая возстановить противъ себя папу, Казиміръ обнаруживалъ готовность къ такому союзу, но не прерывалъ дружественныхъ сношеній съ Юріемъ, требовалъ отъ него покорности апостольской столицѣ, а Владиславу позволилъ короноваться еще при своей жизни. Сверхъ того онъ входилъ въ тайное соглашеніе съ императоромъ Фридрихомъ противъ Матвѣя. Недостатокъ въ казнѣ денегъ не позволилъ ему дѣйствовать болѣе энергически извнѣ. Сеймъ, собравшійся въ Піотрковѣ (въ концѣ окт. 1470), соглашался на подать, но въ такомъ только случаѣ, если король, лично отъ себя, подтвердитъ національныя права и привилегіи. При этомъ послы западной Руси требовали болѣе надежной обороны противъ татаръ. Казиміръ смягчилъ упрямство сейма обѣщаніемъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ народа и тѣмъ окончательно вызвалъ общее согласіе на *лановую* подать. Такая денежная поддержка весьма пригодилась королю, когда вскорѣ (22 марта 1471) скончался Юрій Подѣбрадскій. На вѣсть объ этой смерти Матвѣй, поспѣшилъ съ 9-ти тысячнымъ войскомъ въ Бернъ, а чехи, вызвавъ для своей обороны мисненскаго маркграфа съ 5000 в., неоднократно съѣзжались для избранія новаго короля. Мнѣнія были весьма долго

разногласны, но наконецъ, при содѣйствіи польскихъ пословъ, выборъ палъ на старшаго сына Казиміра — Владислава. Только три лица были противъ этого выбора. Торжественное посольство пригласило королевича на престолъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы не стѣснять въ Чехіи свободу вѣроисповѣданія и уплатить казенные долги. Владиславъ обѣщалъ исполнить эти условія, взявъ отъ отца 9000 рыцарей и поспѣшилъ въ Прагу, гдѣ обрядъ коронаціи совершилъ (21 авг.) епископъ каменецкій.

Матвѣй не могъ помѣшать этому, потому что въ самой Венгріи было множество недовольныхъ, которые, желая даже свергнуть его съ престола, снарядили къ Казиміру пословъ съ просьбою прислать имъ въ короли его другаго сына, Казиміра. Такой случай раздавать престолы сосѣднихъ странъ своимъ сыновьямъ пришелся ему очень кстати. Онъ собралъ тотчасъ же 12-ти тысячное войско и подъ его прикрытіемъ, отправилъ сына въ Венгрію. Если бы королевичъ дѣйствовалъ съ большею энергіею и быстротою, то непремѣнно достигнулъ бы цѣли экспедиціи. Но онъ прибылъ въ Венгрію только въ ноябрѣ, и Матвѣй имѣлъ достаточно времени приготовиться къ оборонѣ. На съѣздѣ въ Будѣ онъ успокоилъ недовольныхъ, чѣмъ рѣшительно парализировалъ всѣ планы Казиміра. Почти никто изъ венгерскихъ магнатовъ не явился въ польскій лагерь, а Матвѣй, съ наскоро собраннымъ войскомъ, выступилъ противъ поляковъ и осадилъ занятую ими Нитру. Казиміръ поспѣшно отступилъ. За то завязалась на нѣсколько лѣтъ война между польскимъ и венгерскимъ правительствами, хотя оба сосѣдніе народа жаждали мира.

Династическія цѣли короля и неразсчетливость его администраціи безпрерывно истощали казну. Большая часть доходовъ была заложена, а въ казнѣ иногда не хватало денегъ даже на продовольствіе королевскаго двора. Войско, не получая жалованья, занимало коронныя и духовныя помѣстья или прибѣгало совершенно безнаказанно къ разбоямъ, что впрочемъ, составляло занятіе и нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ. Желая излечить это зло, король требовалъ вновь на сеймѣ въ Піотрковѣ (15 марта 1472) назначенія налоговъ. Но земскіе представители не хотѣли датъ своего согла-

сія, и только на вечахъ или провинціональныхъ сеймикахъ, король добился *лановаго,* а отъ духовенства значительной поддержки. Собранныхъ денегъ не было достаточно на уплату войску жалованья, къ тому же и Владиславъ умолялъ отца о военной и денежной помощи. Король вынужденъ былъ снова созвать сеймъ въ Піотрковѣ (1 нояб.). Здѣсь потребовали, чтобы онъ роздалъ вакантныя уже два года коронныя должности, а вопросъ о налогѣ отосланъ на обсужденіе въ сеймики.

По очищеніи Венгріи королевичемъ Казиміромъ отъ непріятеля, при содѣйствіи папскаго легата, было заключено временное перемиріе, по истеченіи котораго, на съѣздѣ въ Ольмюцѣ, польскіе, венгерскіе и чешскіе сановники должны были зиняться обсужденіемъ условій вѣчнаго мира. Нѣсколько съѣздовъ, составившихся по этому поводу, не имѣли успѣха и лишь наконецъ, въ Нисѣ, было постановлено продлить перемиріе на довольно тягостныхъ условіяхъ. Король созвалъ сперва сеймъ въ Піотрковѣ (1 мая 1473), но какъ никто не явился изъ Малопольши, то онъ назначилъ другой (на троицынъ день) въ Радомѣ. Раздраженіе умовъ было весьма сильно. Короля упрекали во первыхъ въ томъ, что онъ раздаетъ должности своимъ наушникамъ, соединяя даже въ одномъ и томъ же лицѣ нѣсколько званій, а черезъ то люди заслуженные и способные остаются безъ мѣста; во вторыхъ, въ растратѣ общественной казны и безпрестанныхъ налогахъ. Послѣ четырехнедѣльныхъ усилій, королю удалось нѣсколько успокоить умы. На конгрессъ въ Опавѣ были избраны уполномоченные, но всѣ попытки послѣднихъ заключить миръ остались безплодны, потому что нельзя было принять условій Матвѣя, который требовалъ, чтобы Владиславъ отрекся отъ титула чешскаго короля. Казиміръ вступилъ въ переговоры съ императоромъ Фридрихомъ въ видахъ союза противъ Матвѣя. Это не принесло Польшѣ ни малѣйшей выгоды, хотя императоръ и призналъ Владислава королемъ.

Прекращеніе переговоровъ о мирѣ, вызвало вновь войну съ Венгріею. Готовясь къ этой войнѣ, Казиміръ вновь потребовалъ денегъ (1474) на съѣздахъ въ Корчинѣ и Опатовцѣ. Землевла-

дѣльцы выразили готовность къ пожертвованіямъ и даже къ всеобщему ополченію. Они постановили при этомъ строгія мѣры противъ грабителей и разбойниковъ, но съ условіемъ, чтобы король въ своемъ управленіи и при раздачѣ должностей держался въ точности уставовъ, неправильно розданныя должности замѣстилъ другими лицами, а также прекратилъ бы споры съ Литвою. Его упрямство вызвало такое раздраженіе, что послы отъ земства, взявъ назадъ свои рѣшенія, разъѣхались по домамъ. Между тѣмъ на венгерской границѣ кипѣла война. Матвѣй, разгнѣванный тѣмъ, что отряды польскихъ волонтеровъ, назвавшихся братьею, грабили его земли, изгналъ ихъ оттуда. Для отмщенія онъ направилъ 6-ти тысячный отрядъ въ Польшу, котырый, занявъ Жмигродъ [1]), опустошилъ огнемъ и мечемъ значительныя пространства края. Созванное ополченіе надѣлало болѣе вреда своимъ, нежели непріятелю, съ которымъ даже не было встрѣчи. Вскорѣ за тѣмъ (21 февр. 1474) дѣло дошло до переговоровъ и заключенія перемирія. По этому поводу послѣдовалъ взаимный обмѣнъ плѣнниковъ и замковъ. Князь силезскій изъ Зеганя Янъ, которому слѣдовали отъ крестоносцевъ за военныя услуги значительныя суммы, хотѣлъ силою оружія принудить Казиміра, какъ леннаго господина ордена, потребовать отъ гроссмейстера уплаты должной суммы; собравъ 4-хъ тысячный отрядъ, онъ вторгнулся во всховскую землю и опустошилъ ее безпощадно. Поднятое противъ него великопольское ополченіе продовольствовалось на счетъ духовныхъ помѣстій и, нигдѣ не встрѣтясь съ непріятелемъ, возвратилось домой отягощенное добычею, захваченною у соотечественниковъ. Князь же Янъ внезапно очистилъ занятыя имъ земли.

На сеймъ въ Піотрковѣ (15 іюня) явилось посольство отъ Владислава съ просьбою о деньгахъ и вооруженныхъ подкрѣпленіяхъ. Король далъ сыну 24000 червонцевъ и не смотря на недавно заключенное перемиріе, обнародовалъ ополченіе, которое дол-

---

[1]) Жмигродъ городъ въ б. краковскомъ воеводствѣ, на берегу Вислоки. Впослѣдствіи Жмигродъ сдѣлался собственностію виленскаго воеводы Кароля Радзивилла, прозваннаго *«Пане коханку»*. *Примѣч. перев.*

жно было собраться (15 авг.) подъ Мстовымъ. Сверхъ того онъ вызвалъ къ общему походу литовцевъ и татаръ. Во время приготовленій къ этому походу, явился гонецъ отъ кіевскаго старосты Мартина Гастольдовича съ донесеніемъ, что значительный отрядъ татаръ, не смотря на запрещеніе хана, замышляетъ вторгнуться въ Подолію. Занятый походомъ противъ Матвѣя, король не обратилъ вниманія на это извѣстіе и такъ татары могли безнаказанно опустошить большую полосу земель западной Руси и увести множество плѣнныхъ. Между тѣмъ начало собираться ополченіе, но подойдя къ Мстову, не хотѣло перейти границы до тѣхъ поръ, пока король не уплатитъ установленныхъ на всякое копье пяти гривенъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, рыцарство согласилось наконецъ, продолжать походъ. Вмѣстѣ съ литовцами и татарами всего войска было до 60-ти т. ч. Оно подступило къ Бреславлю, въ которомъ Матвѣй заперся съ 6-ти т. гарнизономъ. Впослѣдствіи подошелъ, также съ 20-ью тыс. войска, Владиславъ. Не смотря на значительныя силы, поляки не достигли никакихъ особенныхъ результатовъ, потому что хаосъ и отсутствіе дисциплины останавливали всякое правильное дѣйствіе. Голодъ и зараза сократили ряды ихъ войска, а въ довершеніе пожаръ уничтожилъ значительную часть лагеря и остатокъ продовольственныхъ запасовъ. Причину неудачи по справедливости приписывали безпечности Казиміра, который, затѣявъ войну, не съумѣлъ вести ее. Опять дѣло окончилось переговорами и заключеніемъ временнаго перемирія.

Въ Валахіи постоянно господствовалъ воевода Стефанъ, признававшій себя польскимъ ленникомъ. Предпріимчивый и мужественный, онъ побѣдилъ Радула, управлявшаго Бессарабіею въ качествѣ ленника Турціи, и когда султанъ Магометъ выслалъ противъ него сильное войско, онъ нанесъ ему подъ Раковицами (17 янв. 1475) совершенное пораженіе. Турокъ, взятыхъ въ плѣнъ, онъ велѣлъ посадить на колъ, а посылая Казиміру 36 захваченныхъ знаменъ, умолялъ о вооруженной помощи, на случай дальнѣйшей войны съ Турціею. Безпечный и недовѣрчивый король упустилъ изъ виду столь важное дѣло и уѣхалъ въ Литву. И туда проникъ

къ нему голосъ Стефана, даже персидскіе послы приглашали его съ союзу, противъ султана, собиравшаго значительныя силы подъ Адріанополемъ. Литовскіе сановники совѣтовали созвать на помощь Стефану ополченіе отъ Польши и Литвы, коронный совѣтъ то же заявилъ на люблинскомъ съѣздѣ (5 іюня), что не должно отказывать воеводѣ въ поддержкѣ. Но всѣ увѣренія были тщетны; упрямство короля было непоколебимо. Дѣло дошло до весьма рѣзкихъ упрековъ. Магнаты обвиняли его въ безпечности, говоря, что онъ ведетъ государство къ упадку и, вмѣсто соединенія неразрывными узами съ Литвою, еще подготовляетъ войну на будущее время. Не было недостатка въ угрозахъ, но и то ни къ чему не повело. Успѣли только склонить Казиміра на отправленіе посла, съ цѣлію отклонить султана отъ похода противъ Стефана. Между тѣмъ Магометъ занялъ въ Крыму Кафу и угрожалъ Бѣлграду, а двинувшись въ Валахію, объявилъ королевскому послу, что пріостановить походъ не возможно. Стефанъ защищался весьма мужественно и, очистивъ страну отъ татаръ, разбилъ нѣсколько отдѣльныхъ турецкихъ отрядовъ. Побѣжденный въ генеральномъ сраженіи цѣлымъ войскомъ султана, онъ долженъ былъ бѣжать въ лѣса и горы. Но и это пораженіе не поколебало его мужества, не смотря на то, что онъ не получалъ никакой помощи отъ ополченія русскихъ земель, собравшагося подъ Каменцемъ и ожидавшаго прибытія короля съ подкрѣпленіями.

Въ Пруссіи возникли также столкновенія, которыя могли окончиться очень дурно. Открылась вакансія на варминское епископство; Казиміръ хотѣлъ отдать его хелминскому — Викентію Кіелбѣ, хотя капитулъ избралъ Николая Тунгена. Споръ объ этомъ предметѣ достигъ до Рима и такъ какъ папа былъ недоволенъ Казиміромъ за связи съ гусситами, то Тунгенъ могъ смѣло разсчитывать на его помощь. Тунгенъ взялся за оружіе (1474) и съ нѣсколькими сотнями людей овладѣлъ всѣмъ епископствомъ. Король изгналъ его изъ Варміи и по заключенному перемирію, передалъ рѣшеніе дѣла папѣ, предлагая на варминское епископство, вмѣсто Кіелбы, Опоровскаго. Тунгенъ вступилъ въ союзъ (1477) съ по-

вымъ прусскимъ гроссмейстеромъ Мартиномъ изъ Ветцгаузена, который не принесъ королю ленной присяги и оба, войдя въ тайныя сношенія съ Матвѣемъ, признали его верховную власть. Римъ медля утвержденіемъ торунскаго мира, какъ бы поддержалъ этотъ споръ, папскій легатъ предалъ даже проклятію короля; въ Пруссіи, по поводу запятія должностей поляками, начало обнаруживаться неудовольствіе противъ Казиміра. Теперь гроссмейстеръ довольно серьезно задумалъ возстановить независимость ордена и возвратить всѣ его владѣнія.

Преимущественно возлагая надежду на Матвѣя, магистръ и Тунгенъ хотѣли привлечь на свою сторону и прусскія сословія. Король сзывалъ часто сеймы и съѣзды въ коронѣ, съ цѣлію собрать деньги на военные расходы. Но сильно раздраженное земство уклонялось отъ податей, которыя большею частію обращались въ приданыя королевенъ или на поддержку Владислава. Матвѣй зналъ объ этомъ и потому не заключалъ мира. Онъ только тогда сдѣлался по уступчивѣй, когда приверженецъ его, Николай Коморовскій, доведенный до униженія, обратился къ королю съ просьбою о помилованіи, а прусскій сеймъ въ Грауденцѣ возобновилъ (31 марта 1478) торжественное обязательство не отступать ни на шагъ отъ данной присяги. На его уступчивость имѣло также вліяніе то обстоятельство, что король, добившись на сеймикахъ утвержденія налога, снарядилъ войско и занялъ имъ Вармію, а піотрковскій сеймъ отправилъ (20 мая) въ Римъ довольно рѣзкій отзывъ, по поводу отлученія короля отъ церкви, называя это дѣйствіе смѣшнымъ злоупотребленіемъ со стороны легата. Польскіе, чешскіе и венгерскіе уполномоченные заключили дѣйствительно миръ въ Бернѣ, но когда нужно было подписать условія, Матвѣй вновь уклонился, говоря, что не можетъ оставить своихъ союзниковъ, прусскаго магистра и Тунгена, и скорѣе готовъ лишиться короны. Война, по видимому, снова готова была вспыхнуть. Въ Венгріи, на польской границѣ, сосредоточивались 4 отряда, а пятый, 7 тысячный, долженъ былъ двинуться на помощь магистру, въ Силезію. Въ такой крайности, польскіе послы заключили въ Венгріи довольно невыгодное переми-

ріе до 18 декабря, т. е. до того дня, когда уполномоченные обѣихъ воюющихъ сторонъ должны были съѣхаться въ Ольмюцѣ для заключенія вѣчнаго мира.

Піотрковскій сеймъ, на востребованіе Матвѣя, отложилъ (13 янв. 1479) переговоры до мая и согласился даже, при его посредничествѣ, на перемиріе въ Пруссіи, съ условіемъ, чтобы и магистръ и Тунгенъ лично прибыли въ Сѣрадзъ (29 мая), куда долженъ былъ прислать своихъ уполномоченныхъ и венгерскій король. Все это состоялось на дѣлѣ. Тунгенъ вымолилъ прощеніе у короля и за тѣмъ послѣдній утвердилъ его въ санѣ варминскаго епископа. Магистръ однакожъ уклонялся отъ принесенія ленной присяги до тѣхъ поръ, пока въ Ольмюцѣ былъ заключенъ вѣчный миръ между Казиміромъ и Владиславомъ съ одной, а Матвѣемъ съ другой стороны (9 окт.). Такъ-то поступилъ глава ордена, не смотря на свои громкія заявленія—скорѣе выкупаться въ собственной крови, нежели унизиться до уступки.

Подобно Польшѣ, и Литвѣ не отрадно было отъ правленія Казиміра, который, вмѣсто того, чтобы примирить ее съ Польшею, двуличностію своего поведенія поддерживалъ постоянныя столкновенія. Безпечный и упрямый во всемъ, онъ не умѣлъ избѣгать и́хъ. Литовцы обвиняли Казиміра, неспособнаго справиться съ дѣлами двухъ обширныхъ государствъ, и потребовали на съѣздѣ въ Брестѣ литовскомъ (весною 1478) въ намѣстники одного изъ его сыновей. Король рѣшительно отказалъ, говоря, что пока живъ, не сдѣлаетъ ничего подобнаго. Отъ него не скрылось, что Литва, стремясь къ прерванію связей съ Польшею, желала имѣть особаго князя, чтобы легче достигнуть своей цѣли, а также не прочь была отвоевать Волынь и Подолію. Вскорѣ послѣ занятія Новгорода, Москвѣ подчинились и сѣверскіе князья. Они рѣшились на это подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія: одному изъ нихъ, желавшему пробиться въ королевскіе покои, при закрытіи дверей раздавили палецъ.

Заключеніе мира съ Матвѣемъ не прекратило волненій въ самой Польшѣ. Войско, не получая жалованья, вторгалось въ коро-

левскія и духовныя помѣстья и силою захватывало всякіе доходы. Разбои, грабежи, поджоги и всякаго рода беззаконія наемнаго войска сильно терзали страну. Тогдашній солдатъ служилъ тому, кто лучше заплатитъ, нерѣдко сражался подъ знаменами Матвѣя противъ собственнаго отечества и былъ весьма далекъ отъ сознанія гражданскихъ обязанностей. Это зло существовало тогда не только у поляковъ, но и во всей западной Европѣ. Наконецъ жалованье было уплочено и затѣмъ Польша нѣсколько лѣтъ наслаждалась миромъ. Только событія въ Валахіи заставили короля (лѣтомъ 1485) предпринять походъ въ западную Русь. Турецкій султанъ Баязетъ вторгнулся съ сильнымъ войскомъ въ Валахію, воевода Стефанъ молилъ о помощи и обѣщалъ присягнуть на вѣрность. Король собралъ въ Львовѣ 20 тысячное войско и перейдя Днѣстръ подъ Галичемъ, расположился лагеремъ подъ Коломіей. Здѣсь совершилъ Стефанъ ленную присягу. Казиміръ отрядилъ въ Валахію 3000 избраннаго рыцарства подъ начальствомъ Яна Карнковскаго. Султанъ вскорѣ увидѣлъ необходимость очистить Валахію.

Занявъ Каффу, Килію и Бѣлгродъ, турки подчинили себѣ татаръ, которые съ этихъ поръ начали вторгаться въ польскіе предѣлы не только для грабежей, но просто по приказанію султана. Западная Русь испытывала не себѣ безпрестанно всю тяжесть татарскихъ нашествій. Повинуясь общимъ требованіямъ всего земства, король долженъ былъ прибѣгнуть къ раціональнымъ мѣрамъ. Но вмѣсто того, чтобы заняться обороною восточныхъ границъ, онъ расточалъ средства и силы народа на иныя цѣли. Онъ послалъ своего сына Яна Ольбрахта (1489) съ придворными дружинами на защиту Подоліи уже тогда, когда часть этой области была обращена почти въ пустыню. Вѣсть о значительномъ набѣгѣ татаръ, которые забираютъ добычу и плѣнниковъ, заставила королевича начать преслѣдованіе. Настигнувъ татаръ подъ деревнею Копестржинемъ, онъ въ двухъ сраженіяхъ почти уничтожилъ ихъ 25 тысячное войско. Не смущаясь этимъ пораженіемъ, татары зимою вновь вторглись въ Подолію, но неожиданно были окружены со всѣхъ сторонъ и поплатились за свою дерзость 9 тысячами человѣкъ. О постоян-

ной оборонѣ границъ Казимiръ не помышлялъ, вполнѣ разсчитывая на союзъ, который заключилъ съ султаномъ его посланникъ Фирлей.

Со времени ольмюцскаго мира не было никакихъ столкновенiй съ Матвѣемъ венгерскимъ, хотя императоръ Фридрихъ, тревожимый войною съ нимъ, заключилъ союзъ съ Владиславомъ. Матвѣй овладѣлъ Ракузою и только по смерти его (1490) Фридрихъ вздохнулъ свободнѣе. Покойный король не оставилъ никакого потомства, кромѣ побочнаго сына Яна Корвина, и потому венгерцы приступили къ избранiю наслѣдника престола. Мнѣнiя присутствовавшихъ были различны. Одни хотѣли избрать чешскаго короля Владислава, другiе Яна Ольбрахта, побѣдителя татаръ, нѣкоторые же подали голоса въ пользу кто Яна Корвина, кто сына Фридриха, Максимилiана, тогда уже коронованнаго германскаго императора. Вдова Матвѣя, Беатриче влiянiемъ своимъ содѣйствовала избранiю Владислава, который, не медля, поспѣшилъ въ Буду.

Желая дать ходъ всѣмъ своимъ сыновьямъ, Казимiръ назначилъ венгерскую корону Яну Ольбрахту. Отправленное на избирательный съѣздъ въ Венгрiю посольство, горячо поддерживало планъ Казимiра. Обманутый въ своей надеждѣ избранiемъ Владислава, король рѣшилъ покончить это дѣло силою оружiя и для того послалъ въ Венгрiю Яна Ольбрахта съ 12,000 войска. Занявъ менѣе значительныя крѣпостцы, королевичъ осадилъ Кошице, куда поспѣшилъ на выручку Владиславъ. По истинѣ, оригинальная была эта борьба двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ встрѣчалъ поддержку въ отцѣ противъ другаго. Тщетно пытались варадинскiй и ольмюцскiй епископы отклонить Казимiра: оружiе должно было рѣшить эту борьбу. Венгерскiе магнаты успѣли вызвать перемирiе, въ продолженiе котораго предполагалось заключить окончательный миръ. Но Казимiръ, велѣлъ Ольбрахту не отказываться отъ предпрiятiя и обѣщалъ ему значительныя подкрѣпленiя отъ татаръ и изъ Литвы, куда вскорѣ отправился самъ.

По истеченiи перемирiя (въ началѣ 1491) Янъ Ольбрахтъ явился вновь подъ Кошицами, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженiи едва 4,000 чел. Какъ только Владиславъ подступилъ съ впятеро

сильнѣйшимъ войскомъ, завязался бой. Поляки, воодушевленные рѣчью своего вождя, мужественно бросились на противниковъ, но, не смотря на первоначальный успѣхъ, не могли устоять передъ превосходными силами. Побѣда не склонилась рѣшительно ни на одну сторону[1]). Желая остановить дальнѣйшее кровопролитіе, обѣ стороны заключили договоръ, по которому Янъ Ольбрахтъ получилъ значительную часть Силезіи, съ тою впрочемъ оговоркою, что занятые города и земли, тотчасъ по его вступленіи на какой либо престолъ, будутъ возвращены Владиславу.

Одновременно съ этими событіями, какой-то Муха возбудилъ волненіе въ крестьянскомъ людѣ въ галицкой Руси и собравъ частію въ Валахіи, частію въ Покуцѣ[2]) 10,000 вооруженныхъ людей, не на шутку угрожалъ нарушеніемъ общественнаго спокойствія. Противъ него выступилъ съ наемными дружинами Николай Ходецкій, разбилъ его и принудилъ бѣжать въ недоступныя горы. Вѣсть о кошицкомъ договорѣ и о безпорядкахъ въ галицкой Руси дошла до Казиміра въ Вильнѣ и побудила его поспѣшно возвратиться. Ему хотѣлось, во что бы то ни стало, посадить Яна Ольбрахта на венгерскій престолъ, но пріѣхавъ въ Гродно, онъ сильно занемогъ и здѣсь скончался, на 64 году жизни (7 іюня 1492). Его 45-ти лѣтнее царствованіе можно назвать счастливымъ въ томъ отношеніи, что въ это время Польша вновь пріобрѣла Поморье, хелминскую и михаловскую земли и еще нѣсколько уѣздовъ. Все это вмѣстѣ составило такъ называемую королевскую Пруссію, раздѣленную на

---

[1]) Венгерскіе источники дѣйствительно изображаютъ сраженіе подъ Кошицами нерѣшеннымъ, но за то упоминаютъ о какомъ-то другомъ походѣ въ Венгрію Яна Ольбрахта (въ ноябрѣ 1491). Согласно этимъ показаніямъ, Ольбрахтъ претерпѣлъ подъ Кошицами такое пораженіе, что едва спасся бѣгствомъ въ Прешовъ съ всадниками. Польскіе лѣтописцы, которые, сказать мимоходомъ, съ 1480, т. е. со смертію и окончаніемъ монументальнаго труда Длугоша, далеко отстали отъ своего великаго предшественника, разсказываютъ нѣкоторыя подробности о боѣ подъ Кошицами (въ началѣ 1491): какой то Крупскій, подавъ Ольбрахту саблю, спасъ ему жизнь; король Владиславъ заботился, будто бы, болѣе о жизни брата, нежели о побѣдѣ. За то эти лѣтописцы ни слова не говорятъ о ноябрскомъ походѣ. *Примѣч. перев.*

[2]) Покуцѣмъ назывался собственно коломыйскій уѣздъ въ русинскомъ воеводствѣ, между Карпатскими горами и Днѣстромъ. *Примѣч. перев.*

три воеводства. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что въ царствованіе Казиміра, вѣчно требовавшаго денегъ, безпрестанно дѣлавшаго уступки народу, выработалась форма представительнаго правленія. Правда всѣ льготы были исключительно удѣломъ земскаго сословія, которое овладѣвъ всею рѣчьюпосполитою, осудило всѣ прочіе слои населенія на тяжкое уничиженіе. Но не слѣдуетъ забывать, что въ XV столѣтіи привилегированныя сословія вездѣ думали лишь о собственныхъ выгодахъ, во вредъ обществу. Нельзя также ставить Казиміру въ собственную заслугу всѣ успѣхи, сдѣланные Польшею въ его царствованіе. Напротивъ того, онъ не умѣлъ пользоваться многими благопріятными обстоятельствами, а своимъ упрямствомъ, коварствомъ и безпечностію сдѣлалъ весьма много зла.

Тотчасъ же по смерти Казиміра, литовцы провозгласили великимъ княземъ его третьяго сына Александра, хотя въ городельскомъ трактатѣ прямо было сказано, что и поляки и литовцы будутъ выбирать себѣ великаго князя только съ общаго согласія. Въ Польшѣ также приступили къ выбору, на съѣздѣ въ Піотрковѣ (15 авг. 1492), но мнѣнія раздѣлились. Одни хотѣли возвести на престолъ Яна Ольбрахта, другіе желая разорвать союзъ Литвы съ Польшею, объявляли себя въ пользу Александра, наконецъ нѣкоторые указывали на Сигизмунда, какъ на самаго способнаго изъ братьевъ. Во главѣ партіи Сигизмунда находились коронный маршалъ Рафаилъ Ярославскій и Тенчинскіе. Гнѣзненскій архіепископъ Збигнѣвъ Олесницкій наружно тоже поддерживалъ Сигизмунда, но въ самомъ дѣлѣ желалъ короны для мазовецкаго князя Януша, подъ прикрытіемъ войска котораго и расположился лагеремъ вблизи города. Среди этихъ совѣщаній и споровъ явился въ Піотрковъ, съ значительнымъ отрядомъ наемныхъ войскъ, шестой сынъ Казиміра, краковскій епископъ Фридрихъ и принявъ на себя предсѣдательство, содѣйствовалъ избранію Яна Ольбрахта, котораго землевладѣльцы, внѣ совѣщательнаго круга (radne koło) единогласно превозгласили королемъ (27 авг.). Всѣ противники должны

были подчиниться и коронація совершилась мирно въ Краковѣ (23 сент.).

Послѣ коронаціи Янъ Ольбрахтъ отправился, въ сопровожденіи вооруженной свиты, въ Великопольшу, гдѣ принудилъ прусскаго магистра принести ленную присягу. Полагаясь почти во всемъ на мнѣнія своего бывшаго учителя Филиппа Калимаха, онъ хотѣлъ, слѣдуя его совѣту, освободиться, по возможности, отъ всякихъ ограниченій своей правительственной власти. Замѣтя къ чему ведетъ Калимахъ короля, землевладѣльцы до того возненавидѣли королевскаго наставника, что Янъ Ольбрахтъ былъ вынужденъ, подъ разными предлогами, удалять его нѣсколько разъ изъ Польши. Совѣты умнаго, но въ тоже время хитраго итальянца клонились къ тому, чтобы упрочить и усилить королевскую власть. Впрочемъ эти совѣты во многихъ случаяхъ могли быть весьма спасительны. Однакожъ, земское сословіе упорно отстаивало захваченныя однажды права. Такимъ образомъ, когда король съѣхавшись съ своими братьями въ Левочѣ (17 апр. 1494), заключилъ безъ вѣдома короннаго совѣта союзъ взаимной помощи противъ произвола подданныхъ, піотрковскій сеймъ ограничилъ права не-шляхтичей уставомъ, по которому мѣщанамъ не дозволяется владѣть поземельнымъ имуществомъ, а всѣ высшія духовныя должности должны исключительно быть заняты рыцарскимъ сословіемъ. Оба эти устава имѣли громадное значеніе, ибо лишали не-шляхту даже посредственнаго вліянія на дѣла правленія.

Союзъ Литвы съ Польшею поколебался на нѣкоторое время. Это вызвало очевидное разстройство въ обоихъ народахъ, чѣмъ отлично умѣлъ воспользоваться московскій царь Іоаннъ Васильевичъ III. Покоривъ татаръ и смиривъ Новгородъ, онъ первый началъ титуловать себя самодержцемъ всея Руси. На основаніи этого титула, онъ положилъ отнять у Литвы русскія земли; онъ могъ тѣмъ смѣлѣе разсчитывать на успѣхъ, что значительная часть послѣдователей восточной церкви, была крайне недовольна правленіемъ Александра, ревностнаго католика. Войска Іоанна безъ труда заняли Брянскъ, Стародубъ, Путивль и другіе города и только

одинъ Смоленскъ не хотѣлъ сдаться. Александръ вступилъ въ переговоры о мирѣ и достигъ своей цѣли, уступивъ значительное пространство края и признавъ Іоанна самодержцемъ всея Руси. Желая, къ тому же, оградить по возможности Литву отъ грозящей съ этой стороны опасности, онъ женился на дочери Іоанна, Еленѣ, причемъ долженъ былъ обѣщать, что позволитъ ей исполнять всѣ обряды греческой церкви. Не смотря на родство съ Іоанномъ, миръ былъ далеко не проченъ.

На упомянутомъ выше съѣздѣ въ Левочѣ между прочимъ рѣшено было: предпринять общій походъ противъ турокъ и изгнать Стефана изъ Валахіи, которую хотѣли, затѣмъ передать брату короля Сигизмунду. Но этотъ планъ не могъ тотчасъ же осуществиться, а отъ султана Баязета прибылъ (3 іюня 1494) въ Краковъ посолъ съ цѣлію продлить миръ, заключенный два года передъ тѣмъ. Въ бытность этого посла въ столицѣ, вспыхнулъ сильный пожаръ, уничтожившій значительную часть ея.

Народъ приписывалъ это несчастіе пребыванію турецкаго посла въ замкѣ, и король, по внушеніямъ своихъ усердныхъ подданныхъ, отпустилъ его съ отрицательномъ отвѣтомъ. Во время пожара наемное войско ограбило, безъ милосердія, краковскихъ евреевъ. Король велѣлъ имъ переѣхать въ Казмержъ и тамъ жить вмѣстѣ, тогда какъ прежде имъ дозволялось жить во всѣхъ частяхъ города.

Бездѣтная смерть (1495) князя Януша, которому Казиміръ отдалъ, въ видѣ лена, плоцкую землю, вызвала рѣшительное присоединеніе этой части Мазовіи къ Польшѣ. Варшавскій князь Конрадъ заявлялъ и теперь притязанія на плоцкую землю, но получилъ ее, на ленныхъ правахъ, только впослѣдствіи. За то Литва присвоила себѣ спорную часть Руси, пока Янъ Ольбрахтъ былъ занятъ установленіемъ, по плану Калимаха, самостоятельнаго правленія въ своемъ государствѣ. Эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ разсмотрѣнномъ періодѣ Польша развилась во всѣхъ отно-

шеніяхъ и въ концѣ этого періода заняла видное мѣсто въ Европѣ. Слитіе отдѣльныхъ частей въ одно цѣлое извлекло ее изъ того разслабленнаго состоянія, въ какомъ она находилась по смерти Болеслава кривоустаго. Занятіе галицкой Руси, присоединеніе Литвы и добровольный вѣчный союзъ съ Пруссіею расширили границы Польши во всѣ стороны. Расширеніе не сопровождалось вооруженными нашествіями и это именно обстоятельство составляетъ лучшую страницу польской исторіи. Вмѣстѣ съ расширеніемъ границъ, и въ предѣлахъ государства замѣтно было во всѣхъ отношеніяхъ движеніе по пути развитія. Просвѣщеніе достигло высокой степени, въ особенности, со времени основанія краковской академіи и Польша, можно сказать, изобиловала учеными по всѣмъ отраслямъ наукъ. Но если мы говоримъ о просвѣщеніи, то не слѣдуетъ его понимать въ нынѣшнемъ, а въ тогдашнемъ смыслѣ.

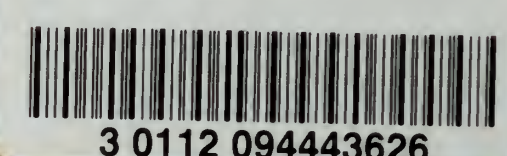
Собственно самыя важныя реформы совершились въ общественныхъ принципахъ и устройствѣ края. Наслѣдственность власти, поколебленная еще въ предъидущемъ періодѣ, теперь упала окончательно. Въ этомъ періодѣ въ жизнь государства вошло начало элекціи или избирательности королей и хотя обыкновенно престолъ доставался одному изъ сыновей покойнаго короля, тѣмъ не менѣе каждый долженъ былъ предварительно подчиниться выбору. Вновь избранный король присягою обязывался охранять права и льготы, и управлять государствомъ, согласно кореннымъ уставамъ. Наблюденіе за выполненіемъ условій было возложено на коронный совѣтъ, безъ согласія котораго король не имѣлъ права начинать войну, заключать союзъ или миръ, и наконецъ рѣшать какія бы то ни было общественныя дѣла. Совѣтъ пользовался также исключительнымъ правомъ разрѣшать налоги и объявлять всеобщее ополченіе рыцарства. Даже раздача должностей и почестей была въ точности выговорена уставами. Владиславъ Ягелло долженъ былъ сверхъ того отказаться отъ права подвергать аресту, лишенію имущества владѣющаго поземельною собственностію (neminem possesionatum) безъ предварительнаго судебнаго приговора. Но сперва въ провинціональныхъ и генеральныхъ съѣздахъ, а впослѣдствіи въ

сеймахъ, рыцарство выговорило себѣ право рѣшать вопросъ о налогахъ и всеобщемъ ополченіи, на что Казиміръ долженъ былъ дать свое согласіе въ Цереквицахъ и Корчинѣ. Эти съѣзды, созываемые въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, смотря по надобности правительства, получили своеобразный, рѣзкій характеръ только въ концѣ этого періода, когда было рѣшено составлять генеральный съѣздъ или сеймъ изъ коронныхъ совѣтовъ и земскихъ пословъ, а также выговорено, что король, безъ согласія сейма, не можетъ имѣть рѣшительнаго голоса въ дѣлахъ общественныхъ.

Всѣ подобныя реформы совершило, собственно, земское сословіе или шляхта, которая сама обезпечила за собою исключительное участіе въ правленіи. Это право, въ весьма ограниченномъ видѣ, сохранили еще за собою, на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе настоящаго періода, многіе города. Крестьянское же населеніе, подчиненное землевладѣльцамъ сошло на послѣднюю общественную ступень и потеряло всякую независимость, тогда какъ пользовалось ею отчасти еще во времена Казиміра. Землевладѣльцы, въ качествѣ первенствующаго сословія, сами сочиняли уставы и сами же были исполнителями этихъ уставовъ. Подчиненныя имъ сельскія общины, встрѣчая весьма слабую опору противъ злоупотребленій въ лицѣ своихъ солтысовъ (старостъ), должны были вступить въ совершенную зависимость, которая послужила началомъ крайняго угнетенія. Сверхъ того землевладѣльцы устранили по немногу и другіе классы жителей отъ высшихъ духовныхъ должностей, съ которыми было связано рѣшительное вліяніе на общественныя дѣла. Въ концѣ этого періода Польша содѣлалась уже шляхетско-общинною (szlachecko-gminowładną) рѣчьюпосполитою, съ избирательнымъ королемъ во главѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО



ГЕНРИХА ШМИТ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Цѣна 2 руб., пересылка за два фунта.

Въ типографіи **Владиміра Адамовича Рогальскаго и К°** (въ С.-Петербургѣ, по Могилевской улицѣ, въ домѣ Петрашевской) продаются слѣдующія книги:

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА, составилъ В. Спасовичъ. Выпускъ первый — цѣна 85 к.; выпускъ второй — 1 р. 30 к.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ, составилъ И. Спасскій. С.-Петербургъ 1864 г. Цѣна 1 р. 30 к. Пересылка за два фунта.

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ, составилъ Д. Семеновъ. Выпускъ первый — Сѣверный край и Финляндія. С.-Петербургъ 1864 г. Цѣна 70 к. Пересылка за два фунта.

Поступятъ въ продажу въ самомъ непродолжительномъ времени:

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Выпускъ второй.

ЮЖНЫЙ И ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ.

составилъ Д. Семеновъ.

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКАГО НАРОДА

ГЕНРИХА ШМИТТА.

Томъ второй.